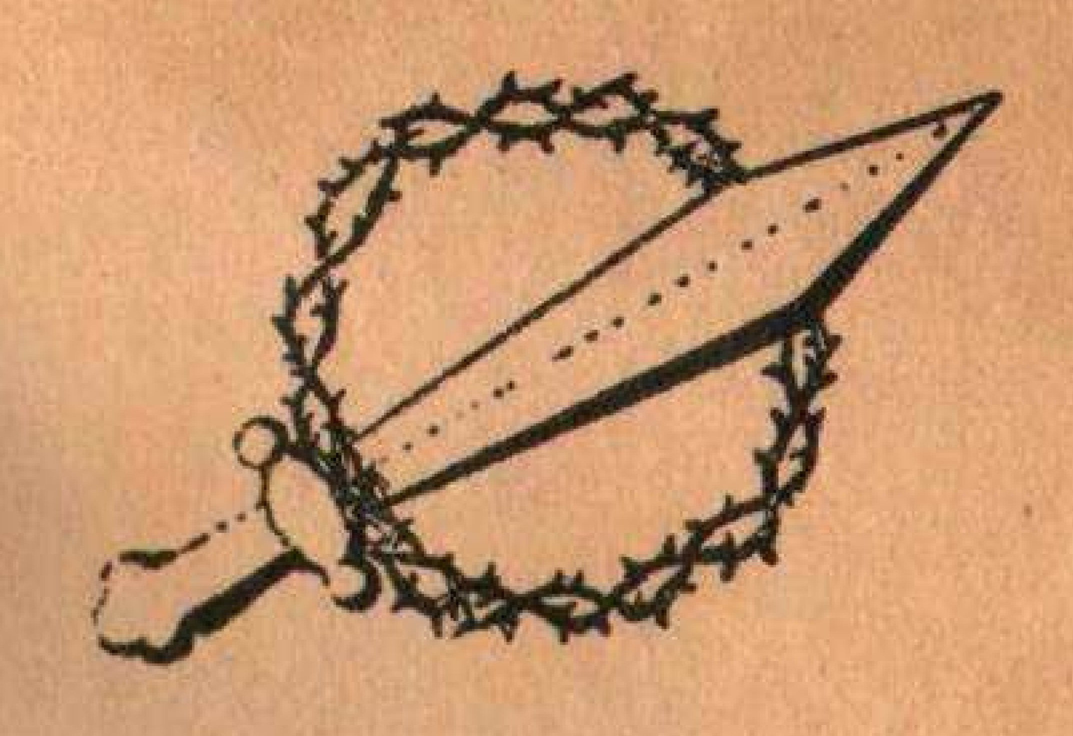
ГЕНЕРАЛЪ КУТЕПОВЪ

Хор. [illegible]

Генералъ Кутеповъ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗДАНІЕ КОМИТЕТА ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА
подъ предсѣдательствомъ ген. Миллера
въ составѣ членовъ: ген. Богаевскаго, ген. Витковскаго, ген. Головина, ген. Гулевича, полк. Зайцова, адмир. Кедрова, пор. Критскаго, ген. Лукомскаго, ген. Репьева, ген. Стогова, кн. Трубецкого, ген. Шатилова.

ПАРИЖЪ
1934

Генералъ Кутеповъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ воскресенье 26 января 1930 г. въ одиннадцатомъ часу утра генералъ Кутеповъ вышелъ изъ дому и направился пѣшкомъ въ Галлиполійское Собраніе, въ церковь.

Семья Кутепова ждала его къ завтраку. Александръ Павловичъ не пришелъ. Предположили, что онъ задержался въ Собраніи. Днемъ онъ долженъ былъ съ женой и сыномъ отправиться за-городъ, но пробило три часа, а его все нѣтъ. Обезпокоенная Лидія Давыдовна посылаетъ вѣрнаго денщика Федора въ Галлиполійское Собраніе узнать о причинахъ задержки генерала, и... черезъ часъ Федоръ возвращается и докладываетъ, что генералъ въ Галлиполійское Собраніе утромъ не приходилъ.

Ужасное предчувствіе, что съ Александромъ Павловичемъ случилось какое-то несчастіе, страшно взволновало Лидію Давыдовну. Несчастный случай? Преступленіе?

Вызванный Лидіей Давыдовной генералъ Стоговъ, начальникъ Военной Канцеляріи, поспѣшилъ къ ближайшему сотруднику Кутепова, полковнику Зайцову, въ надеждѣ узнать, гдѣ генералъ Кутеповъ. Полковникъ Зайцовъ, пораженный необъяснимымъ для него длительнымъ отсутствіемъ генерала, тотчасъ далъ знать объ этомъ въ префектуру. Полиція немедленно начала свои поиски генерала во всѣхъ госпиталяхъ, моргахъ, полицейскихъ участкахъ.

До поздней ночи поиски остаются тщетны. Объ исчезновеніи генерала Кутепова полиція предупреждаетъ пограничныя желѣзно-дорожныя станціи и настойчиво проситъ сотрудниковъ генерала хранить въ тайнѣ самый фактъ его исчезновенія въ теченіе ближайшихъ дней для того, чтобы имѣть возможно больше шансовъ напасть на слѣдъ...

Стало ясно, что генералъ Кутеповъ сталъ жертвой преступленія. Совершилось злодѣяніе, невѣроятное по своей дерзости. Среди бѣла дня на улицахъ Парижа, въ населенномъ кварталѣ, пропалъ человѣкъ,

хорошо извѣстный полиціи, которая съ цѣлью его охраны даже имѣла *нѣкоторое наблюденіе за нимъ. Исчезъ человѣкъ, котораго по его характерной фигурѣ и лицу знали хорошо жители этого квартала.* Былъ похищенъ человѣкъ смѣлый, сильный, неспособный сдаться безъ борьбы...

Весь слѣдующій день, вопреки мнѣнію тѣхъ немногихъ изъ насъ, которые были посвящены въ тайну, полиція продолжала требовать полнаго молчанія объ исчезновеніи генерала Кутепова. Но къ вечеру уже поползли по Парижу зловѣщіе слухи, шопотомъ передававшіеся отъ одного къ другому.

Прошелъ понедѣльникъ, и во вторникъ утромъ ужасная вѣсть облетѣла молніей всю русскую эмиграцію. Умъ не хотѣлъ вѣрить, что такое преступленіе могло совершиться; сердце не допускало возможности, что генерала Кутепова уже нѣтъ среди насъ, и тутъ же мысль переходила къ страшной загадкѣ — а гдѣ же онъ? Что сдѣлали съ нимъ преступники, рѣшившіе обезглавить Русскій Обще-Воинскій Союзъ, а вмѣстѣ съ нимъ и русскую эмиграцію?

Два дня загадка исчезновенія генерала Кутепова оставалась неразрѣшенной, и только на третій день слова случайнаго свидѣтеля, видѣвшаго изъ окна дома на той же улицѣ Русселэ, гдѣ проживалъ Александръ Павловичъ, что какіе-то люди предлагали сѣсть въ автомобиль человѣку, по внѣшности похожему на генерала Кутепова, какъ-то неохотно поддавшемуся ихъ уговорамъ, — дали, наконецъ, путеводную нить къ разгадкѣ.

Мгновенно прервалась тихая жизнь многихъ тысячъ русскихъ людей, какъ бы проснувшихся отъ сна и вдругъ понявшихъ, что не можетъ быть для русской эмиграціи мирнаго житія въ ожиданіи событій въ СССР, что начатая 13 лѣтъ тому назадъ борьба продолжается, что наши враги и угнетатели нашей Родины не дремлютъ, и жертвою ихъ палъ тотъ, въ рукахъ котораго сосредоточены были всѣ силы борьбы, тотъ, которому такъ вѣрили его соратники по упорной борьбѣ со злѣйшими врагами Россіи и русскаго народа.

Русская эмиграція закипѣла негодованіемъ, жаждою мести, желаніемъ принести какія угодно жертвы, лишь бы вырвать генерала Кутепова изъ рукъ преступниковъ... Образовался Комитетъ для сбора средствъ на розыскъ генерала Кутепова.

Частное разслѣдованіе въ теченіе многихъ мѣсяцевъ работало съ полнымъ напряженіемъ силъ въ помощь офиціальному французскому

слѣдствію, и за все это время широкой рѣкой текли въ Комитетъ пожертвованія со всѣхъ концовъ земли: и бѣдные и богатые несли свою лепту, ибо всѣ поняли, кого они лишились*); каждый лелѣялъ надежду, что Кутеповъ живъ, что его найдутъ, что онъ вернется къ намъ; не угасала и вѣра, что для французскаго правительства — вопросъ чести найти и покарать преступниковъ, покусившихся на того, кому Франція оказала гостепріимство. Увы, проходили дни, недѣли, мѣсяцы... Наше разслѣдованіе дало много цѣнныхъ указаній французскимъ властямъ, но... соображенія «дипломатической неприкосновенности» ставили препятствія передъ слѣдствіемъ. Слѣдствіе продолжается и понынѣ.

До сихъ поръ не дано намъ знать, что сталось съ генераломъ Кутеповымъ, но мы знаемъ, кого въ немъ потеряли, и хотимъ, чтобы это знали всѣ — и русскіе, разсѣянные по всему свѣту, и иностранцы, давшіе пріютъ русской эмиграціи.

Жестоко караетъ судьба русскій народъ, соблазненный большевиками. Велики его страданія и муки. Судьба безжалостно вырываетъ и изъ нашихъ рядовъ всѣхъ тѣхъ, кому эмиграція вѣрила, и кому могъ повѣрить русскій народъ. Не прошло и года со дня безвременной, въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, кончины Врангеля, какъ скончался Великій Князь Николай Николаевичъ, а черезъ годъ большевики похитили Кутепова...

На жизнеописаніи Кутепова наши дѣти и внуки будутъ учиться, какъ надо служить Отечеству. Кѣмъ бы ни былъ Кутеповъ — младшимъ ли офицеромъ въ мирное время и на войнѣ, командиромъ ли полка въ періодъ революціи и анархіи, командиромъ ли корпуса или командующимъ арміей въ гражданской войнѣ — онъ всегда и вездѣ являлъ собою образецъ офицера, начальника и вѣрнаго слуги Россіи. И какія бы повышенныя требованія ни предъявляла жизнь къ Кутепову, хотя бы въ области ему совершенно чуждой — не военной, — онъ всегда оказывался на высотѣ положенія. Чтобы быть достойнымъ служенія Родинѣ, онъ постоянно учился и совершенствовался.

По своей природѣ воинъ, Кутеповъ былъ выдающимся боевымъ начальникомъ и исключительнымъ воспитателемъ войскъ, что особенно ярко сказалось въ Галлиполи, но когда жизнь потребовала, онъ сталъ

---

*) Сборы въ Комитетъ по розыску генерала Кутепова достигли четырехсотъ тридцати тысячъ франковъ, изъ коихъ триста тридцать тысячъ были израсходованы на работу по розыску и разслѣдованію, а остальныя сто тысячъ были, согласно волѣ жертвователей, переданы Л. Д. Кутеповой на воспитаніе Павлика, сына генерала. Павликъ лишился своего отца всего пяти лѣтъ отъ роду.

и политикомъ. Онъ съумѣлъ завоевать довѣріе широкихъ общественныхъ круговъ эмиграціи. Онъ сближалъ русское Зарубежье съ тѣми русскими людьми, которые страдаютъ тамъ, «за чертополохомъ». Онъ призывалъ къ борьбѣ и боролся за освобожденіе Россіи... Во-истину, русская эмиграція потеряла въ немъ своего вождя, а русскій народъ своего будущаго освободителя.

Изъ этой книги и мы и наши потомки узнаютъ, кѣмъ былъ Кутеповъ, и кого въ немъ потеряла Россія.

Генералъ Миллеръ.

1 марта 1934 г.
Парижъ.

ОТДѢЛЪ I

Александръ Павловичъ Кутеповъ

Біографическій очеркъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Александръ Павловичъ Кутеповъ родился 16-го сентября 1882 года въ городѣ Череповцѣ Новгородской губерніи.

Отецъ Александра Павловича былъ лѣсничимъ, впослѣдствіи, при Столыпинской реформѣ, предсѣдателемъ Землеустроительной Комиссіи. Никто изъ ближайшихъ родственниковъ семьи Кутеповыхъ на военной службѣ не состоялъ, однако А. П. еще мальчикомъ почувствовалъ влеченіе къ военной службѣ. Его дѣтское воображеніе поразилъ Скобелевъ, и «Бѣлый Генералъ» сталъ для мальчика любимымъ героемъ.

— Я самъ такъ хотѣлъ быть военнымъ, — разсказывалъ А. П., — что первое и настоящее огорченіе я испыталъ, когда мои родители отдали меня въ гимназію, а не въ кадетскій корпусъ.

Поступилъ А. П. въ классическую гимназію гор. Архангельска.

Гимназистъ Кутеповъ считался первымъ силачомъ въ своемъ классѣ — отважнымъ и смѣлымъ.

Однажды, послѣ всенощной, воспитатель, выпускавшій гимназистовъ изъ церкви, для поддержанія порядка, по классамъ, отпустилъ малышей первоклассниковъ въ послѣднюю очередь.

Небольшими стайками въ своихъ сѣрыхъ шинелькахъ, сшитыхъ на ростъ до-пятъ, малыши заторопились домой. Шли по серединѣ улицъ, по глубокимъ снѣжнымъ траншеямъ, справа и слѣва — сугробы. Вдругъ въ одной изъ траншей сталкиваются съ двумя подгулявшими обывателями. Первый же гимназистикъ, попытавшійся проскочить между ними, по-

падаетъ имъ въ лапы и начинаетъ громко пищать. Остальные въ полномъ замѣшательствѣ отскакиваютъ назадъ.

— Ребята, впередъ, ура! — закричалъ Санька Кутеповъ, и онъ первымъ бросается на выручку товарища. Черезъ мгновеніе врагъ повержень и хрипло молитъ о пощадѣ у дубасящихъ его малышей. (1).

Гимназистъ Кутеповъ выдѣлялся среди сверстниковъ и своей подтянутостью. Всегда аккуратно одѣтъ и съ туго затянутымъ ремнемъ, хотя носить болтающійся поясной ремень считалось особымъ гимназическимъ шикомъ. Былъ настойчивый и съ характеромъ.

Чтобы развить въ себѣ волю, додумался до такого своеобразнаго пріема — приказывалъ будить себя по ночамъ, тщательно одѣвался и, борясь со сномъ, начиналъ шагать по комнатамъ или же выходилъ изъ дому и шелъ въ тѣ мѣста, которыя ему казались особенно страшными и жуткими.

Вскорѣ отца А. П. перевели въ гор. Холмогоры, и мальчика Кутепова отдали въ общежитіе при гимназіи.

Какъ-то изъ за тѣсноты въ общежитіи пришлось переселить часть малышей въ мезонинъ. Старшимъ у нихъ былъ назначенъ Кутеповъ, уже гимназистъ 3-го класса.

Сразу въ этомъ мезонинѣ былъ заведенъ порядокъ образцовый. Точно было указано время, когда можно шалить и подымать возню, но и въ точно положенный часъ въ мезонинѣ должна была наступать тишина. Когда отдавалось приказаніе — спать, все сразу стихало. Къ ослушникамъ Кутеповъ примѣнялъ мѣры воздѣйствія далеко не тѣ, которыя возложены на воспитателей, но плакать никто не смѣлъ, такъ какъ по горькому опыту многіе знали, что порядокъ и тишина будутъ быстро водворены самымъ рѣшительнымъ способомъ.

— Строгіе порядки у насъ были, — съ доброй улыбкой вспоминалъ одинъ изъ жильцовъ мезонина, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжавшій въ Парижъ.

Въ общежитіи при гимназіи Кутеповъ пробылъ до 4-го класса включительно, а потомъ переѣхалъ въ домъ одного своего гимназическаго пріятеля. Этотъ пріятель былъ сынъ богатой семьи и мальчикъ избалованный. Кутепова пригласили жить и въ качествѣ пріятеля и въ качествѣ воспитателя. Вліяніе крѣпыша-воспитателя быстро сказалось — онъ частенько «училъ» своего друга доброму поведенію и хорошимъ нравамъ.

Въ гимназіи Кутеповъ переходилъ изъ класса въ классъ и учился отлично, но страсть къ военной службѣ у него не пропадала, наоборотъ, росла и крѣпла.

На каникулахъ и въ свободное время онъ продолжалъ, какъ и въ дѣтствѣ, бѣгать на солдатскія ученія и подолгу оставаться въ казармахъ. Здѣсь онъ не только ко всему приглядывался, но и проходилъ всѣ солдатскія науки — ружейные пріемы, уставы.

Съ А. П. былъ и такой случай, вѣроятно единственный въ лѣтописяхъ всѣхъ гимназій.

Будучи въ 3-мъ классѣ, онъ разъ отпросился у отца на маневры. Отецъ, зная офицеровъ мѣстной воинской части и поговоривъ съ ними, отпустилъ своего мальчика, и 13-лѣтній гимназистъ, какъ исправный служака, продѣлалъ съ этой частью переходъ въ 72 версты и даже принялъ участіе въ бояхъ по взятіи города, указаннаго планомъ маневра.

— Мои родители, — вспоминалъ А. П., — сначала сильно безпокоились, чтобы я не огрубѣлъ среди солдатъ, но при мнѣ, ребенкѣ, солдаты были всегда сдержаны и деликатны, и я ничему худому отъ нихъ не научился.

Съ этихъ поръ и полюбилъ А. П. русскаго солдата. И за все время своей военной службы онъ никогда не позволилъ себѣ оскорбить солдата ни словомъ, ни дѣйствіемъ. И въ казармахъ и въ походахъ первая забота офицера Кутепова была о солдатѣ.

.. ..

14-ти лѣтъ Кутепова постигло тяжелое горе. Заболѣла его мать. Отецъ вызвалъ сына телеграммой, но своей матери бѣдный мальчикъ въ живыхъ не засталъ, она скончалась за нѣсколько минутъ до его пріѣзда. Умирала въ полномъ сознаніи и, чувствуя конецъ, благословила вмѣсто своего дорогого первенца — Сани — его портретъ.

Этотъ портретъ всю жизнь былъ святыней Александра Павловича...

Черезъ много лѣтъ другой его святыней, которую онъ всегда хранилъ у себя на груди подъ рубашкой, сталъ Георгіевскій крестъ со знамени Л.-Гв. Преображенскаго полка.

Есть легенда, что во время Русско-Турецкой кампаніи Императоръ Александръ II снялъ этотъ орденъ со своей шеи и привязалъ его ко знамени.

.. ..

Кутеповъ прекрасно выдержалъ экзамены въ 7-ой классъ. Окончаніе шести классовъ гимназіи давало для отбыванія воинской повинности права 1-го разряда.

Послѣ экзаменовъ А. П. пришелъ къ отцу и заявилъ о своемъ категорическомъ рѣшеніи стать военнымъ. Отецъ согласился. Немедленно А. П. вышелъ изъ гимназіи и черезъ мѣсяцъ былъ уже вольноопредѣляющимся стоявшей въ Архангельскѣ воинской части, а въ августѣ того же года былъ отправленъ въ С.-Петербургское юнкерское училище, впослѣдствіи переименованное во Владимірское военное училище, гдѣ онъ и былъ зачисленъ юнкеромъ рядового званія.

Это время какъ разъ совпало съ реформой юнкерскихъ училищъ. Они получили новую расширенную учебную программу и тѣмъ самымъ право выпускать не подпрапорщиковъ, какъ было раньше, а подпоручиковъ съ одинаковыми правами военныхъ училищъ. А. П., поступая въ юнкерское училище по окончаніи 6-ти, а не 8-ми классовъ гимназіи, разсчиталъ, что онъ выгадываетъ годъ, своимъ же предварительнымъ поступленіемъ въ вольноопредѣляющіеся получалъ возможность отправки въ училище на казенный счетъ.

Семья Кутеповыхъ была большая и небогатая.

II.

Началась военная служба А. П. Кутепова, его завѣтное желаніе исполнилось.

«Мой любимый и мой первый ученикъ во Владимірскомъ военномъ училищѣ, гдѣ я читалъ тактику, — вспоминалъ на 25-лѣтнемъ юбилеѣ своей ученой дѣятельности профессоръ генералъ Н. Н. Головинъ, — былъ фельдфебель Кутеповъ».

Въ фельдфебели Кутеповъ былъ произведенъ рѣдкимъ порядкомъ:

Великій Князь Константинъ Константиновичъ дѣлалъ строевой смотръ, и послѣ смотра младшій портупей-юнкеръ Кутеповъ, минуя чинъ старшаго портупей-юнкера, сталъ сразу фельдфебелемъ.

— Произведенъ былъ, — любилъ вспоминать А. П., — по-Екатеринински, черезъ чинъ.

Въ 1904 году Кутеповъ окончилъ юнкерское училище по 1-му разряду. Какъ фельдфебель, онъ имѣлъ право выбрать изо всего присланнаго списка офицерскихъ вакансій полкъ наиболѣе блестящій или наиболѣе удобный по своей стоянкѣ, но шла Русско-Японская война, и Кутеповъ остановилъ свой выборъ на 85-мъ пѣх. Выборгскомъ Его Императорскаго и Королевскаго Величества Императора Германскаго Короля Прусскаго Вильгельма II полку, отправленномъ въ Дѣйствующую армію.

Подпоручикъ Кутеповъ, догоняя полкъ, заѣхалъ проститься съ семьей.

Дома отслужили молебенъ, отецъ благословилъ сына, расцѣловался съ нимъ, но на прощанье ничего не сказалъ.

— Видимо крѣпится отецъ и не хочетъ меня разстраивать, — подумалъ А. П. и только черезъ нѣсколько дней, когда догналъ полкъ и сталъ надѣвать мундиръ, чтобы представиться по начальству, въ карманѣ нашелъ письмо отъ отца съ краткимъ завѣтомъ — «Будь всегда честнымъ, никогда у начальства не напрашивайся, а долгъ свой передъ Отечествомъ исполни до конца»...

Въ полку подпоручикъ Кутеповъ былъ назначенъ въ команду развѣдчиковъ.

Подпоручика Кутепова на фронтѣ хорошо помнитъ полковникъ Шеинъ.

Въ его воспоминаніяхъ подпоручикъ Кутеповъ рисуется не такимъ коренастымъ, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи, а болѣе худощавымъ, юношески подтянутымъ, съ небольшими усиками.

«Только глаза были тѣ же, но въ нихъ было меньше грусти, и часто вспыхивали искорки задора.

«Скромнаго, всегда по формѣ одѣтаго, подпоручика Кутепова трудно было уговорить выпить одну-двѣ рюмки водки, а о томъ, чтобы онъ игралъ въ карты — никто и не слыхалъ.

«На позиціяхъ приходилось наблюдать, съ какою увѣренностью онъ ходилъ по окопамъ, по ходамъ сообщеній и просто по тропинкамъ между ними. Онъ зналъ каждый бугорокъ, каждую промоину и канавку и чувствовалъ себя здѣсь, какъ у себя дома.

«Какъ правило, въ ночь, предшествующую развѣдкѣ цѣлой командой, А. П. производилъ таковую самъ съ однимъ или двумя изъ своихъ охотниковъ, тщательно подготовляя будущій успѣхъ, и, рискуя собою лично, онъ старался довести до минимума рискъ въ дѣйствіяхъ своихъ подчиненныхъ. Всѣ его ночныя развѣдки, а онѣ происходили чуть ли не 2-3 раза въ недѣлю, носили отпечатокъ тщательной подготовки, и потери команды были всегда очень незначительны». (2).

Во время одной такой предварительной развѣдки подпоручикъ Кутеповъ съ нѣсколькими охотниками незамѣтно подкрался къ японскому часовому, выставленному заставой въ 70-80 человѣкъ. Зазѣвавшійся часовой не успѣлъ вскрикнуть, какъ былъ сбитъ прикладомъ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ. Кутеповъ вскочилъ, крикнулъ — ура! — и бросился

впередъ со своими развѣдчиками. Японская застава, не ожидавшая нападенія, разбѣжалась. Пулеметы, бывшіе при заставѣ, и почти все ручное оружіе были трофеями подпоручика Кутепова.

За это дѣло какимъ-то образомъ высшую офицерскую награду получилъ не подпоручикъ Кутеповъ, а его непосредственный начальникъ, который даже не участвовалъ въ этой развѣдкѣ.

А. П. объ этомъ никому не говорилъ ни слова, но по окончаніи войны, когда онъ былъ уже въ Преображенскомъ полку, одинъ изъ офицеровъ Выборгскаго полка въ разговорѣ съ солдатами выяснилъ истинную картину лихой Кутеповской развѣдки. Немедленно было возбуждено дополнительное ходатайство о награжденіи подпоручика Кутепова орденомъ Св. Георгія, но это представленіе запоздало на 2-3 дня, такъ какъ за день до поступленія этого представленія въ высшую инстанцію послѣдовалъ Высочайшій указъ о прекращеніи дополнительныхъ награжденій за Японскую войну.

Однажды объ одной изъ своихъ развѣдокъ подпоручикъ Кутеповъ дѣлалъ докладъ въ присутствіи германскаго Принца, и былъ имъ награжденъ боевымъ орденомъ Германской Короны съ мечами и на лентѣ Желѣзнаго Креста.

Принцъ пріѣзжалъ въ Дѣйствующую армію, чтобы поблагодарить полкъ за принесенное поздравленіе своему шефу съ серебряной свадьбой.

На фронтѣ подпоручикъ Кутеповъ особенно сдружился тоже съ однимъ подпоручикомъ — Максимомъ Леви или голубоглазымъ Максомъ, какъ всѣ его называли. А. П. зналъ Макса еще юнкеромъ. Они вмѣстѣ учились, по одной дорогѣ ѣздили на каникулы, но боевая обстановка ихъ сблизила еще тѣснѣе.

Среди Манджурскихъ сопокъ, въ дни затишья, два молодыхъ друга веселились, какъ могли. Въ праздники оповѣщали г.г. офицеровъ, что у нихъ назначенъ балъ. Спѣшно къ нему готовились — сами варили пельмени, жарили пирожки съ мясомъ или вареньемъ, приглашали полковую музыку, и послѣ ужина около фанзы по утоптанной площадкѣ, расцвѣченной китайскими фонариками, кружились пары юныхъ офицеровъ.

А въ темные вечера разсказывали другъ другу о своихъ семьяхъ и мечтали. Максъ, временно замѣнявшій командира роты, говорилъ, что онъ съ такой доблестной ротой обязательно возьметъ непріятельскую батарею и получитъ Георгія.

Съ друзьями въ фанзѣ жили еще два подпоручика. Накануне Мукденскаго боя, кто-то спросилъ:

— Интересно, господа, кто изъ насъ выйдетъ невредимымъ изъ завтрашняго боя?

И всѣ *небрежно отвѣтили*, что *врядъ ли выйдутъ изъ этого боя не* поцарапанными. И не ошиблись, всѣ были «поцарапаны», только одинъ Максъ не угадалъ. Пулей въ високъ онъ былъ убитъ наповалъ.

Узналъ А. П. о смерти своего друга, спросилъ адресъ матери Макса и послалъ ей горькую вѣсть о гибели ея сына. Въ своемъ письмѣ онъ писалъ, какъ они жили вмѣстѣ съ Максомъ, какія устраивали вечеринки, гдѣ Максъ былъ душою общества, какимъ общимъ полковымъ любимцемъ былъ ея сынъ, и какъ всѣ наслаждались его пѣніемъ... Писалъ про мгновенную и безо всякихъ страданій его доблестную смерть, и что Мукденскій бой оказался для Макса первымъ и послѣднимъ. Написалъ и то, что узнавъ о смерти Макса, онъ не хотѣлъ этому вѣрить — «я тогда пережилъ знакомое мнѣ чувство. Оно было у меня, когда я неожиданно, еще гимназистомъ, узналъ о смерти матери».

Послѣ войны А. П. пріѣхалъ къ матери Макса, познакомился съ ней, сказалъ, что всѣхъ родныхъ Макса давно знаетъ со словъ своего друга и считаетъ ихъ себѣ близкими. Разсказывалъ о жизни Макса на войнѣ со всѣми подробностями, понимая, что каждая мелочь дорога для сердца матери. Передалъ ей горсть манджурской земли съ могилы сына и не забылъ даже сестренки Макса, привезъ ей въ подарокъ китайскія украшенія и отдалъ, конфузясь: «Максъ такъ любилъ Зиночку, самъ онъ не смогъ привезти, такъ я привезъ».

И съ тѣхъ поръ онъ постоянно заѣзжалъ въ Новгородъ къ семьѣ Макса, а однажды сказалъ г-жѣ Леви: «у васъ нѣтъ сына, а у меня нѣтъ матери».

«Такъ мало словъ и такъ много было въ нихъ вложено», — пишетъ г-жа Леви.

И куда бы судьба ни забрасывала Александра Павловича, всегда онъ помнитъ о матери своего убитаго друга и шлетъ ей письма. Ихъ цѣлая пачка. Первое письмо помѣчено — «Сторожевая сопка» — февраль 1905 года, а послѣднее — «Парижъ» — 23 января 1930 года.

И все то, что разсказали теперь эти пожелтѣвшіе отъ времени листки, исписанные рукою А. П., объ этомъ онъ молчалъ. Лишь однажды въ Парижѣ, когда ему самому взяться за перо былъ полный недосугъ, онъ обмолвился:

— Пожалуйста, отвѣтьте на это письмо. Посердечнѣе... Старушкѣ одной... Я ее давно знаю, и она почему-то меня очень любитъ, даже Шурикомъ называетъ.

. ...

Во время Японской войны подпоручикъ Кутеповъ былъ однажды командированъ въ Монголію за покупкой лошадей.

Съ небольшимъ отрядомъ онъ ѣхалъ по безкрайнымъ степямъ. Бывали стычки съ хунхузами. Въ одной изъ такихъ стычекъ убили лошадь подъ А. П. Въ другой стычкѣ хунхузъ наскочилъ на Кутепова, А. П. выхватилъ шашку и сразу выбилъ изъ рукъ хунхуза винтовку. Хунхузъ бросился съ ножомъ.

— Я мгновенно вспомнилъ шашечные пріемы въ училищѣ, — разсказывалъ А. П., — и ударилъ хунхуза по всѣмъ правиламъ... Но дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, пожалуй, самое непріятное дѣло.

Разсказывалъ А. П. и объ одномъ забавномъ случаѣ во время этого пути, о томъ, какъ одинъ солдатъ изъ отряда «поддѣлъ» его.

— Путь былъ далекій. Я очень берегъ лошадей. Казенное имущество, да и остаться безъ коня — гибель. Было установлено точно, когда и какъ кормить и поить лошадей. А одинъ солдатъ взялъ да и обкормилъ разгоряченную лошадь. Раздулся у нея животъ и пала. Накалился я страшно. Позвалъ солдата и только сквозь зубы сказалъ — отдамъ тебя подъ судъ. Ну, а солдаты уже знали, что слово мое твердо. Солдатишка этотъ всю дорогу старался попастся мнѣ на глаза и чѣмъ либо услужить, прямо осточертѣлъ, но я ему ни звука и не гляжу на него. Подъѣзжаемъ къ одной фанзѣ, хочу войти въ нее, а ужъ этотъ солдатъ вертится у меня подъ ногами, дверь что-ли хочетъ отворить. Я споткнулся и въ сердцахъ оттолкнулъ его. И толкнулъ то его легонько, а онъ возьми да и треснись о землю. Я и говорю — прости, братъ. Тутъ онъ вскакиваетъ, руку къ козырьку, грудь впередъ, да какъ гаркнетъ — покорнѣйше благодарю, Ваше Благородіе, что простили.

— Ну что же послѣ этого станешь дѣлать? — Простилъ. Поддѣлъ меня.

Командировку свою подпоручикъ Кутеповъ выполнилъ блестяще. Закупилъ лошадей, привелъ ихъ въ полномъ порядкѣ и еще сдалъ въ казначейство большую сумму денегъ противъ составленной интендантами смѣты.

III.

Кончилась Русско-Японская война.

Подпоручикъ Кутеповъ возвращался съ Дальняго Востока отдѣльно отъ полка. Своимъ полкомъ онъ былъ назначенъ въ особую команду. посланную въ Россію для обученія новобранцевъ. Такія же команды были

выдѣлены и другими полками. Ѣхали по Сибири, охваченной революціонными волненіями.

... ...

Прибывшіе *отряды* въ Петербургѣ представлялись Государю, и подпоручикъ Кутеповъ за боевыя отличія на фронтѣ лично изъ рукъ Государя получилъ орденъ Св. Владиміра съ мечами и бантомъ.

Въ скоромъ времени уже произведенный въ поручики Кутеповъ былъ прикомандированъ, а затѣмъ и переведенъ въ старѣйшій Петровскій полкъ — Лейбъ-Гвардіи Преображенскій — и за свои боевыя отличія былъ переведенъ въ томъ же чинѣ и съ тѣмъ же старшинствомъ.

Поручикъ Кутеповъ былъ назначенъ въ учебную команду. Отвѣтственная и трудная работа — въ короткій срокъ надо было создавать младшихъ полковыхъ начальниковъ.

Непрерывно въ теченіе 8-ми лѣтъ, въ промежуткѣ которыхъ А. П. на законномъ основаніи прокомандовалъ и ротой, онъ отливалъ изъ молодыхъ солдатъ своихъ Преображенцевъ.

«Наша полковая учебная команда, — свидѣтельствуютъ сослуживцы А. П., — была образцомъ и примѣромъ для частей всего Петербургскаго Военнаго Округа».

Когда эта команда подъ начальствомъ Кутепова со штыками въ одну линію печатала шагъ по торцовымъ мостовымъ Петербурга, въ груди у толпившихся зрителей, при видѣ такихъ молодцовъ на подборъ, подымалась радостная гордость.

Однажды учебная команда Преображенцевъ была послана на заводъ, гдѣ происходили серьезные безпорядки.

Кутеповъ отдалъ приказъ — какъ можно отчетливѣе выполнять его команды.

Отбивая шагъ, отрядъ подошелъ къ заводу.

— Команда, стой!

Два громкихъ всплеска, и внезапно наступившую тишину сталъ хлестать отрывистый властный голосъ.

— Налѣ-во!

— На первый второй разсчитайсь!

Сухіе пистолетные выстрѣлы прокатились по рядамъ — первый-второй, первый-второй...

— Ряды вздвой!

И за каждой новой командой, ритмичные выдохи мощнаго тѣла, точно паровоза подъ парами.

Послѣдняя команда — равняйсь, смирно! — и напряженная сила замерла передъ заводомъ.

Это короткое ученіе было выразительно. Безпорядки кончились. Отрядъ ушелъ безъ единаго ареста, безъ единаго выстрѣла.

Непрерывный токъ между командиромъ и подчиненными, между волей и точнымъ безпрекословнымъ ея выполненіемъ, возникаетъ лишь при наличіи извѣстныхъ условій — при дисциплинѣ и духовной связи.

Дисциплинѣ А. П. придавалъ огромное значеніе.

— При внѣшней дисциплинированности создается и внутренняя выдержка, а ея то больше всего не хватаетъ у русскаго человѣка при всей его талантливости, — часто говорилъ А. П.

Но чтобы имѣть не только формальное, но и нравственное право предъявлять требованія къ своимъ подчиненнымъ, А. П. прежде всего былъ требователенъ къ самому себѣ. Неустанно работалъ надъ собою, обуздывалъ свою страстную натуру и всегда держалъ себя въ рукахъ. Продолжалъ, какъ въ дѣтствѣ, вставать по ночамъ и переламывать свой сонъ, но шелъ теперь въ казармы. Тамъ можно было увидѣть его въ самый неожиданный часъ.

Молодыхъ солдатъ къ своей суровой дисциплинѣ пріучалъ постепенно.

Сначала добросовѣстно и по многу разъ объяснялъ каждому все, что отъ него требуется по службѣ. Совершенно спокойно и просто указывалъ на всѣ совершенныя погрѣшности, затѣмъ начиналъ предупреждать, что послѣ опредѣленнаго времени онъ уже будетъ налагать взысканія за малѣйшую оплошность, за малѣйшую неточность. И когда наступалъ этотъ срокъ, А. П. былъ безпощаденъ. Не такъ приложилъ руку къ козырьку — столько-то часовъ подъ ружье, не такъ надѣтъ поясъ, не такъ повернулся, не такъ отвѣтилъ — столько-то часовъ или нарядовъ внѣ очереди. За каждую провинность — соотвѣтствующее дисциплинарное взысканіе и никогда никакого снисхожденія.

Между вольноопредѣляющимися и солдатами не дѣлалъ никакой разницы. И къ тѣмъ и къ другимъ предъявлялъ одинаковыя требованія. Если солдату полагалось являться на квартиру начальства черезъ черный ходъ, то и вольноопредѣляющагося, пришедшаго по дѣламъ службы

и позвонившаго въ парадную дверь, А. П. попросту отправлялъ на черный ходъ.

— Былъ у меня разъ вольноопредѣляющійся, правовѣдъ, настоящій маменькинъ сынокъ, — разсказывалъ А. П., — а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приходитъ его же матушка, благодаритъ и говоритъ — узнать моего сына нельзя.

Въ своей командѣ А. П. установилъ обычай — съ каждаго новобранца снимать фотографическую карточку.

— Вотъ какъ-нибудь и покажешь ее своему молодцу, — говорилъ А. П., — посмотри, молъ, каковъ ты былъ.

— Посмотритъ на свой портретъ мой гвардеецъ, увидитъ, что и ступни то у него внутрь, и животомъ стоитъ впередъ, ухмыльнется и скажетъ — ну и деревня же, Ваше Высокоблагородіе.

Упорно добиваясь въ своей командѣ образцовой выправки, знаній и полной дисциплины, А. П. вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не унижалъ въ солдатѣ его человѣческаго достоинства. Того же требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ.

— Но былъ у меня старый заслуженный унтеръ-офицеръ и любилъ онъ ткнуть кулакомъ солдата, — разсказывалъ А. П. — Вызвалъ я его къ себѣ и говорю, чтобы онъ рукамъ воли больше не давалъ. Солдатъ, говорю, и по Уставу званіе почетное, и надо съ уваженіемъ относиться *къ этому званію. Унтеръ-офицеръ мнѣ — такъ точно, Ваше Высокоблагородіе*, слушаюсь.

— Такъ что же сталъ дѣлать этотъ унтеръ?

— Идетъ солдатъ въ отпускъ. Является къ своему унтеру. Тотъ его оглядываетъ съ головы до ногъ, все ли, какъ полагается, пригнано, все ли въ порядкѣ, и вдругъ видитъ, что сапоги плохо начищены.

— Что же, говоритъ, сапогъ не вычистилъ? Лейбъ-Гвардіи Пре*ображенецъ, а съ грязными сапогами по городу! Спинку свою натрудить* побоялся... Ну что же, я, старый унтеръ-офицеръ, почищу тебѣ молодому солдату. Клади ногу на скамью... Клади приказываю тебѣ.

— Беретъ унтеръ-офицеръ сапожную щетку и начинаетъ, что изъ силъ, начищать сапогъ, а локтемъ то все время въ бокъ или куда попало.

— Засталъ я разъ такую картину и говорю — ты бы полегче чистилъ сапоги, а онъ мнѣ въ отвѣтъ — никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, потому какъ *солдатъ есть званіе почетное и оно даже на первыхъ* генералахъ, то и равняйся на нихъ, а у ихъ превосходительствъ сапоги завсегда блестятъ.

Между солдатами и А. П. очень быстро устанавливалось и духовное сближеніе. Въ немъ они видѣли не только строгаго командира.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ А. П. водилъ своихъ солдатъ въ театры, музеи, картинныя галлереи, показывалъ всѣ достопримѣчательности столицы, разсказывалъ и объяснялъ все, что смотрѣли. Тщательно подготавливался къ этимъ прогулкамъ.

По установившейся традиціи Преображенскаго полка офицеры ходили на солдатскія вечеринки. Обязательно бывалъ на нихъ и А. П. — Тамъ онъ танцовалъ и весело ухаживалъ за солдатскими дамами.

Такимъ образомъ создавалась тѣсная полковая семья.Духовная связь съ этой семьей не порывалась у солдата и послѣ его ухода въ запасъ. Каждый зналъ, что въ случаѣ нужды напишетъ своему командиру, и тотъ его вызволитъ.

Сплоченной братской семьей въ Преображенскомъ полку жили и офицеры — внѣ зависимости отъ чина и возраста почти всѣ были другъ съ другомъ «на ты».

А. П. слылъ въ полку, какъ самый строгій и «отчетливый» офицеръ.

«Мы, молодые подпоручики, — вспоминаютъ до сихъ поръ сослуживцы А. П., — невольно подтягивались и съ волненіемъ являлись съ визитомъ къ штабсъ-капитану Кутепову по случаю своего производства въ офицеры полка».

Своихъ офицеровъ, совершившихъ какую-нибудь оплошность, А. П. всегда встрѣчалъ словами — эхъ, Федора Ивановна!

— Но однажды, — разсказывалъ А. П., — здорово меня разыграли за эту мою привычку.

— Какъ-то утромъ, у себя на квартирѣ въ Петербургѣ, слышу звонокъ. Являются офицеры и преподносятъ мнѣ именинный пирогъ.

— Я удивился. — Въ чемъ дѣло?

— А мнѣ говорятъ — сегодня день празднества Св. Феодоры, такъ вотъ — поздравляемъ.

— Но я, — добавилъ А. П., — не растерялся и попросилъ всѣхъ Федоръ Ивановнъ откушать имениннаго пирога.

— Не растерялись и г.г. офицеры. Всѣ, какъ одинъ, сѣли за столъ, и отъ пирога ничего не осталось.

Послѣдніе годы въ Петербургѣ не легко приходилось А. П. — Въ 1912 г. умеръ его отецъ, и на рукахъ А. П. остались двѣ сестры и два брата. Ихъ надо было воспитывать и дать имъ возможность получить высшее образованіе.

Подросшая сестра поступила на Высшіе Женскіе Курсы, средній братъ, окончивъ гимназію, поступилъ въ С.-Петербургское военное училище, а младшій пошелъ въ университетъ.

Трогательная забота о своихъ доходила у А. П. до того, что онъ съ младшимъ братомъ вмѣстѣ подготавливался къ экзаменамъ по университетскимъ лекціямъ...

Любилъ только А. П. въ гостяхъ у сестеръ, въ компаніи студентовъ и курсистокъ, поддразнивать ихъ своимъ «черносотенствомъ».

Братья прекрасно закончили свое образованіе, а сестра была даже оставлена при курсахъ.

Себѣ А. П. во всемъ отказывалъ, но никто не могъ бы подумать при видѣ его въ первыхъ рядахъ театра или въ блестящемъ обществѣ, что этотъ гвардейскій офицеръ дома живетъ спартанцемъ.

IV.

Началась Великая война.

По мобилизаціонному плану учебная команда Преображенскаго полка была расформирована. Ея начальникъ — штабсъ-капитанъ Кутеповъ — долженъ былъ остаться при запасномъ батальонѣ, но онъ настоялъ на своемъ отправленіи на фронтъ, и 1-го августа 1914 г. А. П. вмѣстѣ съ Преображенскимъ полкомъ выступилъ въ походъ командиромъ 4-й роты.

20-го августа Преображенскій полкъ входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ непріятелемъ. Имѣя въ головномъ отрядѣ 3-ью и 4-ую роты, полкъ развертывается у селенія Владиславово (къ юго-западу отъ гор. Люблина) и вступаетъ въ бой. Своей стремительной атакой Преображенцы не только останавливаютъ побѣдоносное до этого дня наступленіе австрійцевъ, но и вынуждаютъ ихъ къ поспѣшному отступленію.

Въ этомъ бою А. П. былъ раненъ ружейною пулей въ лѣвую ногу съ раздробленіемъ кости. Онъ упалъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ непріятель перешелъ въ контръ-атаку. А. П. попытался подняться и не смогъ. Непріятельская цѣпь приближалась. — А. П. выхватилъ револьверъ, онъ не допускалъ мысли о своемъ плѣнѣ. Это увидѣли лежащіе неподалеку его тоже израненные солдаты. Они быстро подползли къ своему командиру и, сами истекая кровью, вынесли его на рукахъ.

Въ ноябрѣ того же года А. П. вернулся въ полкъ, а въ мартѣ 1915 года онъ былъ вторично раненъ, на этотъ разъ осколкомъ гранаты въ правую ногу.

Черезъ нѣсколько недѣль А. П. снова на фронтѣ. Въ это время Гвардейскій корпусъ былъ переброшенъ по желѣзной дорогѣ въ раіонъ Холма, гдѣ шли упорные бои при нашемъ отступленіи съ Карпатъ. Подъ селеніемъ Красноставъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ сталкивается съ германской гвардіей, съ которой и ведетъ послѣдующіе бои.

27-го іюля у дер. Петрилово Ломжинской губ. разражается сильный бой. Противникъ сосредоточеннымъ огнемъ тяжелыхъ батарей обрушивается на 3-ью роту Преображенцевъ. Отъ всей роты остается одинъ взводъ. Командиръ роты — капитанъ Комаровъ — тяжело раненъ. Германцы пошли въ атаку и начали охватывать лѣвый флангъ Преображенцевъ. Тогда капитанъ Кутеповъ, стоявшій со своей 4-ой ротой въ батальонномъ резервѣ, по собственной инниціативѣ бросается въ контръатаку, отбрасываетъ нѣмцевъ и возстанавливаетъ положеніе на этомъ участкѣ.

Къ концу боя А. П. падаетъ со рваной раной въ лѣвомъ паху.

Къ нему подбѣгаютъ санитары, кладутъ его на носилки, но онъ приказываетъ не выносить себя изъ боя. Въ сосѣднихъ окопахъ сидѣлъ еще не выбитый врагъ. Приходилось штыками защищать свою позицію, и, лежа на носилкахъ, А. П. продолжаетъ вести командованіе и поддерживать боевой духъ своихъ солдатъ.

За этотъ бой капитанъ Кутеповъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія.

Бой подъ дер. Петрилово А. П. какъ-то вспоминалъ въ связи съ начавшимся разговоромъ о страхѣ на войнѣ.

— Я, какъ и всѣ, въ бою испытывалъ страхъ, — передавалъ онъ. — Но два случая мнѣ особенно памятны — одинъ, когда я не ощущалъ ни малѣйшаго страха и другой, когда, наоборотъ, страхъ овладѣлъ мною совершенно.

— Въ дѣлѣ у д. Петрилово подъ Влодавой въ 1915 г. я, — разсказывалъ А. П., — командуя ротой Преображенцевъ и замѣтивъ, что нѣмцы по одиночкѣ и небольшими пачками пробираются къ мѣсту смычки лѣваго фланга съ правымъ флангомъ XIV корпуса и уже оказались слѣва и нѣсколько въ тылу нашего батальона, по собственной инициативѣ бросился туда съ ротой... Нѣмцы были опрокинуты. Несмотря на серьезность положенія и большія потери — въ этотъ день онѣ дошли до 70 процентовъ состава — я страха не испытывалъ.

— А вотъ, во время Японской войны, былъ со мною такой случай, — продолжалъ А. П.

— Я имѣлъ подъ своей командой развѣдчиковъ Выборгскаго полка и въ бою подъ Фучуномъ находился на лѣвомъ флангѣ сибирскихъ стрѣлковъ. Атаковавъ партію японцевъ, вѣроятно тоже развѣдчиковъ, и отбросивъ ихъ до перевала на 800-900 шаговъ, я, чтобы занять прежнее положеніе, долженъ былъ съ людьми взбираться на холмъ съ довольно крутыми скатами. Приближаясь къ нему и проходя такимъ образомъ полосою, по которой отступилъ отогнанный противникъ, я обратилъ вниманіе на медаль на груди убитаго японца. Устроивъ людей на холмѣ и сдѣлавъ перевязку раненому въ голову своему солдату, спустился къ убитому и разсмотрѣлъ медаль, оказавшуюся полученной за Китайскій походъ.

— Возвращаюсь на холмъ. Подошвы на моихъ сапогахъ отъ травы сдѣлались скользкими, и я нѣсколько разъ скатывался внизъ.

— Японцы замѣтили меня, открыли огонь, и пули стали ложиться около меня со всѣхъ сторонъ... Вспомнилась мнѣ рана, которую я только что перевязалъ, и страхъ обуялъ меня до потери сознанія, до обморочнаго состоянія... И я уже не помню, какъ добрался до мѣста. Пришелъ въ себя, когда мнѣ дали воды.

Ген.-отъ-инф. П. Д. Ольховскій, передавшій этотъ разсказъ А. П., считаетъ его весьма цѣннымъ для военной психологіи —

«Сильнѣйшій страхъ овладѣлъ Кутеповымъ, извѣстнымъ своею волей и твердостью, въ то время, когда онъ уходилъ отъ опасности, а не приближался къ ней, не шелъ ей навстрѣчу». (3).

Поправившись отъ своей тяжелой раны, А. П. немедленно ѣдетъ на фронтъ.

Въ Преображенскомъ полку А. П. послѣ 4-ой роты послѣдовательно командуетъ ротой Его Величества, а затѣмъ 2-мъ батальономъ.

Лѣтомъ 1916 г. Преображенскій полкъ на рѣкѣ Стоходѣ, столь памятномъ и сибирякамъ, когда во время Брусиловскаго наступленія Стоходъ былъ центромъ, отъ котораго по радіусу развивалось наше побѣдоносное продвиженіе. Чтобы остановить этотъ натискъ и выйти въ тылъ русскимъ, нѣмцы сосредоточили на Стоходѣ ударную группу баварцевъ съ легкой и тяжелой артиллеріей. Сибирякамъ былъ отданъ приказъ — удержать свой фронтъ во чтобы то ни стало.

Позиціи сибиряковъ растянулись среди болотъ, прерываемыхъ небольшими перелѣсками и одиноко стоящими дубами. Впереди — заросшій осокой неподвижный со многими рукавами Стоходъ. Непріятельскіе окопы за Стоходомъ на высокомъ берегу, а на изломахъ рѣки выходятъ за нее и прячутся въ крупныхъ дубовыхъ перелѣскахъ.

Застывшія на небосклонѣ висятъ сѣрыя колбасы, а надъ головою, точно коршуны надъ добычей, кружатся аэропланы съ чернымъ крестомъ на крыльяхъ и, выпуская струйки дыма, корректируютъ стрѣльбу германскихъ батарей.

Вслѣдъ за вихремъ снарядовъ атаки германскихъ цѣпей, иногда до семи цѣпей подрядъ.

Послѣ одиннадцати-дневныхъ боевъ съ непрерывно отбиваемыми атаками отъ 6-й Сибирской стрѣлковой дивизіи, пополненной, когда она стояла въ резервѣ, до 20-ти тысячъ штыковъ, осталось всего около двухъ тысячъ.

Сибиряковъ смѣнила гвардія.

Въ бою 7-го сентября капитанъ Кутеповъ атакуетъ нѣмцевъ и на ихъ плечахъ захватываетъ лѣсъ на Стоходѣ — «Свинюхи».

Противникъ тотчасъ сосредотачиваетъ артиллерійскій огонь по лѣсу.

Въ теченіе двухъ сутокъ капитанъ Кутеповъ защищаетъ лѣсъ.

Бой въ лѣсу страшнѣе, чѣмъ въ открытомъ полѣ. Громъ и грохотъ снарядовъ грознѣе. Деревья трещатъ, ломаются, выворачиваются съ корнями.

Капитанъ Кутеповъ въ лѣсу находился въ центрѣ расположенія своего батальона, куда противникъ билъ всего сильнѣе.

Время отъ времени А. П. видитъ, какъ изъ окоповъ выскакиваютъ по одиночкѣ солдаты и мчатся къ нему.

— Тебѣ что? — спрашиваетъ А. П.

— Такъ что поглядѣть, живы ли вы, Ваше Высокоблагородіе.

— Живъ, — отвѣчалъ А. П., и успокоенные солдаты бѣжали обратно.

Во многихъ другихъ бояхъ въ роту А. П. прибѣгали солдаты изъ сосѣднихъ полковъ и спрашивали — здѣсь ли черный капитанъ?

— Коли здѣсь черный капитанъ, — говорили они, — наши спокойны, германъ ихъ не обойдетъ.

Вотъ это спокойствіе и увѣренность, которыя А. П. во время боя вселялъ своимъ солдатамъ, поразительны.

Бои на фронтѣ... Они казались дѣломъ не человѣческихъ рукъ.

Торопливое стрекотаніе пулеметовъ. Сухой трескъ ружейныхъ залповъ.

Рѣзкій свистъ стаи за стаей легкихъ гранатъ.

Капитанъ Кутеповъ

Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка

На небѣ — смертоносная пляска бѣлыхъ и розовыхъ облачковъ отъ рвущейся шрапнели, внезапные раскаты черныхъ свившихся клубковъ изъ гранатъ двойного взрыва. *).

Неотвратимый, наростающій съ каждымъ мгновеніемъ грохотъ тяжелыхъ снарядовъ, рывками катящихся поверху прямо навстрѣчу.

Земля, содрагаясь, извергаетъ столбы дыма съ огненными языками.

Въ сѣрой мглѣ воютъ осколки на всѣ голоса.

Человѣческій духъ никнетъ, мускулы тѣла разслабляются.

Да людей и не видно.

Безлюдно...

И въ такихъ бояхъ сумѣть противопоставить грозной разбушевавшейся стихіи силу своего духа и есть ратный подвигъ начальника.

При напряженной опасности солдатамъ въ своемъ начальникѣ не надо видѣть «безумства храбрыхъ», храбростью на войнѣ не удивишь. Имъ надо чувствовать за собою твердую руку, которая оберегаетъ ихъ отъ напрасныхъ потерь, и спокойный глазъ, который неустанно слѣдитъ за боемъ. — И когда такой начальникъ вдругъ скомандуетъ — въ атаку! — и горны подхватятъ тревожный сигналъ, — это значитъ, что наступилъ рѣшительный моментъ, когда только порывъ впередъ смететъ врага и дастъ побѣду, а съ нею жизнь.

Въ такіе моменты и бросалъ къ побѣдамъ своихъ Преображенцевъ ихъ Черный Капитанъ.

Издали глубоко въ тылъ неслись волнующіе крики — кавалерію... кавалерію впередъ...

За бой 7-8 сентября 1916 г. капитанъ Кутеповъ получилъ Георгіевское оружіе и производство въ полковники.

V.

Надвинулся роковой для Россіи 1917 годъ.

Войска на фронтѣ продолжали жить въ своей привычной боевой обстановкѣ: перестрѣлки, поиски развѣдчиковъ, небольшіе бои для выравн-

---

*) Такъ называемая «граната двойного дѣйствія», которая сначала разрывается въ воздухѣ, какъ шрапнельный снарядъ, а потомъ, при ударѣ о землю, взрывается на осколки.

ненія фронта, иногда переброски на новыя мѣста, но «настоящей войны» не было.

Днемъ дѣловая жизнь, а лишь смеркнется, полная беззаботность. Не исчезала только постоянная настороженность, но она стала такой же привычной, какъ у каждаго звѣря на волѣ, — малѣйшій шорохъ, и ухо насторожѣ. Въ тылу это новое шестое чувство пропадало.

Прочно закрѣпились на своихъ позиціяхъ. Каждый день подвозили вооруженіе.

Тяжелое отступленіе со своими замолкнувшими пушками осталось въ прошломъ.

Вспоминались безконечныя вереницы телѣгъ, нагруженныхъ деревенскимъ скарбомъ. На своихъ сундукахъ бабы съ ребятами. За ними, привязанныя за рога къ задкамъ повозокъ, мотая головой и упираясь, переступали коровы. Шарахались между ногъ испуганныя овцы. По обочинамъ дороги шли мужики съ кнутовищами въ рукахъ.

Со скрипомъ, тревожнымъ мычаніемъ, блеяніемъ и дѣтскимъ плачемъ медленно двигались деревни на колесахъ, и полная безысходность была въ согнутыхъ спинахъ у сидящихъ передъ павшей лошадью, выброшенной вмѣстѣ съ телѣгой изъ общаго потока.

Наскоро сколоченные бѣлые кресты на свѣжихъ холмикахъ указывали путь исхода деревни отъ вражескаго нашествія.

А позади этихъ вереницъ отрывались отъ непріятеля наши войска.

По ночамъ, при заревѣ пожаровъ, подъ раскаты взрываемыхъ мостовъ и складовъ, полки и батареи съ опущенными пушками проходили по вымершимъ деревнямъ. Только у одиночныхъ съ мерцающими окошками хатъ стояли въ бѣлыхъ свиткахъ сѣдые старики, опираясь на палки, и тревожно взывали — люди добрые, совѣтуйте, что дѣлать намъ старикамъ...

Понуро и молча шли мимо войска.

Было мучительно стыдно, что не отстояли родной земли...

Но все это было въ прошломъ. Теперь артиллерія была завалена снарядами. Каждый день пристрѣлки. А если у непріятеля гдѣ-нибудь въ окопахъ начиналось малѣйшее движеніе, сразу по этому мѣсту гремѣли и прыгали наши снаряды.

Въ восхищеніи вскакивала наша пѣхота, и несся одобрительный гулъ — здорово кроютъ, ну и молодцы наши ребята, такъ ихъ за ногу...

Обозленный противникъ открывалъ огонь изъ своихъ батарей. Зрители быстро скатывались въ окопы.

Огонь подхватывали сосѣднія батареи, и разгоралась артиллерійская дуэль.

Дуэль по окопамъ пѣхоты.

Начинали пищать и гудѣть полевые телефоны.

Изъ полка кричали — будетъ вамъ, прекратите огонь! У насъ уже есть потери.

Въ штабахъ волновались — въ чемъ дѣло, что у васъ на участкѣ?

Однажды получили озорной отвѣтъ: Ваше Превосходительство, въ 1914 году Германія объявила войну Россіи, такъ вотъ мы и воюемъ.

Изъ тыла ползли тревожные слухи.

Въ долгія ночи въ сторожевыхъ охраненіяхъ, на наблюдательныхъ *пунктахъ, когда лишь изрѣдка, спросонья, ударитъ въ тишину одинокій* ружейный хлопокъ, и нѣжно просвиститъ шальная пулька, вели тихіе разговоры.

Подъ бездоннымъ мерцающимъ небомъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ роковой черты изъ проволочной паутины, раскинутой на кольяхъ, откуда несется сладковатый запахъ тлѣнія, говорили уже не о божественномъ и не о домашнихъ дѣлахъ. Спрашивали — а откуда родомъ наша Царица, неужто изъ нѣмецкой земли? и вѣрно ли, что надъ Царемъ взялъ большую силу нашъ братъ мужикъ?

Въ головахъ уже ворочались тяжелыя думы...

Вдругъ по фронту, какъ искра по зажигательному шнуру, пронеслась вѣсть: Царь отрекся отъ престола, Великій Князь Михаилъ Александровичъ тоже. Образовалось Временное Правительство — ему надо цѣловать крестъ.

— А присягу то мы даемъ тоже временно или какъ? — спрашивали солдаты.

Въ штабы пріѣзжали штатскіе. Начальство сгоняло ихъ слушать. Старые солдаты крутили головой:

— Отъ господъ офицеровъ имъ полный почетъ, а эти вольные кричатъ — теперь свобода, защищайте, товарищи, революцію!

Пришедшіе на пополненіе объясняли, что въ защиту революціи отъ офицеровъ и велѣно выбирать въ комитеты солдатскихъ депутатовъ.

Выбирали сосредоточенно и преимущественно тѣхъ, которые могли разъяснить, что и какъ теперь къ чему подлежитъ, и которые говорили, что скоро будетъ миръ безо всякой контрибуціи, т. е. послѣ мира не надо будетъ платить никакихъ налоговъ.

Смущало немного, что миръ и безъ аннексій:

— Держава это что ли какая, которая никакъ не хочетъ замириться? Ну и пусть ее воюетъ на здоровье, а намъ довольно.

Очень быстро черезъ комитеты тылъ сталъ всасывать фронтъ въ свое безуміе и истерику. И комитеты, какъ непроницаемый заслонъ, прервали токъ между офицерами и солдатами, между волею и исполненіемъ.

На вечерней молитвѣ — Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое — всегда заминались на словѣ — побѣды. Было приказано не пѣть послѣ этого слова -- Благовѣрному Государю...

Вѣковой стержень Россійской Имперіи выпалъ.

VI.

6-го іюля 1917 года въ Галиціи недалеко отъ стариннаго католическаго монастыря въ городкѣ Подкамень, что противъ Почаевской лавры, непріятель глубокою ночью обрушился сотнями орудій на сибирскихъ стрѣлковъ и на стоящій съ ними въ стыкѣ Млыновскій пѣхотный полкъ.

Сразу все загремѣло, заскрежетало, взвыло.

По линіи окоповъ взлетѣли и задрожали на небѣ голубыя искрящіяся звѣзды.

По ходамъ сообщеній пронесся тяжелый топотъ.

У орудій прокричали — батарея къ бою!

Изъ жерлъ стали вылетать огненныя жала, сзади нихъ заплясали черныя тѣни.

Взмыленныя шестерки съ храпомъ подкатывали къ этимъ тѣнямъ зарядные ящики.

Все чаще мелькали огненныя жала, все бѣшенѣе становилась пляска тѣней...

Приближался разсвѣтъ, пробѣжалъ предутренній вѣтерокъ.

Ночной бой стихалъ.

Вдругъ потянуло цвѣтущимъ южнымъ садомъ. Запахло миндалемъ. Сладко закружилась голова. Лечь бы и заснуть...

Сбросили дурманъ тревожные крики — газы, газы!!

Дремавшая неподалеку около дерева засѣдланная лошадь подняла голову, раздула ноздри и стала перебирать ногами, потомъ рванулась на дыбы, оборвала поводья и, прижавъ уши, вскачь бросилась въ сторону.

Рѣзкій голосъ у орудій крикнулъ: надѣвай маски! Батарея къ бою! И, растягивая слова, нараспѣвъ, — цѣль померъ... газовыми снарядами... — захлопнулъ командой — бѣглый огонь!

Стукнули замки, и, другъ друга опережая, уже запрыгали сѣрыя пушки...

На горизонтѣ въ разныхъ мѣстахъ заклубился дымъ отъ костровъ, и по всему фронту снова поднялся непрерывный гулъ.

Подскакалъ развѣдчикъ, посланный для связи въ штабъ полка.

— Наша пѣхота отходитъ, сосѣдній полкъ бросилъ позиціи.

Съ наблюдательныхъ пунктовъ торопились телефонисты, быстро наматывая провода.

Надъ мглою подымалось яркое солнце.

Среди кустарниковъ съ покоробленными коричневыми листьями, точно хватилъ ихъ внезапный морозъ, весело зеленѣли верхушки одиночныхъ деревцовъ.

По зимне-мертвому полю неслись съ растегнутыми воротами защитнаго цвѣта рубахи. Натыкались на раскинутые или скрюченные и уже почернѣвшіе трупы съ облѣзлыми головами.

Валялись покрытые зеленоватымъ налетомъ штыки и винтовки.

— Стрѣлки, стойте! Мы его возьмемъ на картечь, а вы съ боковъ жарьте изъ пулеметовъ...

Къ чортовой матери! Вы хотѣли воевать, вы и воюйте...

Схлынуло растерянное стадо.

Справа и слѣва засвистѣли пульки.

— Передки, на батарею!

Было видно, какъ изъ недалекаго лѣска вынеслись шестерки коней и помчались къ плотинѣ у небольшого озера сбоку отъ батареи.

Въ это время надъ головою пронеслись небесныя колесницы и рухнули на самую плотину.

Все заволокло.

Совсѣмъ близко застрекоталъ пулеметъ, изъ кустовъ вынырнули черныя каски.

— Ломай замки! Спасайся...

За плотиной, въ густомъ лѣсу между деревьями и по тѣнистой дорогѣ съ яркими солнечными пятнами, мелькали спины. У нѣкоторыхъ сзади еще болтались винтовки. Внезапно, точно очнувшись, кто-нибудь останавливался, вздѣвалъ къ небу руки съ винтовкой и съ руганью бросалъ ее на-отмашь о землю.

Сзади, съ лошадьми на поводу, медленно шли два офицера — полковникъ и поручикъ. За ними два конныхъ ординарца.

Поручикъ не выдержалъ:

— Стрѣлокъ, какъ тебѣ не стыдно бросать винтовку? Подбери ее!

Стрѣлокъ обернулся, схватилъ винтовку и бросился съ нею на офицера.

Щелкнулъ револьверный выстрѣлъ, и стрѣлокъ упалъ.

— Сволочи! Въ своихъ стрѣлять!

— Назадъ! Всѣхъ перебью!

Спины замелькали дальше.

— А вѣдь вы спасли меня, г. полковникъ.

— Бросьте! Скачите въ тылъ, гдѣ хотите раздобудьте, хоть взводъ, и защищайте переправу черезъ Серетъ.

За лѣсомъ, по дорогѣ къ мосту черезъ рѣку, мчались сквозь толпу двуколки, зарядные ящики.

Противникъ уже билъ по тыламъ.

Когда снарядъ бухалъ вблизи, все шарахалось въ сторону. Что-то опрокидывалось, трещало. Вопили источнымъ голосомъ. Рубили постромки и вскакивали на обезумѣвшихъ лошадей...

Проскакала полусотня казаковъ съ крикомъ — германская кавалерія!

Въ сторонѣ мирно щипали траву брошенныя подраненныя лошади.

Вскорѣ къ перелѣску, уже за Серетомъ, на полной рыси завернули два легкихъ орудія. Быстро снялись съ передковъ. Въ лѣсъ, къ мосту черезъ Серетъ, побѣжали наблюдатель и телефонистъ, разматывая проволоку. При орудіяхъ осталось шесть человѣкъ съ офицеромъ.

Начали пристрѣлку.

Неожиданно изъ лѣсу показались отдѣльныя толпы.

— Вы, куда?

— Да воды испить.

— Назадъ, въ окопы!

— Да пить хочется, и всѣхъ нашихъ офицеровъ перебило.

— Назадъ! Мало вамъ воды въ рѣкѣ?

— Ступай самъ туда, коли охота.

— Взводъ, на картечь! Прямой наводкой по своимъ отступающимъ.

Быстро повернувшись, на толпу уставились жерла.

— Огонь!

Надъ головами толпы пронеслась картечь.

Толпа охнула и вразсыпную бросилась къ лѣсу.

Сзади, среди успѣвшихъ проскочить мимо орудій, раздался удивленный голосъ:

— Ну и поручикъ, смотри, какой боевой!

Глубоко въ тылу митинговали полки, стоявшіе въ резервѣ: итти ли имъ на позицію, или нѣтъ?

Большой успѣхъ имѣли ораторы:

— Намъ чужой земли не надо, пусть она остается подъ австріякомъ. И своей земли достаточно, особенно у помѣщиковъ.

И уже потрясающее впечатлѣніе производило описаніе, что ждетъ на фронтѣ:

— Вы думаете, что тамъ ребятенки щелкаютъ орѣхами? — Изъ пушекъ стрѣляютъ. Прикажутъ итти въ атаку, побѣжишь, а онъ, какъ долбанетъ въ тебя, да еще, слава Богу, коли въ ногу. А коли въ руку? Оторветъ ее у тебя, и лежишь ты въ сторонѣ отъ нея, а она, сердешная, пальцы то и сжимаетъ, сжимаетъ, пока ихъ не скрючитъ совсѣмъ...

И ораторъ наглядно показывалъ, какъ оторванная рука будетъ сжимать свои пальцы.

Митингъ выносилъ резолюцію:

— Свою землю защищать будемъ, а на чужой землѣ воевать — не пойдемъ.

Изъ тыла приходили одни офицеры съ пулеметами.

VII.

Послѣ своего ночного боя 6-ая Сибирская дивизія загнула свой обнаженный лѣвый флангъ, и отъ него въ пустую промоину вдоль Серета хлынулъ противникъ.

Германцы поставили себѣ цѣлью — захватить мѣстечко Езерно, гдѣ грудами лежали артиллерійскіе и интендантскіе запасы для всего юго-западнаго фронта. Кромѣ того, захватывая Езерно, противникъ выходилъ въ тылъ 8-й арміи со всей ея тяжелой артиллеріей, сосредоточенной на Тарнопольскомъ плацдармѣ.

Юго-западный фронтъ сталъ рваться, какъ гнилая ткань. Положеніе создавалось безнадежное.

Но въ гор. Тарнополѣ, въ резервѣ фронта, стояла Петровская бригада, и къ вечеру 6-го іюля полковыми штабами бригады было получено приказаніе штаба фронта:

«Полкамъ Гвардіи Преображенскому и Семеновскому. — Сегодня утромъ противникъ прорвалъ фронтъ къ сѣверо-западу отъ Тарнополя въ раіонѣ Зборова и двигается въ направленіи Езерно. Попытки ликвидировать прорывъ войсковыми частями фронта не привели ни къ чему. Верховный Главнокомандующій приказалъ для ликвидаціи прорыва направить изъ резерва фронта Петровскую бригаду; Верховный Главнокомандующій надѣется, что Петровская бригада вновь покроетъ себя славой и увѣнчаетъ свои сѣдыя знамена новыми побѣдными лаврами»...

Покоробило Императорскую Гвардію при чтеніи приказа, что онъ отданъ отъ имени Брусилова — Верховнаго, пріявшаго революцію, и что ей напоминаютъ о сѣдыхъ знаменахъ и славѣ полковъ. Но незадолго до темноты колонны Петровской бригады уже вытягивались изъ Тарнополя.

Шли цѣлую ночь подъ ливнемъ и на зарѣ усталыя промокшія входили въ указанные имъ раіоны, гдѣ должны были въ близлежащихъ деревняхъ встать по квартирамъ, высушиться, выспаться и ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ деревнѣ Мшаны верхомъ на конѣ, подкручивая усъ, пропускалъ мимо себя своихъ Преображенцевъ командующій полкомъ полковникъ Кутеповъ.

Отсталыхъ, заболтавшихся, идущихъ не въ ногу подбадривалъ — эхъ, Федора Ивановна!

Эти столь знакомыя слова дѣйствовали магически. Быстро равняясь, давая ногу по грязи и весело смотря на своего командира, шли роты за ротами.

— Спасибо, братцы, за переходъ!

— Рады стараться! — гремѣло въ отвѣтъ.

... ...

Полковникъ Кутеповъ принялъ Преображенскій полкъ въ революціонное время, когда дисциплина поколебалась и въ этомъ полку, но А. П. сумѣлъ подчинить себѣ расшатавшійся полкъ.

Преображенцы стояли на позиціи. А. П. началъ обходъ полка по окопамъ, и его зоркій глазъ повсюду замѣчалъ безпорядокъ. Въ негодованіи А. П. вышелъ на брустверъ и, идя по нему, продолжалъ обходъ. Ротные командиры встрѣчали командующаго полкомъ, рапортовали ему и провожали его, каждый на своемъ участкѣ, тоже по брустверу. Шли во весь ростъ на виду у противника. Нѣмцы открыли огонь. А. П. продолжалъ итти, не обращая вниманія на обстрѣлъ, и, глядя сверху внизъ въ окопы, ежеминутно дѣлалъ рѣзкія замѣчанія солдатамъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ А. П. разорвался снарядъ. Взрывомъ А. П. былъ отброшенъ на нѣсколько шаговъ.

— Командиръ убитъ, — пронеслось по окопамъ, но А. П. всталъ и продолжалъ свой жуткій обходъ, только его замѣчанія стали еще рѣзче и повелительнѣе.

Преображенцы были потрясены такимъ смотромъ своего командира.

. ...

Квартирьеры въ дер. Мшаны развели роты по хатамъ, и скоро Преображенскій полкъ заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Въ этой же деревнѣ былъ расположенъ штабъ 3-ьей пѣх. дивизіи. Въ штабѣ полковнику Кутепову объяснили обстановку и показали по картѣ линію своего фронта. Окопы въ нѣсколькихъ верстахъ впереди деревни занимали части 3-ьей и 176-ой пѣх. дивизій. Ничего тревожнаго не было. Полковникъ Кутеповъ тѣмъ не менѣе отдалъ приказаніе выслать разъѣзды отъ своей команды конно-развѣдчиковъ въ расположеніе этихъ частей, провѣрить ихъ фронты и подступы къ нимъ, а также выяснить духъ этихъ частей. Наконецъ, совершенно усталый А. П. прилегъ отдохнуть.

Не прошло и нѣсколько часовъ, какъ въ деревнѣ поднялась тревога. Къ командующему полкомъ по улицѣ бѣжалъ офицеръ, крича на ходу — братцы, въ ружье! Нѣмцы въ деревнѣ!

А. П. былъ уже на ногахъ. Переводя духъ, офицеръ докладываетъ, что нѣмцы ворвались съ сѣверной окраины деревни.

Прискакали конно-развѣдчики. Докладывають, что по дорогѣ у самыхъ Мшанъ они наткнулись на нѣмцевъ, которыхъ приняли, было, за отходящія части 176-й дивизіи.

Стало ясно, что 176-ая дивизія подъ покровомъ темноты бросила фронтъ.

Ни минуты не медля, командующій полкомъ отдаетъ быстрыя и точныя приказанія , какими батальонами выбить противника изъ деревни, *по какой линіи и фронтомъ куда его атаковать, гдѣ оборонять позиціи* и обезпечивать фланги полка, наконецъ, сколькими пулеметами прикрыть переправу черезъ гать позади деревни.

Выбить противника изъ деревни и атаковать его было приказано 2-му и 3-ьему батальонамъ.

Не успѣлъ А. П. закончить послѣднее приказаніе, какъ съ юго-западной стороны дер. Мшаны показалась пѣхота 3-ьей дивизіи.

— Куда идете?

— *Отходимъ*. Другія части дивизіи еще ночью ушли.

— Кто впереди васъ передъ противникомъ?

— Нѣтъ никого.

Только пулеметныя команды полковъ уходящей дивизіи, да двѣ батареи остались въ подмогу Преображенцамъ.

Къ командующему полкомъ одинъ за другимъ подбѣгаютъ съ докладами посланные для связи изъ разныхъ батальоновъ:

— Батальонъ по тревогѣ поднятъ...

— Всѣ построенія сдѣланы...

— Къ атакѣ готовы...

— Прекрасно, — слышится басокъ командующаго.

Въ эти напряженныя минуты, когда цѣпи противника увѣренно вливались въ деревню, изъ 3-ьяго батальона донеслись сигналы атаки.

Штабъ-горнистъ 2-го батальона тотчасъ подбѣгаетъ къ своему батальонному командиру.

— Ваше Высокоблагородіе, въ третьемъ батальонѣ играютъ атаку, слышно въ ротахъ ее принимаютъ, прикажете и намъ принять?

— Принимай!

На середину улицы выбѣжали горно-флейтисты.

Засверкали мѣднымъ отливомъ поднятые горны и затрубили — слушай-те всѣ...

Въ утреннемъ воздухѣ гдѣ-то на буграхъ отдало эхомъ — слу-шайте всѣ...

На мгновеніе все замерло.

Съ послѣдней вдали умирающей нотой снова сверкнула мѣдь, и могучіе звуки 12-ти горновъ уже властно звали гвардейцевъ въ атаку.

Раздались отрывистыя команды. Затопали тысячи ногъ. Черезъ заборы, плетни, изъ боковыхъ проходовъ устремились Преображенскіе штыки навстрѣчу германцамъ. Въ воздухѣ задрожало ура... Побѣдный крикъ подхватили роты, стоявшія въ резервѣ, и безъ команды бросились туда же.

Германскія цѣпи дрогнули, не выдержали и порвались.

8-й гренадерскій Императора Александра I Баварскій полкъ былъ отброшенъ на 2-2 1/2 версты отъ деревни.

Атака шла за атакой.

На выстрѣлы къ роднымъ Преображенцамъ поспѣшалъ 2-ой батальонъ Семеновцевъ.

Командующій Преображенскимъ полкомъ, во исполненіе отданнаго распоряженія командиромъ Петровской бригады, къ полудню отдаетъ приказъ остановить атаки, подобрать своихъ раненыхъ и всему полку отходить черезъ гать за д. Мшаны. 1-му батальону принять на себя отходящія цѣпи.

Баварцы начинаютъ насѣдать на отходящихъ Преображенцевъ. Яростнаго противника сдерживаютъ ручными гранатами, штыками, прикладами. Опрокинуть Преображенцевъ и на ихъ плечахъ ворваться въ деревню ему никакъ не удается.

Командующій полкомъ все время руководитъ боемъ, всѣхъ подбадриваетъ и заражаетъ своимъ безстрашіемъ.

Цѣпи Преображенцевъ уже подошли къ деревнѣ. Впереди несутъ тѣла погибшихъ офицеровъ, но около церкви артиллерійскимъ огнемъ перебиваетъ часть солдатъ, несшихъ этихъ убитыхъ. Бой идетъ на улицѣ. По приказанію все-таки успѣваютъ внести тѣла въ церковь и положить на грудь у каждаго записку. Въ ней — полкъ, чинъ, фамилія убитаго и слова — палъ за Родину.

Чтобы выиграть время для отхода черезъ гать цѣпямъ, ведшимъ бой, теперь всю тяжесть боя принимаетъ на себя 1-ый батальонъ... Наконецъ, послѣдніе Преображенцы, подбирая раненыхъ, отходятъ на гать подъ обстрѣломъ германскихъ батарей.

На гати ихъ встрѣчаетъ командующій полкомъ.

— Спасибо, братцы!

Поднявъ голову, лихо отвѣчаютъ по старому:

— Рады стараться, Ваше Высокоблагородіе!

Отвѣтъ по революціонному — господинъ полковникъ — былъ забытъ.

Бросившихся къ гати баварцевъ остановили пулеметами — Преображенскій полкъ уже окопался и занялъ позиціи передъ болотомъ.

Потери Преображенцевъ за этотъ бой, ихъ послѣдній штыковой бой, были значительны. Выбыло изъ строя — 1300 солдатъ и 15 офицеровъ. 5 погибшихъ офицеровъ осталось въ церкви.

Непосредственно около командующаго полкомъ были убиты пулеметный офицеръ и 7 солдатъ. Самъ А. П. остался невредимъ.

Въ полевомъ лазаретѣ, душномъ отъ запаха іода, крови и хлороформа, перевязанный солдатъ съ еще неостывшимъ возбужденіемъ на лицѣ разсказывалъ земляку:

— И хлопнулъ меня германъ въ плечо по моей же винѣ. Сломался у меня штыкъ, а на меня еще двое насѣдаютъ. Я, какъ долбану одного прикладомъ по башкѣ, а она и треснула, какъ кавунъ, и стала видна вся мозга. Я и обомлѣлъ. Тутъ другой и рванулъ меня. Не обомлѣй я, и этотъ бы отъ меня не увернулся.

Боемъ у дер. Мшаны Преображенцами были вырваны изъ рукъ германцевъ 48 часовъ. Езерно успѣли минировать и взорвать. 8-ая Армія была оттянута на новыя позиціи, тяжелая артиллерія отведена въ тылъ.

Отъ 7-го іюля 1917 года Ставка сообщала:

«...на юго-западномъ фронтѣ при малѣйшемъ артиллерійскомъ обстрѣлѣ наши войска, забывъ долгъ и присягу передъ Родиной, — покидаютъ свои позиціи. На всемъ фронтѣ, только въ раіонѣ Тарнополя, полки Преображенскій и Семеновскій исполняютъ свой долгъ». (4).

За этотъ бой полковникъ Кутеповъ былъ представленъ къ ордену Георгія 3-ьей степени. Георгіевская Дума «удостоила» Кутепова высокой награды, но до Верховной власти это представленіе не успѣло дойти. Черезъ три мѣсяца послѣ боя подъ Мшанами власть захватили большевики.

VIII.

«Honorem meum neminem dabo» — (Чести моея никому не отдамъ) — надпись на мечѣ князя Всеволода Псковского.

Послѣ прорыва германцами нашего юго-западнаго фронта армія еще жила.

Войска бросали окопы, отходили безъ боя, но все-таки это были войска съ опредѣленнымъ укладомъ жизни и съ чуть тлѣвшимъ духомъ. Кавалерія, большей частью спѣшенная, и артиллерія еще дрались и задерживали противника.

Нѣкоторые честолюбцы изъ нижнихъ чиновъ артиллеристовъ даже пытались наверстать упущенное время при прошломъ затишьѣ. Вмѣсто пѣхоты сами ходили въ развѣдку. Пошелъ въ такую развѣдку и одинъ вѣстовой, канониръ, который по роду своей службы никакъ не могъ отличиться на войнѣ.

Наконецъ, послѣ одной развѣдки онъ получилъ Георгіевскую медаль съ надписью «за храбрость» и тѣмъ самымъ производство въ бомбардиры.

Его офицеръ поздравилъ и спрашиваетъ, доволенъ ли онъ теперь?

— Всякому лестно быть бомбардиромъ, а ежели пришелъ бы безъ медали въ деревню, дѣвки бы засмѣяли, что коровъ пасъ на войнѣ.

Въ концѣ іюля Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Корниловъ. Армія сразу почувствовала другую руку. Войска встрепенулись. Но это была уже послѣдняя вспышка передъ агоніей.

27-го августа глава правительства объявилъ по всему фронту о преданіи суду Верховнаго Главнокомандующаго съ обвиненіемъ его въ мятежѣ и измѣнѣ.

Офицеры были ошеломлены, а солдатская масса сразу ухватилась за это обвиненіе. Въ немъ она нашла оправданіе своему позорному отступленію на фронтѣ.

— Это нарочно генералы и офицерье посылали насъ воевать. Они хотѣли, какъ можно больше погубить народа, чтобы вернуть старый режимъ, — кричали на митингахъ.

Требовали разстрѣла Корнилова и торжественно обѣщали защищать Керенскаго.

Послѣдующее распоряженіе — установить надъ всѣми телеграфами и телефонами контроль войсковыхъ комитетовъ и выполнять всѣ приказанія начальниковъ, лишь скрѣпленныя подписью одного изъ членовъ комитета, — окончательно утвердили солдатскую массу въ своемъ подозрѣніи противъ всѣхъ офицеровъ, какъ «враговъ народа и революціи».

Убили нѣсколькихъ офицеровъ, многихъ арестовали.

— Всѣ они за Корнилова, — кивали солдаты на своихъ офицеровъ.

Въ войскахъ наступилъ полный параличъ воли.

Въ Ставкѣ и большихъ штабахъ еще шла лихорадочная дѣятельность, дѣлались судорожныя попытки спасти фронтъ. Но штабы уже были, какъ оркестры безъ дирижерской палочки и безъ инструментовъ — *съ одними пустыми футлярами. Отъ всѣхъ армій осталась одна оболочка* — солдатская шинель.

Солдаты еще были на позиціяхъ — по инерціи, но фронта уже не было, было одно сплошное пограничное торжище. Шла мѣновая торговля. За коньякъ, за бутылку рома, за карманные часы или складные ножи отдавали нѣмцамъ буханки хлѣба, консервы, мыло, винтовки, пулеметы. Брали и деньги, но только непремѣнно царскія, керенки презирали. Встрѣчались *въ нейтральной зонѣ за проволочными загражденіями, наши зазывали нѣмцевъ и къ себѣ въ землянки.*

Нѣмцы *приходили.* Нѣкоторые *въ своихъ безкозыркахъ* даже становились съ котелками въ рукахъ въ солдатскую очередь при полевыхъ кухняхъ и терпѣливо ждали раздачи обѣда.

Надъ ними добродушно подсмѣивались.

— Ну и пусть ихъ подкормятся на нашихъ россійскихъ хлѣбахъ, а то смотри, какъ отощали.

— Вѣстимо отощаешь. Потому война, и ему не сладко.

Артиллеристы дѣлали попытки разогнать братавшихся, но пѣхота предупредила, что въ другой разъ всѣхъ переколетъ на батареѣ, открывшей огонь.

— Господи, да что же это? — говорили артиллеристы, — и нѣтъ *войны и есть война, не то съ нѣмцами не то со своими. Хоть бы поскорѣе* увольняли домой.

Большевицкій переворотъ уничтожилъ на фронтѣ послѣдній призракъ войны.

Позоръ и безчестье нависли надъ всѣми Россійскими знаменами. На нѣкоторыхъ знаменахъ еще при Керенскомъ нашили красныя заплаты на мѣстѣ вырѣзанныхъ царскихъ вензелей.

Л.-Гв. Преображенскій полкъ еще держался, какъ одинокая шлюпка съ экипажемъ съ тонущаго корабля, но революціонныя волны начали захлестывать и его. Въ полковомъ комитетѣ все громче и настойчивѣе раздавались голоса, что командующій полкомъ — «стратегъ стараго режима», и что его надо назначить писаремъ хозяйственной части полка.

Тогда 2-го декабря 1917 года командующій полкомъ полковникъ Кутеповъ отдаетъ свой послѣдній приказъ — Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ временно расформировывается.

Святыня полка — его знамя — было свернуто и спрятано. Клятва и тайна надъ этимъ священнымъ мѣстомъ.

Безчестье не коснулось любимаго дѣтища Петра.

. ...

Свернулись и другія знамена, штандарты. Съ опасностью для жизни везли офицеры священныя полотнища въ потайныя мѣста или въ Добровольческую армію. Черезъ большевицкія цѣпи пробирались измученные оборванные люди. У добровольцевъ они вспаривали подкладки своей одежды и вынимали знамена, подъ которыми давали присягу на вѣрность Отечеству.

На этихъ ветхихъ полотнищахъ съ Императорскими вензелями, Георгіевскими и Андреевскими лентами, волнующія надписи, вышитыя вязью, о славѣ Россійскихъ полковъ:

«За взятіе французскаго знамя*) на горахъ Альпійскихъ».

«За двукратный переходъ черезъ Балканы».

«За сраженіе на Аладинскихъ высотахъ».

«За Шипку».

«За переправу черезъ Дунай».

«За взятіе Баязета».

«За Севастополь».

«За Хивинскій походъ».

«За отличіе, оказанное въ Персидскую войну».

«За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году».

«За подвиги при Шенграбенѣ 4 ноября 1805 года въ сраженіи 5-ти тысячнаго корпуса съ непріятелемъ, состоявшимъ изъ 30 тысячъ».

.. ..

---

*) Сохранена орѳографія.

Теперь 160 Россійскихъ парчевыхъ знаменъ съ истлѣвшими краями благоговѣйно склонились въ кадильномъ дыму предъ Престоломъ Господнимъ въ русской церковкѣ въ Бѣлградѣ у сербовъ.

Штандарты повисли надъ прахомъ послѣдняго Главнокомандующаго Русской арміей генерала Врангеля.

IX.

Назначенный большевиками главою арміи прапорщикъ Крыленко, на глазахъ у котораго былъ растерзанъ начальникъ штаба Верховнаго — генералъ Духонинъ, отдалъ приказъ — снять погоны и провести въ войскахъ выборное начало. Это сразу доканало еще державшійся въ войскахъ ихъ бытовой укладъ. Войска быстро превратились въ шайки съ атаманами.

Вскорѣ послѣ этого была получена телефонограмма о начавшихся мирныхъ переговорахъ съ нѣмцами и о перемиріи.

Надвигающійся позоръ ожегъ и безъ того выженную душу офицера. Казалось, что уже дошли до полнаго предѣла униженія и боли. Офицеры были безъ погонъ, безъ оружія и отчуждены отъ тѣхъ, съ которыми столько времени дѣлили опасность. Многіе были назначены комитетами на должности писарей, кашеваровъ или отосланы въ обозы къ двуколкамъ. Въ цѣломъ рядѣ частей офицеры стрѣлялись.

Опять прикололи нѣсколькихъ офицеровъ, что называлось теперь — отправить въ штабъ Духонина.

Передъ каждымъ офицеромъ всталъ мучительный вопросъ — за что ?

Три года Великой войны. Три года жизни среди опустошенія и крови съ тягою на душѣ за своихъ подчиненныхъ. Не такъ легко посылать людей на смерть и видѣть смерть. Но объ этомъ сурово молчали. По неписанному закону говорить и думать о смерти было нельзя, хотя она и вошла въ жизненный обиходъ.

«Ты смертенъ, человѣкъ. Поэтому живи, какъ будто каждый день послѣдній для тебя,

А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто впереди еще полвѣка до краевъ богатой жизни,

Законы Божескіе чти и духомъ радуйся — нѣтъ блага выше на твоемъ пути»...

Этотъ завѣтъ древней Эллады невольно выполнялся на войнѣ. И жили на фронтѣ — въ походахъ беззаботно, какъ кочевники, а въ резервѣ или на позиціяхъ, въ дни затишья, простою жизнью со всѣми ея радостями, мелочами и страстями. Но въ отличіе отъ тыла эту обыденную жизнь ежеминутно могъ подхватить внезапный шквалъ. И сразу становилось все ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ главнымъ, что выростало передъ каждымъ.

Никто не смѣлъ говорить и о мирѣ. О немъ можно было только мечтать и не вслухъ, а про себя. И каждый по своему рисовалъ себѣ свою долю на будущемъ пиру, но въ тайникахъ души у всѣхъ одинаково миръ казался вожделѣннымъ концомъ и прежде всего тѣмъ ослѣпительнымъ днемъ, когда невѣсты, жены, дѣти, весь народъ будутъ встрѣчать побѣдителей со слезами восторга, радости и съ цвѣтами. Во имя этой сладостной минуты было легче терпѣть всѣ годы лишеній, когда подчасъ сухая доска, на которой можно протянуться, казалась недосягаемой роскошью.

А если внезапно появлялась мысль, а вдругъ Россія не побѣдитъ, дѣлалось холодно, жутко, и страшная мысль немедленно изгонялась вѣрою — этого быть не можетъ.

И вотъ теперь нависъ позоръ...

Чувствовали и солдаты великую неправду совершающагося, и мятежный духъ искалъ виноватыхъ.

Съ опустошенной душой разъѣзжались съ фронта офицеры. Начался отливъ и всей солдатской массы.

Солдаты разбили денежные ящики. Подѣлили деньги, полковые запасы, лошадей. Запасливые и побойчѣе поѣхали домой верхомъ, часто конь-о-конь. Другіе небольшими шайками, пѣшкомъ и на двуколкахъ, хлынули въ пограничныя мѣстечки, города.

Начались погромы. Толпы на улицахъ то вливались въ лавки и квартиры, то выливались обратно. Изъ разбитыхъ оконъ доносились приглушенные крики, рыданія. На улицы летѣли товары, всякая утварь, подушки, перины. По городу носился пухъ. Иногда съ трескомъ и звономъ падало на камни піанино.

Около разбитыхъ лавокъ шныряли, согнувшись, бабы — были видны только юбки съ шерстяными чулками.

Повсюду качались растегнутыя шинели съ болтающимися назади хлястиками и съ оттопыренными карманами. Въ рукахъ узлы съ добычей.

Посреди мостовой, безъ фуражки со взлохмоченной головой покачивался парень-солдатъ, весь обвѣшанный будильниками. Будильники звенѣли и стучали.

Ему повстрѣчался казакъ:

— Эй ты, ежова голова съ бубенцами, на кой тебѣ лядъ эти погремушки? Ты бы еще соску въ ротъ взялъ!

Парень остановился, тупо посмотрѣлъ на казака, а потомъ снялъ ожерелье изъ будильниковъ и съ трескомъ бросилъ его о мостовую.

— Да ну ихъ ко всѣмъ чертямъ! — и закачался дальше.

Въ деревняхъ такія шайки были еще страшнѣе. Требовали самогона, убоины и дѣвокъ.

Бабы судорожно хватались за свою скотину и не отдавали. Одну хозяйку, вцѣпившуюся въ свою телку и навзрыдъ причитавшую, никакъ не могли оторвать. Тогда взяли тесаки и рубанули ее по рукамъ. На глазахъ у окровавленной бабы зарѣзали телку.

Большинство солдатъ бросилось на желѣзныя дороги. Около станцій и полустанковъ кишѣла сѣрая масса. Среди нея, хотя и безъ погонъ и кокардъ, выдѣлялись офицеры.

На одной изъ станцій толпа загудѣла около одного высокаго подтянутаго человѣка съ сѣдою бородкой и въ офицерскомъ полушубкѣ.

— Смотри, да вѣдь это генералъ, что завсегда былъ противъ комитетовъ.

— Да чего съ нимъ разговаривать, не пущай его въ вагонъ!

— Да двинь его хорошенько!

— Чего тамъ, просто приколоть его!

Внезапно всѣхъ покрылъ спокойный голосъ:

— Стой, земляки! Не трожь генерала. Я его знаю, онъ нашъ сибирякъ. У него знаменитая боевая дѣятельность.

Всѣ обернулись на голосъ. А тотъ еще громче:

— Говорю тебѣ, обозное дышло, не лѣзь на генерала! Самъ небось пороха не нюхалъ, такъ хочешь, покажу тебѣ, чѣмъ пахнетъ?

Генералъ отодвинулъ рукой стоявшихъ рядомъ и неторопливо скрылся за станціей.

Въ теплушкахъ ѣхали уже мирно. Ѣхали недѣлями. Поддерживали огонь въ печуркахъ, закусывали и разговаривали. Къ офицерамъ относились дружелюбно и съ сожалѣніемъ. Помогали устроиться, бѣгали

за кипяточкомъ, всячески старались услужить. Нельзя было только говорить о войнѣ. Сразу ощеривались и грозились выбросить изъ вагона.

— Не замай нашей совѣсти, сами знаемъ, — сказалъ одинъ, сжимая кулаки.

Въ дорогѣ быстро темнѣло. Около печурки и во всѣхъ углахъ велись всякіе разговоры.

Кто-то, по ухваткамъ бывшій фабричный, со злорадствомъ разсказывалъ, какъ арестовали Царскую Семью. Одинъ изъ слушавшихъ, въ тонъ разсказчику, съ полнымъ пренебреженіемъ спросилъ:

— И гдѣ же теперь этотъ самый царь?

— Сидитъ подъ замкомъ.

— А его наслѣдникъ?

— Съ нимъ тоже.

И уже съ почтеніемъ въ голосѣ:

— А Миколай Миколаевичъ гдѣ?

Съ той же почтительной ноткой первый протянулъ:

— Миколай Миколаевичъ? — Не знаю... Ну этотъ и покажетъ намъ...

Всѣ закивали головами и подтвердили:

— Да, этотъ покажетъ намъ... Да и дѣловъ мы надѣлали...

Изъ угла доносился тихій разговоръ. Говорилъ солдатъ, по всему видно, хозяйственный крѣпкій мужикъ.

— Да ни за что я не поѣду въ ваши столицы, хоть озолоти меня. Тѣснота у васъ, вонь, паскудство. А у насъ на Камѣ — приволье и духъ то какой — не наглотаешься. Хозяйство у меня. Баба, ребятенки. Всего есть. Пчельникъ есть. А медъ то какой — чистый янтарь.

Потомъ нагнулся къ своему собесѣднику и зашепталъ:

— А мы то, говорю, мы то теперь, какъ будемъ жить? — Вѣдь мы теперь, что пчелы безъ матки. Свянетъ народъ. Работать никто не будетъ...

И зашепталъ еще тише.

Въ одномъ изъ такихъ вагоновъ ѣхалъ съ нѣсколькими своими офицерами послѣдній командиръ Л.-Гв. Преображенскаго полка полковникъ Кутеповъ. Ѣхалъ въ Кіевъ, а потомъ на Донъ. Оттуда уже доходили кое-какіе слухи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Горнъ Божій раскалилъ Россію до-красна, раскалитъ и до-бѣла.»

Мережковскій.

I.

Къ концу 1917 года Россійская армія обнажила весь фронтъ и развѣялась по всѣмъ городамъ и деревнямъ своей необъятной страны. Побѣдилъ армію не внѣшній врагъ, а собственный тылъ.

Каждая война обрушивается на націю двумя тяжестями — тяжестью физической и тяжестью моральной.

Физическая тяжесть войны, физическія страданія ложатся главнымъ образомъ на армію. — Лишенія, болѣзни, раненія и сама смерть сторожатъ воина на каждомъ шагу, даже воздухъ таитъ отраву.

Но армія не только видитъ разрушеніе и гибель со стороны врага, она несетъ ихъ сама. Огнемъ и мечомъ она прокладываетъ свой путь.

Земля — мать-кормилица — разворачивается снарядами. Посѣвы — хлѣбъ насущный — топчутся. Домашніе очаги сметаются орудійнымъ огнемъ, въ пожарищахъ гибнутъ цѣнности человѣческаго генія... За каждымъ шагомъ арміи — кровавый слѣдъ.

Однако, чувствуетъ ли воинъ, офицеръ или солдатъ, свою вину или угрызеніе совѣсти за разрушеніе и смерть, которыя онъ сѣетъ передъ собою? Чувствуетъ ли онъ муки совѣсти даже тогда, когда въ штыковой атакѣ разбиваетъ прикладомъ вражескіе черепа?

— Нѣтъ и нѣтъ. Другого отвѣта быть не можетъ.

Война для воина — не убійство. Война для воина — не преступленіе, а открытая честная борьба, защита своей родины, исполненіе долга, высшаго долга передъ лицомъ своего народа. Война для воина — это вѣнчаніе кровію и честію на полѣ бранномъ, это жертва за други своя.

На кого же тогда падаетъ отвѣтственность за ужасы войны? Кто же несетъ эту вторую тяжесть, тяжесть нравственную?

— Несетъ ее народъ, пославшій своихъ сыновей на бой, и еще въ большей степени эта отвѣтственность падаетъ на представителей націи, на ея избранниковъ и на главу государства. На лицо, которому воздаются на землѣ высшія почести, возлагается и высшая отвѣтственность.

Въ Россіи эту тяжесть несли Государи. Послѣдній изъ нихъ отрекся *отъ престола во имя рѣшительной побѣды надъ врагомъ, а революціонное* правительство своей ярой «защитой революціи» и ея «углубленіемъ» быстро утеряло всякую волю къ побѣдѣ. Оно скинуло съ себя нравственную отвѣтственность за войну и бросило ее на плечи арміи. Попытка Корнилова взять эту отвѣтственность лично на себя кончилась обезглавливаніемъ арміи.

На армію легли двѣ тяжести — физическая и нравственная. Бремя непосильное и невыносимое. И Россійская армія рухнула, рухнула безъ пораженія. Она не могла не рухнуть. — Всякая армія, какъ бы она ни была дисциплинирована, какъ бы она ни была богата вооруженіемъ и какія бы славныя побѣды она ни имѣла въ прошломъ, все равно обречена на гибель, разъ Верховная власть теряетъ волю къ побѣдѣ и сгибается подъ тяжестью войны.

Въ позорѣ своего Отечества виновна не Россійская армія...

Не уберегли своей арміи, и вся россійская государственность погибла. Съ фронта офицеры проѣзжали черезъ всякія республики, высыпавшія на развалинахъ Имперіи, а въ родномъ краю на мѣстѣ своихъ очаговъ находили груды камней. По всей Россіи пылали усадьбы.

Одинъ офицеръ добрался до своего имѣнія. Въ паркѣ отъ господскаго дома стояли однѣ обгорѣлыя стѣны. Онъ пошелъ на деревню. Встрѣчавшіеся мужики отворачивались и быстро скрывались. Офицеръ постучался въ избу своей кормилицы.

Съ плачемъ и радостью встрѣтила старуха своего питомца.

— Кормилица, а гдѣ же всѣ мои?

— Сыночекъ мой, родной мой, ихъ всѣхъ порѣшили злодѣи... Пріѣхали эти самые большаки, собрали сходъ и говорятъ — теперь все ваше, берите и владѣйте на вѣчныя времена. Ну, наши и пошли на усадьбу. А батюшка твой, самъ знаешь, горячій былъ. Онъ супротивъ, твоя молодка съ нимъ... Ихъ и забили, Царствіе имъ Небесное, вѣчный покой... А потомъ добра то, добра то сколько тащили, кто на телѣгахъ, а кто такъ. Все разобрали и подпалили...

Офицеръ опустился на скамью и закрылъ лицо руками.

Старуха подошла къ нему и стала гладить его по головѣ.

— Сирота ты, мой болѣзный, вотъ горе то, вотъ горе... Спаси и сохрани, Царица Небесная, Матушка... Гляжу теперь на тебя и думаю, ужъ лучше, если и тебя порѣшатъ... Вѣдь мы тебя такъ обидѣли, такъ обидѣли, что ты въ жисть не простишь намъ...

— Кормилица, что ты говоришь! Помолчи, ради Бога...

Старуха тихо заплакала.

Офицеръ всталъ.

— Прощай, кормилица.

— Да куда же ты, родной? — Дай, я тебя покормлю...

Офицеръ махнулъ рукой и вышелъ, пошатываясь.

Были и въ городахъ разоренныя гнѣзда. Повсюду неистовствовала чернь... Съ каждымъ днемъ тьма надъ Россіей сгущалась сильнѣе. Въ этой тьмѣ бродили съ опустошенной душой бывшіе офицеры...

II.

Генералъ Алексѣевъ рѣшилъ начать, какъ онъ самъ говорилъ, — «свое послѣднее дѣло на землѣ». — Уже 2-го ноября 1917 г. онъ пріѣхалъ въ Новочеркасскъ и немедленно приступилъ къ организаціи вооруженной силы противъ большевиковъ.

Въ отдѣльномъ вагонѣ на запасныхъ путяхъ сидѣлъ одѣтый въ штатское сухой старичокъ въ очкахъ, съ жесткими сѣдыми усами. Этотъ старичокъ — генералъ Алексѣевъ — говорилъ надреснутымъ скрипучимъ голосомъ только-что пріѣхавшему изъ Кіева:

— Въ этомъ столѣ у меня двадцать тысячъ рублей... Да... Это все... Численность? — Вы сами знаете. Которымъ записался вольноопредѣляющійся, что съ вами пріѣхалъ?

— Да что то тридцатымъ, кажется.

— Это хорошо. Вчера меньше было. Такъ вотъ... Видите, съ чего начинаемъ. Трудно... денежные люди мало отзывчивы. Не понимаютъ... Еще не поняли! Да и патріотизмъ... На словахъ у многихъ. Казачество? Калединъ? — Онъ, конечно, съ нами... Но его положеніе трудное... Болото и здѣсь... Вязко... Одну ногу вытащимъ, другая увязнетъ... Казачество тоже болѣетъ — той же болѣзнью... И все-таки другого мѣста нѣтъ... Тутъ надо!.. Отсюда... Здѣсь начнемъ собирать армію... Да... (5).

«Бывшій Верховный Главнокомандующій, правившій милліонными арміями и распоряжавшійся милліарднымъ военнымъ бюджетомъ, теперь, — по свидѣтельству генерала Деникина, — бѣгалъ, хлопоталъ и волновался, чтобы достать десятокъ кроватей, нѣсколько пудовъ сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денегъ. Надо было пріютить, обогрѣть и накормить пріѣзжавшихъ къ нему офицеровъ». (6).

Вскорѣ въ Новочеркасскъ стали стекаться одинъ за другимъ «Быховскіе узники» — генералъ Корниловъ, Деникинъ, Лукомскій, Романовскій, Марковъ — душа и мозгъ Арміи. Понемногу собирались и строевые офицеры.

Пріѣхалъ полковникъ Тимановскій — ранѣе офицеръ Деникинской «желѣзной дивизіи», а затѣмъ командиръ Георгіевскаго батальона, охранявшаго вмѣстѣ съ Текинцами «Быховскихъ узниковъ».

Полковникъ Тимановскій изъ за своихъ раненій всегда ходилъ, опираясь на палку. Когда въ Добровольческой арміи онъ былъ въ послѣдній разъ раненъ въ ногу и упалъ, онъ только меланхолично замѣтилъ — 18-ая дырка...

Много говорить Тимановскій не любилъ, но иногда разражался великолѣпной фразой. Такъ, во время революціи, передъ фронтомъ полка и въ присутствіи комитета онъ швырнулъ на землю преподнесенный ему красный бантъ и сказалъ:

— Кровь, пролитая мною за Отечество, краснѣе вашего банта...

Другой разъ, когда одинъ англичанинъ, указывая на англійскій крестъ, висѣвшій на груди Тимановскаго рядомъ съ офицерскимъ и солдатскимъ Георгіемъ, замѣтилъ: — Этотъ крестъ несмотря на то, что вы русскій, откроетъ вамъ всѣ двери въ Англіи — и тотчасъ получилъ въ отвѣтъ: — Благодарю васъ, но пока у меня есть силы, я буду стучаться въ дверь моей родины.

Вокругъ Алексѣева и Корнилова собирались немногіе, но сильные духомъ.

24-го декабря 1917 года вступилъ въ ряды Добровольческой арміи и полковникъ Кутеповъ. А. П. тотчасъ былъ назначенъ начальникомъ гарнизона гор. Таганрога и его раіона.

Въ Таганрогѣ А. П. быстро сформировалъ небольшой офицерскій отрядъ всего въ 150-200 человѣкъ при 2-хъ полевыхъ орудіяхъ и, послѣ ухода казачьихъ частей изъ Донецкаго бассейна, принялъ на себя оборону Таганрогскаго направленія и гор. Ростова.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, въ морозы и стужу, Кутеповскій отрядъ, стоя безсмѣнно на позиціяхъ, отбивался отъ большевиковъ. Горсть побѣждала тысячи. У Матвѣева Кургана полковникъ Кутеповъ дважды разбилъ крупный большевицкій отрядъ Сиверса. Но на смѣну разбитымъ частямъ приходили новыя. Совѣтская власть рѣшила овладѣть Ростовомъ и Новочеркасскомъ.

Генералъ Деникинъ, вернувшійся однажды послѣ своего объѣзда Таганрогскаго раіона, *дѣлился своими впечатлѣніями:*

— Тамъ бьются подъ начальствомъ полковника Кутепова такіе молодцы, что если бы у насъ было 30 тысячъ такихъ людей, мы бы съ ними сейчасъ же отвоевали у большевиковъ всю Россію.

Пока продолжались изо дня въ день эти первые бои полковника Кутепова съ большевиками, въ Новочеркасскѣ шло поспѣшное формированіе Добровольческой арміи.

Съ большими трудностями пробился въ Новочеркасскъ эшелонъ *Корниловскаго полка, прибылъ кадръ Георгіевскаго полка,* пробирались отдѣльные офицеры.

Бывшій лазаретъ на Барочной улицѣ былъ обращенъ въ офицерское общежитіе и сталъ «колыбелью Добровольческой арміи».

Была открыта запись въ армію. Вся молодежь загорѣлась, но Корниловъ отдалъ приказъ принимать юношей лишь старше 17-ти лѣтъ и непремѣнно съ письменнаго согласія родителей.

На этой почвѣ разыгрывались грустныя сцены. — Въ студенческій *батальонъ какъ-то утромъ явилась одна дама и сразу въ повышенномъ* тонѣ обратилась къ адъютанту:

— На какомъ основаніи вы забираете нашихъ дѣтей?

Адъютантъ объяснилъ ей условія пріема молодежи въ Добровольческую армію.

— Но моему сыну нѣтъ 17-ти лѣтъ, и я никакого разрѣшенія не давала, а онъ у васъ.

Адъютантъ спросилъ фамилію у дамы и отыскалъ бумагу за ея подписью.

— Что вы мнѣ показываете? Эта подпись и вся бумага поддѣльная.

Позвали мальчика. Когда онъ увидѣлъ свою мать, весь вспыхнулъ и хотѣлъ «драпануть». Адъютантъ его задержалъ.

— Зачѣмъ ты поддѣлалъ подпись? Намъ такихъ не надо, собирай свои вещи и уходи.

Мальчикъ весь въ слезахъ закричалъ:

— Не хочу итти домой... Хочу защищать Россію! — Потомъ внезапно бросился на улицу и исчезъ.

Въ какой партизанскій отрядъ попалъ потомъ мальчикъ — неизвѣстно, *но домой онъ не вернулся.*

Много такихъ мальчиковъ приходило въ Добровольческую армію на всемъ ея пути. Круглыхъ сиротъ подбирали и сами войска, или штабы.

Такихъ юныхъ солдатъ за ихъ малый ростъ и за то, что они въ боевомъ отношеніи будто бы не страшны, старые добровольцы шутливо называли «баклажками».

Про одну такую «баклажку» разсказывалъ А. П.:

— Когда мы заняли Курскъ, многіе приходили и записывались въ части. Былъ большой подъемъ. Въ Корниловскій полкъ пришелъ мальчикъ, гимназистъ лѣтъ 15-ти, и настоялъ, чтобы его приняли. Вскорѣ онъ былъ убитъ...

— Мы уже отступали, когда ко мнѣ пришелъ незнакомый старикъ, весь заплаканный, и молча подалъ мнѣ книгу.

— Что это? — спросилъ я.

— Пришли вы къ намъ въ Курскъ, и ушелъ съ вами мой мальчикъ. А уходя изъ дому, онъ попросилъ мать — мама, если меня убьютъ, отдай эту книгу генералу Кутепову... И вотъ я вамъ принесъ, исполняя его волю. Это первая книга, которую ему подарила мать...

— Я принялъ подарокъ... Открылъ книгу — это были разсказы о походахъ и подвигахъ Суворова... (7).

Завѣщанную книгу маленькаго героя А. П. очень берегъ. И, быть можетъ, эта книга для А. П. была дорога еще и потому, что она такъ ярко напомнила ему собственное дѣтство.

Пріѣзжали въ Добровольческую армію и дѣвушки — прапорщики Керенскаго производства. Однажды изъ Москвы явилось пять такихъ юныхъ и хорошенькихъ прапорщиковъ. Службу онѣ знали безукоризненно, передъ старшими «тянулись», но «прапорщицъ въ штанахъ» встрѣтили грубымъ смѣхомъ и отказали въ пріемѣ.

Собрались въ своей комнатѣ пять несчастныхъ дѣвицъ-офицеровъ и разрыдались. Имъ казалось, что у нихъ растоптано въ душѣ все святое. Онѣ думали, разъ мужчины отказались воевать, то остались еще дѣвушки и женщины, которымъ Россія дороже жизни. Ихъ жертву отвергли, и онѣ рѣшили, что дальше жить незачѣмъ. Пошли въ ближайшую аптеку и купили какой-то отравы. Развели ее въ водѣ и выпили залпомъ... Одна изъ нихъ умерла, другихъ отходили. Надъ ними сжалился начальникъ одного партизанскаго отряда и принялъ ихъ къ себѣ на службу. Онѣ провоевали всю гражданскую войну и вынесли всѣ ея тяготы. Нѣкоторыя изъ нихъ были убиты...

Офицеровъ въ Добровольческую армію записывалось ничтожное количество. Изъ трехсотъ-тысячнаго офицерскаго корпуса большинство было морально подавлено и махнуло на все рукой — не мы заварили кашу, не намъ ее расхлебывать. Были и такіе, что старались отогнать отъ себя кошмары ежедневной жизни кутежами и пьянствомъ.

Въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ пооткрывались всякіе кафэ и «чашки чая». Въ нихъ проводили вечера цѣлыя ватаги офицеровъ и ихъ дамъ.

Какъ-то поздно вечеромъ изъ одной такой «чашки чая» возвращалась веселая компанія и проходила мимо Государственнаго банка, на охранѣ котораго по занесенному снѣгомъ тротуару ходилъ съ винтовкой офицеръ-доброволецъ въ потертой шинели. Къ нему, гремя саблей, подошелъ подгулявшій офицеръ и, растягивая слова, сказалъ:

— Поручикъ, сколько вы получаете жалованья, и какія въ вашей Добровольческой арміи свободныя должности?

— Я служу не изъ за жалованья, а такихъ должностей, какъ моя, сколько угодно.

— Значитъ, служите за идею... Похвально...

Въ это время дамы стали заглядывать въ освѣщенныя окна подваловъ банка.

Часовой офицеръ сказалъ, — сударыни, пожалуйста, не останавливайтесь и проходите по дорожкѣ.

— Идемте, mesdames, — сказалъ ихъ офицеръ. — Счастливо оставаться, поручикъ. Ходите по своей дорожкѣ, а мы уже пойдемъ по своей пьяной широкой дорогѣ...

Изъ многотысячнаго офицерскаго кадра, находившагося въ Ростовѣ и окрестныхъ городахъ, въ Добровольческую армію и партизанскіе отряды поступали лишь десятки, а взрослое гражданское населеніе, несмотря на всѣ воззванія къ нему, вовсе уклонялось отъ борьбы. Въ студенческій батальонъ сверхъ молодежи записалось всего двое — учитель танцевъ и присяжный повѣренный, но и эти незамѣтно «смылись», когда добровольцы выступили въ походъ.

Подписанный большевиками 19-го февраля 1918 г. Брестъ-Литовскій «похабный миръ» пробудилъ многія души. У офицеровъ вспыхнула воля къ сопротивляемости, и гражданская война вскорѣ разлилась по всей Россіи.

Съ матерьяльнымъ снабженіемъ Добровольческой арміи дѣло было еще хуже.

Право на свое легальное существованіе Добровольческая армія получила отъ Донского правительства лишь послѣ того, какъ добровольцы

подавили возстаніе большевиковъ, захватившихъ внезапно въ ночь на 26-ое ноября власть въ Ростовѣ и Таганрогѣ. Но и послѣ этого Донское правительство не оказывало никакой помощи «Алексѣевской организаціи», несмотря на то, что донскіе войсковые склады ломились отъ запасовъ. Приходилось покупать теплыя вещи, обувь, бѣлье, медикаменты или на рынкѣ или у казачьихъ комитетовъ. Вооруженіе же доставали всѣми правдами и неправдами. Нѣсколько пушекъ украли, а частью отбили у возвращавшихся частей съ Кавказскаго фронта. У нихъ же отбирали винтовки и пулеметы.

Вооружались и такимъ образомъ:

Собиралось человѣкъ десять добровольцевъ и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новочеркасска въ открытомъ полѣ останавливали петардами воинскій эшелонъ. Трое съ револьверами въ рукахъ обходили вагоны и требовали, чтобы все вооруженіе было сложено въ передній вагонъ. Если встрѣчали малѣйшее сопротивленіе, тотчасъ подавали команду яко-бы цѣлой ротѣ, разсыпанной за насыпью. Оттуда несся шумъ и раздавалось нѣсколько выстрѣловъ изъ пулемета. Солдаты смирялись и выполняли приказаніе. Они начинали сносить пулеметы, винтовки и ручныя гранаты, но, проходя по насыпи, быстро обнаруживали все количество залегшей «роты». Наступалъ рѣшительный моментъ, когда надо было овладѣть разнузданной массой.

Офицеры выскакивали на насыпь и наводили на толпу пулеметъ и винтовки. Старшій офицеръ тотчасъ командовалъ:

— Становись! Равняйсь!

Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ начинала неохотно строиться.

— Смирно!

Изъ рядовъ уже раздавалось урчаніе и выкрики:

— Опять старый режимъ...

Офицеръ подходилъ вплотную къ наиболѣе негодующему и пускалъ ему пулю въ лобъ.

Въ шеренгѣ образовывалась пустота.

— Сомкнись!

Очень рѣдко приходилось выпускать вторую пулю.

Солдаты выстраивались въ колонну и шли, какъ на парадѣ, версты 2-3 въ сторону отъ поѣзда.

Пока солдаты маршировали, добровольцы отцѣпляли вагонъ съ оружіемъ отъ всего состава и уѣзжали съ добычей.

И ругались же потомъ солдаты... Имъ казалось всего обиднѣе, что пришлось маршировать по «старорежимному».

Денегъ въ казну Верховнаго Руководителя Добровольческой арміи генерала Алексѣева поступало очень немного, въ силу чего добровольцы получали нищенское содержаніе. Жили впроголодь, тѣмъ не менѣе въ первое время всѣ случаи ихъ насилія надъ населеніемъ пресѣкались *самымъ рѣшительнымъ образомъ.*

Однажды сильно подвыпившій офицеръ-доброволецъ забрался къ одному «спекулянту», своему сосѣду по номеру въ гостинницѣ, скомандовалъ ему — руки вверхъ, вытащилъ у него бумажникъ, а потомъ заставилъ ограбленнаго скакать на четвереенькахъ по всей комнатѣ, самъ же развалился въ креслѣ и хохоталъ.

Судъ чести предложилъ офицеру на выборъ — или застрѣлиться и быть похороненнымъ съ воинскими почестями, или же быть разстрѣляннымъ, какъ обыкновенный преступникъ.

Осужденному дали револьверъ и оставили его въ комнатѣ вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ...

Осужденнаго похоронили съ воинскими почестями.

Къ концу января 1918 года положеніе Добровольческой арміи на Дону стало безвыходнымъ. Казачьи части окончательно развалились, происходили избіенія офицеровъ, и были даже факты продажи казаками своихъ офицеровъ большевикамъ за денежное вознагражденіе. Атаманъ Каледнинъ застрѣлился. Въ Таганрогѣ и въ предмѣстьѣ Ростова рабочіе подняли возстаніе, большевики окружали добровольцевъ вплотную.

Генералъ Корниловъ *отдалъ приказъ Добровольческой арміи отходить* за Донъ въ станицу Ольгинскую.

III.

«Мы уходимъ въ степь... Нужно зажечь свѣточъ, чтобы была хоть одна свѣтлая точка среди охватившей Россію тьмы.»

Генералъ Алексѣевъ.

Въ ночь на 9-ое февраля 1918 г. Добровольческая армія выступила въ свой 1-ый Кубанскій походъ.

— Съ Богомъ, въ путь! — сказалъ Корниловъ, и около 700 человѣкъ потянулось изъ города. Шли по неосвѣщеннымъ вымершимъ ули-

цамъ. На топотъ ногъ выглядывали изъ оконъ испуганныя лица и быстро захлопывали ставни. Крутила вьюга... На другой день у станицы Аксайской добровольцы перешли по льду замерзшій Донъ.

Къ станицѣ Ольгинской подтянулись всѣ остальные добровольческіе и партизанскіе отряды. Корниловъ сразу реорганизовалъ свою армію, общая численность которой не превышала 4-хъ тысячъ бойцовъ.

Полковникъ Кутеповъ былъ назначенъ командиромъ 3-ьей роты 1-го Офицерскаго полка подъ командой генерала Маркова.

Свою военную карьеру А. П. начиналъ сызнова.

Было рѣшено итти на Кубань.

Длинной темной лентой по снѣжной степи вытянулась «кочующая армія». Въ авангардѣ — генералъ Марковъ со своимъ Офицерскимъ полкомъ, въ аріергардѣ — генералъ Богаевскій съ донскими партизанами, въ центрѣ — обозъ и главныя силы. То здѣсь, то тамъ мелькалъ небольшой конный отрядъ текинцевъ въ громадныхъ черныхъ и бѣлыхъ папахахъ. Во главѣ отряда всадникъ въ романскомъ полушубкѣ на арабской свѣтло-буланой лошадкѣ. За этимъ всадникомъ колебалось трехцвѣтное знамя. Вслѣдъ конному отряду изъ строя неслось:

Такъ за Корнилова, за Родину, за Вѣру
Мы грянемъ громкое ура, ура, ура!

Сердца горѣли вѣрою — Корниловъ выведетъ Россію изъ лихолѣтья...

А обычно пѣли въ походѣ свою любимую пѣснь — затягивалъ высокій теноръ:

Слыхали ль, дѣды, война началась?
Бросай свое дѣло, въ походъ собирайся...

И рота подхватывала:

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь Святую
И, какъ одинъ, прольемъ
Кровь молодую...

А теноръ снова звенѣлъ:

Вотъ и окопы, вотъ и снаряды,
Но не боятся ихъ наши отряды...

— Какую грустную пѣснь поютъ ваши кадеты, такъ и щемитъ за сердце, — сказала одна казачка.

Донцы встрѣчали добровольцевъ недружелюбно. Войдутъ въ домъ офицеры, снимутъ фуражки:

— Здравствуй, станичникъ.

— Здравствуйте, — отвѣчаетъ изподлобья.

— Нельзя ли лошадямъ овса? — Заплатимъ.

— Да у насъ свою скотину кормить нечѣмъ, красные все позабирали.

— Ну тогда нельзя ли чайку, хозяюшка?

— Воды много, а чаю и сахару нѣтъ.

У хозяйки прояснялось лицо, когда ей предлагали свой чай и сахаръ, а у хозяина отъ хорошаго стаканчика водки. Послѣ этого очень быстро находилось — для лошадей овесъ, а для гостей борщъ, свининка, мясо.

За обѣдомъ хозяева становились разговорчивѣе.

— Да что же съ вами итти, васъ мало... Да и куда вы идете? Помогнешь вамъ, а потомъ придутъ большевики, наши иногородніе всѣхъ выдадутъ... Нѣтъ, ужъ лучше подождемъ...

Чтобы производить на станичниковъ большее впечатлѣніе своей силой, добровольцы нарочно растягивали походную колонну.

Когда вышли изъ Донской области и вступили въ Ставропольскую губернію, бурлящую большевизмомъ, добровольцы сразу наткнулись на крупные красные отряды съ артиллеріей. Первый серьезный бой произошелъ подъ селеніемъ Лежанкой. Большевики открыли ружейный, пулеметный и орудійный огонь.

Прямой путь на Лежанку преграждала болотистая полузамерзшая рѣчка. Корниловскій полкъ пошелъ въ обходъ, а Офицерскій полкъ залегъ передъ рѣчкой. Очень скоро А. П. не выдержалъ пассивнаго томленія и бросился со своей ротой черезъ рѣку, въ это время подоспѣли Корниловцы. Большевики побѣжали въ смятеніи...

Какой-то парень лѣтъ 20-ти убѣжалъ изъ окоповъ однимъ изъ послѣднихъ, на бѣгу продолжая отстрѣливаться, потомъ кинулъ винтовку и скрылся въ хатѣ. Его выволокли съ палатей и повели на разстрѣлъ. Отецъ и мать бросились за сыномъ, умоляя простить его. На нихъ не обращали вниманія. Вдругъ старики увидѣли идущаго навстрѣчу офицера въ золотыхъ погонахъ. Сразу рѣшили, что это начальникъ, и упали ему въ ноги.

— Ваше благородіе, господинъ начальникъ, простите нашего сына... Изъ за товарищей погибаетъ... Онъ шалый, а душа въ немъ добрая... Простите Христа ради...

Полковникъ Кутеповъ пристально посмотрѣлъ на стариковъ и сказалъ:

— Отпустите этого болвана... Старики — люди честные...

Парня отпустили съ большой неохотой.

Въ селеніи продолжали раздаваться отдѣльные выстрѣлы...

Когда обозъ втянулся въ Лежанку, всѣ отворачивались съ содроганіемъ — по вымершему селенію бродили свиньи съ окровавленными рылами и съ визгомъ дрались надъ трупами.

Оставшіеся въ избахъ старики и старухи говорили добровольцамъ:

— Это главный большевикъ велѣлъ стрѣлять въ васъ... Кадеты, молъ, на старое повернуть хотятъ... А молодки съ ребятами убѣгли отъ васъ. Бачутъ, что вы убиваете дѣтей, а парней на колъ садите...

Обѣтованная земля — Кубань — встрѣтила добровольцевъ радушно. Поражала сытость и довольство станицъ. Кубанцы въ помощь Корнилову выставляли небольшіе отряды, но уже черезъ нѣсколько переходовъ добровольцы столкнулись съ большевицкими войсками подъ руководствомъ военнаго самородка — фельдшера Сорокина. Живущіе на Кубани иногородніе всячески помогали большевикамъ, къ нимъ иногда присоединялась казацкая молодежь, побывавшая на фронтѣ Великой войны.

Послѣ одного боя, гдѣ противъ добровольцевъ сражались и молодые кубанцы, добровольцы заняли богатую станицу. Была масленая недѣля. Быстро забытъ пережитый страхъ, и нарядная станица въ яркій солнечный день высыпала на улицу. Повсюду смѣхъ, шутки. Бѣлозубыя бойкія казачки въ разноцвѣтныхъ платкахъ угощаютъ поджаренымъ въ кипящемъ маслѣ, тонкимъ, хрустящимъ тѣстомъ, сыпятъ пригоршнями тыквенныя сѣмячки.

Вдругъ всѣ устремились къ станичному правленію, около котораго сидѣлъ атаманъ и стояли старые казаки въ сѣрыхъ, коричневыхъ и малиновыхъ черкескахъ.

— Ведутъ ихъ, ведутъ, — послышалось отовсюду.

Окруженные казаками шли, понуря головы, обезоруженные молодые казаки-фронтовики.

Судъ надъ каждымъ былъ кратокъ:

— Противъ отцовъ пошелъ? — Спускай штаны и ложись на скамью.

Подъ свистъ нагайки раздавалось нравоученіе:

— Вотъ тебѣ, мерзавецъ, коммуна... Вотъ себѣ большевики, вотъ тебѣ и совѣтская власть!

Со скамьи неслось:

— Ой, простите меня, простите, казаки-отцы...

Подъ общій хохотъ наказанный вставалъ со скамьи и, подбирая на ходу штаны, быстро скрывался.

— Ой, дивчины, срамъ-то, срамъ-то какой, — неслось имъ вслѣдъ, а изъ Корниловскаго оркестра въ это время доносились плавные звуки «Дунайскихъ волнъ».

IV.

Чѣмъ ближе продвигались добровольцы къ столицѣ Кубани — Екатеринодару — тѣмъ ожесточеннѣе и кровопролитнѣе становились бои. Кольцо большевиковъ то сжималось, то разжималось.

15-го марта добровольцы подошли къ станицѣ Ново-Димитріевской, верстахъ въ 20-ти отъ Екатеринодара.

Генералъ Деникинъ такъ вспоминаетъ этотъ день:

«Всю ночь накануне лилъ дождь, не прекратившійся и утромъ. Армія шла по сплошнымъ пространствамъ воды и жидкой грязи, по дорогамъ и безъ дорогъ, заплывшихъ и пропадавшихъ въ густомъ туманѣ, стлавшемся надъ землею. Холодная вода просачивала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротникъ. Люди шли медленно, вздрагивая отъ холода и тяжело волоча ноги въ разбухшихъ, налитыхъ водою, сапогахъ. Къ полудню пошли густые хлопья липкаго снѣга, и подулъ вѣтеръ. Застилаетъ глаза, носъ, уши, захватываетъ дыханіе, и лицо колетъ, словно острыми иглами»... (8).

Передъ станицей протекала разлившаяся рѣчка. Подъ обстрѣломъ большевиковъ стали искать бродъ. Къ вечеру ударилъ морозъ. Ночью въ полѣ всѣ бы закоченѣли. Офицерскій полкъ поднялъ надъ головами винтовки и сталъ переходить рѣчку. Въ водѣ было теплѣе, чѣмъ на воздухѣ.

Начался штыковой бой, остаться безъ крова въ эту ночь было бы гибелью и для большевиковъ. Бой велся почти у каждой хаты. Въ концѣ концовъ красные были отброшены на край станицы, протянувшейся на нѣсколько верстъ.

Къ концу боя нѣсколько офицеровъ вскочили погрѣться въ какой-то полуразбитый сарай. Шинели у всѣхъ покрылись ледяной корой, ста-

ли калеными и раздувались, какъ колокола. Сѣсть никто не могъ, стояли, точно закованные въ латахъ.

Кто-то отыскалъ въ углу нѣсколько кадушекъ и радостно объявилъ:

— Господа, да здѣсь моченые помидоры, яблоки и огурцы...

Сразу всѣ почувствовали страшный голодъ.

Когда въ сараѣ только хрустѣло на зубахъ, раздался мѣрный топотъ. Выглянули посмотрѣть.

Шли невиданныя чудища въ обледенѣлыхъ звенящихъ одеждахъ съ блестѣвшими отъ инея штыками. На лицахъ серебрились усы и брови. Сбоку шло такое же замерзшее водяное чудище, только вмѣсто бороды у него стучали сосульки. Оно рѣзко командовало:

— Ать, два! Ать, два!

Чудища шли, какъ на ученіи.

— Рота, стой!

Зазвенѣло и простучало въ разбивку.

— Отставить!

И снова та же команда:

— Рота, стой!

Послѣ того какъ раздался одновременный всплескъ, спокойный голосъ сказалъ:

— Разойдись!

Это была офицерская рота полковника Кутепова.

*Постоянная и при всякихъ положеніяхъ полная дисциплинирован*ность роты А. П. производила на всѣхъ добровольцевъ сильнѣйшее впечатлѣніе. А самъ А. П. даже послѣ тяжкихъ боевъ или переходовъ, и, несмотря на то, что былъ безъ денщика, утромъ на другой день являлся всегда подбритымъ, вычищеннымъ, съ блескомъ на сапогахъ и въ той же формѣ съ золотыми погонами, какъ во время Великой войны. У А. П. вотъ только фуражка, при атакѣ, всегда съѣзжала на затылокъ... Своей внѣшностью А. П. выдѣлялся еще потому, что многіе пріѣхали въ армію въ штатскомъ и одѣлись въ широкіе черные шаровары и мужицкіе полушубки съ нарисованными чернильнымъ карандашомъ погонами, которые и указывали, что это офицеры, а не мелкіе торговцы или прасолы.

И, глядя на А. П., былъ общій голосъ:

— Ну и молодчина Кутеповъ...

V.

Въ Ново-Димитріевской произошло сліяніе добровольцевъ съ Кубанскимъ отрядомъ генерала Покровскаго, и вслѣдствіе этого вторичная реорганизація Добровольческой арміи.

Полковникъ Кутеповъ былъ назначенъ помощникомъ командира 1-го Офицерскаго полка уже подъ начальствомъ генерала Боровскаго.

Была рѣшена атака Екатеринодара. Большевики оказывали отчаянное сопротивленіе. Бои тянулись подрядъ нѣсколько дней. Добровольцы несли огромныя потери, снаряды изсякали.

29-го марта Офицерскій полкъ втянулся въ бой около самого Екатеринодара. Полкъ разсыпался въ цѣпь и залегъ подъ сильнѣйшимъ пулеметнымъ огнемъ.

— Здорово сегодня стрѣляютъ... Трудно придется намъ, — сказалъ Кутеповъ адъютанту полка и скомандовалъ:

— Цѣпь, впередъ!

Цѣпь поднялась и пошла. За каждой ея перебѣжкой оставались неподвижныя или еще судорожно подергивающіяся тѣла.

— Не кланяться, не кланяться! — ежеминутно раздавался громкій голосъ Кутепова, идущаго рядомъ съ цѣпью.

— Впередъ, впередъ!

Наконецъ, большевиковъ стали преслѣдовать пулеметами. Офицерскій полкъ подошелъ къ казармамъ на окраинѣ Екатеринодара. Большевики опять открыли стрѣльбу. Рядомъ съ Кутеповымъ упалъ адъютантъ полка.

— Что съ вами? Подымитесь, — сказалъ А. П.

— Да я раненъ, господинъ Полковникъ.

А. П. поднялъ офицера и отнесъ его за стѣну казармъ.

— Ну, *становитесь на ноги...*

Адъютантъ всталъ на правую ногу.

— Становитесь на лѣвую.

— Да у меня кость перебита...

— Эхъ, Федора Ивановна, — не выдержалъ А. П. — Снова приподнялъ раненаго, посадилъ его на камень и сталъ стаскивать сапогъ. Сапогъ не слѣзалъ. А . П. разрѣзалъ его ножомъ, потомъ подозвалъ сестру милосердія и двухъ солдатъ. Посадилъ адъютанта на винтовку и проводилъ его до хаты.

Когда Добровольческая армія была уже въ Харьковѣ, этотъ адъютантъ, *выздоровѣвъ отъ раны, явился къ генералу Кутепову.*

— Вы куда?

— Въ свой полкъ, Ваше Превосходительство.

— Ну, вамъ еще рано воевать, смотрите, какой вы зеленый. Останетесь у меня въ штабѣ.

Въ этотъ день А. П. говорилъ штабному офицеру, въ чье распоряженіе поступилъ бывшій адъютантъ полка:

— Я вамъ въ помощники назначилъ одного капитана, первопоходника. Онъ бывшій студентъ, навѣрное съ краснымъ флагомъ ходилъ, но прекрасный офицеръ и хорошо воевалъ.

. ...

Въ числѣ убитыхъ подъ Екатеринодаромъ былъ командиръ Корниловскаго полка — полковникъ Нѣженцевъ.

Со своего кургана, почти на линіи окоповъ, Нѣженцевъ видѣлъ, какъ цѣпь Корниловцевъ залегла въ оврагѣ. — «Связанный незримыми нитями съ тѣми, что лежали внизу, онъ чувствовалъ, что наступилъ предѣлъ человѣческому дерзанію, и что пришла пора пустить въ дѣло «послѣдній резервъ». Сошелъ съ холма, перебѣжалъ оврагъ и поднялъ цѣпи.

— Корниловцы, впередъ!

Голосъ застрялъ въ горлѣ. Ударила въ голову пуля. Нѣженцевъ упалъ. Потомъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и повалился опять, убитый наповалъ второю пулей...

Когда Корнилову доложили о смерти Нѣженцева, онъ закрылъ лицо руками и долго молчалъ»... (9).

Преемникомъ Нѣженцева — командиромъ своего Корниловскаго полка — Корниловъ назначилъ полковника Кутепова, а на другой день 31-го марта 1918 г., наканунѣ рѣшительнаго штурма Екатеринодара, былъ убитъ самъ Корниловъ.

Добровольцы пали духомъ. Послѣднее многодневное боевое напряженіе казалось напраснымъ. Стройныхъ войсковыхъ частей не было. Снарядовъ осталось нѣсколько десятковъ. Малодушные думали, какъ бы спастись въ одиночку...

Генералъ Алексѣевъ отдалъ приказъ — въ командованіе Арміей вступить генералу Деникину — и сказалъ:

— Ну, Антонъ Ивановичъ, принимайте тяжелое наслѣдство. Помогай вамъ Богъ.

Передавали, что Деникинъ отвѣтилъ:

— Если отъ арміи останется хотя бы взводъ, мой долгъ быть съ нимъ.

Искусно маневрируя, Деникинъ повелъ добровольцевъ. Ему надо было вырвать изъ большевицкаго кольца потрясенную и почти безоружную армію.

Однажды ночью, при переходѣ добровольцевъ желѣзно-дорожнаго полотна, въ будкѣ около переѣзда расположился весь штабъ Главнаго командованія. Неожиданно подошелъ красный бронированный поѣздъ.

«Марковъ съ ногайкой въ рукѣ бросился къ паровозу.

— Поѣздъ, стой. Раздавишь с. с. Развѣ не видишь, что свои?!

Поѣздъ остановился.

И пока ошалѣвшій машинистъ пришелъ въ себя, Марковъ выхватилъ у кого-то ручную гранату и бросилъ ее въ машину. Мгновенно изо всѣхъ вагоновъ открыли сильнѣйшій огонь изъ ружей и пулеметовъ... Только съ открытыхъ орудійныхъ площадокъ не успѣли дать ни одного выстрѣла». (10).

Между тѣмъ добровольцы успѣли продвинуть къ самому поѣзду орудіе и своими послѣдними снарядами разбили паровозъ и блиндированные вагоны. Со всѣхъ сторонъ бросились на поѣздъ Марковцы, и скоро все кончилось.

Добровольцы захватили болѣе 400 артиллерійскихъ снарядовъ и около 100 тысячъ ружейныхъ патроновъ.

Армія воспрянула духомъ и вырвалась изъ кольца большевиковъ.

Бои съ большевиками становились рѣже. Не каждый день плясали на небѣ звонкія облачка, и не такъ часто взрывали землю гранаты. Ослабѣвала постоянная напряженность отъ ожиданія, что завтра снова бой, и не такъ ужъ сосало подъ ложечкой.

До арміи начали доходить слухи о возстаніяхъ на Дону. Разъѣздъ, посланный на развѣдку, подтвердилъ, что Донъ всколыхнулся. Пріѣхали съ Дона и гонцы съ просьбой забыть старое и притти на помощь.

Бѣлый свѣточъ во тьмѣ разгорался...

Быстрыми маршами Деникинъ повелъ армію на Донъ.

Въ то же время къ Ростову на соединеніе съ добровольцами приближался тысячный отрядъ полковника Дроздовскаго. Своихъ добровольцевъ онъ привелъ съ Румынскаго фронта.

Добровольцы съ глубокимъ волненіемъ встрѣтили новыхъ соратниковъ.

«Старый вождь, генералъ Алексѣевъ, обнажилъ сѣдую голову и отдалъ низкій поклонъ — «рыцарямъ духа, пришедшимъ издалека и влившимъ въ насъ новыя силы»... (11).

Въ концѣ апрѣля Деникинъ уже могъ отправить своихъ раненыхъ добровольцевъ въ освобожденный Новочеркасскъ. Ростовское купечество пожертвовало по подписному листу на двѣ тысячи раненыхъ 470 рублей.

. ...

Добровольцы, поступая въ армію, давали обязательство пробыть въ ней четыре мѣсяца. Въ маѣ 1918 г. для большинства добровольцевъ этотъ срокъ истекалъ. Было большое искушеніе уѣхать за Донъ въ очищенную отъ большевиковъ Украину и тамъ отдохнуть отъ ужасовъ гражданской войны, но уже на Ростовскомъ вокзалѣ висѣла огромными буквами торжествующая надпись на нѣмецкомъ языкѣ — «Кавказъ». Торжество нѣмецкой каски цѣною предательства большевиковъ. Предана родина, армія, союзники. И только за Дономъ, въ далекихъ степяхъ, у Деникина съ его первопоходниками гонимый символъ Россіи — трехцвѣтный національный флагъ...

Добровольческая армія не только сохранилась, въ нее стекались новые бойцы и казацкіе отряды. Численность арміи возросла до 9-ти тысячъ.

9-го іюня 1918 г. Добровольческая армія выступила въ свой 2-ой Кубанскій походъ. Противъ нея большевики сосредоточили полукругомъ около 100 тысячъ штыковъ съ огромными боевыми припасами изъ складовъ бывшаго Кавказскаго фронта.

Опять бои и снова тяжелыя потери. Въ одномъ изъ первыхъ боевъ 12-го іюня былъ убитъ генералъ Марковъ.

Когда на его похоронахъ раздалась команда — слушай, на краулъ! — въ первый разъ полкъ такъ небрежно отдавалъ честь своему генералу: ружья валились изъ рукъ, штыки колыхались. Офицеры и казаки плакали (12).

А для Деникина смерть генерала Маркова была такой же потерей, какъ для Корнилова смерть полковника Нѣженцева...

На мѣсто Маркова вр. командующимъ 1-ой дивизіей Деникинъ назначилъ полковника Кутепова.

Свою армію генералъ Деникинъ сталъ бросать, какъ литой снарядъ изъ пушки, и поочередно разбивалъ большевицкіе отряды.

А. П. съ 1-ой дивизіей былъ въ бояхъ подъ Великокняжеской, Тихорѣцкой и Кущевкой, описалъ весь полукругъ — съ востока на западъ.

Подъ Тихорѣцкой большевики оказывали сильнѣйшее сопротивленіе, въ концѣ концовъ они выкинули въ своихъ окопахъ бѣлые платки на штыкахъ. А. П. со своимъ штабомъ подъѣхалъ къ окопамъ, но большевики вѣроломно открыли огонь. Перебили нѣсколько человѣкъ и ранили адъютанта А. П.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ выхода въ свой 2-ой Кубанскій походъ добровольцы сломили упорство Красной арміи и взяли Екатеринодаръ.

VI.

«Любите враговъ своихъ... Боже
Но если любовь нежива?
Но если на вражескомъ ложѣ
Невѣсты моей голова?

Но если тишайшія были,
Расплавивъ въ хмѣльное питье,
Они Твою землю растлили,
Грѣхомъ опоили ее?

Господь, успокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Надъ этой запекшейся твердью
Ударить въ набаты крови.

И гнѣвъ Твой, клокуще-знойный,
На трупныя души пролей!
Такіе враги — недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.»

Иванъ Савинъ.

Кончились походы по донскимъ и кубанскимъ степямъ. Добровольцы только за 1-ый походъ въ два съ половиной мѣсяца прошли тысячу верстъ. Изъ 80 дней — 44 дня вели бои. Во 2-мъ походѣ не меньше.

Непрерывные бои безъ отдыха, безъ смѣны. Оружіе доставали съ боя. Перевязочныхъ средствъ не было. Раненые тряслись на повозкахъ и въ томленіи ждали развязки каждаго боя...

Легла на добровольцевъ и великая моральная тяжесть. За ними не стояла Верховная власть, которая взяла бы на себя всю отвѣтственность за войну и войну не противъ внѣшняго врага, а войну междоусоб-

ную, гдѣ нравственная отвѣтственность за проливаемую кровь несоизмѣримо тяжелѣе. Эту тяжскую отвѣтственность первопоходники взвалили на себя первые и въ полномъ духовномъ одиночествѣ.

По истинѣ тернистый путь, прокладываемый мечомъ.

Въ гражданской войнѣ — врагъ со всѣхъ сторонъ. Кто другъ, кто недругъ — неизвѣстно. Отъ родныхъ отрѣзаны, и тыла нѣтъ. Нѣтъ и милости къ побѣжденнымъ. Воздухъ насыщенъ злобой и ненавистью...

Безпощадность и терроръ къ офицерамъ были холоднымъ расчетомъ Совѣтской власти, а солдатская и матросская вольница видѣли въ каждомъ офицерѣ осколокъ стараго режима, живое напоминаніе прошлой войны и молчаливый укоръ своей совѣсти. Это надо было растоптать, уничтожить...

Въ Евпаторіи въ трюмъ гидро-крейсера «Румынія» перевезли триста обреченныхъ офицеровъ.

«Смертника вызывали къ люку. Вызванный выходилъ наверхъ и долженъ былъ итти черезъ всю палубу на лобное мѣсто мимо матросовъ, которые наперерывъ стаскивали съ несчастнаго одежду, сопровождая раздѣваніе остротами, ругательствами и побоями. На лобномъ мѣстѣ матросы опрокидывали приведеннаго на полъ, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрѣзывали уши, носъ, губы, половой органъ, отрубали руки... И только тогда истекавшаго кровью, испускавшаго отъ нечеловѣческихъ страданій далеко разносившіеся, душу надрывающіе, крики — русскаго офицера отдавали красные палачи волнамъ Чернаго моря»... (13).

Нѣкоторые офицеры спасались чудомъ.

Одна партія офицеровъ была перебита изъ пулемета и сброшена въ яму, выкопанную самими обреченными. Разстрѣлянныхъ кое-какъ забросали землей. Одинъ офицеръ очнулся и имѣлъ силы выползти изъ ямы. Онъ доползъ до перваго домика. Тамъ жили сострадательные люди. Они впустили офицера, обмыли и перевязали его раны, а потомъ Христомъ Богомъ попросили несчастнаго уйти, чтобы имъ самимъ не попасть подъ разстрѣлъ.

Другая партія офицеровъ была поставлена на разстрѣлъ по всему молу. Въ это время подошелъ пароходъ Добровольнаго флота и бросилъ свой трапъ. Палачи потребовали отъ капитана немедленно отплыть отъ мола. Когда подымали трапъ, за него ухватился стоящій рядомъ обреченный офицеръ, взлетѣлъ на воздухъ и упалъ въ трюмъ.

Капитанъ не выдалъ офицера и спустилъ его на берегъ лишь въ Батумѣ.

Офицеру иногда удавалось бѣжать по дорогѣ на казнь подъ пулями въ догонку.

Быть на гранѣ таинственной черты по произволу палачей и испытать смертныя муки безо всякой вины — не можетъ пройти безслѣдно для человѣческой души. Такое дыханіе смерти испепеляетъ всякое милосердіе къ врагамъ. Въ Добровольческой арміи были офицеры, которые на своихъ винтовкахъ отмѣчали зарубками количество собственноручно разстрѣлянныхъ коммунистовъ.

Еще горше было видѣть сыновей офицеровъ — тѣхъ юношей, на глазахъ у которыхъ были истреблены ихъ семьи съ жестокимъ надругательствомъ надъ матерями и сестрами. Юношей обожгло на всю жизнь.

.. ..

Всѣ бывшіе офицеры, только за то, что они были офицерами, жили у большевиковъ подъ постоянной угрозой быть разстрѣлянными или сосланными, добровольцевъ же, взятыхъ въ плѣнъ, всегда ждала мучительная смерть.

У плѣнныхъ казаковъ большевики сдирали кожу на ногахъ въ видѣ широкихъ лампасъ, а у офицеровъ вырѣзали на лбу кокарды, на плечахъ погоны и вколачивали гвозди вмѣсто звѣздочекъ. Выкалывали глаза и сжигали на кострахъ измученныхъ и раненыхъ еще живыми...

Одинъ доброволецъ разсказывалъ:

— Однажды мы выбили большевиковъ изъ какого-то села въ Ставропольской губерніи и разошлись по хатамъ. Я былъ вмѣстѣ со своимъ большимъ другомъ, еще съ Великой войны.

— Большевики совершенно неожиданно перешли въ контръ-атаку и застали насъ врасплохъ. Кто въ чемъ былъ, выскочилъ на улицу и помчался за околицу. Я тоже... Пока пришли въ себя, пока подобрались всѣ, прошло не мало часовъ. Наконецъ, мы повели наступленіе и снова овладѣли селомъ.

— Подхожу къ своей хатѣ, а около нея лежитъ мой другъ, раздѣтый до гола, весь въ крови... Глаза выколоты, все тѣло обезображено...

— Я, какъ увидѣлъ это, такъ и пошелъ безъ оглядки. Иду и иду... Смотрю, а я уже въ степи, въ пшеницѣ... Оглядѣлся и вдругъ вижу не-

вдалекѣ небольшой шалашъ, а около него двѣ винтовки. Сторожевое охраненіе красныхъ, а я съ голыми руками... Заклокотало во мнѣ, на весь полкъ полѣзъ бы... Подскочилъ я къ винтовкамъ, схватилъ одну и заглянулъ въ шалашъ, а тамъ сидятъ два красногвардейца.

— Ну-ка, товарищи, сказалъ я прислонитесь другъ къ другу головами, и однимъ выстрѣломъ обоихъ наповалъ... Отлегло отъ сердца...

.. ..

Возвращаясь въ своемъ походѣ на старыя мѣста, добровольцы проходили иной разъ мертвыя станицы, аулы. Большевики нещадно мстили всѣмъ жителямъ, которые встрѣчали Добровольческую армію, какъ свою избавительницу.

Когда добровольцы были вынуждены очистить захваченный ими съ налета Армавиръ, для города насталъ страшный день. Большевики убили болѣе полуторы тысячи невинныхъ людей. Раздавались непрестанные ружейные выстрѣлы, прерывистый трескъ пулеметовъ, крики озвѣрѣвшей толпы, хрустъ дробящихся прикладами череповъ, стонъ, хрипѣніе умирающихъ, мольбы еще цѣплявшихся за жизнь страдальцевъ. Кровь и кровь кругомъ... (14).

Всякую свою неудачу большевики вымещали и на совсѣмъ невинныхъ жертвахъ — на заложникахъ. Заложниковъ уничтожали даже при взаимныхъ распряхъ большевицкихъ главарей.

Красный Главнокомандующій Сорокинъ разстрѣлялъ нѣсколько евреевъ, членовъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета, за ихъ постоянное вмѣшательство въ военное дѣло. Въ отвѣтъ на это Съѣздъ совѣтовъ и представителей фронта объявилъ Сорокина «измѣнникомъ революціи», а «Чека» постановила казнить въ Пятигорскѣ 107 заложниковъ.

«Въ одномъ бѣльѣ, со связанными руками, повели заложниковъ на городское кладбище, гдѣ была приготовлена большая яма... Палачи приказывали своимъ жертвамъ становиться на колѣни и вытягивать шеи. Вслѣдъ за этимъ наносили удары шашками... Каждаго заложника ударяли разъ по пяти, а то и больше... Нѣкоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партію красноармейцы свалили въ яму... На утро могильщики засыпали могилу... Вокругъ стояли лужи крови... Изъ свѣжей, едва присыпанной могилы слышались тихіе стоны заживо погребенныхъ людей»... (15).

Въ числѣ зарубленныхъ были генералы Рузскій и Радко-Дмитріевъ.

Уничтожали большевики и все то, что напоминало о милосердіи и совѣсти.

Священниковъ, совершавшихъ требы для добровольцевъ, пытали и вѣшали, въ храмахъ кощунствовали — стѣны исписывали циничными надписями, иконы растаптывали, алтари обращали въ отхожія мѣста, оскверняя священные сосуды.

... ...

Разъяренный потокъ большевизма вырывалъ съ корнями все, что незыблемо стояло вѣками — вѣру отцовъ, бытъ народа, права человѣка. Всю Россію захлестнули мутныя волны. Казалось, безумство противоборствовать той силѣ, что опрокинула самые устои бытія. Но уныніе и страхъ добровольцевъ побѣждала ихъ вѣра. Вѣра живая жертвенная.

Въ рѣдкіе дни отдыха добровольцы, оставались въ тишинѣ, вели между собою сокровенные разговоры.

— Побѣдимъ ли мы большевиковъ? — говорилъ одинъ — не знаю... Иногда меня охватываетъ большое сомнѣніе... Весь народъ обезумѣлъ, а насъ такъ немного... И нѣтъ у насъ обжигающихъ словъ, и мы всѣ, безъ исключенія, виновны во многомъ... Но свой выборъ я сдѣлалъ...

— Знаешь, о чемъ я думаю? — Нашъ народъ всегда искалъ правду жизни и такую правду, которая была бы едина для всего міра, какъ солнце. Иначе, какая же это правда, если отъ нея одному горячо, а другому холодно. Въ этомъ исканіи одинаковаго для всѣхъ тепла и сокрыто зерно великаго соблазна...

— Большевики это поняли... Въ своемъ ученіи они сулятъ воплотить на землѣ всеобщую правду. А проповѣдываніе этой правды у нихъ одѣто въ оболочку тѣхъ вдохновенныхъ словъ, что звучатъ по всему свѣту двѣ тысячи лѣтъ.

— Большевики призываютъ объединиться вокругъ нихъ пролетаріевъ всѣхъ странъ — зовутъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Не отдаютъ предпочтенія ни одной расѣ, ни бѣлой, ни чернокожей — для нихъ нѣсть еллинъ, ни іудей. Провозглашаютъ войну дворцамъ, миръ хижинамъ — низложатъ сильныхъ съ престоловъ и вознесутъ обездоленныхъ. Послѣдніе станутъ первыми... При своемъ владычествѣ уничтожатъ властъ капитала — въ ихъ грядущемъ царствіи нѣтъ мѣста богатому. Не станетъ и бѣдныхъ, ибо всѣ блага будутъ дѣлиться поровну между всѣми — насытятся алчущіе и жаждущіе. Наконецъ, снимутъ проклятіе временъ — добывать хлѣбъ въ потѣ лица своего. Это чудо сотворятъ силою бездушныхъ машинъ.

— Воплотится на землѣ всемірная правда... А какою цѣною? — Надо только поклониться ихъ власти и отречься отъ воли своея — отказаться сѣятелю отъ всякой свободы въ воздѣлываніи полей, дабы ни единый колосъ не былъ взрощенъ безъ вѣдома господина...

— Вѣдь это то самое великое искушеніе, которымъ въ пустынѣ діаволъ соблазнялъ Христа — обрати камни въ хлѣбъ, поклонись мнѣ, и дамъ Тебѣ власть надъ всѣми царствами міра... Спаситель отвергъ искушеніе, а Россія не устояла... Пошла за призракомъ вселенской правды... За призракомъ Христа...

— Помнишь Блоковское «Двѣнадцать»? — Въ Октябрьскую революцію по городу, затаившемуся отъ страха, идутъ большевики. Ихъ двѣнадцать, по числу апостоловъ.

... Такъ идутъ державнымъ шагомъ —
Позади — голодный песъ,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной россыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Исусъ Христосъ.

— А у Матѳея сказано: пріидутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить — я Христосъ — и многихъ прельстятъ.

— Но я вѣрю и вѣрю всѣмъ своимъ существомъ — наступитъ день, и Россія въ горести и стенаніи отвернется отъ своихъ обольстителей... Быть можетъ, къ этому часу она будетъ вся истерзанной, поруганной... Но это будетъ великій день воскресенія духа. Россію охватитъ страшная скорбь и раскаяніе... И вотъ, всѣ теперешнія жертвы во имя Россіи и будутъ тогда для нея свѣтлымъ лучомъ, за которымъ она потянется къ вѣчному солнцу, къ Источнику жизни и радости...

— Россія замолитъ у Бога и наши грѣхи передъ нею во имя ея же...

— Да... протянулъ другой офицеръ, — а вотъ я на Великой войнѣ дрался за Россію безо всякой философіи, безъ нея дерусь и на гражданской, а воевать буду до тѣхъ поръ, пока вмѣсто чортовыхъ буквъ не станутъ снова писать Россія. Большевиковъ ненавижу до остервенѣнія... Но не хочу скрывать, одно мнѣ нравится въ нихъ — это то, что въ конечномъ счетѣ они хотятъ набить морду и прежнимъ нашимъ врагамъ, да и союзничкамъ тоже. Лестно, конечно, ежели Москва,

пусть красная, а начнетъ диктовать свою волю Берлину и Парижу съ Лондономъ...

... ...

Чѣмъ дольше воевали добровольцы, тѣмъ больше росла ихъ увѣренность въ освобожденіе Россіи. Каждая побѣда давала имъ радость, но и каждная побѣда увеличивала тягость на душѣ. Въ сознаніи не мирилось, что русскими берутся съ боя свои же русскіе города и села, и что на полѣ битвы лежать убитые и зарубленные одни только русскіе люди. Братъ на брата... Тяжелымъ камнемъ на Добровольческую армію ложились и плѣнные. Что дѣлать съ ними?

У «кочующей арміи» тыла не было. Врагъ безпощаденъ, и ненависть къ нему заливала сердце. Послѣ каждаго боя взятыхъ въ плѣнъ коммунистовъ разстрѣливали. За рѣдкимъ исключеніемъ коммунисты встрѣчали смерть мужественно. Такая смерть вызывала къ врагу уваженіе и даже какъ бы примиреніе съ нимъ.

Плѣнные передъ смертью обыкновенно только спрашивали:

— Куда встать лицомъ?

Однажды въ бою окружили красныхъ курсантовъ. Они сдались. Передъ разстрѣломъ ихъ поставили въ шеренгу. Одинъ курсантъ сдѣлалъ шагъ впередъ, вытянулся и обратился къ офицеру.

— Разрѣшите намъ выкурить по послѣдней папироскѣ?

— Пожалуйста.

Докурили. Снова вышелъ курсантъ:

— Теперь позвольте намъ спѣть?

— Пойте.

Курсанты запѣли Интернаціоналъ. Закончили пѣніе подъ трескъ винтовокъ.

Морозъ подиралъ по кожѣ добровольцевъ...

. ...

Многіе офицеры съ внѣшнимъ спокойствіемъ и даже молодечествомъ любили разсказывать, какъ они плѣнныхъ разстрѣливали въ затылокъ, съ какимъ шумомъ летятъ на нѣсколько саженей черепныя коробки, и вдругъ смолкали на кокой-нибудь подробности. Внезапно потускнѣвшій взглядъ выдавалъ все напускное равнодушіе...

Съ глазу на глазъ признавались:

— Не сплю по ночамъ, такъ и стоятъ передо мною разстрѣлянные...

Кутеповъ зналъ, что не всякому подъ силу быть карающимъ судьею. Онъ разсказывалъ:

— Иной офицеръ и храбрый и владѣетъ собой въ бояхъ на рѣдкость, ни одного выстрѣла зря не сдѣлаетъ, цѣпи большевиковъ подпустить подъ пулеметъ на нѣсколько шаговъ и всѣхъ срѣжетъ, въ штыковыя атаки ходитъ безстрашно, а возьметъ въ плѣнъ комиссара, и все-таки приведетъ его ко мнѣ, какъ къ своему командиру. Про этого комиссара сами красноармейцы нараскажутъ, что онъ только ни вытворялъ, а офицеръ спрашиваетъ меня, что дѣлать съ плѣннымъ...

— Скажешь — разстрѣлять — и этотъ же офицеръ пойдетъ тогда и выполнитъ мое приказаніе. А вотъ самому взять на себя нравственную отвѣтственность за разстрѣлъ не всякій офицеръ рѣшался — боялся такой отвѣтственности...

— А другой разъ, — говорилъ А. П., — привели ко мнѣ парня. Былъ онъ на фронтѣ въ германскую войну и вернулся въ свой городишко большевикомъ. Проходу не давалъ отцу и матери, ругалъ ихъ буржуями, тащилъ все изъ дому. Наконецъ, выкопалъ во дворѣ яму и спихнулъ туда отца, забросалъ его землей по горло, сталъ допрашивать, гдѣ запрятаны деньги, и тыкалъ солдатскимъ сапожищемъ въ лицо своего отца... Даже мать не заступилась за такого сына...

.. ..

Когда у Добровольческой арміи появилась своя территорія и тылъ, у добровольцевъ стало иное отношеніе къ плѣннымъ, особенно къ мобилизованнымъ красноармейцамъ.

Во время одного боя нѣсколько казаковъ случайно заскочили въ тылъ краснымъ, понеслись вдоль полка со свистомъ и крикомъ — сдавайтесь, рубать не будемъ! — и полкъ сдался.

Около штаба полка плѣнныхъ выстроили въ шеренгу. Старшій офицеръ выступилъ съ рѣчью. Онъ говорилъ:

— Мы, добровольцы, боремся противъ большевиковъ. Предатели и комиссары захватили власть и правятъ Россіей. Посмотрите, что они сдѣлали съ русской землей, а мы хотимъ установить законъ и порядокъ, и пусть самъ народъ выберетъ ту власть, какая ему нравится.

— Кто старше 42-хъ лѣтъ, — продолжалъ офицеръ, — тотъ свободенъ, можетъ итти домой, а кто моложе, пусть поступаетъ въ наши ряды и искупитъ свои прошлыя прегрѣшенія.

Новыхъ добровольцевъ обмундировывали за счетъ отпускаемыхъ плѣнныхъ. Вдоль обѣихъ шеренгъ — отпущенныхъ и мобилизованныхъ — ходилъ офицеръ и заставлялъ обмѣниваться сапогами, шапками, шинелями — рваными на цѣльные.

Бывали случаи, когда добровольцы проявляли милосердіе даже къ коммунистамъ.

Подъ самое Рождество былъ настигнутъ большевицкій разъѣздъ, и одинъ кавалеристъ былъ схваченъ. При обыскѣ у него нашли партійный билетъ. Плѣнный стоялъ прямо, руки по швамъ, и на всѣ вопросы отвѣчалъ кратко и точно. Былъ унтеръ-офицеромъ старой арміи. Его волненіе выдавали сухія губы, которыя онъ облизывалъ, и лихорадочный блескъ въ глазахъ. Послѣ допроса его увели.

Поручикъ, допрашивавшій плѣннаго, пошелъ къ своему командиру.

— Господинъ полковникъ, я только что опросилъ плѣннаго кавалериста, вотъ его показанія. Самъ онъ коммунистъ, и у него партійный билетъ. Что прикажете съ нимъ дѣлать?

— То-есть, какъ что?

— Завтра Рождество Христово... Вѣдь не разстрѣливать въ такой праздникъ...

— Ну, дѣлайте, какъ хотите.

— Отпустить его можно?

— Да на всѣ четыре стороны...

— Слушаюсь.

На другой день поручикъ велѣлъ привести плѣннаго. Два казака съ обнаженными шашками остались снаружи у дверей хаты.

— Не хочу врать,—сказалъ офицеръ плѣнному,—такихъ, какъ ты, партійныхъ коммунистовъ мы разстрѣливаемъ. Но сегодня Рождество Христово. Командиръ приказалъ тебя отпустить. Хочешь, иди къ своимъ — выдамъ тебѣ пропускъ, хочешь — иди въ тылъ, только дай честное слово, что не будешь агитировать противъ насъ...

Плѣнный поблѣднѣлъ. Изъ глазъ закапали слезы...

— Покорнѣйше благодарю васъ, господинъ поручикъ.

— Благодари не меня, а Бога. А если ты не вѣрующій, все-таки помни всегда, что ты обязанъ своимъ спасеніемъ Рождеству Христову... Куда же ты хочешь итти?

— Разрѣшите остаться у васъ, господинъ поручикъ.

— Какъ у насъ?

— Такъ точно, у васъ въ арміи. Честно служить буду...

— Твое дѣло.. Но куда его отправить? — сталъ думать офицеръ. — Въ пѣхоту? — Неловко, вчера стрѣлялъ въ насъ, а завтра въ своихъ... Въ кавалерію? — Сопретъ еще коня и на немъ удеретъ...

— Вотъ что, — надумалъ офицеръ, — иди въ станицу, разыщи артиллерійскій паркъ и передай тамъ капитану мою записку. Коли приметъ тебя, будешь у него служить, но, повторяю, дѣлай, какъ хочешь.

Офицеръ вышелъ къ казакамъ. Они вытянулись.

— Шашки въ ножны, — скомандовалъ офицеръ, — плѣнный свободенъ.

Казаки съ недоумѣніемъ смотрѣли на поручика.

— Сегодня Рождество, — сказалъ поручикъ, — командиръ приказалъ отпустить плѣннаго.

— И то вѣрно, господинъ поручикъ... Что же, Богъ дастъ, и правда одумается...

Стукнули шашки, казаки повернулись налѣво кругомъ и ушли.

Ну, теперь можешь итти, — обратился офицеръ къ плѣнному.

Скрыться въ огромной станицѣ было легко. Но освобожденный кавалеристъ разыскалъ артиллерійскій паркъ и явился къ своему новому начальнику.

VII.

Вскорѣ послѣ взятія Екатеринодара добровольцы заняли Новороссійскъ и очистили отъ большевиковъ Черноморскую область. Населеніе Новороссійска восторженно встрѣтило своихъ избавителей и рѣшило преподнести имъ образъ Св. Николая Чудотворца. Принять этотъ даръ пріѣхала делегація отъ добровольческаго Кубанскаго полка во главѣ со своимъ командиромъ. Самъ полкъ въ это время былъ переброшенъ подъ Ставрополь.

На рѣчь представителя города отвѣчалъ командиръ полка, весь загорѣлый обвѣтренный. Онъ сурово глядѣлъ на представителей города и говорилъ:

— День освобожденія вашего города радостный и для моего полка — крѣпнетъ наша связь съ населеніемъ, и у Добровольческой арміи об-

разуется тылъ. Кровное дѣло и подвигъ добровольцевъ — освобожденіе Родины — теперь становится нашимъ общимъ съ вами дѣломъ и подвигомъ. Но когда я говорю о добровольческихъ полкахъ, знайте, что это нѣчто единое — въ нихъ нѣтъ ни правыхъ, ни лѣвыхъ. Добровольцы — это одно цѣлое, что служитъ Россіи, имъ дороже всего — Родина...

— Первый освобожденный нами портъ называется Новороссійскъ. Пусть его названіе будетъ символомъ новой Россіи, для возрожденія которой разсѣяно въ степяхъ такъ много могилъ добровольцевъ... Заброшенныя могилы со стертыми надписями на бѣлыхъ крестахъ... Никто изъ родныхъ не плакалъ надъ ними и не пѣлъ панихиды, только степные вѣтры бьются о кресты, и только тучи льютъ слезы... Но пусть помнитъ о павшихъ добровольцахъ наша общая матерь Россія, съ мечтой о которой они умирали, не заботясь о томъ, надѣнемъ ли мы корону на освобожденную Россію или не надѣнемъ. Мы, добровольцы, благоговѣйно склонимся передъ Россіей и безъ скипетра въ ея рукѣ, была бы только рука родной материнской для всѣхъ ея сыновей...

.. ..

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Новороссійска полковникъ Кутеповъ былъ назначенъ Черноморскимъ военнымъ губернаторомъ.

Пріѣхалъ А. П. въ совершенно разоренный край. Аппаратъ власти былъ разрушенъ, денежныя средства отсутствовали, продовольствія почти не было. Все приходилось налаживать сызнова.

— Трудно мнѣ было, — вспоминалъ А. П., — особенно съ финансами, но за то я прошелъ хорошую школу.

А. П. привлекалъ сотрудниковъ, ежедневно объѣзжалъ городъ, заходилъ во всѣ казенныя учрежденія, а вечерами до глубокой ночи изучалъ законы, хозяйственные вопросы и съ головой погружался въ разные расчеты.

Одною изъ первыхъ мѣръ, проведенныхъ А. П., было установленіе безсословнаго земства, что тщетно ждала Черноморская губернія много лѣтъ.

Вообще къ нуждамъ населенія А. П. былъ очень внимателенъ и отзывчивъ.

Съ начальникомъ своей канцеляріи А. П. постоянно воевалъ, когда тотъ давалъ ему на подпись заготовленныя бумаги, налагающія на населеніе разнаго рода денежныя взысканія.

— Нельзя же такъ формально относиться къ дѣлу, — говорилъ А. П., — вѣдь вы же тянете съ разоренныхъ людей.... Надо быть прежде всего человѣкомъ, а не чиновникомъ.

Съ этихъ поръ наряду съ «Федорой Ивановной» у А. П. вошло въ привычку обзывать многихъ «чиновниками».

— Иной думаетъ,—ворчалъ А. П.,—чѣмъ больше онъ испишетъ бумагъ или наставитъ своихъ резолюцій, тѣмъ Россія скорѣе спасется. Чиновники... Живое дѣло проходитъ мимо ихъ носа.

Постоянно заботясь о населеніи, А. П. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безпощаденъ ко всѣмъ грабителямъ и насильникамъ.

Общественные круги, враждебно настроенные къ Добровольческой арміи, окрестили Черноморскую губернію за твердую власть Кутепова «Кутепіей».

Въ своей «Кутепіи» А. П. пробылъ полгода. Въ январѣ 1919 года онъ, произведенный въ генералъ-маіоры за боевыя отличія въ Кубанскихъ походахъ, былъ назначенъ командиромъ 1-го армейскаго корпуса и вызванъ на фронтъ.

VIII.

Ко времени пріѣзда А. П. на фронтъ большевицкая армія на Кавказѣ была окончательно разгромлена. По собственному выраженію Троцкаго были разбиты «полчища красныхъ». Добровольцы неутомимо ихъ преслѣдовали. На всѣхъ путяхъ отступленія красной орды валялись сломанныя повозки, походныя кухни. Около дорогъ, на занесенной снѣгомъ степи, подъ безрадостнымъ небомъ чернѣли раскинувшіеся люди и вздымались небольшими холмиками вздутые трупы коней съ одеревенѣлыми ногами. Встрѣчались лошади еще живыя. Онѣ, обезсиленныя, неподвижно стояли по вѣтру съ низко опущенными шеями, медленно приподымали головы и жалобнымъ ржаніемъ провожали спѣшащихъ, равнодушныхъ людей...

Добровольцы захватывали огромные обозы, биткомъ набитые всякимъ награбленнымъ добромъ — мануфактурой, обувью, продуктами, спиртомъ. Узлами лежали церковныя облаченія. Красноармейцы въ своихъ обозахъ возили даже мельничные жернова.

Штабъ 1-ой дивизіи, переформированный въ штабъ 1-го армейскаго корпуса, ждалъ своего «Комкора» на станціи Прохладной Владикавказской желѣзной дороги, откуда уже виднѣлась снѣговая шапка Эльборуса.

Офицеры штаба отобрали нѣсколько вагоновъ изъ поѣздныхъ составовъ, разбросанныхъ по всему полотну желѣзной дороги, вымыли ихъ, вычистили и въ январьскую непогоду съ наслажденіемъ размѣстились по купэ. Потрескивали трубы отъ радіаторовъ, свѣтили электрическія лампочки, было необычно тепло и уютно. Но уже черезъ нѣсколько часовъ пришлось всѣмъ выскочить изъ вагоновъ. Тысячи вшей и клоповъ вылѣзли изо всѣхъ щелей и складокъ мягкой обивки и вгрызлись въ сидящихъ. Позвали машиниста и попросили его обдать внутренность вагоновъ горячимъ паромъ изъ шланги.

— Да, — глубокомысленно замѣтилъ машинистъ, — пожалуй противъ этихъ насѣкомоядныхъ другого средствія и не придумаешь. Ужъ очень много развелось ихъ черезъ товарищей.

Наконецъ, къ концу января пріѣхалъ молодой генералъ Кутеповъ со своимъ адъютантомъ, капитаномъ Марковскаго полка. Стройный адъютантъ съ соколиными бровями, бывшій студентъ технологъ, былъ очень привязанъ къ А. П. и всячески оберегалъ его еще съ самого Таганрога. Всегда сохраняя полную дисциплинированность, адъютантъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень умѣло предотвращалъ подчасъ вспыльчивыя приказанія А. П. — Скажетъ своему командиру — слушаюсь — а потомъ, когда А. П. остынетъ, спокойно объяснитъ, въ чемъ дѣло. А. П. отмѣнитъ свое приказаніе.

— Хитрый хохолъ, — называли адъютанта его друзья.

На станціи Прохладной А. П. со своимъ штабомъ пробылъ недолго. Красная армія на Кавказскомъ фронтѣ доживала свои послѣдніе дни. Ея командный составъ и комиссары частью умчались на автомобиляхъ по Военно-Грузинской дорогѣ въ Грузію, а частью проскочили на дорогу изъ Св. Креста въ Астрахань.

Красноармейцевъ, побросавшихъ свое оружіе, въ плѣнъ не брали, и они постепенно разбредались. Обычно они шли по желѣзно-дорожнымъ путямъ, или гроздьями обвѣшивали поѣздные составы, которые гнали къ Ростову. Если поѣздъ задерживался на станціи, тутъ же осѣдали и красноармейцы. Показаться въ станицахъ они не смѣли и цѣлыми сутками оборванные грязные бродили, какъ осеннія мухи, или же по нѣсколько человѣкъ съ землистыми лицами сидѣли вокругъ костерковъ. Эти кучки красноармейцевъ таяли на глазахъ. Сидятъ такъ человѣкъ десять, мѣрно покачиваясь, а черезъ нѣсколько часовъ сидящихъ уже меньше, остальные лежатъ около нихъ, неподвижно вытянувшись.

Красноармейцы ежедневно умирали сотнями отъ истощенія, отъ сыпного и брюшного тифа. Каждое утро двое мѣстныхъ жителей обхо-

дили всѣ пути около станціи и отовсюду подбирали трупы. Волокли ихъ за ноги. Головы стукались о рельсы и шпалы. Трупы, какъ полѣнья, одни на другіе складывали на вагонетку и отвозили ихъ за версту отъ станціи. Тамъ опрокидывали вагонетку около глубокой ямы, а потомъ возвращались за новой партіей.

Какъ-то мимо такой вагонетки, набитой до-верху мертвыми тѣлами, и около которой мирно полдничалъ могильщикъ, проходилъ казакъ. Онъ остановился, посмотрѣлъ на страшную кладь и сказалъ:

— Смотри, братъ, да этотъ у тебя еще дышитъ.

— Ничего, дойдетъ, — было ему въ отвѣтъ.

У А. П. однажды вырвалось:

— Господи, что сдѣлали съ народомъ? — вѣдь это же все наши русскіе солдаты...

Приходили на станцію поѣздные составы съ еще болѣе жуткими грузами, чѣмъ полумертвые красноармейцы. Везли обгорѣвшіе вагоны съ черными обуглившимися трупами, раскинутыми по полу и по уцѣлѣвшимъ верхнимъ полкамъ. Что это за люди, и при какихъ обстоятельствахъ они погибли такой лютой смертью — было неизвѣстно.

IX.

Къ серединѣ апрѣля большевики сосредоточили на Царицынскомъ направленіи 10-ую армію и повели наступленіе на Ростовъ. Они отбросили донцовъ за рѣку Манычъ и вышли на линію желѣзной дороги Батайскъ—Торговая. Передовыя части красныхъ уже были въ одномъ переходѣ отъ Ростова. Положеніе создавалось напряженное.

Генералъ Деникинъ рѣшилъ разбить 10-ую армію и сталъ въ свою очередь сосредотачивать на Манычскомъ фронтѣ добровольческія войска подъ своимъ непосредственнымъ командованіемъ.

Генералъ Кутеповъ былъ назначенъ командующимъ одною изъ войсковыхъ группъ, дѣйствовавшихъ въ этомъ раіонѣ, и вмѣстѣ со своимъ штабомъ былъ переведенъ на станцію Песчанокопскую. Около этой станціи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея было раскинуто большое село того же наименованія, гдѣ годъ тому назадъ трагически погибли раненые добровольцы.

«Во время 1-го Кубанскаго похода, когда армія возвращалась на Донъ, часть тяжело раненыхъ добровольцевъ подлѣчилась и попала въ Песчанокопское. Тамъ они вначалѣ благополучно скрывались, но потомъ были кѣмъ-то выданы. Сельскій сходъ, на разрѣшеніе котораго поступила судьба добровольцевъ, постановилъ ихъ казнить, что и было приведено въ исполненіе». (16).

У этого же села было произведено первое покушеніе на жизнь А. П. Въ вагонъ, гдѣ онъ жилъ со своей молодой женой Лидіей Давыдовной, была подброшена адская машина. Лидія Давыдовна нашла его и въ недоумѣніи разглядывала странный предметъ, пока А. П. не замѣтилъ и не взялъ его изъ ея рукъ.

Штабной поѣздъ генерала Кутепова стоялъ на станціи, затерянной въ степи.

Была весна. Въ балкахъ кустарники и деревца выбросили узенькіе еще не совсѣмъ разогнувшіеся листочки и мохнатые шарики съ желтоватымъ пушкомъ, какъ у цыплятъ. Въ тростникѣ и въ осокѣ у степныхъ рѣчекъ шуршали, перекликались и взлетали всякія птицы, а сама степь вся трепетала. Передъ разсвѣтомъ, когда потухали звѣздочки, въ чуть розовѣющихъ небесахъ уже заливались жаворонки, въ полдень струился воздухъ, какъ растаявшій сахаръ въ водѣ, и на горизонтѣ появлялись марева зеркальныхъ озеръ въ камышахъ и съ высокими тополями на берегу. Такъ и манило пойти къ нимъ въ зовущую даль. Теплый вѣтеръ пробѣгалъ переливчатыми волнами по цвѣтущей душистой степи, и въ этомъ благословенномъ раздольѣ братоубійственная война, выстрѣлы, кровь, ненависть казались такимъ же кощунствомъ, какъ оскверненіе Божьяго храма.

Пока шло сосредоточеніе добровольческихъ частей въ раіонѣ Маныча, въ штабѣ генерала Кутепова было получено извѣстіе, что въ Новороссійскъ къ генералу Деникину приплыли англійскіе корабли. Всѣ подумали, — наконецъ-то, союзники идутъ къ намъ на помощь. Черезъ нѣсколько дней въ штабъ А. П. пріѣхали два англійскихъ офицера. Они попросили у генерала разрѣшеніе осмотрѣть линію его фронта. А. П. послалъ съ ними своего штабного офицера.

Офицеръ привезъ англичанъ на фронтъ. Въ степи былъ вырытъ небольшой окопъ, а въ немъ сидѣло 4-5 добровольцевъ въ рваныхъ шинеляхъ и дырявыхъ сапогахъ. Около нихъ стоялъ пулеметъ, и лежали винтовки. Впереди окопа ни укрѣпленій, ни проволочныхъ загражденій. На той же линіи влѣво и вправо черезъ нѣсколько сотъ шаговъ другіе такіе же окопы.

— И это фронтъ? — удивленно спросили англичане.

Отвѣтъ былъ ненуженъ. Вокругъ англичанъ засвистѣли пульки, и разорвались поблизости два-три снаряда. Англичане спокойно стояли и что-то записывали въ книжку. Потомъ медленно пошли къ другому окопу.

На возвратномъ пути, англичанъ пригласилъ на ужинъ стоявшій въ резервѣ Кубанскій казачій полкъ.

Въ большой хатѣ были раскинуты столы, и разставлено угощеніе. Вина достать не могли, и вмѣсто него стояли бутылки съ самогономъ. Англичанъ посадили на почетное мѣсто.

Первый тостъ — за здоровье англійскаго Короля — предложилъ командиръ полка. Всѣ, стоя, подняли стаканы съ крѣпчайшимъ самогономъ, отъ котораго такъ и несло сивухой. Англичане осушили стаканы до дна, потомъ сѣли съ выпученными глазами, обтерли потъ со лба, и одинъ изъ нихъ обратился къ своему сосѣду, мѣшая французскія слова съ англійскими:

— Ce n'est pas tout à fait du veritable Ressling.

Тѣмъ не менѣе англичане имѣли мужество выпить полностью второй стаканъ самогона послѣ своего послѣдующаго тоста за генерала Деникина.

Къ концу ужина командиръ полка позвалъ гостей и офицеровъ на улицу. Уже стемнѣло. Въ разорванныхъ облачкахъ серебрилась луна. Поперекъ всей дороги лежала огромная куча хвороста и соломы. Вдругъ вся куча вспыхнула, затрещала, и огненные языки вскинулись выше хатъ. Издали, изъ темноты, раздался топотъ копытъ, и на полномъ карьерѣ вылетѣли на освѣщенное мѣсто четыре кубанскихъ казака на своихъ степныхъ кобылицахъ. Около костра кобылицы взметнулись на дыбы, прижали уши къ закинутымъ головамъ и съ развѣвающимися гривами и хвостами распластались надъ костромъ. Перелетѣли, и яростное пламя вытянулось вслѣдъ за умчавшимися всадниками, точно хотѣло удержать свои жертвы, но въ вихрѣ пламени, искръ и дыма замелькали новыя четверки коней — цѣлое огненное воинство. Тутъ грянула наурская лезгинка. Смѣшались дивчины, бабы, казаки. Быстро развернулись въ хороводъ, въ середину его выскочилъ молодой казакъ и понесся по кругу, почти не касаясь земли...

Англичане не выдержали, они жали руки офицерамъ и восхищались:

— Мы бывали во всѣхъ колоніяхъ Британской Имперіи и видѣли много чудесъ, но самое фантастическое зрѣлище это было у васъ казаковъ.

Въ штабѣ англичане говорили А. П.:

— Мы представить себѣ не могли, что можно сражаться въ такой обстановкѣ, какъ ваши добровольцы. Мы сами солдаты, но у насъ дрогнуло сердце... И это наши союзники по Великой войнѣ...

А. П. выразилъ надежду, что добровольцамъ, не признавшимъ Брестъ-Литовскаго договора, Англія и Франція теперь окажутъ помощь противъ поработителей Россіи и предателей общаго дѣла Антанты.

Англійскій маіоръ отвѣтилъ:

— Мой генералъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы обрисовать своему начальству истинное положеніе Добровольческой арміи, и надѣюсь, что правительство Его Величества окажетъ генералу Деникину всемѣрную помощь...

X.

Одновременно съ наступленіемъ на Ростовъ съ Царицынскаго направленія Красное командованіе отдало приказъ «уничтожить противника, прикрывающаго Донецкій бассейнъ». Эту задачу должны были выполнить три Совѣтскія арміи — 8-ая, 13-ая и большая часть 14-ой. Противъ нихъ было всего около 12 тысячъ добровольцевъ: Изо дня въ день перебрасываемые по желѣзнымъ дорогамъ въ угрожаемомъ направленіи добровольцы отдыхали только въ пути. Вся тяжесть шестимѣсячной обороны Донецкаго бассейна легла на 1-ый корпусъ подъ командованіемъ генерала Май-Маевскаго.

Въ концѣ апрѣля 1919 г. Май-Маевскій былъ назначенъ командующимъ Добровольческой арміей, а Кутеповъ, наконецъ, долженъ былъ вступить въ командованіе частями 1-го корпуса.

6-го мая А. П. вмѣстѣ со своимъ штабомъ былъ переброшенъ съ Манычскаго фронта въ Донецкій бассейнъ, и съ тѣхъ поръ 1-ый корпусъ Добровольческой арміи сталъ неразрывно связанъ со своимъ командиромъ генераломъ Кутеповымъ. Вмѣстѣ они несли все боевое напряженіе, вмѣстѣ дѣлили и славу побѣдоноснаго наступленія и горечь тягостнаго отхода...

Основные полки, входившіе въ составъ 1-го корпуса, носили имена погибшихъ вождей Добровольческой арміи. Цвѣта полковъ были какъ бы ихъ символами.

Въ черно-красный цвѣтъ былъ одѣтъ Корниловскій полкъ, зародившійся въ пламени революціи во имя грядущей обновленной Россіи.

Въ черно-бѣлый цвѣтъ — Офицерскій полкъ генерала Маркова. Когда генералъ Алексѣевъ спросилъ Маркова, зачѣмъ онъ такъ мрачно одѣлъ свой полкъ, Марковъ отвѣтилъ:

— А не такова ли судьба Россіи и всего офицерства?

Въ голубой цвѣтъ — полкъ генерала Алексѣева. Цвѣтъ въ честь молодежи, гимназистовъ и студентовъ, въ юношескомъ порывѣ устремившейся за призывомъ стараго вождя — зажечь свѣточь во тьмѣ.

И, наконецъ, Дроздовскій полкъ, пробившійся черезъ весь Югъ Россіи на соединеніе съ Корниловымъ. Дроздовцы пришли съ алымъ отблескомъ боевъ и пожарищъ на своихъ фуражкахъ.

Всѣ эти полки образовали ядро Вооруженныхъ силъ юга Россіи, и были родныя дѣтища бѣлаго движенія.

Въ Добровольческой арміи дѣлались неоднократныя попытки формированія прежнихъ полковъ Императорской арміи. Подъ старыми знаменами собирались офицерскіе кадры, свято чтившіе свои полковыя традиціи и не представлявшіе себѣ боевой жизни внѣ родного полка, тѣмъ не менѣе этимъ кадрамъ рѣдко удавалось возродить свои полки. Обыкновенно развертывались сводные батальоны изъ разныхъ полковыхъ ячеекъ. Было не въ человѣческихъ силахъ вдохнуть въ Императорскіе полки ту жизнь, что отлетѣла у нихъ съ гибелью послѣдняго Державнаго Вождя арміи...

Въ то же время Добровольческіе полки оказались необычайно жизненными. Въ своей борьбѣ съ Красной арміей эти полки по многу разъ обновляли свой составъ, пополняясь преимущественно плѣнными красноармейцами, однако своей боеспособности и стойкости никогда не теряли. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ — за періодъ наступленія изъ Донецкаго бассейна до Орла и отхода отъ него до Новороссійска — 1-ый корпусъ выдержалъ непрерывные бои съ 245 совѣтскими пѣх. полками, съ 22 отдѣльными батальонами, 57 кав. полками и дивизіонами и 28 бронепоѣздами, всего же съ 352 боевыми единицами.

Въ первые же дни вступленія А. П. въ командованіе 1-мъ корпусомъ Красная армія на всемъ Донецкомъ бассейнѣ перешла въ общее наступленіе. Добровольцы не только отразили большевиковъ, но и сами

перешли въ контръ - наступленіе, поддержанное англійскими танками. Совѣтскіе полки понесли огромныя потери и начали отступать. Плѣнные красноармейцы показывали:

— У насъ въ полкахъ только и разговору, что о салѣ для пятокъ.

Кромѣ того красноармейцы стали большими массами дезертировать и *всячески уклоняться отъ военной службы, для чего обычно портили* себѣ глаза золою или табакомъ.

Появились въ Красной арміи и серьезные признаки разложенія. Командиръ одной Украинской бригады доносилъ своему начальству, что весь его эшелонъ разгромленъ проходившей своей же совѣтской частью. Онъ писалъ:

— Уничтожены секретные документы, карты, вся оперативная переписка. Портреты вождей революціи порваны. Штабъ и команды разоружены и избиты прикладами. Вещи разграблены, и весь этотъ погромъ сопровождался возгласами — бей жидовъ и коммунистовъ.

Добровольцы, не давая опомниться противнику, безостановочно его преслѣдовали. Продѣлавъ въ теченіе мѣсяца трехсотверстный маршъ, *они послѣ пятидневнаго ожесточеннаго боя на подступахъ къ Харькову* ворвались въ городъ. На улицахъ бой продолжался. Красный броневикъ «Артемъ» носился по улицамъ и разстрѣливалъ Дроздовцевъ. Наконецъ, броневикъ былъ подбитъ. Изъ него выскочили большевики и скрылись въ какомъ-то домѣ. Къ полковнику Туркулу подошелъ еврей и, не глядя на него, прошепталъ:

— На меня не смотрите. Большевики спрятались на чердакѣ вотъ этого дома.

Дроздовцы бросились туда. Ихъ встрѣтили выстрѣлами. Большевиковъ забросали ручными гранатами и живыми въ плѣнъ взяли трехъ, среди нихъ былъ помощникъ палача «Чеки». Когда ихъ повели въ штабъ полка, разъяренная толпа совѣтскихъ гражданъ бросилась вдогонку. На всемъ пути черезъ кольцо караула протягивались кулаки, и сыпались удары на арестованныхъ, женщины въ неистовствѣ щипали и вырывали клочья изъ ихъ платья. Арестованныхъ привели въ штабъ совершенно голыми...

Какъ всегда, когда брали города, добровольцы прежде всего устремлялись къ «Чрезвычайкѣ», чтобы захватить гнѣздо палачей и освободить ихъ жертвы.

Харьковская «Чека» была на самой окраинѣ города въ большомъ пяти-этажномъ кирпичномъ домѣ-коробкѣ съ небольшими квартирами

для мелкихъ жильцовъ. За этимъ домомъ лежали пустыри и овраги. Большая площадь земли вокругъ дома была обнесена проволочными загражденіями. Недалеко отъ этого дома стоялъ барскій особнякъ. Въ немъ жили палачи во главѣ со страшнымъ изувѣромъ Саенко. По ночамъ они шли въ «Чеку», спускались въ подвалъ съ асфальтовымъ поломъ и ложбинами вдоль стѣнъ для стока крови и въ этомъ застѣнкѣ творили расправу надъ своими жертвами. Излюбленной пыткой было — ошпаривать руки кипяткомъ, а потомъ сдирать съ нихъ кожу въ видѣ перчатокъ... Замученныхъ и разстрѣлянныхъ закапывали по близости въ оврагѣ. За ночь иногда убивали до 80 человѣкъ...

Нервы у палачей были крѣпки. Бывшій каторжникъ Ивановичъ, помощникъ палача Саенко, хвастался:

— Бывало, раньше совѣсть во мнѣ заговоритъ, да теперь прошло — научилъ товарищъ стаканъ крови человѣческой выпить. Выпилъ — сердце каменнымъ стало.

Вскорѣ послѣ освобожденія Харькова жертвы «Чеки» были выкопаны и положены въ длинные ряды на землю. Цѣлыми часами около обезображенныхъ и раздѣтыхъ догола труповъ ходили согбенныя женщины, отыскивающія своихъ родственниковъ...

На торжественныхъ похоронахъ нескончаемая вереница всякихъ экипажей и телѣгъ съ сосновыми гробами на нихъ тянулись по улицамъ города подъ печальный перезвонъ церквей. Съ обнаженными головами и въ полномъ молчаніи шли толпы народа, только около гробовъ раздавались прерывистыя рыданія.

.. ..

Когда добровольцы стройными рядами входили въ освобожденный Харьковъ, горожане забрасывали ихъ цвѣтами, становились на колѣни, цѣловали стремена у всадниковъ, изъ оконъ протягивались безпомощныя дѣвичьи руки...

Городъ привѣтствовалъ генерала Кутепова параднымъ обѣдомъ и обѣщалъ всяческую поддержку Добровольческой арміи.

На послѣдующемъ общемъ собраніи объединенныхъ городскихъ организацій А. П., поблагодаривъ за всѣ привѣтствія, сказалъ:

— Я хочу еще разъ подчеркнуть, что армія безъ тыла будетъ безсильна продолжать свое дѣло. Успѣхъ арміи зависитъ отъ устройства тыла. Если будетъ спокоенъ и налаженъ тылъ, то мы спокойно и увѣренно пойдемъ впередъ.

— Я эти дни объѣзжалъ фронтъ и видѣлъ — идетъ въ бой батальонъ. Идетъ хорошо, лихо развертывается, но онъ... босой. Сейчасъ тепло, а осенью, въ морозы, какъ я могу посылать въ бой босыхъ солдатъ? Вамъ, общественнымъ силамъ, необходимо позаботиться, чтобы Добровольческая армія была снабжена всѣмъ необходимымъ...

Ожидая помощи отъ города, А. П. со своей стороны всѣми силами стремился обезпечить въ немъ порядокъ и нормальную жизнь. Уже на другой день по пріѣздѣ въ Харьковъ штаба 1-го корпуса по всему городу былъ развѣшенъ приказъ за подписью генерала Кутепова, въ которомъ объявлялось населенію, что «всѣ насилія и произволъ надъ мирными жителями будутъ караться со всей суровостью законовъ военнаго времени».

Слово А. П. было твердо. Однажды былъ арестованъ одинъ солдатъ, ограбившій еврея. Солдатъ пришелъ къ еврею на квартиру и, угрожая револьверомъ, потребовалъ денегъ. Еврей далъ пятьсотъ рублей, солдату показалось мало. Еврей сказалъ, что у него деньги въ другой комнатѣ и сейчасъ ихъ принесетъ. Выскочилъ изъ комнаты и закричалъ въ окно — караулъ, грабятъ...

Красавецъ солдатъ, бывшій гвардеецъ, совершившій Дроздовскій походъ, на военно-полевомъ судѣ не отрицалъ своей вины:

— Такъ что въ нашей ротѣ всегда говорили, да и въ книжечкѣ я читалъ, что всѣ комиссары — жиды. Жиды разстрѣляли Царя и Его Семью, жиды же погубили Россію и всѣхъ ограбили... Ну, я и думалъ, что ничего, если я самъ немного попользуюсь отъ какого-нибудь богатаго жида...

Судъ приговорилъ солдата къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, ходатайствуя передъ командиромъ корпуса о смягченіи участи осужденнаго.

Генералъ Кутеповъ приговоръ суда утвердилъ, не удовлетворивъ ходатайства суда.

По другому приговору суда былъ также разстрѣлянъ офицеръ первопоходникъ, который съ нѣсколькими друзьями ограбилъ старуху еврейку. Этого офицера удалось быстро арестовать по его отличительной примѣтѣ — въ одномъ бою онъ лишился ноги и ходилъ на деревянной. Своихъ друзей приговоренный не выдалъ...

А. П. понималъ всю опасность антисемитизма и съ нимъ всегда рѣшительно боролся.

— Сегодня громятъ евреевъ, а завтра тѣ же лица будутъ громить кого угодно другого, — какъ-то сказалъ А. П.

Впослѣдствіи въ одной своей бесѣдѣ съ журналистомъ С. И. Левинымъ изъ газеты «Руль» А. П. говорилъ:

— Чтобы искоренить антисемитизмъ, мнѣ приходилось прибѣгать къ серьезнымъ мѣрамъ. По моему приказанію изымались изъ обращенія погромные листки, антисемитскія изданія и брошюры. Кто знакомъ съ моей дѣятельностью, тотъ хорошо знаетъ, что тамъ, гдѣ я былъ, погромовъ никогда не было, и тамъ, гдѣ я буду, никогда погромовъ быть не можетъ. Когда въ Ростовѣ нѣсколько офицеровъ и солдатъ стали грабить еврейскій кварталъ, они по моему приказу были повѣшены...

При своемъ непосредственномъ общеніи съ кѣмъ-либо изъ евреевъ А. П. расцѣнивалъ его также, какъ каждаго русскаго человѣка, — патріотъ ли онъ, и есть ли въ немъ жертвенная любовь къ своему отечеству.

Въ конвоѣ генерала Кутепова, куда принимались офицеры по личному указанію А. П., было два еврея — офицеры первопоходники, бывшіе студенты.

XI.

Послѣ паденія Харькова все вниманіе краснаго командованія обращается на Южный фронтъ.

— Нашъ Южный фронтъ переживаетъ сейчасъ тяжелый кризисъ,— указывалъ Троцкій, а Революціонный военный совѣтъ 13-ой арміи отмѣчалъ въ своемъ приказѣ, что «серьезность положенія требуетъ безотлагательнаго принятія самыхъ драконовскихъ мѣръ».

Для поднятія боеспособности Красной арміи, Троцкій привлекъ къ сотрудничеству офицеровъ Генеральнаго Штаба и мобилизовалъ строевыхъ офицеровъ Царской арміи, а чтобы обезопасить совѣтскую власть отъ измѣны, онъ сковалъ души начальниковъ изъ бывшихъ офицеровъ страхомъ за судьбу своихъ близкихъ. Каждому такому начальнику подъ личную расписку сообщалось, что «его измѣна и предательство повлечетъ за собою арестъ его семьи».

Стала создаваться трехмилліонная Красная армія по законамъ военной науки.

Былъ проведенъ принципъ единаго командованія, была создана стройная организація войсковыхъ частей съ суровой дисциплиной, при-

ступлено къ принудительнымъ наборамъ, выработаны военные уставы и подробныя тактическія указанія для Красныхъ армій. Но большевицкое міропониманіе наложило свою печать на твореніе Троцкаго — духовныя начала, воинскій духъ и духовное единомысліе, только одни создающіе *прочное единство арміи, въ Красной арміи отсутствовали.* Ихъ и не могло быть, такъ какъ у красноармейской массы не было съ коммунизмомъ ни кровной исторической связи, ни общаго съ нимъ идеала, способнаго вызвать одинаковыя мысли и дѣйствія.

На одномъ засѣданіи Троцкій поучалъ и требовалъ отъ красныхъ командировъ:

— Вамъ нужно добиться, чтобы въ Красной арміи каждый солдатъ зналъ, что въ основѣ всего міра, во всемъ разнообразіи его явленій, лежитъ повинующаяся своимъ внутреннимъ законамъ матерія, а вся вѣра человѣка въ духовное начало есть только суевѣріе, внутренняя вошь, которая ослабляетъ человѣка еще болѣе, чѣмъ внѣшняя...

Красная армія Троцкаго — это былъ вооруженный Красный Роботъ изъ механически спаянной людской массы съ вкрапленной въ нее комунистическими ячейками, съ помощью которыхъ, какъ черезъ чувствительную пластинку, онъ приводился въ движеніе. Чтобы въ движеніи эта неодухотворенная масса не распалась, она была скрѣплена безпощаднымъ терроромъ.

Въ Рабоче-Крестьянской арміи всѣмъ комиссарамъ и командирамъ было предоставлено право безо всякаго суда разстрѣливать на мѣстѣ каждаго красноармейца не только за неисполненіе приказанія, но и за ропотъ противъ продовольствія. Въ каждой части, какъ общее правило, долженъ былъ стоять наготовѣ резервный батальонъ и открывать пулеметный огонь по своимъ отступающимъ цѣпямъ. Въ случаѣ дезертирства была только одна кара — разстрѣлъ и конфискація всего имущества у семьи дезертира.

Плѣнные красноармейцы говорили:

— Какъ не будешь воевать противъ васъ, намъ податься некуда. Коммунисты или тебя самого уничтожатъ, или твоихъ изведутъ.

Затаенная ненависть красноармейцевъ къ комиссарамъ и коммунистамъ часто прорывалась. Красноармейцы, окруженные добровольцами, передъ сдачей въ плѣнъ перебивали свой командный составъ. Но тѣ же самые красноармейцы, становясь солдатами Добровольческой арміи, если попадали въ плѣнъ къ большевикамъ, почти никогда не выдавали своихъ офицеровъ и всячески помогали имъ слиться съ плѣнной толпою солдатъ.

Неодухотворенныя совѣтскія войска и сражались безо всякаго боевого порыва. Если продвиженіе впередъ до нѣкоторой степени подымало духъ красноармейцевъ, то не изъ за приближающагося момента торжества совѣтской власти, а исключительно потому, что при скоромъ окончаніи гражданской войны они надѣялись на отдыхъ и мирную жизнь. Красноармейцы опредѣленно заявляли:

— Только бы война скорѣе кончилась, а намъ все равно, кто побѣдитъ, кадеты, или комиссары.

Красноармейцы давили добровольцевъ лишь своею массой...

.. ..

Въ результатѣ лихорадочной дѣятельности Троцкаго, передъ фронтомъ 1-го корпуса вновь появились многочисленныя красныя войска. Они были усилены войсками, переброшенными съ Западнаго фронта и съ фронта Колчака.

А. П. все время очень внимательно слѣдилъ за противникомъ. Въ оперативномъ отдѣленіи своего штаба два раза въ день, утромъ и вечеромъ, онъ останавливался около карты, лежащей на столѣ офицера, завѣдующаго войсковой развѣдкой, и спрашивалъ:

— Ну, какъ ввѣренныя вамъ красныя войска?

Въ концѣ іюля этотъ офицеръ доложилъ А. П. о произведенной перегруппировкѣ совѣтскихъ войскъ и о всѣхъ данныхъ, по которымъ можно было предположить о готовящемся наступленіи красныхъ. А. П. внимательно выслушалъ, переспросилъ и, какъ всегда, улыбнувшись только одними глазами, сказалъ:

— Смотрите, повѣшу васъ, если вы напутали...

Какъ разъ въ эти дни командующій арміей Май-Маевскій, страдавшій недугомъ запоя, былъ боленъ. А. П. на свой страхъ и рискъ рѣшилъ предупредить ударъ красныхъ.

28-го іюля генералъ Кутеповъ отдалъ приказъ 1-му корпусу:

— Перейти въ рѣшительное наступленіе, сбить противника съ занимаемыхъ позицій и выйти на линію Ольховатка — Ржава — Обоянь — Сумы — Лебедянь... Частямъ корпуса быть готовыми къ переходу въ наступленіе къ утру 31-го іюля.

31-го іюля бои начались. Захваченные въ совѣтскихъ штабахъ приказы, телефонограммы, донесенія и журналы военныхъ дѣйствій выяснили всю задуманную операцію большевиковъ.

— Солдаты Южнаго фронта, — писалъ Троцкій въ стилѣ стараго полководца, — для васъ пробилъ часъ рѣшительныхъ дѣйствій. Бѣлогвардейскія банды должны быть раздавлены. Тѣснѣе сомкнитесь въ ряды. Совѣтская республика ждетъ вашихъ подвиговъ и вознаградитъ васъ по заслугамъ. Впередъ, къ побѣдѣ!

Революціонный военный трибуналъ Южнаго фронта «съ цѣлью разгромленія противника» выработалъ такой планъ:

Изъ 8-ой и 13-ой армій была выдѣлена ударная группа подъ командою помощника командующаго Южнымъ фронтомъ, бывшаго генерала Селивачева. Эта группа изъ 33-хъ полковъ 42-й, 12-й, 15-й, 3-й дивизій и Симбирской бригады должны были отрѣзать Кутеповскій корпусъ отъ Донской арміи и захватить раіонъ Короча — Бѣлгородъ — Волчанскъ — Купянскъ. 13-я и 16-я дивизіи должны были двигаться къ Валуйкамъ въ сторону Донцовъ.

Въ лобъ добровольцевъ должны были бить «части крѣпостного раіона» изъ 2-хъ полковъ отдѣльной кавалерійской бригады, изъ 3-хъ полковъ особой бригады Курскаго участка, 7-ми отдѣльныхъ полковъ и отрядовъ съ 3-4 бронепоѣздами.

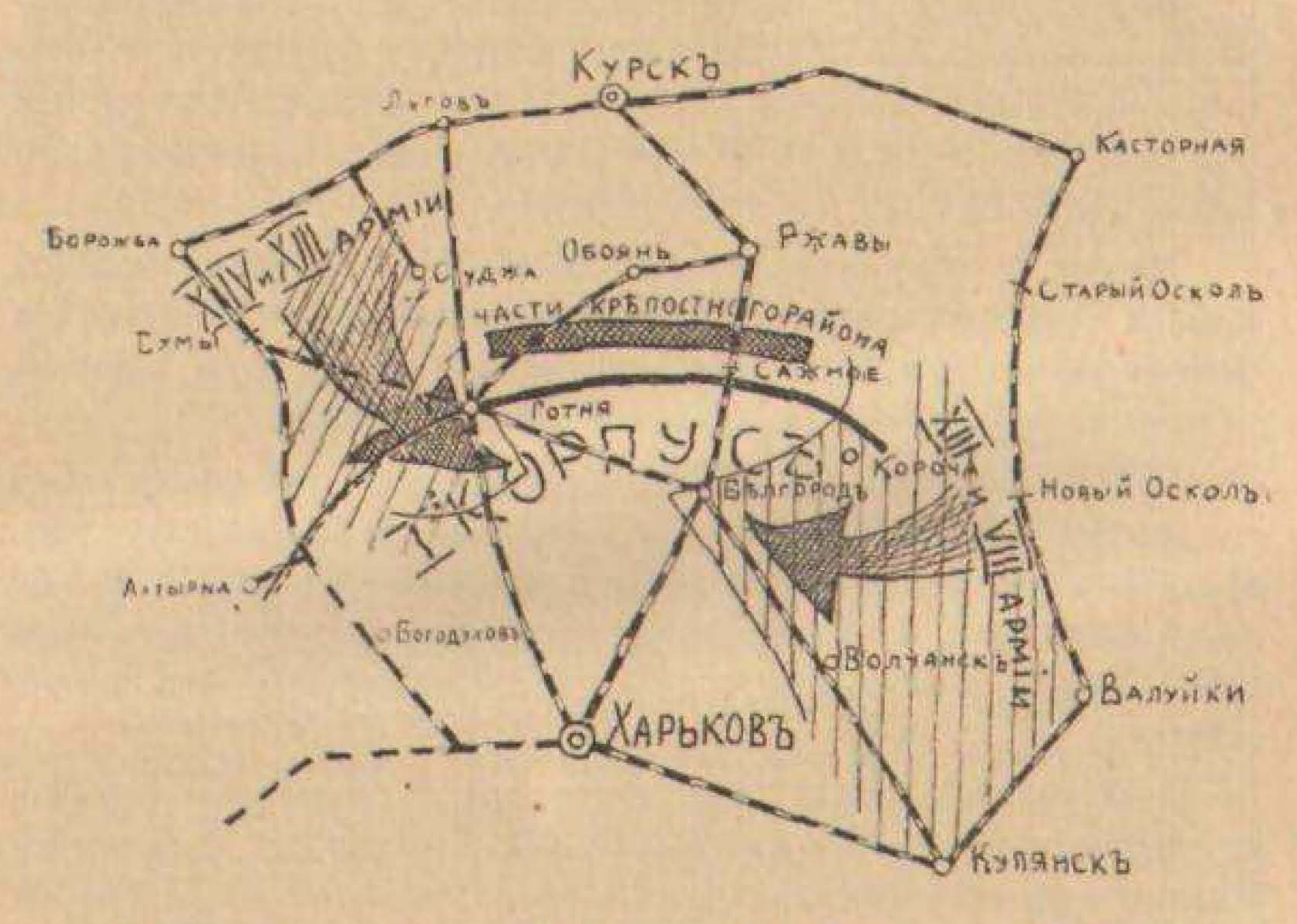
На лѣвый флангъ 1-го корпуса должны были наступать 13-ая и 14-ая арміи. По выработанному совмѣстному плану командующихъ этими арміями, на станцію Готня должны были обрушиться 9 полковъ 9-й дивизіи и 3 полка 41-й дивизіи, а 6 полковъ 7-й дивизіи, которая съ 24 часовъ 31-го іюля поступала въ подчиненіе командующему 13-й арміей, должны были развивать успѣхъ.

На 7-ую стр. дивизію красное командованіе возлагало особую надежду. Эта дивизія была переброшена съ Восточнаго фронта, гдѣ она въ раіонѣ Воткинска стояла въ резервѣ, приводилась въ порядокъ и производила все время усиленныя занятія. Въ раіонѣ Курска каждый полкъ этой дивизіи былъ доведенъ до 1.200 штыковъ, и вся дивизія продолжала дѣятельно готовиться къ боямъ. Настроеніе въ полкахъ 7-ой дивизіи, по записямъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, было бодрое и крѣпкое, полки ѣхали изъ Сибири «на новый страхъ бѣлогвардейскимъ гидрамъ». Незадолго до большевицкаго наступленія самъ Троцкій дѣлалъ смотръ этой дивизіи.

Южнѣе ст. Готня — въ раіонѣ станціи Баромля — должны были наступать 6 полковъ группы Пархоменко, 2 полка конной бригады Гусева и 8 отдѣльныхъ полковъ и отрядовъ съ 2-3 бронепоѣздами. Всего на лѣвый флангъ 1-го корпуса должны были наступать 34 полка.

Такимъ образомъ, Кутеповскій корпусъ по общему плану охватывался кольцомъ, отрѣзывался отъ Харькова и долженъ былъ быть раздавленъ 80-ю полками съ 5-7 бронепоѣздами.

Общее наступленіе красныхъ войскъ должно было начаться 3-го августа.

Предполагаемая операція красныхъ на 3-ье августа 1919 года

Всего за три дня до начала этой операціи красныхъ генералъ Кутеповъ самъ перешелъ въ наступленіе и спуталъ всѣ расчеты большевиковъ.

Части 1-го корпуса 31-го іюля стремительнымъ ударомъ въ раіонѣ ст. Готня — ст. Баромля обрушились на совѣтскіе полки и разбили ихъ. Остатки полковъ 14-ой арміи добровольцы погнали на Сѣверо-Западъ, а полки 9-й дивизіи на Сѣверо - Востокъ, открывая себѣ дорогу на Курскъ. 7-я стр. дивизія была вынуждена втянуться въ бой, но скоро отъ нея остались лишь «разрозненныя части». Въ своемъ преслѣдованіи красныхъ 1-ый корпусъ захватилъ станцію Ворожба и тѣмъ самымъ отрѣзалъ большевицкія арміи лѣво-бережной Украины отъ арміи Южнаго фронта.

Своимъ ударомъ генералъ Кутеповъ уничтожилъ западную группу противника, обезпечилъ свой лѣвый флангъ и выигралъ нѣсколько дней для того, чтобы совершить необходимую перегруппировку своихъ войскъ для встрѣчи врага въ восточномъ направленіи.

Въ стыкѣ 1-го корпуса и Донской арміи съ 3-го августа уже двигалась лавина красныхъ.

Не встрѣчая сопротивленія и видя только одни маячившіе разъѣзды добровольцевъ, красные уже заняли Валуйки — Купянскъ — Волчанскъ и подошли къ Корочѣ и Бѣлгороду. Они вышли глубоко въ тылъ 1-го корпуса и уже были въ 40 верстахъ отъ «бѣлаго Харькова», красные же разъѣзды подходили еще ближе...

Но уже къ этому времени была закончена переброска частей 1-го корпуса. Напоръ красныхъ съ Сѣвера сдерживали небольшіе заслоны, а главныя силы 1-го корпуса были сосредоточены въ Корочѣ. Харьковъ съ Востока былъ оставленъ совершенно незащищеннымъ.

Красные не рѣшились двинуться на Харьковъ, имѣя надъ собою противника. Начались жестокіе бои у Бѣлгорода и Корочи. Подъ прикрытіемъ этихъ боевъ высшее бѣлое командованіе, учитывая создавшееся положеніе и силы противника, заканчивало переброску въ этотъ раіонъ Коннаго корпуса генерала Шкуро численностью до 3-хъ тысячъ сабель.

1-ый корпусъ вмѣстѣ съ Коннымъ рядомъ маневровъ окружилъ противника, сломилъ его сопротивленіе, и ко 2-му августа разбитыя совѣтскія части лишь напрягали усилія, чтобы прорваться на Сѣверо-Востокъ.

Послѣ этихъ боевъ восточный флангъ Красной арміи подъ Курскомъ оказался обнаженнымъ, 1-ый корпусъ получилъ свободу маневрированія и, несмотря на 30-ти дневные бои, части корпуса снова устремились впередъ.

— Ни массы красныхъ войскъ, брошенныхъ противъ 1-го корпуса изъ ближайшаго тыла, изъ глубокихъ резервовъ и съ Восточнаго фронта, ни сила Курскихъ укрѣпленій не могли остановить вашъ порывъ — доблестныя войска, — такъ говорилъ приказъ генерала Кутепова отъ 7-го сентября. Въ этотъ день палъ «красный Курскъ».

Трофеи 1-го корпуса были — 15 тысячъ плѣнныхъ, 60 орудій, 100 пулеметовъ и 4 бронепоѣзда.

За боевыя отличія, оказанныя во время Харьковской операціи, А. П. былъ произведенъ въ чинъ Генералъ-Лейтенанта.

XII.

Мертвящее дыханіе большевиковъ опалило Курскъ сильнѣе, чѣмъ Харьковъ. Курскъ былъ точно пришибленный. На пустынныхъ улицахъ стояли, какъ нищіе на паперти, облупленые дома въ царапинахъ и сѣрыхъ подтекахъ отъ содранныхъ вывѣсокъ. Разбитыя окна заложены грязнымъ тряпьемъ. Въ одномъ кварталѣ торчали однѣ обгорѣлыя стѣны.

— Здѣсь была Чека, — говорили жители, — чекисты передъ своимъ уходомъ облили зданіе керосиномъ и подожгли. Весь кварталъ сгорѣлъ...

Въ развалинахъ находили обуглившіяся кости.

Оживленіе въ городѣ было только на базарѣ. Тутъ продавалась жалкая снѣдь и всякая рухлядь. Среди снующаго народа женщины съ усталыми лицами нерѣшительно предлагали кружева, бѣлье изъ тонкаго полотна и кое-какія драгоцѣнности...

Къ генералу Кутепову шли горожане со всѣми своими нуждами, и около штаба постоянно стояли кучки людей.

Какъ-то изъ штаба вышелъ на улицу офицеръ. Часовые около дверей стукнули ружьями. Изъ небольшой толпы около штаба отдѣлилось трое крестьянъ и пошли вслѣдъ за офицеромъ. Дорогой они переговаривались и размахивали руками. Когда офицеръ присѣлъ на скамью въ городскомъ саду, эти крестьяне подошли къ офицеру и сняли шапки.

— Здравствуйте, въ чемъ дѣло? — спросилъ офицеръ.

— Да вотъ мы хотимъ побезпокоить вашу милость, — сказалъ одинъ съ нависшими бровями и съ сѣдой бородой.

— Пожалуйста, — отвѣтилъ офицеръ. — Присаживайтесь.

— Спасибо на добромъ словѣ, — отвѣтилъ сѣдой, — мы и такъ постоимъ. Скажите намъ, а вы кто будете, начальникъ или какъ?

— Нѣтъ, я не начальникъ, но служу въ штабѣ.

— То-то вотъ я и говорилъ землякамъ, что чинъ то на васъ небольшой, а они мнѣ — ему, молъ, часовые ружье на караулъ взяли. Просчитались маленько... Такъ значитъ, Ваше Благородіе, ты въ штабѣ служишь — это выходитъ, что у главнаго генерала Кутепа, который всѣмъ тутъ заворачиваетъ. Такъ что-ли?

— Да, служу у генерала Кутепова, — улыбнулся офицеръ.

— Милъ человѣкъ, — сказалъ тотъ же старикъ, — уже присаживаясь на скамью, — а отвѣть ты намъ по душѣ. Дѣло у насъ не маленькое, послали насъ въ городъ наши мужички — идите, молъ, ходоками и разузнайте все доподлинно, какіе такіе Деникинцы и бѣлогвардейцы, а главное, какъ у нихъ самый набольшій рѣшилъ насчетъ земли. У насъ на селѣ большое безпокойство. Землю-то намъ отдавать придется, или нѣтъ?

Офицеръ отвѣтилъ, что генералъ Деникинъ идетъ на Москву, чтобы сбросить властъ комиссаровъ и установить по всей Россіи законъ и порядокъ, которые обезпечили бы каждому гражданину свободную жизнь и трудъ, а потомъ, когда Россія поуспокоится, тогда созвать отъ всего народа соборъ, кторый и изберетъ себѣ ту власть, какую онъ захочетъ. Тогда же выборные народа окончательно рѣшатъ, какъ быть съ землей. А до тѣхъ поръ генералъ Деникинъ такъ велѣлъ — пусть вся помѣщичья земля, какую сейчасъ обрабатываютъ крестьяне, остается въ ихъ владѣніи, но чтобы они отдавали помѣщику треть своего урожая — третій снопъ.

— Такъ, такъ, — кивали головами мужики. — Да вѣдь долго придется ждать этого самаго собора, да и какъ онъ еще рѣшитъ, ничего неизвѣстно... Небось будутъ выбирать въ него того, кто погорластѣе... Ну, а до тѣхъ поръ, значитъ, помѣщику плати хлѣбомъ за его землю. Такъ, такъ... А у тебя самого помѣстья-то были? — Ну, коли нѣтъ, такъ я тебѣ скажу, неправильно вы рѣшили съ землей. Самъ посуди, къ примѣру, недалече отъ насъ было большое помѣстье извѣстныхъ господъ... Конечно, мужики при большевикахъ усадьбу-то разорили. И пріѣхалъ теперь туда ихъ баринъ да съ черкесами. Мужички, понятное дѣло, испугались. Вышли барину навстрѣчу, иконки ему отдаютъ, что изъ хоромъ взяли, говорятъ — берегли, можетъ твое родительское благословеніе было, опять таки хлѣбъ-соль несугъ на блюдѣ. Ну, а баринъ ихъ, какъ закричитъ на мужиковъ, ажъ багровымъ сталъ, — вы, сукины дѣти, весь мой барскій домъ разграбили, а теперь суете мнѣ вашу іюдскую хлѣбъ-соль... Отшвырнулъ онъ блюдо и взялъ только иконки, да и то, говоритъ, ихъ вновь святить надо, опоганили, молъ, своими руками... Кричалъ, кричалъ, а потомъ требуетъ — выдать мнѣ всѣхъ вашихъ защищиковъ. Ему мужики говорятъ, — всѣ, баринъ, виновны, всѣмъ міромъ шли на усадьбу... А баринъ говоритъ, коли такъ, всѣхъ перепорю... И драли же потомъ мужиковъ нагайками эти самые черкесы, не приведи Богъ... Конечно, и бабъ похлестали... А когда баринъ уѣзжалъ, наложилъ на мужиковъ аренду и аренду большую, да еще штрафъ при-

казалъ платить... Мужички хотятъ жаловаться, а къ кому пойдешь? — Нѣту теперь ни на кого управы...

— Ну а при большевикахъ что же лучше было? — спросилъ офицеръ.

— При большевикахъ не скажу лучше. Не то что скотинѣ или хлѣбу, скамейкѣ своей перестали быть хозяевами, однако земля-то, говорятъ большевики, ваша теперь навсегда... Да и какъ тебѣ еще сказать — это вѣрно, что нажрались они за нашъ счетъ и насосались здорово, ну а голодныя мухи тѣ жалятъ злѣе... Взять вотъ подводную повинность, измучили вы ею, возятъ и возятъ васъ наши мужики, кони ослабли, работа въ полѣ стала... Скотъ тоже отбираете и рѣжете... Оттого молодые и подаются къ большевикамъ... Ну, господинъ хорошій, просимъ прощенія на нашемъ мужицкомъ словѣ. Не обезсудьте... Давай Богъ...

Старикъ протянулъ руку офицеру и простился.

— Вотъ тебѣ и наша народная опора, — подумалъ офицеръ и пошелъ въ штабъ.

. ...

На фронтѣ 1-го корпуса наступили дни сравнительнаго затишья. Полки приводили себя въ порядокъ. Въ Курскѣ, не въ примѣръ Харькову, въ Добровольческую армію записывались горожане. Пополнялся и офицерскій составъ. Офицеры или перебѣгали изъ Красной арміи, или же быстро сдавались во время боевъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Охотно шли къ добровольцамъ на регистрацію и тѣ офицеры, которые все время скрывались отъ большевиковъ. Всѣхъ такихъ офицеровъ добровольцы называли «трофеями». Это «трофеи» являлись въ Бѣлую армію смущенными, но съ искреннимъ желаніемъ искупить свои вольные или невольные грѣхи передъ нею. Это настроеніе бывшихъ офицеровъ быстро угасало. По распоряженію высшаго начальства они должны были проходить черезъ реабилитаціонныя комиссіи.

— А тамъ, — говорили офицеры, — насъ встрѣчали мордой объ столъ.

Дожидаясь для реабилитаціи своей очереди по два, по три мѣсяца, офицеры сидѣли въ большихъ городахъ безъ жалованія и сильно нуждались. Имъ приходилось заниматься спекуляціей или пристраиваться въ тылу.

Штабъ генерала Кутепова съ перебѣжавшими или плѣнными офицерами дѣлалъ такъ:

Послѣ краткаго опроса офицеру предлагали поступить на выборъ въ любой полкъ 1-го корпуса. Въ этомъ полку офицера зачисляли въ офицерскую роту, гдѣ во время боевъ и происходила его реабилитація. Такія офицерскія роты были гордостью полковъ.

Солдатами 1-ый корпусъ пополнялся, главнымъ образомъ, изъ плѣнныхъ красноармейцевъ, присылалъ пополненіе и тылъ. Но команды изъ тыла приходили почти раздѣтыми, и во многихъ запасныхъ частяхъ невозможно было выводить людей на занятія, такъ какъ они были босы и безъ шинелей.

Въ Курскѣ одинъ командиръ батареи умолялъ интенданта, пріѣхавшаго изъ штаба арміи, выдать сапоги его солдатамъ.

— *Вѣдь выпалъ снѣгъ,* — *говорилъ командиръ,* — *какъ же мои* люди на босу ногу могутъ работать при орудіяхъ?

Командиру сапогъ не выдали, а черезъ нѣсколько дней, когда штабъ 1-го корпуса покидалъ Курскъ, тотъ же интендантъ просилъ штабъ дать ему вагоны для погрузки нѣсколькихъ тысячъ паръ обуви.

Солдатамъ нечѣмъ было смѣнить свои обовшивѣвшія рубашки, а на складахъ лежали огромные запасы бѣлья и бязи еще отъ прошлой войны...

На фронтѣ плохо одѣтые солдаты вопросъ съ обмундированіемъ разрѣшали просто — они раздѣвали почти до-гола не только плѣнныхъ, но и перебѣжчиковъ

*Въ 1-мъ корпусѣ прошелъ слухъ, что англичане прислали для офи*церовъ чемоданы съ полнымъ обмундированіемъ и всякими походными принадлежностями. Въ тылу уже всѣ ходили въ прекрасныхъ френчахъ *и галифэ, а войскамъ выдали ихъ, только передъ самой эвакуаціей Ро*стова. Многіе офицеры ничего не получили. Въ Новороссійскѣ въ послѣдній день его агоніи, къ генералу Кутепову пришло нѣсколько офи*церовъ съ жалобой, что интендантъ отказалъ имъ въ выдачѣ англійска*го обмундированія, несмотря на то, что склады полны имъ. А. П. немедленно далъ записку съ приказаніемъ выдать этимъ офицерамъ полное *обмундированіе. Когда офицеры пришли въ складъ, онъ былъ уже весь* въ огнѣ.

Общая увѣренность, что отъ интенданта ничего не получишь, влекла за собой то, что полки старались обуться и одѣться собственными силами. Захватывая у большевиковъ обозы и склады со всякимъ имуществомъ, полки не сдавали своей добычи, а возили ее съ собой въ обозахъ, или же загромождали ею желѣзныя дороги. Часть добычи «заго-

вялась» въ тылу. У офицеровъ появлялись большія деньги, начинались кутежи. Слишкомъ соблазнительно было послѣ непрестанныхъ боевъ и походной жизни въ грязи и холодѣ очутиться въ свѣтлыхъ ресторанахъ, съ музыкой, виномъ и женщинами. Скоро опять ѣхать на фронтъ, а тутъ — хоть день, да мой...

XIII.

Со взятіемъ Курска 1-ый корпусъ выдвинулся впередъ, какъ хорошій коренникъ. По бокамъ его, на пристяжкѣ, шли конные корпуса генераловъ Шкуро и Юзефовича. Боевой порывъ не спадалъ. Полки 1-го корпуса развернулись въ дивизіи.

Неожиданно изъ штаба арміи пришло приказаніе — выдѣлить изъ 1-го корпуса шесть полковъ для отправленія ихъ на внутренній фронтъ, противъ Махно и Петлюровцевъ. Для той же цѣли у Шкуро — сосѣда справа — была снята бригада Терской дивизіи, а у Юзефовича — сосѣда слѣва — два полка.

А. П. всячески протестовалъ противъ этого распоряженія, но пришлось подчиниться.

. ...

Генералъ Кутеповъ стоялъ около карты съ размѣченными на ней совѣтскими полками и спрашивалъ:

— Какія новыя красныя части прибыли на фронтъ 1-го корпуса? Штабъ арміи приказываетъ взять Орелъ.

— Ваше Превосходительство, — отвѣчалъ офицеръ, — на нашемъ фронтѣ тѣ же совѣтскія дивизіи, что мы раскалачивали много разъ. Хотя онѣ и пополнены, но Орелъ вы можете взять, хоть завтра. Однако Орелъ брать нельзя — всѣ полученныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что на лѣвомъ флангѣ корпуса, подъ Карачевымъ, высаживается Латышская дивизія, а на правомъ флангѣ, въ нашемъ стыкѣ съ донцами, сосредотачивается Конная армія Буденнаго.

А. П. разставилъ ноги и сталъ хлопать себя по шеѣ правой ладонью:

— Объ этомъ я только что говорилъ по прямому проводу со штабомъ арміи. Говорилъ, что я Орелъ возьму, но мой фронтъ выдвинется,

какъ сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдетъ въ наступленіе и будетъ бить по моимъ флангамъ, то я не смогу маневрировать — часть своихъ полковъ мнѣ и такъ пришлось оттянуть къ сосѣднимъ корпусамъ послѣ того, какъ ихъ ослабили, да у меня самого отняли шесть полковъ... А мнѣ все-таки приказали взять Орелъ.

— Ваше Превосходительство, а наша кавалерія сосредотачивается противъ Конной арміи Буденнаго?

— Когда она еще сосредоточится! — А П. махнулъ рукой, круто повернулся и ушелъ.

1-ый корпусъ повелъ наступленіе. Красные отчаянно сопротивлялись. Подпускали цѣпи добровольцевъ на 30-40 шаговъ и шли въ штыковыя атаки... Полковникъ Туркулъ со своими «Дроздами» разбивалъ одинъ совѣтскій полкъ за другимъ и захватилъ три бронепоѣзда. Полковникъ Скоблинъ съ Корниловцами ворвался въ Орелъ...

1-го октября Май-Маевскій прислалъ поздавленіе:

— Орелъ — орламъ!

А генералъ Кутеповъ возвратился съ фронта сумрачнымъ...

.. ..

Преслѣдуя красныхъ, добровольцы уже вступили въ Тульскую губернію.

Пятаковъ — членъ Революціоннаго Военнаго Совѣта Южнаго фронта рвалъ и металъ. Онъ выкрикивалъ по прямому проводу штабу арміи:

— У васъ дѣлается чортъ знаетъ что — истерика и полный безпорядокъ... Всѣ ваши отговорки о малочисленности дивизій безсмысленнны. Ваши и бѣлые штыки подсчитаны, перевѣсъ на вашей сторонѣ... По порученію Реввоенсовѣта Республики приказываю — всѣхъ командировъ и комиссаровъ, вплоть до полковыхъ, за отступленіе разстрѣливать на мѣстѣ... Добейтесь, чтобы войска легли цѣликомъ, но не отступали, пока имъ не прикажутъ... Объясните всѣмъ, что сейчасъ предстоитъ операція, отъ которой зависитъ исходъ борьбы съ бѣлыми... Ваши безсмысленныя и преступныя отступленія могутъ сорвать эту операцію.... Довольно миндальничать...

Красное командованіе приступило къ выполненію своей рѣшительной «операціи» на Южномъ фронтѣ.

Въ началѣ октября десять тысячъ штыковъ и три тысячи сабель Латышской дивизіи обрушились на лѣвый флангъ 1-го корпуса, а вся конница Буденнаго бросилась въ стыкъ добровольцевъ и Донской арміи.

Перешли въ наступленіе и всѣ другіе совѣтскіе полки. Добровольцы упорно отбивались, но тончайшая нитка ихъ трехсотверстнаго фронта стала ежеминутно рваться. Кавалерія Буденнаго взяла у донцовъ Воронежъ и вышла въ тылъ 1-му корпусу. 1-ый корпусъ сталъ отходить отъ Орла.

. ...

Въ штабѣ 1-го корпуса шло совѣщаніе. Начальникъ штаба обрисовалъ общую картину фронта 1-го корпуса и попросилъ своихъ офицеровъ высказаться по поводу создавшагося положенія.

— Ваше первое слово, — обратился начальникъ штаба къ самому младшему по чину офицеру.

— Мое мнѣніе таково, — началъ тотъ, — прежде всего надо приказать всѣмъ штабамъ выйти изъ вагоновъ, а свои обозы, больныхъ и раненыхъ отправить, какъ можно дальше въ тылъ. Затѣмъ, собрать въ одинъ кулакъ всѣ наши полки и обрушиться ими на Латышскую дивизію. Латыши уже сильно потрепаны Корниловцами, и 1-ый корпусъ, безъ сомнѣнія, уничтожитъ всю Латышскую дивизію. Всѣ остальные совѣтскіе полки будутъ потомъ не страшны. Мы снова возьмемъ Орелъ, и, не задерживаясь въ немъ, намъ надо итти быстрымъ маршемъ на Москву. За Орломъ, кромѣ только-что мобилизованныхъ частей, мы никого не встрѣтимъ и Москву мы возьмемъ. Это произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ красныя арміи. Карты большевиковъ будутъ спутаны, совѣтскія войска потеряютъ управленіе. Дѣйствительно, кавалерія Буденнаго будетъ громить наши тылы, но съ нею быстро случится то же, что было съ казаками Мамонтова, — у нея разбухнутъ обозы отъ награбленнаго добра, и весь ея порывъ спадетъ. Ударъ Буденнаго по Харькову былъ бы даже полезенъ для тыла, пришлось бы многимъ поневолѣ взяться за винтовки...

— Штабъ арміи никогда не согласится на вашъ планъ, — прервалъ кто-то говорившаго.

— Объ этой операціи надо только предупредить штабъ арміи, а потомъ немедленно порвать съ нимъ всѣ провода...

Съ мнѣніемъ младшаго офицера никто не согласился.

.. ..

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ кругу близкихъ людей генерала Кутепова, зашелъ разговоръ о томъ, что каждому человѣку судьба посылаетъ пять минутъ, ухвативъ которыя человѣкъ можетъ добиться высшей удачи во всей своей жизни. Такъ бываетъ въ азартныхъ играхъ, въ любви, въ по-

литикѣ. Если же человѣкъ упустить эти пять минутъ, то очень рѣдко или почти никогда не бываетъ такъ, чтобы судьба смилостивилась и снова подарила такія же пять минутъ.

— А скажите, — спросилъ А. П., — по вашему, у меня были эти пять минутъ?

— Ваше Высокопревосходительство, — отвѣтилъ А. П. его бывшій штабной офицеръ, — помните обстановку подъ Орломъ, не тамъ ли давала вамъ судьба ваши пять минутъ?

— Если бы я пошелъ тогда на Москву, то какихъ бы собакъ на меня вѣшали въ случаѣ неудачи, — проговорилъ А. П.

— Конечно, при неудачѣ, на васъ валили бы всю вину за трагическій конецъ вооруженной борьбы съ большевиками, — отвѣтилъ офицеръ, — но насъ тогда давно бы не было въ живыхъ, всѣ бы легли костьми, ну, а при удачѣ, побѣдителей не судили бы...

XIV

Чѣмъ дальше откатывался 1-ый корпусъ, тѣмъ больше въ немъ волновались и недоумѣвали. Подкрѣпленія не шли, полки, взятые на внутренній фронтъ, оттуда не возвращались.

На всѣхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ изъ командировки, набрасывались съ разспросами:

— Ради Бога, разскажите, что дѣлается въ тылу? — Неужели тамъ не могутъ справиться съ разбойникомъ Махно собственными силами — вѣдь насъ рѣжутъ безъ ножа.

— Э, батенька мой, — отвѣчали, — тылъ во всю работаетъ. Одни сидятъ въ канцеляріяхъ и стучатъ на машинкахъ не хуже, чѣмъ мы на пулеметахъ, а другіе спасаютъ Россію за чашкой кофе и нашими спинами. Рестораны и улицы гудятъ народомъ, а вотъ, чтобы взять винтовку въ руки, никто не можетъ — у каждаго въ карманѣ свидѣтельства о неизлѣчимыхъ болѣзняхъ или о томъ, что онъ незамѣнимый спеціалистъ по спасенію Россіи. Ну, а въ свободное отъ занятій время всѣ спекулируютъ, чѣмъ только можно...

Что же Деникинъ глядитъ и всѣ его бояре думающіе?

— Гнать въ три шеи этихъ бояръ... Деникинъ въ гору, семеро подъ гору... Нѣтъ, на старыхъ дрожжахъ тѣста не подымешь.

Изъ тыла привозили копіи писемъ съ безпощадной критикой стратегіи Деникина. Эти письма, будто бы, писалъ командующій Кавказской арміей генералъ Врангель. Въ ихъ подлинности сомнѣвались.

— Не станетъ же Врангель въ такой тяжелый моментъ подрывать авторитетъ Главнокомандующаго.

— Ну, если не Врангель, — отвѣчали, — такъ его клевреты, — и называли фамиліи.

Тогда возмущались:

— Эхъ, ослабѣлъ нашъ старикъ! Подвѣсить бы ему парочку генераловъ, живо бы все въ порядокъ пришло.

.. ..

Корпусъ генерала Кутепова продолжалъ свой отходъ, все время находясь подъ ударомъ справа всей Конной арміи Буденнаго. Продолжала насѣдать и вся ударная группа большевиковъ, особенно Латышская дивизія.

— Безъ латышей, — показывали плѣнные, — мы давно бы отскочили за Москву.

Большинство латышей было партійными коммунистами, и совѣтская власть считала ихъ своимъ оплотомъ. Ихъ хорошо одѣвали и кормили, и платили жалованье золотомъ. Латыши упорно дрались и ходили въ штыковыя атаки.

Однажды, въ штабъ одного полка привели плѣннаго латыша. Онъ былъ сбитъ ударомъ приклада въ грудь, подъ ложечку, и упалъ навзничь, заглатывая воздухъ, какъ рыба на пескѣ.

При обыскѣ нашли у латыша партійный билетъ, десятирублевые золотые и замшевый мѣшочекъ съ брилліантами.

Командиръ полка приказалъ латыша разстрѣлять. Офицеръ, приведшій плѣннаго, заикнулся, что, быть можетъ, его слѣдуетъ отправить въ штабъ корпуса для дополнительнаго опроса.

— А вы забыли, — обрѣзалъ его командиръ, — какъ прошлый разъ трое такихъ молодцовъ вырвали винтовки у конвойныхъ и ихъ перекололи? Да и откуда я возьму людей разсылать съ плѣнными?

Къ латышу подошли солдаты.

— Ну, идемъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ.

Латышъ повернулся и увидѣлъ офицера, взявшаго его въ плѣнъ. Латышъ быстро засучилъ лѣвый рукавъ куртки и снялъ съ руки браслетъ съ золотыми часами. Онъ повернулся къ офицеру и сказалъ:

— Возьмите себѣ на память. Пусть владѣетъ моими часами офицеръ, а не эти, — латышъ указалъ пальцемъ на солдатъ, — переметныя сумы. Сегодня они у васъ, а завтра у насъ...

— Нечего разговаривать, — крикнулъ командиръ, — маршъ!

— Виноватъ, господинъ полковникъ, — сказалъ латышъ. — Прошу васъ только, чтобы меня разстрѣляли, какъ солдата, а не въ затылокъ.

Въ это время офицеръ протянулъ командиру подаренные часы.

— Господинъ полковникъ, посмотрите, а какая надпись на часахъ.

На задней крышкѣ часовъ было выгравировано: Лучшему солдату Красной арміи — Левъ Троцкій.

Командиръ прочелъ надпись вслухъ и посмотрѣлъ латышу прямо въ глаза. Тотъ выдержалъ взглядъ.

— Такъ вотъ ты какой, братецъ, — протянулъ полковникъ, — хорошо, твою просьбу исполню. Прикажите, — обратился онъ къ своему адъютанту.

Латыша окружили три солдата и вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ повели его на задворки.

— Эй, — крикнулъ унтеръ-офицеръ, — лопату принесите!

— Ишь ты, латышская морда, — ворчалъ одинъ конвоиръ, — отъѣлся на русскихъ хлѣбахъ, да еще ругаешься переметными сумами. Бога бы лучше вспомнилъ передъ смертью.

Подошли къ плетню.

— Стой, — скомандовалъ унтеръ-офицеръ. — Ты, — кивнулъ онъ головой латышу, — становись у ветлы, да скидавай куртку, нечего зря портить хорошую вещь.

— Оно бы приказать снять штаны и сапоги, — сказалъ ворчавшій солдатъ.

— Чего тамъ душу томить, потомъ снимешь, — отвѣтилъ другой.

— Да, стягивай потомъ съ мертвеца, — опять заворчалъ первый.

Латышъ снялъ куртку и бросилъ ее въ сторону. Онъ сталъ спиной къ ветлѣ, выставилъ ногу впередъ и оперся на нее. Правой рукой схватился за рубашку на груди...

Раздался залпъ. Латышъ качнулся, схватился за грудь уже обѣими руками, но не упалъ, а прислонился спиной къ ветлѣ. Его бѣлыя губы прыгали, изъ нихъ вырывались непонятныя слова...

Солдаты глядѣли растерянно.

— Вотъ, мерзавцы, промазали! — крикнулъ унтеръ-офицеръ. Онъ выхватилъ револьверъ, подбѣжалъ къ латышу и сзади въ упоръ выстрѣлилъ въ затылокъ.

Латышъ вскинулъ руками и грохнулся на землю.

Подошли солдаты и повернули латыша лицомъ кверху.

— Иванъ Карпычъ, да какой же промазали, смотри вонъ, какъ разъ три дыры на рубахѣ. Ну и крѣпкій же человѣкъ... А это что у него въ кулакѣ?

Изъ сжатыхъ пальцевъ правой руки латыша торчала тесемка. Солдатъ разжалъ пальцы и вытащилъ широкую ладонку.

— Давай-ка ее сюда, — сказалъ унтеръ-офицеръ и сталъ ее щупать.

— Бумага какая-то, — опредѣлилъ онъ, — пойти отнести въ штабъ.

Въ штабѣ изъ ладонки вытащили мелко сложенный листъ бумаги, весь исписанный отъ руки.

— Ни черта не разберешь, должно быть по-латышски написано, — сказалъ офицеръ, разглядывавшій бумагу, — надо въ штабъ корпуса отослать ее, тамъ разберутъ.

Въ штабѣ корпуса былъ докторъ латышъ, который перевелъ эту бумагу. По словамъ доктора — это было старинное заклинаніе, написанное языкомъ старыхъ богослужебныхъ книгъ, и начиналось такъ — Вѣрь, тогда побѣдишь.

Самый текстъ былъ таковъ:

«Сіе писаніе должно быть написано собственноручно и послѣ того, какъ ты прочитаешь молитву Отче Нашъ.

И кто носитъ сіе писаніе при себѣ и даетъ его читать и списывать другимъ, оно охранитъ того отъ враговъ и разбойниковъ, отъ всякихъ напастей и чаръ. Мечъ изощренный и заряженное оружіе отразятся этимъ писаніемъ и будутъ безсильны для сердца живого. Оно, какъ святое крещеніе, создастъ тебѣ незримую броню милостью Бога Всемогущаго.

Всегда внимайте гласу Господню, заповѣдавшему намъ:

Опасайтесь грѣшить. Чтите день воскресный и пребывайте въ страхѣ Божіемъ. Вы, старые и молодые, ходите въ церковь, кайтесь въ грѣхахъ и возсылайте молитвы. Прощайте ближнему его прегрѣшенія, *бѣднякамъ помогайте, страждущаго утѣшьте. Но если презрите уста-*

вы Мои, и если душа ваша возгнушается словами Моими, то воспламенится гнѣвъ Мой, и опрокинется чаша его на васъ. Дрогнетъ и потрясется земля, основанія небесъ поколеблятся. Небеса надъ головой сдѣлаются мѣдью, а земля подъ ногами желѣзомъ. И возстанетъ братъ на брата, сестра на сестру, сынъ на отца, дочь на мать и городъ на городъ. И возненавижу Я васъ громомъ и молніей, и два острыхъ меча будутъ разсѣкать грѣшную землю.

Храните чудесные знаки, покрытые вѣчною тайной. Эти знаки: + B + D + I + ooK + I + K + B + D + I + vV.

Кто не вѣритъ въ могущество ихъ, да напишетъ ихъ и привяжетъ написанное на шею собаки или кошки и выстрѣлитъ въ нихъ — онъ не попадетъ. Пусть колетъ ножемъ, и раны не будетъ. И у кого кровь потечетъ изъ носа, пусть приложитъ это писаніе, и кровь остановится.

Съ благоговѣніемъ и трепетомъ запишите священныя всѣмъ людямъ слова: + Христосъ + Варфоломей + Себастьянъ + Іисусъ + Марія + Іосифъ.

И было разъ, въ 1018 году, когда графъ Филиппъ приказалъ отрубить голову своему слугѣ, согрѣшившему противъ своего господина, то палачъ не могъ обезглавить преступника — топоръ не подымался. Графъ увидѣлъ это изъ окна своей башни и приказалъ привести къ себѣ слугу и разспросилъ его. Слуга показалъ записку, которую вынулъ изъ ладонки, — въ ней были эти священныя слова. Когда графъ прочелъ ихъ, то приказалъ всѣмъ слугамъ своимъ носить на себѣ такія же ладонки.

И еще, кто носитъ на себѣ эти священныя слова, тотъ рожаетъ ласковыхъ дѣтей.

Не усомнись и вѣрь въ могучую силу того, что тебѣ повѣдано нынѣ, и закончи свое писаніе такъ:

Я ввѣряю себя Тебѣ, не поддавшемуся искушенію. Аминь. Аминь».

— Ну и времена, — говорили въ штабѣ А. II., — латыши коммунисты со средневѣковыми заклинаніями въ ладонкахъ утверждаютъ пулеметами на россійскихъ равнинахъ владычество III Интернаціонала.

XV.

Отстоять «бѣлый Харьковъ» было невозможно. Сосѣднія съ 1-мъ корпусомъ войска не выдерживали натиска красныхъ, и фланги 1-го

корпуса были подъ постоянной угрозой обхода противникомъ. Какъ въ дни Кубанскаго похода, добровольцамъ опять приходилось пробиваться черезъ сплошное кольцо большевиковъ. Однажды, Марковскій полкъ былъ окруженъ шестью совѣтскими полками. Марковцы разбили ихъ и захватили плѣнныхъ.

Когда штабной поѣздъ генерала Кутепова остановился на Харьковскомъ вокзалѣ, обреченный городъ уже опустѣлъ. Все въ немъ притаилось и замерло, только, какъ всегда бываетъ въ дни безвластья, со дна большого города уже подымалась человѣческая муть. Начались грабежи, убійства.

А. П. приказалъ своему конвою и охранной ротѣ обходить городъ патрулями и каждаго грабителя вѣшать на мѣстѣ преступленія. Не было никакого другого средства, чтобы обезопасить жизнь горожанъ. Разбои стихли...

Войска 1-го корпуса уже отступали за Харьковъ, съ часу на часъ долженъ былъ отойти штабной поѣздъ. Вдругъ поднялся гулъ со стороны пакгауза, заваленнаго разнымъ товаромъ и посылками, которыхъ не успѣли отправить по назначенію. Толпа, какъ воронье надъ падалью, кружилась около пакгауза. Шумъ донесся до А. П. Онъ выскочилъ изъ вагона и быстрымъ шагомъ устремился къ пакгаузу, за А. П. его адъютантъ.

— Кутеповъ идетъ! — крикнулъ кто-то изъ толпы, и моментально все бросилось врассыпную. Люди бѣжали, падали, давили другъ друга, кидали всякіе свертки.

А. П. крикнулъ своему адъютанту:

— Стрѣляйте изъ револьвера!

Адъютантъ приложилъ руку къ козырьку:

— Прикажете сбѣгать за револьверомъ, я его оставилъ въ купэ...

А. П. только крякнулъ. Около развороченнаго пакгауза было уже пусто.

Когда А. П. возвращался обратно, онъ нагналъ сѣденькаго отставного генерала, который подобралъ брошенный боченокъ съ виноградомъ и тихонько катилъ его къ себѣ въ вагонъ.

А. П. всего передернуло:

— Бросьте, бросьте, генералъ, какъ вамъ не стыдно!

— Я хотѣлъ въ дорогу провіантомъ запастись, — пролепеталъ старичокъ.

На всемъ пути отступленія 1-го корпуса вся власть естественно переходила къ генералу Кутепову. Съ утра до поздней ночи А. П. не зналъ ни минуты отдыха. То былъ на фронтѣ среди войскъ, то объѣзжалъ покидаемые города, то принималъ вереницы просителей. Пристально глядя карими глазами на своего собесѣдника, А. П. молча его выслушивалъ, задавалъ два-три вопроса и никому не отказывалъ, если просьбу считалъ справедливой.

Къ А. П. разъ пришелъ главный инженеръ большого завода, обслуживавшаго Добровольческую армію, и сказалъ, что рабочимъ завода не уплачено жалованья за три мѣсяца, казначейство эвакуировано, у администраціи завода денегъ нѣтъ.

А. П. поблагодарилъ инженера за освѣдомленіе, вынулъ изъ денежнаго ящика требуемую сумму и далъ ее инженеру.

Всѣми силами А. П. боролся съ злоупотребленіями власти на мѣстахъ, нараставшими вмѣстѣ съ сознаніемъ, что борьба съ большевиками обречена на гибель. Всѣхъ виновныхъ А. П. немедленно отдавалъ подъ военно-полевой судъ.

Однажды, начальникъ штаба послѣ своего доклада у А. П. обратился къ тремъ офицерамъ и сказалъ, что приказомъ командира корпуса они назначены членами военно-полевого суда, и, добавилъ начальникъ штаба, генералъ Кутеповъ увѣренъ, что отданнаго подъ судъ мерзавца военно-полевой судъ повѣситъ.

Одинъ изъ офицеровъ тотчасъ отвѣтилъ начальнику штаба:

— Прошу васъ доложить командиру корпуса, что я категорически отказываюсь быть членомъ военно-полевого суда. Если, какъ вы передали, генералъ Кутеповъ уже предрѣшилъ приговоръ суда, то это — прямое давленіе на нашу судейскую совѣсть.

Этого офицера поддержали двое другихъ. Военно-полевой судъ не состоялся, но своего отношенія къ этимъ тремъ офицерамъ А. П. нисколько не измѣнилъ. А. П. всегда говорилъ, что онъ высоко цѣнитъ гражданское мужество.

Передъ самымъ Ростовомъ Деникинъ рѣшилъ дать сраженіе насѣдавшему противнику. Фронтъ съузился до 80 верстъ. Добровольческій корпусъ прикрывалъ подступы къ Ростову, а Донская армія должна была защищать Новочеркасскъ.

Добровольцы вмѣстѣ со своей конницей генерала Барбовича отбивали всѣ атаки красныхъ и сами переходили въ наступленіе. На этомъ участкѣ большевики были даже отброшены верстъ на семь, но

донцы сдали свою столицу, и колонны красныхъ вышли въ тылъ добровольцамъ. Добровольческому корпусу было приказано отходить за Донъ. Дроздовцы и Корниловцы послѣ тяжелаго боя прорвались черезъ Ростовъ и Нахичевань, уже находившіеся въ рукахъ красныхъ.

XVI.

Войска генерала Деникина укрѣпились за Дономъ. Добровольческая армія, которую послѣ отхода отъ Харькова принялъ было генералъ Врангель, теперь была свернута въ Отдѣльный Добровольческій корпусъ подъ командой генерала Кутепова. Былъ назначенъ новый начальникъ штаба, вмѣстѣ съ нимъ изъ расформированнаго штаба арміи появились и новые офицеры Генеральнаго Штаба. Количество штыковъ въ корпусѣ сильно уменьшилось, а штабъ разросся. Сразу въ штабѣ начались новыя вѣянія.

Прежній начальникъ штаба требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ самаго внимательнаго отношенія ко всѣмъ офицерамъ, пріѣзжавшимъ съ фронта за различными справками. Когда же теперь пріѣхалъ въ штабъ командиръ одного полка, и по его просьбѣ дежурный офицеръ ознакомилъ его съ обстановкой на фронтѣ, то этому офицеру былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ въ оперативное отдѣленіе —«въ святая святыхъ штаба» — пускаетъ «постороннихъ лицъ».

Недалеко отъ штабного поѣзда были огромные склады фуража. Адъютантъ хозяйственной части всѣмъ проходившимъ командамъ разрѣшалъ брать необходимое имъ количество фуража подъ простую расписку старшаго команды. Новый начальникъ штаба вызвалъ къ себѣ адъютанта и приказалъ, чтобы фуражъ выдавался только по предъявленію составленныхъ по всей формѣ требовательныхъ вѣдомостей. Проходившія наспѣхъ команды, конечно, такихъ вѣдомостей предъявлять не могли, и весь фуражъ въ концѣ концовъ достался краснымъ.

Зазвучали въ штабѣ и совершенно непривычныя рѣчи. Въ штабномъ поѣздѣ у станціи «Каялъ» офицеры встрѣчали новый 1920-ый годъ. Въ полночь генералъ Кутеповъ поздравилъ всѣхъ и вскорѣ ушелъ, за нимъ разошлось и все высокое начальство. Младшіе офицеры остались сидѣть за столиками. Никакого оживленія не было, у всѣхъ бродили невеселыя думы.

Вдругъ поднялся молодой капитанъ генеральнаго штаба и началъ рѣчь.

— Господа, — сказалъ онъ, — мы встрѣчаемъ новый годъ на берегу рѣки Каялы, гдѣ когда-то «сила русская потопла», а потомъ по Руси разнесся плачъ княгини Ярославны. Не здѣсь мы мечтали встрѣтить этотъ годъ... Такъ неожиданно, такъ быстро рушились наши надежды... Почему же произошла такая роковая катастрофа? — Надо имѣть мужество глядѣть правдѣ въ глаза. На ошибкахъ учатся, и намъ надо понять наши ошибки. Ихъ много, но вотъ, по моему, главнѣйшія изъ нихъ:

— Безпощадной красной диктатурѣ Ленина мы, бѣлые, не противопоставили такой же сильной власти. Тамъ рубили съ плеча, а мы самые насущные соціальные и политическіе вопросы всегда откладывали *до будущаго Учредительнаго Собранія, въ которое уже никто не вѣрилъ.* Національная Россія ждала своего диктатора, а получила Особое Совѣщаніе — эту окрошку изъ либераловъ съ черносотенцами.

— Неудачна была и вся наша политика на мѣстахъ. Нашъ лозунгъ — Единая, Великая, Недѣлимая Россія — былъ органически чуждъ тѣмъ окраинамъ, откуда началась наша борьба. Не прельстишь казачество звономъ Московскихъ колоколовъ. Казачество поднялось противъ неслыханнаго гнета, который шелъ какъ разъ изъ Москвы. Но эта борьба казаковъ была только борьбой за свои казачьи вольности, за свои станицы, борьбой за землячество, а не отечество. На самомъ дѣлѣ, казачества, которымъ Добровольческая армія помогла сбросить большевиковъ, признавали ее не какъ носительницу государствен-*наго національнаго начала, а только какъ вооруженную организацію* сначала Алексѣевскую, а потомъ Деникинскую, которая умѣетъ воевать. Мы, добровольцы, не съумѣли стать цементомъ, который спаялъ бы эти окраины въ одно цѣлое, родственное намъ по духу, и поэтому въ Вооруженныхъ силахъ Юга Россіи между добровольцами и казаками не было ни духовной скрѣпы, ни одинаковаго пониманія своихъ задачъ. Въ нихъ не было единаго духа...

— Неправильная оцѣнка настроеній казачества повлекла за собой и ошибочный стратегическій планъ. Намъ, поднявъ казаковъ, надо было немедленно итти на соединеніе съ возставшими русскими силами, которыя велъ Колчакъ. Вмѣсто этого мы, опираясь на свою неустойчивую базу, пошли на Москву, да къ тому же фронтомъ въ видѣ изогнутой дуги и безо всякаго сосредоточенія своей кавалеріи противъ Конной арміи Буденнаго. И отступать отъ Харькова намъ надо было не на

Ростовъ, а на Крымъ и Новороссію, гдѣ мы могли бы опять-таки опереться *на русскія силы. Мы наказаны за ошибочную политику и ошибочную* стратегію. Но я увѣренъ, что наше бѣлое движеніе, уже давшее столько героевъ, выдвинетъ, наконецъ, вождя, рожденнаго быть диктаторомъ, который и приведетъ насъ къ полной побѣдѣ...

Когда капитанъ кончилъ свою рѣчь, наступило тягостное молчаніе. Всѣ поняли скрытый смыслъ его словъ.

Вдругъ чей-то голосъ затянулъ: Смѣло мы въ бой пойдемъ, — и сразу всѣ подхватили:

За Русь Святую
И, какъ одинъ, прольемъ
Кровь молодую...

Запѣли ту старую пѣсню, съ которой шли по степямъ въ Кубанскихъ походахъ за своими вождями Корниловымъ и Деникинымъ.

Таковъ былъ отвѣтъ добровольцевъ на рѣчь капитана.

XVII.

Откатившись отъ Орла до Ростова, ряды добровольцевъ сильно порѣдѣли.

За все время своего тысячеверстнаго отхода добровольцамъ при*ходилось пробиваться черезъ Конную армію Буденнаго, вбившуюся кли*номъ между Добровольчесимъ корпусомъ и Донской арміей. Добровольцы таяли отъ боевъ, отъ болѣзней. Началось въ полкахъ и дезертирство прежнихъ красноармейцевъ. Они бѣжали въ повстанческіе отряды — къ «зеленымъ». Въ одномъ полку нѣсколько солдатъ оставили записку:

— У большевиковъ коммуна заѣла, а вамъ кадетамъ не навести порядка. Уходимъ къ зеленымъ...

Такъ заблудившіеся русскіе люди метались изъ стороны въ сторону, въ концѣ концовъ пытаясь собственными силами найти свою дорогу.

Когда Добровольческій корпусъ остановился за Дономъ, онъ насчитывалъ 1763 офицера, 4638 штыковъ и 1723 сабель, всего 8124 бойцовъ при 250 пулеметахъ и 63 орудіяхъ.

Несмотря на свою малочисленность и непрестанное отступленіе въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, духъ Добровольческаго корпуса не былъ подавленъ. Полтора мѣсяца красные стремились овладѣть Батайскомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу Дона противъ Ростова, и не могли. Поднялся боевой духъ и у донцовъ.

5-го и 6-го января добровольцы вмѣстѣ съ донцами отразили подъ Батайскомъ армію Буденнаго, пытавшуюся лобовымъ ударомъ вторгнуться въ Кубань.

Всѣ послѣдующіе дни непрерывныя атаки красной пѣхоты также не имѣли успѣха, равно какъ и всѣ ея попытки застать добровольцевъ врасплохъ ночными атаками.

15-го января противникъ на всемъ фронтѣ перешелъ въ рѣшительное наступленіе четырнадцатью пѣхотными дивизіями съ пятью бронепоѣздами и двумя конными корпусами Думенко и Буденнаго. По приказу Краснаго командованія это наступленіе должно было носить — «стихійный и молніеносный характеръ съ цѣлью не оттѣснить противника изъ занимаемыхъ пунктовъ, а разбить его на голову». Но донцы разбили конницу Думенко, а добровольцы отбили всѣ атаки красной пѣхоты. Красные потеряли 25 орудій и тысячи плѣнныхъ.

Большевики окрестили Батайскъ «вторымъ Верденомъ».

Въ началѣ февраля генералъ Кутеповъ отдалъ приказъ перейти въ наступленіе самому Добровольческому корпусу. Господствующія высоты были у большевиковъ, стоялъ жестокій морозъ при сильномъ вѣтрѣ. Несмотря на это, добровольцы въ ночь на 7-ое февраля форсировали Донъ, разбили совѣтскія войска и взяли Ростовъ. Красные опять понесли огромныя потери, однихъ плѣнныхъ было взято у нихъ около 6 тысячъ. Но развивать этотъ успѣхъ добровольцамъ было уже не съ кѣмъ. Буденный въ это время предпринялъ глубокій обходъ, сломилъ сопротивляемость донцовъ и вышелъ въ глубокій тылъ Добровольческому корпусу. Добровольцы безо всякаго давленія на фронтѣ, по приказу, покинули Ростовъ и стали отходить.

Войска могли удержаться на рѣкѣ Кубани — естественномъ водномъ рубежѣ, но у казаковъ наступилъ полный параличъ воли къ сопротивленію, они не выполняли ни одной директивы Главнаго командованія. Кубанское и Терское войско потеряло всякую связь со Ставкой и уходило черезъ горы на Черноморское побережье. Донцы, не оказывая никакого сопротивленія краснымъ, неудержимо катились къ Новороссійску.

Вперемежку съ войсками шли тысячныя толпы мирнаго населенія. Спасался отъ большевиковъ и почти весь калмыцкій народъ.

Ни управлять, ни распоряжаться всей этой людской массой было уже немыслимо, только Добровольческій корпусъ генерала Кутепова шелъ, какъ римскій легіонъ, среди полчищъ варваровъ.

Аріергардъ прикрывалъ полковникъ Туркулъ. Конныя массы противника окружали Дроздовцевъ. Полковникъ Туркулъ сворачивалъ *свой полкъ въ каррэ, и подъ звуки оркестра Дроздовцы бросались* въ контръ-атаку и прорывали противника.

Неудержимая лавина казаковъ и бѣженцевъ затапливала весь тылъ и всѣ пути отхода Добровольческаго корпуса. Катастрофа при эвакуаціи Новороссійска становилась очевидной. Транспортныхъ судовъ было мало. Создавалась угроза самому бытію добровольцевъ.

28-го февраля генералъ Кутеповъ, въ полномъ согласіи со строевыми *начальниками*, послалъ генералу Деникину телеграмму, въ которой онъ указывалъ, что создавшаяся обстановка «повелительно требуетъ принятія немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для сохраненія и спасенія офицерскихъ кадровъ Добровольческаго корпуса и всѣхъ бойцовъ за идеи Добровольческой арміи». Далѣе, въ этой телеграммѣ генералъ Кутеповъ указывалъ, какія, по его мнѣнію, слѣдуетъ принять мѣры.

Во всей формѣ такого обращенія къ своему Главнокомандующему *генералъ Деникинъ усмотрѣлъ недовѣріе къ себѣ со стороны добро*вольцевъ и въ этотъ день безповоротно рѣшилъ оставить свой постъ послѣ эвакуаціи арміи въ Крымъ.

Къ 12-му марта Добровольческій корпусъ подошелъ къ Новороссійску. Около города, вдоль желѣзно-дорожнаго полотна, подъ откосами лежали грудами сброшенные поѣздные составы. Дороги были забиты повозками, орудіями. Улицы Новороссійска гудѣли взбудораженнымъ народомъ. На *берегу моря метались люди. Между ними бродили кони.* Казаки разсѣдлывали и разнуздывали своихъ боевыхъ товарищей и, тихонько ударяя по крупу, отгоняли ихъ прочь отъ себя. Но кони возвращались и покорно шли по пятамъ своихъ хозяевъ, даже бросались за ними въ море и плыли. Раздавались отдѣльные револьверные выстрѣлы — *то кто-нибудь пристрѣливалъ своего коня, пуская ему пулю* въ ухо... Съ безстрастными лицами, на корточкахъ, сидѣли калмыки, какъ изваянія Будды.

Всю ночь шла погрузка войскъ на корабли. Громыхали взрываемые склады со снарядами, и полыхало багровое небо. Наступалъ разсвѣтъ. Нависли сизыя тучи, плескалось свинцовое море. Мѣрно покачи-

вался послѣднiй корабль. Вереницы людей съ сѣрыми лицами шли къ нему по мосткамъ. На серединѣ мостковъ, прислонясь къ периламъ, стояло трое молодыхъ людей въ офицерскихъ френчахъ, но безъ погонъ. Ихъ окружали конвойные съ винтовками. То были приговоренные къ смертной казни грабители. Вдругъ потокъ людей на мосткахъ остановился. Конвой отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ приговоренныхъ, и вокругъ нихъ образовалась жуткая пустота. Во внезапно наступившей тишинѣ разнеслись отдѣльныя слова команды:

— По приговореннымъ... Шеренгой... Шеренга, пли!

Черезъ нѣсколько минутъ мимо распластанныхъ труповъ, попрежнему молча, шли люди въ сѣрыхъ шинеляхъ съ винтовками въ рукахъ.

Одинъ за другимъ уплывали пароходы. Махая руками, подбѣгали къ пристани отставшiе и отбившiеся отъ своихъ частей. Число ихъ ежеминутно росло. До отплывавшихъ доносились крики и мольбы, прозвучали отдѣльные револьверные выстрѣлы...

Большевики входили въ городъ. По сбившимся на пристани застрекоталъ пулеметъ...

А. П. съ миноносца «Пылкiй» сигнализировалъ англiйскому броненосцу «Императоръ Индiи» просьбу задержать своимъ огнемъ главныя силы большевиковъ, подходившихъ къ станцiи Тоннельной, чтобы миноносецъ успѣлъ погрузить всѣхъ оставшихся на пристани.

На сѣрой громадѣ, стоявшей на внѣшнемъ рейдѣ, прозвучалъ боевой сигналъ. Забѣгали матросы, повернулась огромная пушка и съ ревомъ засверлила нависшiя облака.

«Пылкiй» несся къ пристани и сотрясался отъ своихъ выстрѣловъ.

Съ обезумѣвшими глазами толпа бросилась къ миноносцу.

— Брать въ первую очередь раненыхъ и сестеръ милосердiя, — закричалъ А. П.

Упали сходни. Около нихъ быстро выстроился конвой съ револьверами въ рукахъ. Съ борта ощерились пулеметы. Толпа разступилась и пропустила раненыхъ и женщинъ.

— Не напирать, не напирать! грузиться въ полномъ порядкѣ! вещи бросать въ воду! — раздавался рѣзкiй голосъ А. П.

Подошелъ командиръ миноносца и доложилъ, что миноносецъ перегруженъ. Больше нельзя взять ни одного человѣка.

А. П. крикнулъ:

— Взятыхъ на бортъ высажу на англійскій броненосецъ и сейчасъ же вернусь за остальными. Всѣхъ до одного возьму!

Когда миноносецъ въ третій разъ забиралъ послѣднихъ людей на пристани, ясно были видны лица подбѣгавшихъ большевиковъ, и пули уже непрерывно щелкались по миноносцу.

XVIII.

Съ винтовками въ рукахъ и со всѣми своими пулеметами высадился въ Крыму лишь Добровольческій корпусъ. Онъ даже привезъ нѣсколько пушекъ. Донцы пріѣхали безоружными.

Добровольческій корпусъ могъ бы сохранить всю свою артиллерію, коней и обозы, если бы началъ свой отходъ отъ Харькова прямо на Крымъ, какъ предлагалъ Деникину генералъ Врангель, но тогда казаки обвинили бы добровольцевъ, что они покинули ихъ въ самую грозную минуту.

Добровольческій корпусъ могъ бы силою пробиться черезъ Грузію и интернироваться въ Турціи, но объ этомъ не могло быть и рѣчи, разъ оставался клочекъ русской земли, гдѣ еще дрались за національное знамя. Крымъ защищалъ генералъ Слащевъ со своимъ пяти-тысячнымъ корпусомъ.

Въ Крыму потрясенныя войска были поставлены на отдыхъ. Для штаба генерала Кутепова былъ назначенъ городъ Симферополь, Ставка расположилась въ Феодосіи.

Вскорѣ послѣ пріѣзда А. П. въ Крымъ генералъ Слащевъ попросилъ А. П. пріѣхать къ нему на фронтъ, для чего прислалъ вагонъ съ паровозомъ. А. П. поѣхалъ.

Слащевъ, одѣтый въ фантастическую форму, имъ самимъ придуманную, съ блескомъ въ глазахъ отъ кокаина, сталъ пространно разсказывать, что въ войскахъ его корпуса общее недовольство Главнокомандующимъ. Такое же настроеніе во всемъ населеніи Крыма, въ духовенствѣ, во флотѣ и даже, будто бы, среди чиновъ Добровольческаго корпуса. Затѣмъ Слащевъ сказалъ, что 23-го марта предположено собрать совѣщаніе изъ представителей духовенства, флота и населенія для обсужденія создавшагося положенія, и что, вѣроятно, это совѣщаніе рѣшитъ обратиться къ генералу Деникину съ просьбой о сдачѣ имъ

командованія. Въ виду же того, что въ Крымъ прибылъ Кутеповъ, Слащевъ считаетъ необходимымъ и его участіе въ этомъ совѣщаніи.

А. П. отвѣтилъ коротко:

— Въ настроеніи Добровольческаго корпуса вы ошибаетесь. Я лично участвовать въ какомъ-либо совѣщаніи безъ разрѣшенія Главнокомандующаго не буду. Однако, придаю огромное значеніе всему, что вы мнѣ сказали, и немедленно доложу объ этомъ генералу Деникину.

А. П. всталъ и приказалъ везти себя въ Феодосію.

— Съ тяжелымъ чувствомъ, — разсказывалъ А. П. впослѣдствіи, — я ѣхалъ къ Деникину. Считалъ своимъ долгомъ... Надо было положить конецъ всѣмъ интригамъ, заговорамъ и шептаньямъ по угламъ. Вѣдь это развращало армію...

Генералъ Деникинъ выслушалъ А. П., нисколько не удивился и только спросилъ его о настроеніи Добровольческаго корпуса.

А. П. отвѣтилъ, что одна дивизія вполнѣ прочная, въ другой настроеніе удовлетворительное, въ двухъ — неблагополучно. Войска, критикуя наши неудачи, главнымъ образомъ обвиняютъ въ нихъ начальника штаба Главнокомандующаго — генерала Романовскаго. По мнѣнію А. П., небходимо было принять спѣшныя мѣры противъ намѣченнаго совѣщанія и вызвать всѣхъ старшихъ начальниковъ для того, чтобы генералъ Деникинъ могъ непосредственно выслушать ихъ доклады о настроеніи войскъ.

Съ предложеніемъ Кутепова Деникинъ не согласился. Онъ счелъ, что наступило время выполнить свое рѣшеніе — отказаться отъ поста Главнокомандующаго.

Генералъ Деникинъ немедленно отдалъ приказаніе собрать въ Севастополѣ 21-го марта Военный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ генерала Драгомирова «для избранія преемника Главнокомандующему Вооруженными силами Юга Россіи».

Наканунѣ своего отъѣзда на Военный Совѣтъ А. П. вызвалъ къ себѣ одного своего офицера.

— Вы слышали, — обратился къ нему А. П., — что Деникинъ рѣшилъ уйти?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство, — отвѣтилъ офицеръ, — но я не знаю, насколько эти слухи вѣрны.

— Генералъ Деникинъ рѣшилъ уйти безповоротно, — продолжалъ А. П., — на постъ Главнокомандующаго выдвигаютъ генерала Врангe-

ля, а нѣкоторые командиры добровольческихъ частей говорили мнѣ, что, если не удастся убѣдить Деникина измѣнить свое рѣшеніе, то на этомъ посту предпочли бы видѣть меня. Что вы на это скажете?

— *Вашъ вопросъ такъ неожиданъ... Сейчасъ мнѣ въ голову при*ходятъ такія мысли... У барона Врангеля иностранная фамилія, къ тому же съ титуломъ, чуждымъ для русскаго уха. Большевики, конечно, используютъ это въ своей пропагандѣ. Генералъ Врангель энергиченъ, талантливый военачальникъ, но, говорятъ, настолько честолюбивъ, что это мѣшаетъ *ему быть всегда безпристрастнымъ*. Думаю еще, *если* Главнокомандующимъ будетъ генералъ Врангель, то арміи, какъ Добровольческой, наступитъ конецъ. Откровенно говоря, я бы лично предпочелъ видѣть васъ на этомъ посту и, повѣрьте, не потому, что вы мой начальникъ...

— Быть можетъ, вы во многомъ и правы, — сказалъ А. П., нѣсколько помолчавъ, — но я считаю, что Врангель талантливѣе меня, и онъ лучше, чѣмъ я, справится съ нашимъ тяжелымъ положеніемъ... Я буду настаивать на кандидатурѣ генерала Врангеля и скажу объ этомъ начальникамъ своихъ частей.

Передъ самымъ засѣданіемъ Военнаго Совѣта генералъ Кутеповъ устроилъ предварительное совѣщаніе старшихъ начальниковъ Добровольческаго корпуса. На этомъ засѣданіи, несмотря на всѣ заявленія А. П., что рѣшеніе Деникина безповоротно, начальники единодушно постановили просить генерала Деникина остаться во главѣ арміи. Это постановленіе было оглашено на Военномъ Совѣтѣ.

Генералъ Драгомировъ послалъ Деникину телеграмму, въ которой подчеркивалъ, что «только представители флота указали преемникомъ генерала Врангеля, а вся сухопутная армія ходатайствуетъ о сохраненіи Вами главнаго командованія»...

Деникинъ былъ непреклоненъ. Тогда Военный Совѣтъ *остановился* на кандидатурѣ Врангеля, и 22-го марта въ Бѣлой арміи произошла смѣна командованія. Приказомъ по арміи генералъ Деникинъ назначилъ *своимъ преемникомъ* генерала барона Врангеля.

XIX.

Когда генералъ Врангель уѣзжалъ изъ Константинополя на Военный Совѣтъ, ему былъ врученъ для передачи генералу Деникину ан-

глійскій ультиматумъ. Британское правительство предлагало генералу Деникину прекратить «неравную и безнадежную борьбу» и обѣщало свое посредничество для переговоровъ съ Совѣтской властью, чтобы добиться амнистіи населенію Крыма и войскамъ Юга Россіи. Въ случаѣ отклоненія этого предложенія со стороны Деникина, Англія предупреждала, что она рѣшительно прекратитъ свою дальнѣйшую поддержку Бѣлой арміи.

На эту ноту генералъ Врангель, принявъ постъ Главнокомандующаго, немедленно послалъ отвѣтъ, полный достоинства. Теперь Бѣлая армія въ своей борьбѣ съ большевиками оставалась безъ всякой помощи извнѣ, и Врангель считалъ, что положеніе въ Крыму безвыходно.

На обреченность борьбы съ большевиками Врангель указывалъ прямо. Онъ говорилъ — «я не вправѣ обѣщать арміи побѣду и готовъ испить съ нею чашу униженія».

Обреченность борьбы учитывалъ ближайшій помощникъ Главнокомандующаго — генералъ Шатиловъ, когда заявлялъ на Военномъ Совѣтѣ, что у противника «изъ ста шансовъ на побѣду имѣется девяносто девять и девять въ періодѣ».

Эту обреченность сознавали штабы при одномъ взглядѣ на карту всего Совѣтскаго Союза и маленькаго Крымскаго полуострова.

Чувство обреченности передалось и войскамъ.

Но если въ арміи уже не было вѣры въ побѣду, то осталось сознаніе долга.

У Главнокомандующаго долгъ вождя — «не склонить знамени передъ врагомъ» и «вывести армію и *флотъ съ честью изъ создавшагося* тяжелаго положенія». (17).

У солдатъ — долгъ часового на посту. Подъ защиту штыковъ арміи бѣжали въ Крымъ тысячи людей.

31-го марта, черезъ девять дней послѣ смѣны власти въ Крыму, красные повели наступленіе на Перекопъ. Бой приняли не только войска генерала Слащева, но и корпусъ генерала Кутепова, а также донцы. Красныя войска потерпѣли жестокій уронъ, послѣ чего они стали на фронтѣ пассивны.

Началась кипучая работа Врангеля по приведенію въ порядокъ арміи и тыла.

Армія была реорганизована. Она была сведена въ четыре корпуса и получила наименованіе «Русской». Добровольческій корпусъ сталъ 1-мъ армейскимъ, его командиромъ остался Кутеповъ.

А. П. быстро подтянулъ свои войска. Тяжелыя неудачи не могли сломить упорство и волю къ борьбѣ старыхъ добровольцевъ.

Вскорѣ войска 1-го корпуса были сосредоточены на Перекопскомъ направленіи. Въ концѣ мая А. П. со штабомъ переѣхалъ въ мѣстечко Армянскій Базаръ, недалеко отъ Перекопскихъ укрѣпленій.

Жалкое мѣстечко скучилось на перешейкѣ среди мертвой солончаковой степи. Около домовъ ни дерева, ни кустика. Въ знойномъ размореннномъ воздухѣ пахло тлѣніемъ и тучами носились мухи. Каждый день заунывнымъ дребезжащимъ звономъ маленькая церковка встрѣчала телѣги съ тѣлами павшихъ на Перекопскомъ валу...

На разсвѣтѣ 25-го мая вся Русская армія перешла въ наступленіе. Корпусъ генерала Кутепова атаковалъ на Перекопѣ главныя силы XIII-*ой Совѣтской* армія. Красные упорно сопротивлялись, особенно латышскія части. Черезъ нѣсколько часовъ боя 1-ый корпусъ овладѣлъ всей укрѣпленной позиціей красныхъ.

Корпусъ генерала Слащева произвелъ высадку восточнѣе Арбатской Стрѣлки, овладѣлъ Мелитополемъ и билъ по тылу отступающихъ красныхъ.

Пять дней продолжались жестокіе бои. Красные были разгромлены. XIII-ая Совѣтская армія потеряла до 8.000 плѣнныхъ, 30 орудій, два бронепоѣзда и огромные склады боевыхъ припасовъ. Большія потери понесли и бѣлые, особенно въ командномъ составѣ.

XX.

Когда Русская армія вышла за Перекопъ и заняла Сѣверную Таврію, красные стали усиленно подвозить свои резервы.

Въ серединѣ іюня съ Кавказа по желѣзной дорогѣ былъ переброшенъ на восточный участокъ фронта Русской арміи конный корпусъ Жлобы въ семь съ половиной тысячъ шашекъ на прекрасныхъ коняхъ.

Этотъ корпусъ вмѣстѣ съ приданными ему кавалерійскими и пѣхотными частями XIII-ой Совѣтской арміи началъ тѣснить донцовъ и проникать въ глубь расположенія Русской арміи.

Генералъ Врангель отдалъ директиву, въ *которой главная роль отводилась генералу Кутепову. Ему было* приказано произвести необходи-

мую перегруппировку своихъ войскъ, охватить ими со всѣхъ сторонъ конницу Жлобы и на разсвѣтѣ 20-го іюня нанести ей рѣшительный ударъ.

Пѣхота должна была разгромить кавалерію.

Всю ночь части 1-го корпуса безшумно двигались и накапливались, какъ грозовыя тучи. Въ заснувшей нѣмецкой колоніи былъ ярко освѣщенъ только одинъ домъ, гдѣ неумолчно стучали телеграфные аппараты, и по проволокамъ несся къ войскамъ повелительный токъ.

Пропѣли третьи пѣтухи. А. П. вышелъ изъ штаба. Аппараты смолкли. Наступило напряженное затишье. Ухо ловило каждый звукъ. Вотъ заиграла въ концѣ деревни пастушья свирѣль. На ея нѣжный зовъ откликнулось радостное мычанье. Послышался скрипъ воротъ, стукъ калитокъ. Вдругъ въ глубинѣ неба точно хлопнулъ огромный бичъ. Оборвалась свирѣль, шарахнулось стадо, дробными копытцами засѣменили овцы. Удары бича все настойчивѣе гнали съ неба предъутренній сумракъ. Наконецъ, брызнуло золотомъ іюньское утро. Непрерывный рокотъ встрѣтилъ восходящее солнце.

Начальникъ штаба постучалъ въ комнату А. П. и взволнованнымъ голосомъ доложилъ:

— Ваше Превосходительство, бой начался!

— Прекрасно, — послышался голосъ А. П., — прикажите разбудить меня часа черезъ два.

А. П. былъ покоенъ за свои войска.

— Великую выдержку и хладнокровіе надо имѣть пѣхотѣ при отраженіи кавалерійскихъ атакъ. Неудержимой лавой на распущенныхъ поводьяхъ маршъ маршемъ несутся кони со взлохмоченными гривами. На нихъ влитые всадники съ пиками на перевѣсъ. Съ каждымъ мгновеніемъ близится грозный ритмъ. На одной сторонѣ порывъ и гулъ, на другой неподвижность и безмолвіе. Палецъ лежитъ на спусковомъ крючкѣ, глазъ впивается въ нарастающую цѣль, сердце обгоняетъ скокъ коней, но до команды никто не смѣетъ нажать на спасительный спускъ.

Однажды, при атакѣ красной кавалеріи на Дроздовцевъ, присутствовалъ Кутеповъ. Онъ стоялъ рядомъ съ Туркуломъ.

— Не пора ли открыть огонь? — не выдержалъ А. П.

— Ваше Превосходительство, здѣсь я хозяинъ и я отвѣчаю за бой, — сказалъ Туркулъ, выждалъ еще нѣсколько мгновеній и скомандовалъ:

— По кавалеріи, батальонъ... пли!

Мчащіеся кентавры съ размаха точно ударились грудью о невидимую преграду.. Вздыбились, опрокинулись...

— Вы нарочно такъ разыграли этотъ бой въ присутствіи вашего командующаго? — спросилъ Кутеповъ Туркула.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, мои Дроздовцы обычно такъ воюютъ съ кавалеріей.

Вечеромъ, за ужиномъ, генералъ Кутеповъ провозгласилъ здравицу *за генерала Туркула, отбившаго въ одинъ бой сразу двѣ атаки* — атаку красной кавалеріи и атаку своего командующаго...

Разгромъ Жлобы начали Корниловцы. Жлоба съ пятью кавалерійскими бригадами бросился на Корниловцевъ. Встрѣтилъ стальную стѣну. Вслѣдъ за выдержаннымъ огнемъ Корниловцевъ въ красную кавалерію врѣзались броневики, на открытыя позиціи вынеслись пушки, наверху зарѣяла воздушная эскадрилья... Отовсюду хлесталъ стальной градъ.

Красная конница смѣшалась. Бросилась на Сѣверо-Западъ, ихъ встрѣтили бронепоѣзда и пѣхота Слащева. Жлоба поскакалъ на Югъ, наткнулся на Дроздовцевъ подъ командою генерала Витковскаго. Повернулъ прямо на Сѣверъ и опять налетѣлъ на Дроздовцевъ. Кавалеристы помчались на Востокъ, ихъ перехватили донцы и кавалерія генерала Морозова.

Красные кавалеристы бросали своихъ взмыленныхъ съ запавшими боками коней и разбѣгались во всѣ стороны.

Конница Жлобы была уничтожена. Вся артиллерія при ней — 40 орудій, 200 пулеметовъ, 2000 плѣнныхъ и 3000 коней были взяты бѣлыми въ этомъ бою.

Быстро перегруппировавшись, Русская армія повела по всему фронту наступленіе и въ послѣдующихъ двухдневныхъ бояхъ захватила *еще нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, сотни пулеметовъ и 200 орудій.* (18).

Русская армія выполняла свой долгъ. Крымъ ликовалъ...

XXI.

Шесть съ половиной мѣсяцевъ длилась борьба Русской арміи на равнинахъ Сѣверной Тавріи. Русская армія истекала кровью. Нѣкоторые полки 1-го корпуса были сведены въ батальоны.

Мобилизація въ Крыму и Сѣверной Тавріи полностью исчерпала всѣхъ способныхъ носить оружіе. Единственнымъ источникомъ пополненія войскъ оставались плѣнные, но они понижали боеспособность арміи.

Снова взоръ обращался на казачьи земли, откуда приходили свѣдѣнія о начавшихся возстаніяхъ, и генералъ Врангель рѣшилъ произвести дессантъ на Кубань силою до пяти тысячъ штыковъ и сабель. Три недѣли продолжалась Кубанская операція, но закончилась неуспѣхомъ. Дессантъ пришлось вернуть въ Крымъ.

Всего за четыре дня до начала Кубанской операціи красные ожесточенными атаками приковали къ фронту войска 1-го корпуса, а на фронтѣ 2-го корпуса противникъ подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня съ праваго берега Днѣпра, господствующаго надъ песчаной равниной лѣваго берега, навелъ понтонный мостъ въ раіонѣ Каховки и переправился черезъ Днѣпръ. Всѣ попытки 2-го корпуса выбить противника изъ Каховскаго тетъ-де-пона оказались тщетны. Большевики сильно укрѣпили Каховскія позиціи и перебросили сюда лучшія свои части съ тяжелой и легкой артиллеріей.

Создалась угроза всему лѣвому флангу Русской арміи. Противникъ получилъ возможность накапливать въ Каховкѣ крупныя силы, которыми всегда могъ выйти въ тылъ бѣлымъ войскамъ и отрѣзать ихъ отъ Перекопа.

Врангель рѣшилъ перебросить крупныя силы на правый берегъ Днѣпра и взять Каховку съ тыла.

Къ началу этой операціи генералъ Кутеповъ былъ назначенъ командующимъ 1-ой арміей, генералъ Драценко командующимъ 2-ой арміей.

1-ая армія выполнила свою задачу. Кутеповъ сосредоточилъ нѣсколько полковъ на островѣ Хортица, древней цитадели буйной Запорожской Сѣчи. Отсюда Корниловцы и Марковцы бросились въ бродъ черезъ Днѣпръ. Большевики съ высокаго ярко желтаго берега открыли огонь.

Забулькали пули. По Днѣпру поплыли, извиваясь, злыя струйки. Въ разлетающихся брызгахъ отъ несущихся скачками людей заиграло радугой солнце. Высоты у красныхъ были взяты съ налета. Армія Кутепова стала развивать успѣхъ.

Въ то же время дѣйствія 2-ой арміи отличались вялостью и нерѣшительностью. Генералъ Врангель въ своихъ запискахъ опредѣленно указываетъ, что Драценко «дѣйствовалъ, какъ бы ощупью», и у него

не было «твердаго руководства командующаго арміей». Въ результатѣ, несмотря на весь первоначальный успѣхъ, вся заднѣпровская операція была сорвана. Угроза со стороны Каховскаго плацдарма осталась висѣть надъ Русской арміей. (19).

Къ этому времени поляки разгромили большевиковъ, и между ними было заключено перемиріе, кончившееся Рижскимъ договоромъ. Красное командованіе получило возможность бросить всѣ свои силы на Врангеля.

Кромѣ пѣхоты, перебрасываемой съ Польскаго фронта по желѣзнымъ дорогамъ, къ Днѣпру двигалась Конная армія Буденнаго силою въ четыре кавалерійскихъ дивизій и отдѣльной кавалерійской бригады. Буденный шелъ небольшими переходами и все время пополнялся людскимъ и конскимъ составомъ.

Каждый день перехватывалось радіо съ донесеніемъ Буденнаго о мѣстѣ его ночевки, и было ясно, что къ серединѣ октября Буденный будетъ въ Каховкѣ.

На фронтѣ нарастали грозныя событія, а тылъ былъ поглощенъ радостнымъ извѣстіемъ — Франція признала правительство Врангеля.

Графъ де Мартель съ французской миссіей пріѣхалъ въ Севастополь вручать свои ввѣрительныя грамоты. Франція обѣщала оказать Бѣлой арміи «нравственную поддержку» и «матерьяльную помощь».

На банкетѣ графъ де Мартель поднялъ бокалъ «въ честь славныхъ воиновъ и ихъ блестящаго вождя, за окончательное освобожденіе великой и дружественной намъ Россіи».

Ярко освѣщенный залъ, убранный цвѣтами, полный военными и штатскими, оживленно гудѣлъ. Всѣ подходили къ Врангелю и наперерывъ поздравляли его съ дипломатической побѣдой.

— Ну, вотъ мы и вышли на большую дорогу, — привѣтствовалъ Врангеля одинъ генералъ. (20).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого раута вся Русская армія вышла на корабляхъ въ открытое море.

Уже заграницей генералъ Кутеповъ высказалъ такой свой взглядъ на причины паденія Крыма съ чисто военной точки зрѣнія. Кутеповъ говорилъ:

— Кубанская операція была несвоевременна. Она оттянула у насъ пять тысячъ штыковъ въ тотъ самый моментъ, когда большевики повели наступленіе по всему нашему фронту. Пяти тысячъ для дессанта было мало, но ихъ было бы достаточно, чтобы противникъ не овладѣлъ Каховкой.

— Неудачнымъ я считаю раздѣленіе Русской арміи на двѣ арміи передъ самой Заднѣпровской операціей. Непосредственное руководство войсками при этой операціи должно было бы находиться въ однѣхъ рукахъ. У насъ къ Крыму было по существу штыковъ и сабель всего на одинъ корпусъ военнаго времени, а имъ командовали — главнокомандующій, два командующихъ и четыре командира корпуса.

— Послѣ Заднѣпровской операціи, когда окончательно выяснилась полная невозможность овладѣть Каховскимъ плацдармомъ красныхъ, и въ то же время было получено извѣстіе о начавшихся мирныхъ переговорахъ поляковъ съ большевиками, я предлагалъ генералу Врангелю начать отводить армію изъ Сѣверной Таврiи за Перекопъ. Отходъ былъ бы безъ давленія на фронтѣ, войска шли бы спокойно, съ музыкой. За время отхода можно было бы изъ Тавріи вывезти въ Крымъ всѣ наши хлѣбные запасы. Духъ въ войскахъ не былъ бы потерянъ. На Перекопѣ войска сами укрѣпили бы свои позиціи, и мы смѣло могли бы отсидѣться въ Крыму всю зиму. Какъ потомъ обернулось бы дѣло, трудно сказать, но въ тотъ годъ въ Россіи разразился страшный голодъ, въ Тамбовской губерніи поднялъ возстаніе Антоновъ, въ Кронштадтѣ загремѣли выстрѣлы матросовъ.

— Врангель не согласился съ моимъ планомъ, такъ какъ считалъ, что очищеніе нами Сѣверной Тавріи могло бы неблагопріятно повліять на наши переговоры съ Франціей...

Катастрофа въ Крыму разразилась молніеносно.

Красные въ серединѣ октября по всему фронту перешли въ наступленіе шестью арміями. Свой главный ударъ Красное командованіе рѣшило нанести изъ Каховскаго плацдарма, куда уже втянулась VI-ая Совѣтская армія и 1-ая Конная армія Буденнаго. VI-ая армія совмѣстно со 2-ой Конной должны были наступать на Перекопъ, а Буденный получилъ приказъ выйти въ тылъ главнымъ силамъ Кутепова и отрѣзать ихъ отъ Чонгарскаго полуострова — второго перешейка, связывающаго Сѣверную Таврію съ Крымомъ. Одновременно съ Сѣвера и Востока должны были атаковать Русскую армію остальныя Совѣтскія арміи.

Общее количество штыковъ и сабель въ Красной арміи было раза въ три больше, чѣмъ въ Бѣлой.

VI-ая Совѣтская армія быстро оттѣснила 2-ой корпусъ за Перекопскій валъ, а конная армія Буденнаго пересѣкла весь тылъ генерала Кутепова и отрѣзала его войска отъ Крыма. Оба выхода изъ Тавріи въ Крымъ совѣтскія войска закупорили.

А. П. изъ штабного поѣзда помчался на автомобилѣ къ своимъ войскамъ.

Начались сильные морозы. На походѣ подъ ногами звенѣла земля. По полямъ стлался густой туманъ. Воздушная развѣдка съ трудомъ опредѣляла расположеніе противника. Связь 1-ой арміи со 2-ой арміей и со Ставкой была прервана. Армія Кутепова медленно отходила на Крымъ къ Чонгарскому полуострову. А. П. на автомобилѣ переѣзжалъ изъ одной дивизіи въ другую, и въ его присутствіи разыгрывались бои.

Напоръ красныхъ съ Сѣвера сдерживали Корниловцы, на Югѣ успѣшно воевали Дроздовцы. Генералъ Туркулъ разбилъ Особую бригаду конницы Буденнаго и захватилъ въ плѣнъ конвой и оркестръ Буденнаго. Самъ Буденный еле спасся. Онъ соскочилъ со своего жеребца и умчался на автомобилѣ.

Въ то же время пѣшая 3-ья донская дивизія совмѣстно съ 7-ой пѣхотной дивизіей внезапнымъ ударомъ съ Востока обрушилась на Буденнаго. Красныхъ захватили врасплохъ, ихъ кони стояли по дворамъ расѣдланными. Конницѣ Буденнаго еле удалось прорваться черезъ пѣхоту. Уничтожить ее не удалось.

Русская армія получила возможность втягиваться въ Крымъ.

Подъ прикрытіемъ 1-ой арміи втянулась на Чонгарскій полуостровъ 2-ая армія, а потомъ уже стала отходить армія Кутепова.

Туркулъ со своими Дроздовцами огрызнулся въ послѣдній разъ. Дроздовцы бросились въ атаку, разбили красныхъ и захватили въ плѣнъ около двухъ тысячъ красноармейцевъ. Дроздовцевъ никто не поддержалъ.

Русская армія отошла въ Крымъ Она понесла огромныя потери убитыми, ранеными, обмороженными, плѣнными. Въ рукахъ красныхъ осталось пять бронепоѣздовъ, интендантсткіе склады и около двухъ милліоновъ пудовъ хлѣба только въ одномъ Мелитополѣ.

Русская армія потеряла 18 орудій, за то сама взяла у красныхъ 15 орудій.

Несмотря на благополучное отступленіе Русской арміи, войска потеряли сердце. Подавляла полная безысходность борьбы. У красныхъ были неистощимые резервы. На мѣсто разбитыхъ войскъ тотчасъ появлялись новыя. Никакія побѣды не приближали желаннаго конца.

Въ Крыму, по приказу Врангеля, войска начали перегруппировку и постепенно занимали указанныя позиціи. Въ приготовленныхъ окопахъ не было блиндажей, укрытій, землянокъ.

Морозы крѣпчали. Сивашъ покрылся льдомъ, линія обороны неожиданно удлинилась. Солдаты на позиціяхъ кутались въ тряпье, запихивали подъ рубашку солому. Число обмороженныхъ росло.

Красные вели яростныя атаки и громили Перекопъ артиллеріей. По замерзшему Сивашу они обошли Перекопскій валъ...

Генералъ Кутеповъ доложилъ Главнокомандующему всю тяжелую обстановку на фронтѣ. Врангель понялъ, что наступила рѣшительная минута. Онъ приказалъ, какъ можно дольше удерживать послѣднія укрѣпленныя позиціи въ Крыму, чтобы выиграть нѣсколько дней для окончательной подготовки эвакуаціи населенія и арміи.

Весь планъ эвакуаціи былъ заранѣе тщательно разработанъ, но количество гражданскаго населенія, стремившагося выѣхать изъ Крыма, опрокидывало всѣ предварительные расчеты.

Адмиралъ Кедровъ напрягъ всю свою энергію, и ко дню эвакуаціи были готовы всѣ суда, могущія держаться на водѣ.

Началась погрузка лазаретовъ, тыловыхъ учрежденій, населенія. 29-го октября Врангель приказалъ войскамъ оторваться отъ противника и, подъ прикрытіемъ кавалеріи, каждой части быстрыми маршами итти въ назначенный ей приморскій городъ.

Армія стала отходить въ полномъ порядкѣ.

30-го октября въ Севастополь пріѣхалъ А. П., за нимъ подходили его войска.

До глубокой ночи А. П. объѣзжалъ окраины и предмѣстья Севастополя. Были только отдѣльныя попытки грабежей.

На другой день войска А. П. стали грузиться на суда. Юнкерскія училища и заставы отъ частей генерала Кутепова прикрывали посадку войскъ.

Наконецъ, стали сниматься послѣднія заставы. Рота Алексѣевскаго училища шла на пристань со старой пѣснью Студенческаго батальона:

«Вспоили вы насъ и вскормили
Отчизны родныя поля»...

Юнкера погрузились. Главнокомандующій отбылъ на крейсеръ «Корниловъ». На берегу остался высокій генералъ съ сѣдыми усами — комендантъ Севастопольской крѣпости — генералъ Стоговъ.

Онъ низко поклонился родной землѣ, перекрестился и со слезами на глазахъ послѣднимъ сошелъ съ берега.

Молчаливой сосредоточенной толпой провожало населеніе отплывавшую армію. На набережной стояло много портовыхъ рабочихъ. Но въ ихъ глазахъ не было ни блеска торжества, ни ненависти. Они видѣли, что отъ Россіи отрывается живой кусокъ ея тѣла.

Генералъ Врангель съ адмираломъ Кедровымъ объѣзжалъ на катерѣ суда. Съ каждаго корабля имъ неслось навстрѣчу восторженное ура.

Армія была выведена «съ честью».

. ...

166 судовъ, нагруженныхъ 135-ью тысячами людей, отплыли отъ родныхъ береговъ. Палубы, проходы, мостики, трюмы были забиты людьми.

Въ угольномъ трюмѣ одного парохода, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидѣли офицеры, солдаты. Кое-гдѣ мерцали огарки свѣчей. Жутко и мрачно было у всѣхъ на душѣ.

На лѣстницѣ, ведущей въ трюмъ, показался старенькій полковой священникъ. На войнѣ онъ обходилъ поля сраженій, утѣшалъ и напутствовалъ умирающихъ. Могилы павшихъ онъ обкладывалъ зеленымъ дерномъ и прибивалъ къ бѣлому кресту жестяную дощечку, на которой его рукою было любовно выведено: Воину благочестивому, кровію и честію на полѣ браннымъ вѣнчанному.

Этотъ батюшка стоялъ теперь на лѣстницѣ, и его сѣдая голова четко выдѣлялась на темномъ небѣ съ мерцающими звѣздами. Онъ трижды осѣнилъ крестомъ сгрудившихся во тьмѣ людей и заговорилъ прерывистымъ голосомъ:

— Бѣлые воины, я вашъ духовный пастырь и пришелъ облегчить вашу скорбь... Вы сражались за Святую Русь, но пути Господни неисповѣдимы. Теперь мы плывемъ въ открытое море и даже не знаемъ, къ какимъ берегамъ мы пристанемъ. Мы покинули родную землю... Многіе изъ насъ уже никогда не увидятъ своихъ милыхъ, близкихъ и родныхъ... Многимъ изъ насъ и не суждено будетъ ступить на свою родную землю и неизвѣстно, гдѣ мы сложимъ свои кости... Мы, какъ листья, оторванные бурей отъ родныхъ вѣтвей и злобно гонимые вѣтромъ... Но пусть каждый надѣется на милосердіе Божіе. Пусть каждый своимъ духовнымъ взоромъ обращается ко Господу, и пусть первая наша молитва будетъ всегда о нашей родинѣ... родинѣ несчастной, родинѣ измученной, родинѣ поруганной. Да возстановитъ ее Господь Богъ, и да возсіяетъ она свѣтлой правдой...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Не плачь о насъ, Святая Русь,
Не надо слезъ, не надо!
Молись за павшихъ и живыхъ:
Молитвы намъ награда.

Изъ галлиполійской пѣсни.

I.

Огромнымъ таборомъ на корабляхъ раскинулась Русская армія передъ Царьградомъ. Но приплыли не завоеватели, осадившіе городъ съ моря, а разбитыя, вытѣсненныя изъ родныхъ предѣловъ, измученныя войска.

Въ Царьградѣ торжествовали побѣдители, союзники Россіи по Великой войнѣ, а Русская армія, какъ бѣдная родственница, протягивала къ нимъ руку за подаяніемъ. На корабляхъ трепались сигналы бѣдствія — хлѣба и воды.

Франція великодушно объявила, что она беретъ Русскую армію подъ свое покровительство, и на русскихъ судахъ, взятыхъ Франціей со всѣми на нихъ нагруженными товарами подъ залогъ своей помощи, взвились ея трехцвѣтные флаги.

По международнымъ правиламъ армія, отошедшая на чужую землю, должна разоружиться. Русскія войска это понимали, но національная гордость трудно мирилась съ такимъ требованіемъ, предъявленнымъ своими союзниками. Вѣдь и Сербская армія была недавно лишена отечества, однако безъ униженія высажена на чужую территорію...

Для Русской арміи сдать свое оружіе значило сразу обратиться въ бѣженскую пыль. Острѣе всѣхъ почувствовалъ это генералъ Кутеповъ и онъ отдалъ приказъ, въ которомъ потребовалъ отъ своихъ войскъ собрать все оружіе и хранить его подъ карауломъ, а каждой дивизіи сформировать батальонъ изъ 600 человѣкъ, вооруженныхъ винтовками, съ пулеметной командой въ 60 пулеметовъ.

Войска генерала Кутепова свое оружіе сохранили.

Много дней стояла Русская армія передъ Царьградомъ. Какъ марево въ Кубанскихъ степяхъ, манилъ къ себѣ городъ со стройными минаретами за зеркальнымъ Босфоромъ и, какъ марево, Царьградъ былъ

недосягаемъ. Войскамъ генерала Кутепова было приказано высадиться въ Галлиполи. Теперь эти войска были снова сведены въ одинъ корпусъ, во главѣ котораго Врангель оставилъ Кутепова, произведеннаго за боевыя отличія въ Крыму въ генералъ-отъ-инфантеріи.

Въ холодное ноябрьское утро къ сѣрымъ развалинамъ городка Галлиполи подплыли корабли съ обломками Русской арміи. Кутеповъ первымъ высадился на берегъ. Ему подвели коня. А. П. въ сопровожденіи французскаго маіора поѣхалъ осматривать мѣсто, предназначенное для русскаго лагеря.

Въ семи верстахъ отъ города маіоръ широкимъ жестомъ обвелъ голое поле у подножья покрытой кустарникомъ горы и сказалъ:

— Вотъ мѣсто для лагеря.

— И это все? — невольно вырвалось у А П.

Маіоръ молча наклонилъ голову.

Началась разгрузка пароходовъ. Изъ своихъ трюмовъ они изрыгали тысячи грязныхъ, голодныхъ людей. Въ зимнюю стужу, подъ холоднымъ дождемъ, войска располагались около мола на сѣрыхъ ослизлыхъ камняхъ...

Сбылись вѣщія слова турецкаго поэта — пророка Намыкъ-Кемальбея, чья могила въ Галлиполи почитается священной:

«Здѣсь упадетъ Россія на голые камни подбитымъ орломъ съ подрѣзанными крыльями».

II.

Уныніе охватило войска въ Галлиполи. Потеряли родину, выброшены на пустынный полуостровъ, впереди полная неизвѣстность.

Духовный надломъ сейчасъ же сказался на внѣшнемъ обликѣ войскъ. Поднявъ воротники шинелей съ оборванными пуговицами и безъ погонъ, ходили по Галлиполи толпы хмурыхъ людей. Искали щепки для костровъ, устраивали въ развалинахъ логовища, продавали на базарѣ свои и казенныя вещи. Старшимъ въ чинѣ чести не отдавали, считали, что бѣдствіе всѣхъ сравняло. Быстро стирались всѣ грани, столь необходимыя въ каждой арміи.

Городокъ опасливо смотрѣлъ на вооруженныхъ нищихъ пришельцевъ и наглухо запиралъ свои двери.

А. П. сразу понялъ, какую тяжкую отвѣтственность возложила на него судьба въ Галлиполи. Онъ зналъ, что во многихъ лагеряхъ, гдѣ содержались интернированныя русскія войска, люди совершенно опускались. Въ полной праздности жили на казенномъ пайкѣ и цѣлыми днями валялись на нарахъ. Цѣпенѣли физически и духовно.

Что дѣлать? — задавалъ себѣ вопросъ А. П. и мудрый отвѣтъ онъ нашелъ въ своей душѣ. Надо строить жизнь, и въ этой стройкѣ каждая минута дорога и нѣтъ такого дѣла, которое было бы малымъ. Войска были безъ крова, грязныя, обносившіяся. Было много больныхъ.

Но чтобы строить, надо было прежде всего встряхнуть безвольную массу и влить въ нее силу.

Это было трудно. Труднѣе, чѣмъ бросать войска въ атаку или итти съ добровольцами въ ледяной походъ. Тогда у начальника была власть, у подчиненныхъ долгъ, вѣра, а теперь людская масса, какъ тѣсто, расползалась между пальцами. Каждый имѣлъ право уйти изъ арміи на положеніе бѣженца.

Въ рукахъ А. П. оставалась только нравственная сила и собственная воля.

— Дать порядокъ, — кратко приказалъ А. П. своимъ ближайшимъ помощникамъ.

Съ самого утра, какъ рачительный хозяинъ, А. П. обходилъ своимъ неутомимымъ шагомъ весь городокъ и лагерь. Какъ всегда былъ тщательно одѣтъ, бодръ и веселъ духомъ, точно окружающая обстановка была самая обыденная. За всѣмъ слѣдилъ, все налаживалъ и заставлялъ работать и работать.

Офицеры работали наравнѣ съ солдатами. Разбивали лагерь, копали землянки, строили бани, носили съ горъ дрова, таскали изъ города въ лагерь продукты, прокладывали узкоколейку.

— Никакая физическая работа не можетъ быть унизительна, — неустанно твердилъ офицерамъ А. П.

Всегда задерживался около тѣхъ, которые выполняли наиболѣе трудную и грязную работу. Со всѣми здоровался.

— У меня руки грязныя, Ваше Высокопревосходительство, — говорилъ кто-нибудь изъ офицеровъ.

— Руки грязнятся не отъ работы, — отвѣчалъ А. П. и крѣпко пожималъ руку.

Очень быстро раскинулся полотняный поселокъ на прежнемъ голомъ полѣ, въ «долинѣ смерти и розъ». Когда-то въ этой долинѣ цвѣли розы, а теперь онѣ расползлись шиповникомъ, въ колючихъ вѣтвяхъ котораго гнѣздились ядовитые гады. Въ этой долинѣ косила людей и москитная лихорадка.

Но не поселокъ для переселенцевъ на новыхъ земляхъ строилъ А. П., онъ строилъ военный лагерь по образцу вѣкового уклада россійскихъ войскъ и съ первыхъ же дней въ Галлиполи онъ сталъ требовать отъ всѣхъ чиновъ корпуса несенія военной службы и полнаго подчиненія воинскому порядку.

Въ своемъ приказѣ Кутеповъ писалъ:

«Для поддержанія на должной высотѣ добраго имени и славы русскаго офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой землѣ, приказываю начальникамъ тщательно и точно слѣдить за выполненіемъ всѣхъ требованій дисциплины. Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малѣйшее упущеніе по службѣ и безпощадно предавать суду всѣхъ нарушителей правилъ благопристойности и воинскаго приличія»...

Ропотомъ встрѣтили войска это требованіе.

— Зачѣмъ теперь эта игра въ солдатики? — Довольно...

— Пусть ругаются, — говорилъ А. П., — русскій человѣкъ всегда ругаетъ начальство. Сами потомъ поймутъ, что такъ надо... — и неуклонно проводилъ въ жизнь дисциплину. Органически не выносилъ распущенности и расхлябанности. Непокорныхъ немилосердно сажалъ подъ арестъ на гауптвахту. Онъ говорилъ:

— Наша борьба съ большевиками не кончена. Для борьбы нужны люди съ выдержкой, сильные духомъ и тѣломъ. Мы должны служить примѣромъ и для всей нашей молодежи...

Понималъ А. П. и то, что только организованная военная сила поможетъ Главнокомандующему отстаивать въ Константинополѣ интересы арміи.

Взнузданныя Кутеповымъ войска подобрались. Возмущаться «игрой въ солдатики» перестали. Вмѣсто ропота была уже общая дума — армія мы или нѣтъ въ глазахъ союзниковъ.

Сидѣвшіе на «губѣ» въ полуразвалившейся генуэзской башнѣ, какъ-то разъ, развлекаясь, рѣшили произвести выборы «комкора» прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Единогласно избрали генерала Кутепова.

«Кутепъ-пашой» величали турки А. П.

. ...

Потянулись первые дни Русской арміи на чужбинѣ. Кончились походы, ушло боевое напряженіе. Ихъ смѣнила неподвижность безцѣльность сидѣнія. Было тягостно, голодно и холодно.

Французы отпускали однообразный скудный паекъ, командованіе помогало жалованьемъ отъ одной до двухъ турецкихъ лиръ въ мѣсяцъ.

Генералу Кутепову, какъ командиру корпуса, было предложено большее содержаніе, но онъ рѣшительно отказался отъ такой привиллегіи. Считалъ, что долженъ раздѣлять всѣ невзгоды со своими войсками. Сдѣлалъ это просто и незамѣтно.

Какъ и всѣ въ Галлиполи, А. П. нуждался въ самомъ необходимомъ особенно послѣ сыпного тифа, которымъ заразился, обходя каждый день госпитали.

Однажды, А. П. попросилъ офицера, ѣхавшаго по командировкѣ въ Константинополь, обмѣнять на лиры всѣ скопленныя имъ сбереженія за свою службу при Деникинѣ и Врангелѣ. А П. все еще считалъ свои сбереженія богатствомъ.

Офицеръ потомъ разсказывалъ:

— Ужъ очень мнѣ не хотѣлось огорчать Комкора. Въ Крыму ломоть арбуза стоилъ тысячу рублей, а онъ, чудакъ, копилъ эти деньги. Ну, я продалъ кое какія свои вещи и привезъ ему нѣсколько лиръ. Докладываю — больше никакъ не могъ выручить за ваши деньги. Повѣрилъ. Поблагодарилъ и говоритъ — а то послѣ тифа на одномъ пайкѣ не скоро поправишься.

III.

Первый же пріѣздъ въ Галлиполи генерала Врангеля вмѣстѣ съ командующимъ французской эскадрой адмираломъ де-Бонъ разсѣялъ сомнѣнія въ вопросѣ объ отношеніи союзниковъ къ Русской арміи.

На парадѣ Врангель заявилъ, что онъ только-что получилъ извѣстіе о признаніи арміи. Де-Бонъ, казалось, подтвердилъ это. Онъ тоже держалъ рѣчь передъ войсками и, глядя на двуглавый орелъ, выложенный изъ цвѣтныхъ камней и раковинъ на клумбѣ передъ лагеремъ, воскликнулъ:

— Я надѣюсь, что этотъ орелъ, распластанный на землѣ, скоро взмахнетъ крыльями, какъ въ тѣ дни, когда онъ парилъ передъ побѣдоносной Императорской арміей.

Войска въ Галлиполи пріободрились. Думали — отдохнемъ, соберемся съ силами и въ походъ, въ Россію!

Но вскорѣ въ Парижѣ произошло паденіе кабинета, что повлекло за собою смѣну французскаго командованія въ Константинополѣ. Отношеніе Франціи къ Русской арміи рѣзко измѣнилось.

На генерала Кутепова посыпались требованія о сдачѣ имъ оружія. А. П. отвѣчалъ, что винтовки необходимы для обученія полковъ и юнкеровъ.

Тогда было потребовано сдать пулеметы или, по крайней мѣрѣ, замки отъ нихъ подъ охрану сенегальцевъ.

А. П. отвѣтилъ, что охрана пулеметовъ вполнѣ надежна въ самомъ корпусѣ.

Французы, наконецъ, прислали категорическое требованіе сдать все оружіе.

А. П. категорически отвѣтилъ, что оружіе у корпуса можетъ быть отнято только силою.

Не запугали А. П. и назначенные французскимъ командованіемъ маневры сенегальцевъ при поддержкѣ миноносцевъ. На полученное предупрежденіе объ этихъ маневрахъ А. П. отвѣтилъ:

— Какое совпаденіе! У меня на этотъ день тоже назначены маневры въ полномъ боевомъ снаряженіи.

Разоружить силою Кутеповскій корпусъ у союзниковъ рука не поднялась. Было рѣшено добиться разсѣянія Русской арміи инымъ путемъ.

Генерала Врангеля перестали пускать къ своимъ войскамъ. Въ Галлиполи было вывѣшено объявленіе, что арміи генерала Врангеля больше не существуетъ. Ни Врангель, ни его начальники не имѣютъ права отдавать приказанія. Всѣ вывезенныя войска изъ Крыма объявлялись свободными бѣженцами и подчиненными въ Галлиполи только французскому коменданту.

Однажды патруль сенегальцевъ за пѣніе въ городѣ арестовалъ двухъ офицеровъ, избилъ одного прикладами до крови и отвелъ арестованныхъ во французскую комендатуру. Начальникъ штаба тотчасъ пошелъ къ коменданту и потребовалъ освобожденія арестованныхъ. Комендантъ отказалъ и вызвалъ караулъ подъ ружье. Начальникъ штаба

вызвалъ двѣ роты юнкеровъ. Сенегальскій караулъ бѣжалъ, бросивъ два пулемета. Арестованные были освобождены. французы перестали высылать свои патрули по Галлиполи.

Передъ домомъ французскаго коменданта русскіе устроили кошачій концертъ. На принесенную жалобу А. П. выразилъ сожалѣніе и только удивился, какъ могли допустить такое безобразіе французскіе часовые.

— Быть можетъ, тамъ не стояли ваши часовые? — спросилъ А. П. Ему отвѣтили, что стояли.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ ставить къ вамъ своихъ часовыхъ, и я увѣренъ, что больше такихъ исторій не повторится.

Предложеніе А. П. было отклонено.

Юнкера, проходившіе строемъ мимо французской комендатуры, пѣли:

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана»...

Въ Галлиполи появились агитаторы для пропаганды переселенія въ Бразилію и возвращенія въ Совѣтскую Россію. Вывѣшивались соотвѣтствующія объявленія за печатью французскаго коменданта. Въ этихъ объявленіяхъ указывалось, что вернувшіеся въ Совѣтскую Россію встрѣтятъ «радушный пріемъ», а переселенцы въ Бразилію получатъ въ штатѣ С.-Паоло землю, инвентарь и денежную субсидію.

Охотниковъ испытать на себѣ «радушный пріемъ» большевиковъ нашлось немного, за то Бразилія внесла большой соблазнъ.

Во всѣхъ палаткахъ начались ожесточенные споры. Рѣшившихся уѣхать стали называть «бразильянцами».

«Бразильянцы» говорили:

— Да, мы уѣзжаемъ въ Бразилію. Вооруженная борьба съ большевиками безъ помощи союзниковъ теперь немыслима. Союзники объ этомъ не думаютъ, и всѣмъ намъ пора становиться на собственныя ноги... Не весь же свой вѣкъ жевать обезьяньи консервы и чортову фасоль... Вырвемся отсюда, и намъ повсюду широкая дорога.

Счастливый путь, — отвѣчали имъ, — становитесь бразильянскими подданными, измѣняйте Россіи и арміи.

— Да что вы все кричите -- Россія, армія! Россіи нѣтъ, есть СССР, а Русская армія жива, какъ волосы, что растутъ еще на кожѣ

мертвеца. Непремѣнно приму бразильянское подданство. Не я измѣнилъ русскому народу, а онъ вышвырнулъ меня. И не хочу больше знать нашего «богоносца». Ты не подашь руки предателю, убійцѣ, растлителю. А чѣмъ лучше нашъ народъ? Большевики предавали Россію, мучили Царскую Семью, оскверняли всѣ святыни, мощи, храмы, а что дѣлалъ народъ? Пусть, хоть бы безмолствовалъ. Нѣтъ, онъ самъ помогалъ поджигать Россію со всѣхъ концовъ, а насъ встрѣчалъ пулеметами. Только когда большевики скрутили его въ бараній рогъ, онъ сталъ безмолвствовать. Безмолвствуетъ и лижетъ руки своего новаго господина. Отечество, порабощенное, остается отечествомъ, но отечество, пріявшее рабство, для меня не храмъ, а скотный дворъ...

Подымался шумъ, вопли. Каждый старался перекричать другого.

— Это кощунство, ложь... Такъ нельзя говорить о своей родинѣ... Вонъ изъ нашей палатки... Уѣзжайте, хоть къ чорту на кулички... Кто поневолѣ покорился, еще не значитъ, что онъ лижетъ руки своего господина... На поклонъ къ татарамъ ѣздили Александръ Невскій и Дмитрій Донской... Большевики дождутся своего Куликова поля... Мы должны помочь нашему народу скинуть наважденіе, а не возвращать своего билета...

Никого такіе споры не переубѣждали, каждый оставался при своемъ рѣшеніи.

Въ Бразилію поѣхало около двухъ тысячъ человѣкъ. Многіе бросали армію и потому, что устали отъ войны, отъ всего, что напоминало ее. Уѣзжали также изъ за личныхъ обидъ. Солдатъ тянуло сѣсть на землю.

Всѣхъ уѣхавшихъ въ Бразилію туда не довезли. Ихъ высадили въ Аячіо на островѣ Корсикѣ. Бразилія никакихъ обѣщаній на переселеніе въ нее русскихъ бѣженцевъ не давала.

Одновременно съ пропагандой французы постоянно грозились, что скоро перестанутъ содержать русскихъ бѣженцевъ, и время отъ времени сокращали свой паекъ.

Въ объявленіяхъ говорилось, что Франція, изнуренная войной, не можетъ «продолжать безконечно приносить столь тяжелыя жертвы». Каждый мѣсяцъ на питаніе русскихъ бѣженцевъ она будто бы тратитъ сорокъ милліоновъ франковъ, тогда какъ гарантіи Русской арміи въ судахъ и сырьѣ не превышаютъ всего тридцати милліоновъ.

Въ такихъ заявленіяхъ было явное преувеличеніе. По заготовочнымъ цѣнамъ французскаго интендантства общая стоимость содержанія

1-го корпуса въ Галлиполи обходилась французамъ всего одинъ милліонъ семьсотъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ.

Подобныя объявленія сильно били и по національному самолюбію. Въ нихъ указывалось, что для русскихъ офицеровъ и солдатъ является «вопросомъ чести и достоинства» перестать жить на французскій счетъ, и что надо уже собственнымъ трудомъ обезпечивать себѣ «честное и достойное существованіе».

Поняли русскія войска, что, дѣйствительно, горекъ хлѣбъ на чужбинѣ.

Генералъ Врангель, всегда порывистый въ своихъ дѣйствіяхъ, оскорбленный отношеніемъ французскаго командованія лично къ нему и къ Русской арміи, умышленно не замѣтилъ на одномъ раутѣ въ Константинополѣ одного изъ представителей французскаго оккупаціоннаго корпуса. Генералъ Врангель, обходя всѣхъ присутствовавшихъ, съ этимъ представителемъ не поздоровался. Создалось обостренное положеніе, и въ скоромъ времени французское командованіе объявило, что оно прекращаетъ выдавать паекъ Русской арміи въ Галлиполи.

Врангель спѣшно вызвалъ въ Константинополь Кутепова. Передъ своимъ отъѣздомъ А. П. устроилъ секретное совѣщаніе со своими командирами, на которомъ было принято рѣшеніе, какъ на случай ареста А. П., такъ и на случай дѣйствительнаго прекращенія доставки питанія 1-му корпусу.

Въ Константинополѣ А. П. явился къ представителю французскаго командованія и быстро уладилъ весь инцидентъ.

Спокойно и твердо А. П. сказалъ:

— Ваше право прекратить доставлять продукты моимъ войскамъ, и я не могу входить въ обсужденіе вашихъ возможностей, но прошу васъ принять во вниманіе и мое положеніе. Я не могу допустить, чтобы мои люди умирали съ голода или превратились въ банду разбойниковъ. Я отдалъ распоряженіе даже въ случаѣ моего отсутствія поступить такъ, какъ вы сами, генералъ, поступили бы въ моемъ положеніи, имѣя на рукахъ голодныя части и сознавая свою отвѣтственность за нихъ.

Собесѣдникъ генерала Кутепова понялъ его. Французское командованіе возобновило доставку продуктовъ русскимъ войскамъ.

А. П. безпрепятственно вернулся въ Галлиполи.

Попытки распыленія арміи все-таки продолжались. Одновременно въ нѣкоторой зарубежной русской печати усилились обвиненія Кутепова въ томъ, что онъ «въ своемъ застѣнкѣ» удерживаетъ войска силою.

Чтобы положить конецъ всѣмъ такимъ нареканіямъ и выявить подлинное лицо своихъ войскъ, А. П. за свой страхъ и рискъ издалъ приказъ, въ которомъ онъ предлагалъ каждому чину 1-го корпуса въ трехдневный срокъ рѣшить свою судьбу — перейти ли на бѣженское положеніе или же остаться въ рядахъ арміи.

Опять начались мучительныя думы. Никто теперь не спорилъ, не горячился, каждый молча принималъ рѣшеніе.

Армія осталась подъ своими знаменами. Ушло изъ нея только двѣ тысячи.

Бѣлая армія въ Галлиполи такъ же, какъ на Кубани, снова добровольно принимала на себя подвигъ дальнѣйшей борьбы съ большевиками...

1-ый корпусъ сплотился вокругъ генерала Кутепова, духовная связь между нимъ и войсками стала неразрывной. Попытки распыленія войскъ въ Галлиполи прекратились. Французы не могли не почувствовать уваженія къ войскамъ, сохранявшимъ вѣрность знаменамъ. Съ большимъ тактомъ и предупредительностью французскій комендантъ и штабъ 1-го корпуса стали сглаживать всѣ происходившія мелкія недоразумѣнія.

Французскіе офицеры присутствовали на всѣхъ русскихъ парадахъ и приглашали представителей русскаго командованія на свои празднества. Особую корректность къ генералу Кутепову проявляли всегда французскіе моряки дежурнаго миноносца въ Галлиполи.

Нападки на «мрачную Кутепію» и «Галлиполійскую каторгу» продолжались лишь со стороны такихъ русскихъ газетъ, какъ «Воля Россіи» и «Послѣднія Новости». Дѣлалось это подъ предлогомъ защиты войскъ отъ произвола генерала Кутепова.

Всѣ эти газеты, хотя бы съ самыми рѣзкими нападками на А. П., всегда вывѣшивались въ Галлиполи на стѣнахъ и прочитывались на сеансахъ «Устной газеты».

Обмѣнивались впечатлѣніями:

— Здоровы писать... Пропали бы безъ нихъ... А еще историкъ... А эсэрамъ все хочется ввести въ дисциплину свое постольку-поскольку... Хоть бы справились, какая дисциплина въ иностранномъ легіонѣ, туда вѣдь тоже поступаютъ добровольно...

Какъ-то разъ А. П., выйдя изъ штаба со своимъ офицеромъ, увидѣлъ такую обличающую его газету и около нея кучку людей, внимательно ее читавшихъ. А. П. усмѣхнулся и сказалъ:

— Навѣрно опять меня обкладываютъ... Хоть бы изъ за элементарной справедливости сначала посмотрѣли своими глазами, что въ дѣйствительности происходитъ въ Галлиполи, а потомъ бы уже ругали...

— А что вы сдѣлали бы, — спросилъ офицеръ, — если бы въ Галлиполи прiѣхалъ самъ профессоръ Милюковъ...

А. П. остановился.

— Что я сдѣлалъ бы? — я бы вызвалъ всѣхъ начальниковъ частей и начальника судной части и въ присутствiи профессора Милюкова приказалъ бы имъ не чинить ему ни малѣйшаго препятствiя. Пусть профессоръ ходитъ по всему лагерю, смотритъ все, что хочетъ, и говоритъ съ кѣмъ угодно и о чемъ угодно. Пусть разговариваетъ со всѣми арестованными, пусть просматриваетъ всѣ судныя дѣла.

— А потомъ?

— Потомъ? — Я не забылъ бы долга гостепрiимства и угостилъ бы профессора нашимъ лучшимъ галлиполiйскимъ обѣдомъ.

IV.

Хлынула южная весна. Стаи птицъ спѣшили на родныя гнѣзда. Люди не находили себѣ мѣста.

Все чуждо кругомъ. Застывшiе кипарисы на кладбищахъ, усѣянныхъ каменными столбиками вмѣсто крестовъ. Караваны надменныхъ верблюдовъ. Черномазые сенегальцы, фески, чужiе обычаи, говоръ.

Уходили въ лѣсъ, въ поля или сидѣли на берегу моря. И здѣсь все дышало отлетѣвшей жизнью чуждыхъ народовъ.

За узкимъ Геллеспонтомъ сѣрѣли въ дымкѣ холмистые берега Малой Азiи. Оттуда по плавучему мосту переправлялись въ Галлиполи полчища Ксеркса войною на грековъ.

По Галлиполи гремѣли доспѣхами рыцари, поднявшiе мечъ за освобожденiе Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ.

Въ Галлиполи высадились турки, обрушившiеся на славянскiя страны.

Въ лѣсахъ находили скелеты. Рядомъ съ ними черныя каски съ потускнѣвшимъ орломъ.

И потому ли, что было все чуждо кругомъ, или потому, что душа тосковала по родной землѣ, внезапно вставали родныя картины.

Промчится ли съ побѣднымъ визгомъ черная стайка стрижей, и вдругъ вспоминается песчаный обрывъ надъ заводью тихой рѣки. Въ томъ обрывѣ круглыя дырки въ гнѣзда стрижей...

Подуетъ ли вѣтеръ, и будто доносится запахъ медвяныхъ луговъ...

Шумитъ ли о камни неумолчный прибой, и чудится гулъ величаваго бора...

Переносятся мысли на близкихъ. Что съ ними теперь? Плачутъ плачемъ Ярославны... И никто не знаетъ о нашей судьбѣ. Опрокинуты въ море... Кто въ этомъ виновенъ? Гдѣ правда? У насъ или у нашего народа, изгнавшаго насъ? Намъ казался народъ обезумѣвшимъ, а, быть можетъ, мы сами были безумцами... Звѣрь изъ бездны таился и въ каждомъ изъ насъ... Во многомъ виновны...

Металась душа, тосковала и жаждала очищенія отъ грѣха и крови, отъ грязной накипи буйныхъ лѣтъ.

Полковыя церковки были полны. Въ нихъ все дышало горячею вѣрой. Иконы, любовно расписанныя на доскахъ изъ подъ ящиковъ, церковная утварь, искусно вырѣзанная изъ консервныхъ банокъ, мѣдныя гильзы и обрубки рельсъ, подобранные подъ колокола...

Въ дни Великаго Поста усердно молились о цѣломудріи, смиренномудріи, терпѣніи и любви...

— Тоскуютъ, тоскуютъ люди, — говорилъ А. П., — опять одинъ не выдержалъ, застрѣлился.

... ...

Сильно безпокоился А. П. о молодежи. Гражданская война закрутила многихъ прямо со школьной скамьи. Ихъ наставницей въ жизни стала смерть. Пріобщились къ ней.

«Да проститъ намъ Богъ грѣхи:
Всѣ мы смерти женихи»...

— Такъ писалъ молодой поэтъ. Но какъ только въ Галлиполи смерть отошла и снова стала таинственной гранью, жизнь со всѣми тайнами своего бытія стала звать къ себѣ молодыя души. Появилась неутолимая жажда ученія.

Въ Кутеповскомъ корпусѣ было много культурныхъ силъ. Среди офицеровъ, юнкеровъ, вольноопредѣляющихся отыскались профессора,

преподаватели, журналисты. Всѣ ихъ культурныя начинанія встрѣчали у А. П. горячій откликъ и полную поддержку. Требовалъ только одного, чтобы въ условленный срокъ было начато задуманное дѣло. Не любилъ словъ, не претворенныхъ въ дѣйствіе.

Неожиданно быстро расцвѣлъ Галлиполи духовной жизнью. Открылись общеобразовательные курсы, офицерскія школы, юнкерскія училища, гимназія, дѣтскій садъ. Возникли всякіе кружки. Издавалась «Устная Газета», рукописные журналы, читались публичныя лекціи. На развалинахъ акрополя былъ устроенъ театръ. Запѣли хоры, заиграли оркестры. Въ художественной студіи готовились къ выставкѣ.

Стали сильно увлекаться и спортомъ. Играли въ футболъ. Тренировались къ «Олимпійскимъ состязаніямъ» по легкой атлетикѣ. Гордостью корпуса была Гимнастическо-фехтовальная школа.

Повсюду и вездѣ А. П. былъ желаннымъ гостемъ.

Совершенно случайно А. П. узналъ, что Пражскій университетъ открыватеъ свои двери для русскихъ студентовъ эмигрантовъ.

А. П. всполошился. Полетѣли письма, телеграммы, запросы. И только благодаря настойчивости А. П. ему удалось отправить въ Прагу своихъ студентовъ-галлиполійцевъ. Предварительно всѣхъ студентовъ академическая группа 1-го корпуса подвергла коллоквіуму.

— Помните, — говорилъ А. П. уѣзжавшимъ студентамъ, — вы сыны великой Россіи и вамъ на чужбинѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, надо съ достоинствомъ нести русское имя и представительство своей націи.

Своихъ студентовъ А. П. никогда не забывалъ. Всегда ихъ навѣщалъ проѣздомъ черезъ Прагу и съ любовью и гордостью дѣлился потомъ своими впечатлѣніями. Въ библіотекѣ А. П. хранились присланныя ему его студентами-галлиполійцами защищенныя ими диссертаціи съ задушевными надписями на нихъ.

Долго еще послѣ Галлиполи А. П. получалъ письма отъ молодежи со всѣхъ краевъ русскаго разсѣянія. Многіе по окончаніи гимназіи или корпуса запрашивали А. П., что теперь дѣлать, и А. П. неизмѣнно отвѣчалъ:

— Вамъ, молодымъ силамъ, придется строить Россію. Продолжайте учиться, копите знанія, вбирайте въ себя все лучшее, что видите заграницей, и не бойтесь никакого труда. Помните о Царь-Плотникѣ...

. ...

Какъ самому человѣку непримѣтно его развитіе, такъ и войскамъ въ Галлиполи не было видно ихъ собственное перерожденіе. Глубоко затаили всю напряженность и грусть, и казалось, что живутъ обычной жизнью гарнизона на знойной окраинѣ мирной Россіи.

Свисаютъ по древкамъ трехцвѣтные русскіе флаги. Недвижно стоятъ часовые у покрытыхъ чехлами знаменъ. Вдали, точно чайки на волнахъ, колышатся бѣлыя пятна рубахъ учебной команды. Доносятся пѣсни широкихъ степей. Въ рѣчкѣ полощутъ бѣлье. Изъ кухонь стелится дымъ. Играютъ зарю трубачи. Зоветъ къ вечернѣ звонъ...

Изо дня въ день караулы, наряды, ученья. Все тѣ же интересы полка. Нашъ полкъ лучше всѣхъ прошелъ на смотру... Въ ночную тревогу кавалерія выскочила первой, навѣрно, заранѣе пронюхали въ штабѣ... Комкоръ вызывалъ командировъ, ужъ не идемъ ли въ походъ... И сразу всѣ мысли бѣжали къ Россіи.

Жадно ловили слухи и вѣсти о ней.

Узнали, что голодъ на Волгѣ. Отказались отъ своего однодневнаго пайка. «Армія съ сумой» слала голоднымъ свой скудный паекъ.

Загремѣлъ Кронштадтъ, и высчитывали сроки, когда подойдутъ корабли, чтобы везти всѣхъ на помощь матросамъ. Поднялъ возстаніе Антоновъ, и всѣ вѣрили, что имъ взята Москва. Поджидали съ часу на часъ, что Буденный взбунтуется и вызоветъ Русскую армію — вѣдь вахмистръ царскаго полка. Ну, конечно, придется его произвести въ генералы...

Гасли надежды. Снова окунались въ жизнь гарнизона на знойной окраинѣ мирной Россіи.

Но пріѣзжавшіе гости въ Галлиполи видѣли нѣчто другое.

Главнокомандующій видѣлъ овѣянные славой полки. Подъ звуки Преображенскаго марша неслось громовое ура, колыхались знамена, сверкали штыки, мѣрнымъ топотомъ гудѣла земля.

Старый почтенный юристъ-генералъ удивлялся:

Это рыцарскій орденъ монаховъ. Тридцать тысячъ здоровыхъ тѣлъ, и ни одного, понимаете ли, ни одного покушенія на честь и *цѣломудріе женщинъ!*

— Мы видѣли градъ Китежъ и низко поклонились ему, — говорили друзья арміи, жившіе тоже въ изгнаніи.

V.

Врангель прилагалъ всѣ усилія, чтобы добиться разрѣшенія на разселеніе Русской арміи по славянскимъ странамъ. Переговоры затягивались. Для русскихъ войскъ Сербія и Болгарія становились обѣтованной землей. Постоянные консервы, отъ которыхъ появлялись язвы на тѣлѣ, и полное отсутствіе зелени подкашивало людей, безъ того изнуренныхъ войной и раненіями. Все чаще и чаще войска подъ торжественные звуки марша хоронили своихъ боевыхъ товарищей.

Смерть въ Галлиполи стала снова величавой тайной. Умершій уже не валялся съ раскинутыми руками, уткнувшись въ землю никому не нужнымъ комкомъ, мимо него не неслась вихремъ боевая жизнь. Умершій покоился въ гробу, вокругъ него мерцали свѣчи, хоръ пѣлъ надгробное рыданье. И это было странно. Отвыкли отъ благолѣпной смерти. Пристально вглядывались въ знакомое лицо вчера еще близкаго человѣка, а сегодня отчужденнаго мудростью послѣдняго познанія. Въ застывшихъ чертахъ не было недоумѣнія, боли, гнѣва, всего человѣческаго, что оставалось на лицахъ у всѣхъ тѣхъ, чья жизнь такъ внезапно пресѣкалась въ бою. И то, что въ гробу было видно только одно лицо и грудь со спокойно сложенными руками, а все туловище и ноги были скрыты покровомъ, дѣлало покойнаго такимъ же безплотнымъ, какъ святого на иконѣ. Подымалось скорбное уваженіе къ праху. Не хотѣлось видѣть безвѣстныхъ могилъ, которыя завтра плугъ сравняетъ съ землею.

Умершихъ хоронили на холму, гдѣ по преданію были похоронены плѣнные запорожцы и плѣнные герои Севастопольской обороны. Слѣдовъ отъ ихъ могилъ не осталось. Чтобы не сравнялись съ чужою землей и новыя русскія могилы, А. П. обратился къ своимъ войскамъ:

«Русскіе воины, офицеры и солдаты!

... Воздвигнемъ памятникъ на нашемъ кладбищѣ... Воскресимъ обычай сѣдой старины, когда каждый изъ оставшихся въ живыхъ воиновъ приносилъ въ своемъ шлемѣ землю на братскую могилу, гдѣ выросталъ величественный курганъ. Пусть каждый изъ насъ внесетъ посильный трудъ въ это дорогое намъ святое дѣло и принесетъ къ мѣсту постройки хоть одинъ камень. И пусть курганъ, созданный нами у береговъ Дарданеллъ на долгіе годы сохранитъ передъ лицомъ всего міра память о русскихъ герояхъ»...

Потянулись вереницы людей, даже малыя дѣти несли песокъ и камушки въ своихъ ученическихъ сумкахъ.

Въ жаркое іюльское утро подъ безоблачнымъ небомъ состоялось открытіе и освященіе памятника.

У кладбища выстроились войска съ развернутыми знаменами и съ мѣдными трубами оркестровъ. Отдѣльной группой стояли почетные гости — представители мѣстной власти и населенія.

Шло торжественное богослуженіе. Пропѣли вѣчную память. Сѣдой, въ сверкающемъ на солнцѣ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ священникъ о. Миляновскій началъ свое вдохновенное слово:

«Путникъ, кто бы ты ни былъ, свой или чужой, единовѣрецъ или иновѣрецъ, благоговѣйно остановись на этомъ мѣстѣ, — оно свято: ибо здѣсь лежатъ русскіе воины, любившіе родину, до конца стоявшіе за честь ея...

«Вы — воины христолюбцы—вы дайте братскій поцѣлуй умершимъ соратникамъ вашимъ.

«Вы — поэты, писатели, художники, баяны-гусляры серебристые, вы запечатлѣйте въ вашихъ твореніяхъ образы почившихъ и повѣдайте міру о ихъ подвигахъ славныхъ.

«Вы — русскія женщины, вы припадите къ могиламъ бойцовъ и оросите ихъ своею чистою слезой, слезою русской женщины, русской страдалицы-матери.

«Вы — русскія дѣти, вы помните, что здѣсь, въ этихъ могилахъ, заложены корни будущей молодой Россіи, вашей Россіи, и никогда ихъ не забывайте.

«Вы — крѣпкіе! Вы — сильные! Вы — мудрые! Вы сдѣлайте такъ, чтобы этотъ клочекъ земли сталъ русскимъ, чтобы здѣсь со временемъ *красовалась надпись:* «Земля Государства Россійскаго», и рѣялъ бы всегда русскій флагъ»...

Къ войскамъ обернулся командиръ корпуса — генералъ Кутеповъ. Скомандовалъ:

— Всѣмъ парадомъ, слушай, на-караулъ!

Блеснули и замерли штыки и шашки. Поплыли величественные звуки — Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ... Тяжелая пелена медленно сползала съ памятника... Упала... Пѣнистые Дарданеллы и покрытые дымкой холмистые берега Малой Азіи увидѣли каменный курганъ съ бѣлымъ крестомъ наверху.

Грекъ, мэръ города, почтительно принялъ пергаментъ, которымъ памятникъ передавался на попеченіе города Галлиполи.

Мусульманскій муфтій въ бѣлоснѣжной чалмѣ торжественно произнесъ:

— Для магометанина всякая гробница священна, но гробница воина, сражавшагося за свое отечество, особо священна, какой бы вѣры ни былъ этотъ воинъ.

Передъ памятникомъ повелъ Кутеповъ свои войска церемоніальнымъ маршемъ. Склонялись знамена съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ роднымъ могиламъ.

VI.

Наконецъ, пришла долгожданная вѣсть — славянскія страны давали пріютъ Русской арміи.

Полотняный поселокъ сталъ постепенно пустѣть. Уже проводили кавалерію, пѣхоту. Въ серединѣ декабря приплылъ пароходъ за послѣднимъ эшелономъ въ Болгарію. Съ нимъ уѣзжалъ изъ Галлиполи и генералъ Кутеповъ со своимъ штабомъ.

А. П. обмѣнялся прощальными визитами съ французскимъ комендантомъ и мэромъ города. По всему Галлиполи было развѣшено воззваніе, въ которомъ командиръ корпуса благодарилъ гостепріимныхъ хозяевъ.

Въ день отъѣзда всѣ лавки въ Галлиполи были закрыты, населеніе во главѣ съ греческимъ митрополитомъ провожало своихъ гостей. Французскіе офицеры явились на проводы въ парадной формѣ и съ русскими орденами.

А. П. обратился съ рѣчью къ войскамъ и населенію. Войскамъ онъ говорилъ:

— Вы цѣлый годъ несли крестъ. Теперь въ память галлиполійскаго сидѣнія этотъ крестъ вы носите на своей груди. Объедините же вокругъ этого креста русскихъ людей. Держите высоко русское имя и никому не давайте русскаго знамени въ обиду.

Поблагодаривъ еще разъ населеніе за радушный пріемъ, А. П. напомнилъ первые дни въ Галлиполи:

— Годъ тому назадъ мы были сброшены въ море. Мы плыли неизвѣстно куда. Ни одна страна насъ не принимала. Только Франція ока-

зала намъ прiютъ. Мы пришли на голое поле, и французскiе пароходы безпрерывно подвозили намъ палатки и продукты... Мы ни одного дня не были оставлены безъ продовольствiя... За благородную Францiю и французскiй народъ, ура!

Заиграла Марсельеза, ее смѣнилъ греческiй гимнъ... Подъ звуки Преображенскаго марша пароходъ отплылъ...

А. П. стоялъ на спардэкѣ. Исчезла «долина смерти и розъ», сливался съ берегами городокъ, мерцали послѣднiе огоньки...

— Вотъ и закончилась наша исторiя въ Галлиполи, — сказалъ А. П. стоявшему рядомъ съ нимъ офицеру. Помолчалъ немного и добавилъ — и я могу сказать, закончилась почетно... (21).

VII.

Болгарiя встрѣтила Русскую армiю радушно. Въ Софiи представители Болгарской армiи и общественности чествовали банкетомъ генерала Кутепова и командира Донского корпуса генерала Абрамова. Въ своихъ рѣчахъ болгары выражали радость, что они принимаютъ у себя потомковъ героевъ Плевны и Шипки, высказывали надежду, что Россiя скоро воскреснетъ и, «какъ могучiй дубъ, покроетъ своимъ зеленымъ шатромъ свою младшую сестру». Начальникъ штаба Болгарской армiи полковникъ Топалджиковъ говорилъ русскимъ генераламъ, что теперь «мы съ вами, по братски, рука объ руку, будемъ итти впередъ».

Казалось, что русскiя войска нашли братскiй прiютъ. Сохраняя свою войсковую организацiю, они постепенно переходили на трудовое положенiе. Поступали на фабрики, заводы, въ шахты. А. П. со своимъ штабомъ поселился въ древней болгарской столицѣ Великое Тырново. Все здѣсь хранило благодарное воспоминанiе о тѣхъ временахъ, когда Россiйская армiя побѣдоносно шла по Болгарiи, освобождая ее отъ турецкаго ига. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ висѣли портреты Царя-Освободителя, лучшiя улицы и площади носили имена русскихъ полководцевъ...

Мирная жизнь Русской армiи въ Болгарiи продолжалась недолго. Послѣ Генуэзской конференцiи болгарское земледѣльческое правительство Стамболiйскаго подпало подъ влiянiе большевиковъ. Уже впослѣдствiи, послѣ паденiя кабинета Стамболiйскаго, болгарская спецiальная

комиссія установила, что нѣкоторые члены этого кабинета, а также цѣлый рядъ видныхъ административныхъ чиновниковъ были подкуплены Совѣтской властью.

Въ Болгарію наѣхали коммунистическіе агенты. Началась пропаганда и провокаторская работа большевиковъ. Болгарское общественное мнѣніе искусно натравливалось противъ «Врангелевской арміи».

Одновременно началось недостойное вмѣшательство болгарской власти въ распорядокъ жизни русскихъ войскъ. Болгары потребовали снять русскій національный флагъ со штаба корпуса и не позволили русскимъ офицерамъ носить оружіе. Запретили генералу Врангелю въѣздъ въ Болгарію. Конфисковали имущество и денежныя средства Русской арміи. Правительство Стамболійскаго объявило, что оно приложитъ всѣ усилія добиться отправленія русскихъ войскъ въ Совѣтскую Россію. Наконецъ, были сфабрикованы подложные документы, компрометирующіе генерала Врангеля и его штабъ въ заговорѣ противъ правительства Стамболійскаго.

Еще въ первые дни начавшихся гоненій болгарской власти противъ Русской арміи генералъ Врангель предписалъ своимъ войскамъ соблюдать полное невмѣшательство во внутреннюю борьбу болгарскихъ политическихъ партій, и только въ случаѣ, если положеніе станетъ нестерпимымъ, русскимъ войскамъ сняться съ мѣстъ и итти въ Сербію въ надеждѣ, что она откроетъ свои границы для гонимой Русской арміи. (22).

Генералъ Кутеповъ въ свою очередь приказалъ соблюдать полную выдержку при всякихъ провокаціонныхъ выходкахъ болгарскихъ властей и ни въ коемъ случаѣ не прибѣгать къ оружію.

Въ серединѣ мая, въ самый разгаръ преслѣдованій Русской арміи, къ дачѣ А. П. незамѣтно, подъ прикрытіемъ возовъ съ сѣномъ, подкрались болгарскіе жандармы. А. П. въ это время былъ въ штабѣ. Около воротъ дачи стоялъ дежурный офицеръ-конвоецъ.

Жандармы набросились на офицера и ударили его по лицу палкой. Офицеръ выхватилъ револьверъ. Жандармы съ руганью отшатнулись. Офицеръ колебался одно мгновеніе, а потомъ швырнулъ револьверъ на землю. Жандармы схватили офицера и поволокли его.

Все это увидѣлъ изъ окна другой офицеръ. Немедленно онъ вызвалъ весь конвой, а самъ бросился къ телефону. Вызвалъ генерала Кутепова, доложилъ ему о происшедшемъ и просилъ разрѣшенія отбить офицера и проучить жандармовъ.

А. П. категорически запретилъ оказывать какое-либо сопротивленіе болгарской полиціи и сказалъ, что сейчасъ снесется съ болгарской властью.

Начальникъ штаба Болгарской арміи полковникъ Тополджиковъ по телефону попросилъ А. П. пріѣхать въ Софію для личныхъ переговоровъ, при чемъ далъ честное слово офицера, что А. П. послѣ свиданія *безпрепятственно можетъ вернуться къ своимъ войскамъ. А. П. обѣщалъ* выѣхать въ Софію въ тотъ же день.

Одного штабного офицера его знакомый болгарскій общественный дѣятель предупредилъ, что въ Софіи генерала Кутепова ждетъ арестъ. *Офицеръ тотчасъ сказалъ объ этомъ А. П.*

— Это быть не можетъ, — сказалъ А. П., но во всякомъ случаѣ мнѣ ѣхать надо, я обѣщалъ...

На другой день полковникъ Тополджиковъ въ своемъ кабинетѣ объ*явилъ А. П., что онъ арестованъ и по распоряженію правительства под*лежитъ высылкѣ изъ Болгаріи.

— А гдѣ же ваше офицерское слово? — спросилъ Кутеповъ Тополджикова.

Тополджиковъ промолчалъ. Тогда А. П. потребовалъ, чтобы къ нему были вызваны его жена и личный секретарь.

По пріѣздѣ Л. Д. Кутеповой и секретаря оба они были арестованы на вокзалѣ и препровождены въ гостинницу къ А. П. Въ этотъ же вечеръ всѣ трое должны были выѣхать заграницу.

Поднялся вопросъ, куда ѣхать. Болгарское правительство давало разрѣшеніе на выѣздъ во всѣ сосѣднія страны, кромѣ Сербіи. Въ концѣ концовъ на паспортахъ изгнанниковъ были поставлены визы на въѣздъ въ *Константинополь* черезъ Грецію.

Передъ самымъ отъѣздомъ А. П. подписалъ свой прощальный приказъ по 1-му корпусу. Этотъ приказъ оканчивался словами:

«При всѣхъ обстоятельствахъ берегите честное имя русскаго воина и любите Родину выше всего».

Въ отдѣльномъ вагонѣ А. П., его жена, секретарь и еще одинъ офицеръ, вызвавшійся сопровождать А. П., были отправлены на границу.

Болгарскій Царь, для огражденія генерала Кутепова отъ всякихъ непріятностей по дорогѣ, приказалъ двумъ своимъ адъютантамъ сопровождать А. П. до самой границы.

.. ..

На греческой границѣ А. П. встрѣтили греческіе офицеры и передали ему, что по распоряженію ихъ правительства А. П. можетъ остаться въ Греціи. На вокзалѣ въ Андріанополѣ А. П. опять встрѣтили греческіе офицеры и проводили его до самой гостиницы. А. П. поѣхалъ благодарить за вниманіе командующаго войсками Андріанопольскаго округа.

Изъ Андріанополя А. П. отправился въ Салоники, чтобы ждать здѣсь визу на въѣздъ въ Сербію. Черезъ нѣсколько дней пришла виза для А. П. и его жены.

— Не понимаю, почему вамъ не прислали визъ, — сказалъ А. П. двумъ своимъ офицерамъ. — Когда пріѣду въ Бѣлградъ, сейчасъ же начну за васъ хлопотать.

А. П. уѣхалъ. Прошло нѣсколько недѣль, офицерамъ визъ не высылали. Наконецъ, пришло письмо отъ адъютанта А. П. Въ своемъ письмѣ онъ писалъ:

— А. П. въ русскомъ посольствѣ нѣсколько разъ просилъ выхлопотать вамъ визы. Ему, конечно, обѣщали и ничего не сдѣлали. Чинишки у васъ паршивенькіе, а наши высокіе дипломаты не любятъ безпокоить себя по такимъ пустякамъ. Мнѣ же въ посольствѣ сказали, что пока сербскій Король не женится на румынской принцессѣ, а свадьба ихъ отложена изъ за болѣзни греческой Королевы, визъ вамъ не пошлютъ.

Прочитавъ такія неутѣшительныя вѣсти, одинъ офицеръ сказалъ другому:

— Конечно, лестно, когда твоя судьба переплетается съ тремя царствующими домами, но не будемъ честолюбивы и смѣло двинемся впередъ безо всякихъ визъ. Не хитрая штука перейти границу.

Черезъ нѣсколько дней оба офицера явились къ А. П.

— Не растерялись! спасибо вамъ, — сказалъ А. П., пожимая имъ руки.

VIII.

Въ Сербіи генералъ Кутеповъ поселился въ предмѣстьи Бѣлграда въ маленькомъ домикѣ изъ трехъ комнатъ. Вмѣстѣ съ нимъ, кромѣ его жены, брата и вѣстового, жили еще адъютантъ и личный секретарь. Всѣ существовали на скромное жалованье, получаемое А. П.

Врангель предлагалъ Кутепову внести въ смѣту расходовъ Главнаго Командованія содержаніе его адъютанта и секретаря, но А. П. запротестовалъ.

Кто-то передалъ А. П., что будто бы въ штабѣ Главнокомандующаго говорили:

— Пріѣхалъ теперь сюда еще Кутеповъ со своей сворой...

Для А. П. это было достаточно, чтобы рѣшить содержать «свою свору» на свой счетъ.

Жилъ А. П. очень скромно, но радушно. Не проходило ни одного дня, чтобы кто-нибудь не навѣстилъ Кутеповскаго домика. Общедоступность А. П. была всѣмъ извѣстна. Еще на войнѣ, когда онъ командовалъ корпусомъ, а потомъ арміей, къ нему могъ явиться каждый офицеръ безо всякаго своего предварительнаго рапорта по начальству.

Въ тѣ времена въ пріемной А. П. часто можно было слышать, какъ взволнованный офицеръ спрашивалъ адъютанта, какъ ему быть, такъ какъ онъ пришелъ къ генералу по личному дѣлу безо всякаго разрѣшенія на то отъ своего командира.

А. П. былъ зачисленъ въ списки всѣхъ старыхъ добровольческихъ полковъ, и поэтому адъютантъ всегда совѣтовалъ:

— А вы сразу говорите, что являетесь къ генералу, какъ къ старшему добровольцу, а потомъ ужъ разсказывайте въ чемъ ваше дѣло. Только предупреждаю васъ, говорите все начистоту, безо всякой утайки, и ни въ коемъ случаѣ не старайтесь себя выгораживать. Тогда генералъ пойдетъ вамъ навстрѣчу и сдѣлаетъ все возможное, чтобы васъ вызволить.

И теперь къ А. П. шли офицеры и солдаты со всѣми своими заботами. Кто еще не устроился на работу, кто задумалъ открыть какое-нибудь предпріятіе, чтобы встать на ноги, кто бился въ отчаянной нуждѣ изъ за болѣзни жены, кто рѣшилъ переѣхать въ новыя страны или выписать къ себѣ своихъ родныхъ, тотъ шелъ къ А. П.

Въ личное распоряженіе А. П. поступали денежныя суммы отъ частныхъ лицъ для поддержки Галлиполійцевъ. Эти суммы онъ хранилъ въ банкѣ и давалъ отчетъ въ ихъ расходованіи своему секретарю.

— Надо, чтобы хоть кто-нибудь зналъ, куда я трачу эти деньги, — сказалъ А. П.

А. П. положилъ за правило — никому не выдавать единовременнаго пособія больше опредѣленной суммы, слишкомъ велика была у всѣхъ нужда. Иного просителя эта сумма не удовлетворяла, и онъ объяснялъ почему. Если доводы были убѣдительны, А. П. говорилъ:

— Я вамъ дамъ больше, но все, что свыше, это взаймы, изъ личныхъ моихъ средствъ, — и ставилъ срокъ уплаты долга.

Рѣдко, кто возвращалъ А. П. свой долгъ. Тогда онъ вызывалъ къ себѣ секретаря:

— Я изъ пожертвованныхъ суммъ передалъ лишнее одному человѣку, онъ денегъ не вернулъ, такъ что этотъ долгъ буду теперь погашать я самъ ежемѣсячными взносами, а вы ужъ считайте, сколько тамъ за мной остается, и напоминайте мнѣ.

Весь домъ въ такіе мѣсяцы питался преимущественно макаронами.

А. П. иногда обманывали самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, въ этомъ онъ убѣждался много разъ на опытѣ и часто говорилъ, что мы живемъ въ такое время, когда рушились всѣ сдерживающія начала въ человѣкѣ, однако чувство подозрительности къ людямъ у А. П. было скорѣе теоретическое. Ему трудно было представить себѣ, что именно этотъ человѣкъ, который сейчасъ находится съ нимъ въ общеніи, способенъ на обманъ. Неспособный самъ на ложь А. П. даже какъ бы стыдился подозрѣвать во лжи другого человѣка.

Къ А. П. шли не только его бывшіе соратники по великой и гражданской войнѣ, но и заѣзжали многіе общественные дѣятели. Подолгу съ нимъ сидѣли, разговаривали. У А. П. былъ неистощимый запасъ бодрости, и колеблющіеся и впадающіе въ уныніе уходили послѣ бесѣды съ А. П. успокоенными. И не потому, что А. П. высказывалъ радужныя надежды на скорое возвращеніе въ Россію, онъ всегда говорилъ, что борьба съ большевиками предстоитъ длительная и упорная, но А. П. заражалъ своей вѣрой въ Россію. Эта вѣра была неопалимой купиной въ его сердцѣ...

IX.

Въ Бѣлградѣ А. П. былъ назначенъ помощникомъ Главнокомандующаго Русской арміей. Каждый день утромъ А. П. уходилъ въ городъ къ военному агенту въ свой служебный кабинетъ, но почетная должность, которую занималъ А. П., его совершенно не удовлетворяла. Онъ тяготился бездѣйствіемъ.

Еще въ Галлиполи, въ кругу близкихъ людей, А. П. высказывалъ свой взглядъ, что открытая вооруженная борьба съ большевиками кончена и что теперь эта борьба должна принять иныя формы. Какія? —

чисто революціонныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. П. считалъ, что во главѣ русскаго національнаго освободительнаго движенія должно встать лицо, пользующееся по своему прошлому уваженіемъ среди иностранцевъ и незапятнанное кровью междуусобной войны.

— Всѣ наши генералы на всѣхъ фронтахъ потерпѣли пораженіе, — говорилъ А. П., — нѣтъ теперь вѣры въ генераловъ. Единственное лицо, которое можетъ насъ возглавить — это Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ... Его любили и солдаты.

Частыя и продолжительныя бесѣды на эту тему велъ А. П. съ Врангелемъ.

Въ мартѣ 1923 года А. П. рѣшилъ поѣхать къ Великому Князю Николаю Николаевичу. А. П. былъ принятъ имъ два раза.

— Въ первый разъ, — разсказывалъ А. П., — Великій Князь не хотѣлъ и разговаривать о какомъ-либо своемъ возглавленіи, но во второй мой пріѣздъ у меня былъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Я прямо указалъ Великому Князю, что его долгъ передъ Россіей перейти къ активной дѣятельности. Я даже разгорячился...

Въ маѣ того же года Великій Князь Николай Николаевичъ переѣхалъ съ Юга Франціи въ свое имѣнье Шуаньи подъ Парижемъ. Началось сосредоточеніе вокругъ Великаго Князя русскихъ національныхъ силъ. Въ началѣ 1924 года, еще до того времени, когда Великій Князь открыто принялъ на себя общее руководство національнымъ движеніемъ, онъ вызвалъ къ себѣ А. П. и предложилъ ему взять на себя работу спеціальнаго назначенія по связи съ Россіей.

А. П. согласился и доложилъ Врангелю о своемъ рѣшеніи переѣхать въ Парижъ.

21-го марта 1924 года генералъ Врангель отдалъ распоряженіе, скрѣпленное генераломъ Абрамовымъ, по которому генералъ-отъ-инфантеріи Кутеповъ освобождался отъ должности помощника Главнокомандующаго.

Въ этомъ распоряженіи генералъ Врангель писалъ:

«Дорогой Александръ Павловичъ! Нынѣ общее руководство національнымъ дѣломъ ведется уже не мною. Ты выходишь изъ моего непосредственнаго подчиненія и не будешь уже руководить тѣми, кого неизмѣнно водилъ въ бой и закаливалъ въ Галлиполи»...

Послѣ этого распоряженія А. П. долгое время не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ жизнь русскихъ войскъ на чужбинѣ и принимать участіе въ работѣ Галлиполійскаго Общества.

Сердечные проводы устроилъ генералу Кутепову весь русскій Бѣлградъ.

При прощаніи А. П. сказалъ офицерамъ:

— Если въ Парижѣ я останусь совсѣмъ одинокъ, все равно я не сойду со своего пути...

X.

Послѣ окончанія гражданской войны въ Россіи всѣ ея національныя силы замерли и находились какъ бы въ параличѣ. Пафосъ борьбы увезла съ собой въ изгнаніе Русская армія, но и у арміи въ разсѣяніи онъ постепенно угасалъ.

Для такого челоѣка, какъ А. П., это было непереносимо. Онъ неустанно твердилъ:

— Жизнь русской эмиграціи будетъ оправдана лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ бороться за возстановленіе Россіи и готовиться къ дѣйственному служенію ей. Нашъ первый долгъ — всѣми средствами помогать ея дремлющимъ національнымъ силамъ. Надо ихъ раскачивать, толкать на борьбу, вести пропаганду, заражать своею жертвенностью...

Такія задачи требовали новыя формы и новые пути борьбы, чисто революціонные. Опыта въ революціонной борьбѣ у А. П. не было, все приходилось создавать вновѣ. На каждомъ шагу встрѣчались препятствія, но чѣмъ они были труднѣе, тѣмъ упорнѣе преодолѣвалъ ихъ А. П.

Для него было необходимо прежде всего почувствовать біеніе сердца порабощенной Россіи, узнать, чѣмъ живетъ и дышетъ русскій народъ, и узнать не отъ постороннихъ лицъ, а отъ своихъ вѣрныхъ и преданныхъ людей. Такіе люди у А. П. были, ихъ называли «Кутеповцами». «Кутеповцы» первые и начали свои походы въ глубь Россіи.

Они шли не въ родныхъ рядахъ своего полка, не плечомъ къ плечу, а въ одиночку за тысячи верстъ отъ своихъ соратниковъ. Какъ бы ни были скромны поставленныя задачи «походникамъ», опасность для нихъ была одна — имъ всегда грозила смерть, но не въ открытомъ бою, не на бранныхъ поляхъ, а въ застѣнкѣ, отъ руки палача.

Великое мужество и горящее сердце надо имѣть, чтобы итти на борьбу въ одиночку.

Сурово и просто провожалъ А. П. своихъ «походниковъ», сурово и просто они шли на свой подвигъ. Нѣкоторые ходили по многу разъ...

Не безъ волненія разсказывалъ А. П.:

— Денегъ въ походъ я давалъ мало, чуть ли не въ обрѣзъ. Сами знаете, какъ трудно доставать деньги отъ нашихъ патріотовъ. И что же? Возвращаются съ похода и отдаютъ мнѣ оставшіяся деньги. Одинъ такъ отдалъ чуть ли не полностью. Говоритъ, что тамъ сталъ шофферомъ и зарабатывалъ.

Еще не время и не мѣсто писать о всей той революціонной работѣ, которую велъ А. П. Слухи и вѣсти о ней иногда попадали черезъ большевицкую печать въ зарубежную прессу. Вмѣсто того, чтобы встрѣчать смертные приговоры надъ «Кутеповцами» молитвою объ убіенныхъ или благоговѣйнымъ молчаніемъ, въ эмиграціи подымался шумъ и распри надъ еще дымящейся кровью.

Въ томъ, что писали о «Кутеповцахъ», была и правда, была и ложь. Но опровергать ложь, возстанавливать истину для А. П. значило — раскрывать свою работу, губить и подводить подъ разстрѣлъ еще не вернувшихся людей. Какъ въ Галлиполи, такъ и въ Парижѣ А. П. молча сносилъ всѣ нападки.

На одномъ собраніи А. П. сказалъ:

— Конечно, только говорить о борьбѣ — это мало. И вотъ меня часто спрашиваютъ: идетъ ли борьба? Многіе думаютъ, что борьба идетъ только тогда, когда они знаютъ, какъ она идетъ. Я же могу вамъ сказать одно: время отъ времени мы всѣ узнаемъ о благородныхъ жертвахъ этой борьбы, но успѣшна борьба только та, о которой не знаетъ никто.

Познавалъ А. П. Совѣтскую Россію, ея чаянія и нужды отъ своихъ «походниковъ» и отъ тѣхъ, которые вырывались оттуда. Ихъ разсказы были живые, яркіе. Люди дышали воздухомъ Россіи, воочію видѣли ея язвы. Но какъ на войнѣ никто изъ своихъ окоповъ не можетъ дать общей картины фронта, такъ и пріѣхавшіе изъ Россіи рисовали всегда лишь ея отдѣльные уголки. Соціальные, политическіе и психологическіе сдвиги во всей Россіи надо было изучать, и А. П. изучалъ.

А. П. учился постоянно. Закостенѣлымъ человѣкомъ не былъ. Съ нимъ можно было говорить на самыя различныя темы и высказывать свои сужденія, хотя бы и противоположныя его мнѣнію. Собесѣдника никогда не прерывалъ и внимательно его выслушивалъ.

— Я былъ бы очень вамъ благодаренъ, — еще въ Галлиполи сказалъ А. П. своему офицеру, — если бы вы знакомили меня съ разными политическими и соціальными вопросами...

Особую важность А. П. придавалъ аграрному вопросу въ Россіи. Онъ считалъ крестьянство корнями Россійскаго государства, соками коихъ оно питалось и развивалось, и неоднократно говорилъ, что только правильное разрѣшеніе аграрнаго вопроса, обезпечитъ устойчивость будущей національной Россіи.

Насколько важное значеніе придавалъ А. П. аграрному вопросу, объ этомъ разсказывалъ П. Б. Струве. Онъ вспоминалъ, какъ однажды въ Крыму А. П. сталъ говорить ему «о томъ, въ какой мѣрѣ необходимъ для нашей борьбы надлежащій, понятный для крестьянъ, подходъ къ земельному вопросу», и какъ онъ — Струве — «оцѣнилъ ту живость и настороженность, съ которыми А. П., военачальникъ, прошедшій въ боевомъ огнѣ путь отъ Новороссійска до Орла, относится къ земельному вопросу. Тутъ сказались его политическое чутье и его патріотическая добросовѣстность». (23).

Съ каждымъ годомъ въ Парижѣ ширилась работа А. П., но бывали и неудачи.

— Отчаяніе — удѣлъ малодушныхъ, — любилъ говорить А. П. и продолжалъ итти къ своей цѣли.

— Въ борьбѣ и только въ борьбѣ мы обрѣтемъ свое Отечество, — подчеркнулъ А. П. эту фразу въ одной изъ своихъ рѣчей.

XI.

Еще въ 1924 году генералъ Врангель преобразовалъ Русскую армію за рубежомъ въ «Русскій Обще-Воинскій Союзъ». Сохраняя за собой званіе Главнокомандующаго, Врангель тогда же объявилъ себя предсѣдателемъ Союза и вошелъ въ подчиненіе Великому Князю Николаю Николаевичу.

Въ апрѣлѣ 1928 года генералъ Врангель скончался въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Единое руководство Бѣлой арміей Великій Князь передалъ въ руки Кутепова. А. П. былъ назначенъ на должность предсѣдателя Русскаго Обще-Воинскаго Союза. Генералъ Кутеповъ возвращался въ армію уже ея главой.

Не прошло и года, какъ Русская армія понесла новую утрату — скончался Великій Князь Николай Николаевичъ. А. П. неизбѣжно становится въ центрѣ активнаго Зарубежья.

А. П. былъ по своимъ убѣжденіямъ монархистъ, но благо Россіи онъ ставилъ выше своего политическаго идеала. Онъ не считалъ себя въ правѣ предрѣшать судьбы россійскаго государства, его формы правленія. Онъ боролся прежде всего за отечество, за возсозданіе національной Россіи. Для А. П., какъ и для Бѣлой арміи, это была высшая цѣнность, непререкаемая. Передъ нею въ рядахъ арміи смолкали и стирались всѣ политическія разногласія.

Еще въ Галлиполи А. П. говорилъ:

— У меня въ лагерѣ подъ одной палаткой спятъ республиканцы и монархисты. Но это не важно... Я знаю одно, что и тѣ и другіе выполняли свой жертвенный долгъ передъ родиной, увѣренъ и въ томъ, что въ будущемъ, въ нужный моментъ, они его выполнятъ снова...

Тогда же на вопросъ одного общественнаго дѣятеля, какъ поступила бы армія, если бы она взяла Москву, А. П. отвѣтилъ:

— Если бы армія взяла Москву, то потомъ... потомъ она должна была бы взять подъ козырекъ.

Не предрѣшая будущихъ формъ правленія въ національной Россіи, А. П. тѣмъ самымъ не замыкался въ узкій кругъ лицъ одной партіи. Онъ расцѣнивалъ людей не по ихъ политическимъ убѣжденіямъ. «Мѣдью звенящей или кимваломъ звучащимъ» былъ для него человѣкъ безъ горящей любви къ Россіи.

Въ дѣловомъ кабинетѣ А. П. и у него на дому можно было встрѣтить общественныхъ дѣятелей самаго разнообразнаго политическаго направленія, и они находили съ А. П. общій языкъ. А. П. понималъ, что освободительная борьба будетъ успѣшна только въ томъ случаѣ, если она станетъ опираться на широкіе общественные круги, на Зарубежную Русь. Зарубежная Русь должна дѣлить съ арміей нравственную отвѣтственность за борьбу съ III Интернаціоналомъ.

Генералъ Кутеповъ выросталъ въ крупную политическую силу. Это учли его непримиримые враги.

Большевицкіе агенты не выпускали А. П. изъ подъ своего наблюденія. Они дежурили около его квартиры, около канцеляріи, лѣтомъ даже около дачи. Многихъ А. П. зналъ въ лицо.

Такая усиленная слѣжка за генераломъ Кутеповымъ вызывала безпокойство у его ближайшихъ сотрудниковъ.

Еще при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ начальникъ канцеляріи генерала Кутепова — князь С. Е. Трубецкой — говорилъ секретарю генерала:

— Необходимо, чтобы при А. П. была охрана. Вы близкій человѣкъ къ семьѣ Кутепова, не могли бы вы въ этомъ смыслѣ повліять на генерала или на его жену?

— Такіе разговоры съ генераломъ безполезны, — отвѣтилъ секретарь, — генералъ возьметъ охрану только въ одномъ случаѣ, если получитъ приказаніе, а приказать ему можетъ только Великій Князь Николай Николаевичъ.

Черезъ нѣсколько дней А. П. съ весьма недовольнымъ видомъ говорилъ своему секретарю:

— Вы, кажется, съ княземъ Трубецкимъ интригами стали заниматься?

— А что, Ваше Высокопревосходительство?

— Да Великій Князь сказалъ мнѣ, чтобы я пригласилъ кого-нибудь изъ своихъ офицеровъ для моей личной охраны.

— Очень хорошо...

— Ничего хорошаго не вижу. Откуда я возьму денегъ для своей охраны?

— Да у васъ же есть деньги на работу...

— Вотъ именно, что на работу, а не для моей безопасности.

Для своей борьбы А. П. доставалъ деньги съ большими трудностями. Онъ часто говорилъ съ горечью:

— Среди русскихъ эмигрантовъ есть люди съ большими средствами, въ милліонахъ ходятъ. Меня готовы привѣтствовать лучшими обѣдами и завтраками съ икрой, съ шампанскимъ, а вотъ чтобы на дѣло дать — почти никогда. На борьбу даютъ деньги люди отъ станка, нищіе... Святыя это деньги.

Такія деньги А. П. считалъ себя въ правѣ тратить только по прямому назначенію. И насколько онъ былъ равнодушенъ къ своимъ деньгамъ, настолько былъ скупъ и расчетливъ съ этими пожертвованными суммами.

Въ концѣ концовъ офицеръ для охраны генерала Кутепова былъ приглашенъ, но какъ только скончался Великій Князь, А. П. отказался отъ своей охраны. Какъ разъ въ это время въ распоряженіи А. П. было очень мало денегъ, а кромѣ того онъ считалъ свою охрану излишней потому, что нѣкоторыя его свиданія происходили съ глазу на глазъ. Въ

такихъ случаяхъ сопровождавшій его офицеръ оставался на улицѣ и тѣмъ самымъ привлекалъ вниманіе большевицкихъ агентовъ.

Когда А. П. снова остался безъ охраны, группа офицеровъ шофферовъ постановила давать каждый день въ распоряженіе генерала Кутепова машину.

А. П. запротестовалъ:

— Чтобы изъ за меня человѣкъ лишался своего дневного заработка? — Никогда!

И только послѣ того какъ возразили, что отказъ А. П. отъ дежурнаго *автомобиля будетъ оскорбителенъ, онъ согласился.*

Передъ Рождествомъ 1929 г. А. П. уѣхалъ въ Берлинъ. Пріѣхалъ къ Сочельнику, который всегда проводилъ дома въ кругу близкихъ людей.

— Довольны ли вы своей поѣздкой въ Берлинъ? — спросилъ генерала его секретарь.

— Да меня хотятъ опять втянуть въ трестъ...

Подъ трестомъ А. П. подразумѣвалъ бѣлогвардейскую организацію, созданную большевиками въ Совѣтской Россіи для провокаціонныхъ цѣлей.

Разсказалъ А. П. и то, что при свиданіи въ Берлинѣ съ двумя пріѣхавшими совѣтскими гражданами одинъ изъ нихъ предупредилъ его о готовящемся на А. П. серьезномъ покушеніи весною 1930 года.

Такія предупрежденія А. П. получалъ неоднократно. Къ нимъ относился спокойно, но свою обреченность чувствовалъ.

— Я знаю, — говорилъ онъ, — когда я стану опасенъ для большевиковъ, они меня уберутъ.

Мирно и тихо прошли Рождественскіе праздники въ семьѣ генерала Кутепова.

Въ Крещенскій вечеръ рѣшили гадать.

— Дайте я вамъ погадаю А. П., — предложилъ одинъ гость, — этому искусству меня научилъ въ Монголіи одинъ шаманъ. Задумайте, что хотите.

А. П. сказалъ, что онъ задумалъ.

Гадальщикъ зажегъ свѣчу. Поднесъ къ ней руку и надъ самымъ огнемъ сталъ держать свой кулакъ. Потомъ выбросилъ зажатыя въ пальцахъ кости. Они упали на разрисованный китайской тушью листъ. Гадальщикъ медленно произнесъ:

— Это будетъ такъ неожиданно, такъ быстро, такъ ужасно...

... ...

Оживленъ и веселъ былъ А. П. послѣ праздниковъ. Въ его работѣ открывались большія возможности...

25-го января, въ Татьянинъ день, А. П. поѣхалъ за городъ поздравить одну почтенную именинницу. Было много народу. Тамъ встрѣтилъ офицера, который на другой день долженъ былъ со своей машиной пріѣхать къ генералу на дежурство.

— Пожалуйста, завтра не безпокойтесь, — сказалъ этому офицеру А. П., — ко мнѣ не пріѣзжайте. Я уѣду изъ Парижа искать дачу, а утромъ пойду въ Галлиполійскую церковь на панихиду по генералѣ Каульбарсѣ.

И, уже уходя, вдругъ бросилъ фразу:

— А по мнѣ, надѣюсь, вы не будете служить панихиды...

На другой день 26-го января 1930 года генералъ Кутеповъ сталъ жертвой большевиковъ. Пропалъ безъ вѣсти, какъ на полѣ битвы.

... ...

Неизрѣченна красота подвига только тогда, когда подвигъ добровoленъ. На свое жертвенное служеніе Россіи А. П. добровольно пошелъ съ юныхъ лѣтъ. Всю свою жизнь служилъ Россіи и погибъ во имя Россіи.

— На костяхъ и крови русскаго воинства созидались величіе и слава Россійскаго государства, — говорилъ А. П. на одномъ банкетѣ, устроенномъ въ его честь русской общественностью. — Русское воинство и здѣсь на чужбинѣ не забыло своего жертвеннаго долга передъ родиной...

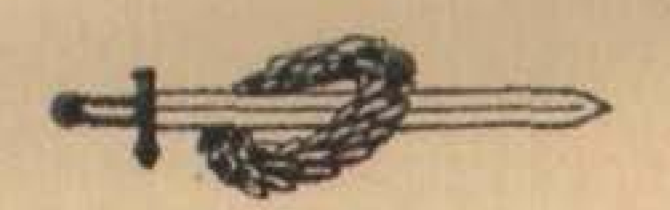
— Во время покоренія Кавказа, въ одномъ бою, путь батареямъ преграждала расщелина. Строить мостъ не было времени. Въ боевомъ порывѣ офицеры и солдаты бросились въ расщелину, и на ихъ плечахъ, по живому мосту, орудія выѣхали на позицію. Нѣсколько человѣкъ было раздавлено, но бой былъ выигранъ.

— Глубокая пропасть отдѣляетъ насъ отъ утеряннаго Отечества. Но по славному примѣру нашихъ предковъ мы готовы стать живымъ мостомъ во имя грядущей Россіи...

... ...

Возрожденная Россія помянетъ въ своихъ молитвахъ своего вѣрнаго сына воина Александра.

М. Критскій.

ПРИМѢЧАНІЯ

1. См. Ж.: «Кутеповъ — гимназистъ», — «Часовой» № 49.
2. См. Полковникъ Шеинъ: «Подпоручикъ Кутеповъ», — «Часовой», — № 48.
3. См. Ген.-отъ-инф. П. Д. Ольховскій: «Страхъ», — «Часовой» № 96.
4. См. подробное описаніе этого боя со схемой полк. Зубова: «Послѣдній штыковой бой Преображенцевъ на юго-западномъ фронтѣ», «Часовой» № 13-14.
5. См. В. Шульгинъ: «Памяти М. В. Алексѣева», — «Вѣстникъ Галлиполійцевъ» № 11-1924 г.
6. См. Генералъ А. И. Деникинъ: «Очерки Русской Смуты», томъ второй, стран. 156.
7. См. Н. А. Цуриковъ: «Генералъ Александръ Павловичъ Кутеповъ», Прага, 1930 г., стран. 43.
8. См. Генералъ А. И. Деникинъ: «Очерки Русской Смуты», томъ второй, стран. 275.
9. Тамъ-же, стран. 290.
10. Тамъ-же, стран. 308.
11. См. Генералъ А. И. Деникинъ: «Очерки Русской Смуты», томъ третій, стран. 141.
12. Тамъ-же, стран. 160.
13. Тамъ-же, стран. 41.
14. Тамъ-же, стран. 187.
15. Тамъ-же, стран. 229.
16. Тамъ-же, стран. 166.
17. См. «Записки» Генерала П. Н. Врангеля: «Бѣлое Дѣло», VI. стран. 9-15.
18. Тамъ-же, стран. 115.
19. Тамъ-же, стран. 205.
20. Тамъ-же, стран. 213.
21. См. Сборникъ статей: «Русскіе въ Галлиполи» и В. Х. Даватцъ и Н. Н. Львовъ: «Русская армія на чужбинѣ».
22. См. В. Даватцъ: «Годы», стран. 167.
23. См. Петръ Струве: «Двѣ рѣчи» — «Россія и Славянство» 4/II — 1933 г.

Первые дни революціи въ Петроградѣ

Отрывокъ изъ воспоминаній,

написанныхъ генераломъ Кутеповымъ въ 1926 году

Въ первыхъ числахъ января 1917 года командиръ полка, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Дрентельнъ, уѣхалъ въ отпускъ, а черезъ нѣсколько дней, вступившій во временное командованіе полкомъ полковникъ Веденяпинъ тоже уѣхалъ, и тогда я вступилъ во временное командованіе Л.-гв. Преображенскимъ полкомъ.

Полкъ стоялъ на позиціяхъ вблизи деревень Свинюхи и Корытница у лѣса «Сапогъ». Положеніе на фронтѣ было вполнѣ спокойное: рыли лисьи норы, усиливали проволочныя загражденія, копали ходы сообщенія и вели легкую перестрѣлку съ противникомъ. Каждый офицеръ отлично понималъ, что съ наступленіемъ весны начнутся рѣшительные бои, которые должны привести къ окончанію войны. За это говорила огромная работа въ тылу: формировалось очень много новыхъ дивизій, усиливалась тяжелая артиллерія, заготовлялись артиллерійскіе склады и т. д., поэтому каждый офицеръ старался воспользоваться временнымъ затишьемъ и поѣхать въ отпускъ. Въ періодъ боевъ у насъ въ полку считалось неудобнымъ уѣзжать.

По возвращеніи генерала Дрентельна изъ отпуска, я уѣхалъ на три недѣли въ Петроградъ, куда прибылъ въ двадцатыхъ числахъ февраля.

Въ первый же моментъ пріѣзда я былъ пораженъ тѣмъ нервнымъ настроеніемъ, которое парило тамъ тогда — на вокзалахъ, въ Гостинномъ Дворѣ, въ Пассажѣ можно было видѣть солдатъ въ караульной аммуниціи, по улицамъ ходили толпы рабочихъ, каждый день происходили манифестаціи. Въ собраніи нашего запаснаго полка на Милліонной улицѣ, во время завтрака, я былъ удивленъ тѣмъ разговоромъ, который вели нѣкоторые наши офицеры: такъ, напримѣръ, капитанъ Приклонскій и поручикъ Макшеевъ говорили, что необходимо дать отвѣтственное правительство, дать большія права Государственной Думѣ и т. п. При-

ходилось съ ними спорить и говорить, что когда рабочіе уже вышли на улицу, то надо сперва навести порядокъ, а не говорить о какихъ-то уступкахъ и реформахъ, что необходимо прежде всего помнить, что сейчасъ война, что каждый русскій человѣкъ, а тѣмъ болѣе офицеръ, долженъ поддерживать правительство, а не критиковать его. При этомъ я высказывалъ свое мнѣніе, что такъ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ наши запасные полки, выведенные для охраны порядка, нельзя. Я видѣлъ на нѣсколькихъ мѣстахъ разомкнутыя на одинъ шагъ другъ отъ друга полуроты подъ начальствомъ молодыхъ офицеровъ, въ большинствѣ не бывшихъ на войнѣ; эти заставы должны были не пропускать въ извѣстные раіоны публику, но это, конечно, не выполнялось, да и выполнять это было нельзя, такъ какъ раіоны не закрывались со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего публика набиралась съ обѣихъ сторонъ; она ругалась и кричала, и въ концѣ концовъ всѣхъ пропускали. Въ результатѣ ронялся авторитетъ офицеровъ въ глазахъ солдатъ, разбалтывалась дисциплина, и толпа пріучалась не выполнять распоряженій начальства. Поэтому мнѣ казалось, что войска надо убрать и вызывать только въ томъ случаѣ, когда надо дѣйствовать оружіемъ. Я эту точку зрѣнія высказывалъ въ присутствіи полковника Павленкова, который былъ помощникомъ генерала Чебыкина.

Павленковъ, совсѣмъ больной, учитывая серьезность положенія въ эти дни, рѣшилъ вступить въ исполненіе своихъ обязанностей. Онъ, такъ же, какъ и я, возмущался мнѣніями, высказываемыми Приклонскимъ и компаніей.

Въ Петроградѣ я остановился у своихъ сестеръ, на Васильевскомъ Островѣ. 27-го февраля, въ девятомъ часу утра, меня вызвали къ телефону. Такъ какъ я еще не всталъ, то просилъ сестру пойти переговорить. Она мнѣ сказала, что поручикъ Макшеевъ проситъ меня спѣшно пріѣхать на Милліонную. Предвидя что-то недоброе, я быстро одѣлся и, сѣвъ на извощика, пріѣхалъ въ собраніе на Милліонную, гдѣ поручикъ Макшеевъ мнѣ сообщилъ, что въ казармахъ Гвардейской Конной артиллеріи взбунтовались часть Л.-Гв. Волынскаго запаснаго полка и его учебная команда, что взбунтовавшіеся Волынцы ворвались въ казармы нашей нестроевой роты, заставили присоединиться къ себѣ солдатъ Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка, а когда находившійся тамъ, числящійся по общей арміи, завѣдующій полковой швальней полковникъ Богдановъ хотѣлъ выгнать Волынцевъ со двора, то былъ тамъ же ими заколотъ.

Въ первую очередь я спросилъ, гдѣ командиръ нашего запаснаго полка, полковникъ кн. Аргутинскій-Долгоруковъ, на что Макшеевъ от-

вѣтилъ, что онъ вызванъ къ командующему войсками. Въ это время я увидѣлъ штабсъ-капитана Эллiота старшаго и другихъ офицеровъ, служившихъ, какъ я помнилъ, на Кирочной. Я приказалъ имъ всѣмъ немедленно отправиться къ своимъ ротамъ и находиться со своими солдатами. Одновременно съ этимъ мнѣ доложили, что изъ Градоначальства за мною прислали автомобиль, на которомъ командующiй войсками генералъ Хабаловъ приказалъ мнѣ немедленно туда прiѣхать.

Внизу въ Градоначальствѣ меня встрѣтилъ жандармскiй ротмистръ, сказавшiй мнѣ, что онъ ждетъ меня, такъ какъ ему приказано провести меня прямо къ генералу Хабалову. Придя наверхъ, я нашелъ въ довольно большой комнатѣ генерала Хабалова, градоначальника генерала Балка, полковника Павленкова, кажется, генерала Тяжельникова — начальника штаба Петроградскаго военнаго округа и еще двухъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ — всѣ они были сильно растеряны и разстроены. Я замѣтилъ, что у генерала Хабалова, во время разговора, дрожала нижняя челюсть.

Какъ только я вошелъ, генералъ Хабаловъ спросилъ меня: «Вы, полковникъ Кутеповъ?» Я тотчасъ же ему явился, и онъ поспѣшилъ мнѣ заявить: «Я назначаю васъ начальникомъ карательнаго отряда». На это *я ему отвѣтилъ, что я готовъ исполнить всякое приказанiе, но что, къ* сожалѣнiю, нашего Л.-гв. Преображенскаго полка здѣсь нѣтъ, что я нахожусь въ отпуску, никакого отношенiя къ запасному полку не имѣю, и что, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ надо назначить лицо болѣе извѣстное въ Петроградскомъ гарнизонѣ. Генералъ Хабаловъ довольно твердо мнѣ сказалъ: «Всѣ отпускные мнѣ подчиняются, и я васъ назначаю начальникомъ карательнаго отряда». На это я ему отвѣтилъ: «Слушаю, прошу мнѣ указать задачу и дать соотвѣтствующiй отрядъ». Генералъ Хабаловъ заявилъ: «Приказываю вамъ оцѣпить раiонъ отъ Литейнаго моста до Николаевскаго вокзала и все, что будетъ въ этомъ раiонѣ, загнать къ Невѣ и тамъ привести въ порядокъ». Я ему сказалъ, что не остановлюсь передъ разстрѣломъ всей этой толпы, но что только для оцѣпленiя ея мнѣ надо не менѣе бригады. Тогда генералъ Хабаловъ раздраженно сказалъ: «Дадимъ то, что есть подъ руками. Возьмите роту (изъ 48 рядовъ) Л.-гв. Кексгольмскаго запаснаго полка съ однимъ пулеметомъ, которая стоитъ противъ градоначальства, и идите съ ней по Невскому проспекту; въ Гостинномъ Дворѣ возьмите роту Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка (въ 32 ряда) и въ Пассажѣ другую роту того же полка, того же состава. Сейчасъ отъ Николаевскаго вокзала сюда къ Градоначальству идетъ пулеметная рота въ 24 пулемета, возьмите изъ нихъ 12 пулеметовъ себѣ, а остальные 12 пришлите намъ». Я спросилъ генерала Хаба-

лова: «А будетъ ли эта пулеметная рота стрѣлять?» Генералъ Хабаловъ отвѣтилъ, что, по его свѣдѣніямъ, это хорошая часть. Затѣмъ онъ прибавилъ, что дополнительно пришлетъ все, что возможно, и что сейчасъ уже отдано распоряженіе ротѣ Л.-гв. Егерскаго запаснаго полка двигаться къ Литейному проспекту, чтобы поступить въ мое распоряженіе, и приказалъ мнѣ итти выполнять возложенное на меня порученіе.

Выйдя изъ Градоначальства, я увидѣлъ очень подтянутую роту Л.-гв. Кексгольмскаго запаснаго полка съ однимъ пулеметомъ. Рота произвела на меня хорошее впечатлѣніе, и я приказалъ вести ее по Невскому къ Литейному проспекту. Около Гостиннаго Двора ко мнѣ присоединилась рота Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка подъ командой поручика Сафонова, и изъ Пассажа рота поручика Брауна того же полка съ прапорщикомъ Кисловскимъ. Поздоровавшись съ ротами, я спросилъ ротныхъ командировъ, въ какомъ состояніи находятся роты. Они мнѣ отвѣтили, что роты хорошія, но, къ сожалѣнію, онѣ вчера не получили ужина и до сего времени ничего не ѣли. Я приказалъ имъ при первой же остановкѣ купить ситнаго хлѣба и колбасы и накормить людей.

На Невскомъ проспектѣ, у Александринскаго театра около магазина Елисѣева, я встрѣтилъ пулеметную роту, идущую къ Градоначальству. Пулеметы и ленты люди несли на себѣ. Когда я поздоровался съ ротой, то отвѣтило только нѣсколько голосовъ. Въ ротѣ уже имѣлось распоряженіе, что 12 пулеметовъ поступаютъ ко мнѣ. Когда я обратился къ командиру полуроты штабсъ - капитану, фамиліи его не помню, и спросилъ, могутъ ли они открыть огонь по первому приказанію, то онъ очень смущенно мнѣ заявилъ, что у нихъ нѣтъ совсѣмъ масла и воды въ кожухахъ. Я приказалъ ему послать за всѣмъ необходимымъ и на первой же остановкѣ немедленно изготовить пулеметы къ бою.

По виду Невскаго проспекта было уже около одиннадцати часовъ утра, но нельзя было ничего сказать, что что-либо происходитъ въ Петроградѣ. Городовые стояли на мѣстахъ, и только народу было меньше, чѣмъ обыкновенно.

Дойдя до угла Литейнаго и Невскаго проспектовъ, я приказалъ отряду остановиться, а самъ пошелъ узнать у городового, не проходила ли здѣсь рота Л.-гв. Егерскаго запаснаго полка. Городовой отвѣтилъ, что никакихъ ротъ онъ не видалъ здѣсь. Въ это время на извощикѣ сюда подъѣхалъ командиръ Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка полковникъ кн. Аргутинскій-Долгоруковъ. Быстро соскочивъ съ извозчика и заплетаясь въ николаевской шинели, онъ бѣжалъ ко мнѣ. Я пошелъ къ

нему навстрѣчу. Онъ, волнуясь, сказалъ мнѣ, что взбунтовавшаяся толпа солдатъ и рабочихъ подожгла Окружный Судъ и идетъ къ Зимнему Дворцу, и что генералъ Хабаловъ приказалъ мнѣ немедленно вернуться обратно. На это я ему отвѣтилъ: «Неужели у васъ во всемъ Петроградѣ только и имѣется что мой, такъ называемый, карательный отрядъ? Значитъ генералъ Хабаловъ этимъ распоряженіемъ, передаваемомъ черезъ тебя, отмѣняетъ свое первое распоряженіе?» Кн. Аргутинскій-Долгоруковъ на это отвѣтилъ: «Прошу тебя поспѣшить итти къ Зимнему Дворцу». — Я возразилъ: «Итти обратно по Невскому не цѣлесообразно. Передай генералу Хабалову, что я пойду по Литейному проспекту, затѣмъ по Симіоновской улицѣ къ цирку Чинизелли и выйду на Марсово поле, гдѣ, вѣроятно, я и увижу эту самую толпу». Сказавъ это, я приказалъ отряду двигаться за мною по Литейному проспекту.

Двигались въ такомъ порядкѣ: рота Л.-гв. Кексгольмскаго зап. п., пулеметная полурота и затѣмъ двѣ роты Л.-гв. Преображенскаго зап. полка. Я шелъ впереди. Подходя къ казармамъ Л.-гв. 1-ой Артиллерійской бригады, на углу Литейнаго проспекта и Артиллерійскаго переулка я замѣтилъ группу офицеровъ Л.-гв. Литовскаго зап. полка. Далѣе было видно, какъ въ казармахъ въ это время били стекла, разбивали рамы и выбѣгали отдѣльные солдаты. Я остановилъ мой маленькій отрядъ, и ко мнѣ подошелъ полковникъ Л.-гв. Литовскаго полка, который, какъ я понялъ изъ разговора, оказался командиромъ своего запаснаго полка. Онъ мнѣ разсказалъ, что по Басковой улицѣ къ казармамъ подошла, предводительствуемая штатскими, толпа солдатъ его же запаснаго полка и Л.-гв. Волынскаго зап. полка и что, ворвавшись въ казармы во дворъ, эта толпа стала требовать отъ солдатъ, находившихся въ казармахъ, присоединенія къ ней. Я спросилъ его, какія же мѣры онъ принялъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что сдѣлать ничего не могъ, и что солдаты въ казармахъ перешли на сторону взбунтовавшихся.

Въ это время былъ виденъ пожаръ Окружнаго Суда, и оттуда слышались отдѣльные выстрѣлы и рѣдкая пулеметная стрѣльба въ нашемъ направленіи: вдоль Литейнаго свистѣли отдѣльныя пули.

Видя серьезность положенія въ этомъ мѣстѣ, я рѣшилъ, что не могу уйти отсюда для выполненія приказанія генерала Хабалова, переданнаго мнѣ черезъ полковника кн. Аргутинскаго-Долгорукова, и послалъ подпоручика Скосырскаго по телефону передать въ Градоначальство обстановку всего происходящаго въ раіонѣ казармъ Л.-гв. 1-ой Артиллерійской бригады и предупредить, что я принялъ рѣшеніе остаться и дѣйствовать въ этомъ раіонѣ. Затѣмъ я сейчасъ же разомкнулъ роту Кекс-

гольмцевъ на три шага во взводной колоннѣ и выдвинулъ ее къ дому кн. Мурузи, откуда, какъ мнѣ доложили, обстрѣливали пулеметами, и приказалъ выяснить обстановку въ раіонѣ Преображенскаго Собора, Собранія Арміи и Флота, Кирочной улицы и у Орудійнаго завода и, въ случаѣ сопротивленія и дѣйствія бунтующихъ, немедленно открыть по нимъ огонь. Одну роту Л.-гв. Преображенскаго зап. полка съ поручикомъ Сафоновымъ, выдѣливъ въ его распоряженіе четыре пулемета отъ пулеметной роты, я направилъ закрыть Бассейную улицу со стороны Надеждинской, а также Баскову улицу, выходящую на Бассейную. Одновременно я отдалъ приказаніе, въ случаѣ движенія толпы въ направленіи роты, немедленно открывать огонь. Однимъ взводомъ съ пулеметомъ изъ роты поручика Брауна закрыть Артиллерійскій переулокъ, выходящій на Литейный проспектъ.

Во время отдачи этихъ приказаній я замѣтилъ, что много солдатъ Литовцевъ, въ большинствѣ своемъ съ винтовками и въ караульной аммуниціи, выскакиваютъ изъ оконъ и выходятъ на Литейный, собираясь кучками на тротуарѣ. Видя также, что офицеры Литовскаго зап. п. продолжаютъ стоять группой и никакихъ распоряженій солдатамъ не отдаютъ, я черезъ своего Преображенскаго унтеръ-офицера приказалъ имъ притти ко мнѣ. Всѣ они отчетливо явились, а одинъ изъ нихъ заявилъ мнѣ, что въ казармахъ поднялась такая суматоха, что они не знаютъ, что дѣлать. Я приказалъ на Литейномъ проспектѣ открыть два двора въ ближайшихъ домахъ и отдалъ распоряженіе командиру Л.-гв. Литовскаго зап. п. приказать своимъ офицерамъ собрать всѣхъ этихъ солдатъ и приводить ихъ тамъ въ порядокъ.

Вслѣдъ за этимъ, подойдя къ пулемету, стоящему у Артиллерійскаго переулка и направленному на Баскову улицу, я былъ удивленъ, найдя его не заряженнымъ. Когда я приказалъ его зарядить, то командиръ полуроты, стоявшій здѣсь, сказалъ, что у нихъ въ кожухахъ нѣтъ воды и глицерина, а также нѣтъ смазки, и что пулеметъ не можетъ быть изготовленъ къ бою. Въ это время мнѣ доложили, что толпа солдатъ, заполнявшая Баскову улицу, совершенно мирно и спокойно стоитъ, и что унтеръ-офицеръ Л.-гв. Волынскаго зап. п. проситъ притти туда кого-либо изъ г.г. офицеровъ. Я немедленно послалъ къ нему ст. унт.-офицера Л.-гв. Преображенскаго зап. п. Маслова, который быстро ко мнѣ возвратился и доложилъ, что унтеръ-офицеръ Волынскаго зап. п. докладываетъ, что солдаты очень хотѣли бы построиться и пойти въ свои казармы, но боятся, что ихъ будутъ судить и разстрѣливать, и поэтому онъ проситъ притти кого-либо изъ г.г. офицеровъ, что бы ихъ успокоить и построить.

Выслушавъ Маслова, я подошелъ къ углу Артиллерійскаго переулка и, увидя, что тамъ, главнымъ образомъ, находятся солдаты Л.-гв. Литовскаго полка, предложилъ ихъ командиру пойти построить ихъ и привести сюда ко мнѣ, на что онъ наотрѣзъ отказался. Тогда я ему сказалъ: «Удивляюсь, что вы боитесь своихъ солдатъ. Вы должны исполнить вашъ послѣдній долгъ передъ ними. Если вы боитесь пойти, то пойду я». И самъ пошелъ къ нимъ.

Когда я подходилъ къ углу Басковой улицы и Артиллерійскаго переулка, то ко мнѣ, отдѣлившись отъ толпы солдатъ, подошелъ очень отчетливый унтеръ-офицеръ Л.-гв. Волынскаго зап. п. Держа все время руку подъ козырекъ, онъ доложилъ, что солдаты хотѣли бы пойти въ свои казармы, но боятся, что за все, что произошло, ихъ будутъ разстрѣливать. Тогда я, идя по направленію къ толпѣ солдатъ, громко сказалъ: «Всякій, кто построится, и кого я приведу, разстрѣлянъ не будетъ». Услышавъ это, передніе солдаты съ радостными лицами схватили меня, подняли на руки и просили, чтобы я громко повторилъ это всѣмъ.

На рукахъ у солдатъ я увидѣлъ всю улицу, заполненную стоящими солдатами (главнымъ образомъ Литовскаго и Волынскаго зап. полковъ), среди которыхъ было нѣсколько штатскихъ, а также писарей Главнаго Штаба и солдатъ въ артиллерійской формѣ. Я сказалъ громкимъ голосомъ: «Тѣ лица, которыя сейчасъ толкаютъ васъ на преступленіе передъ Государемъ и Родиной, дѣлаютъ это на пользу нашимъ врагамъ-нѣмцамъ, съ которыми мы воюемъ. Не будьте мерзавцами и предателями, а останьтесь честными русскими солдатами».

Въ отвѣтъ на мои слова раздалось нѣсколько голосовъ: «Мы боимся — насъ разстрѣляютъ». А два-три другихъ голоса крикнули: «Товарищи! Онъ вретъ, васъ разстрѣляютъ». Я опять заявилъ громко: «Приказываю вамъ построиться. Я полковникъ Л.-гв. Преображенскаго полка Кутеповъ, только что пріѣхавшій съ фронта. Если я васъ приведу, то никто изъ васъ разстрѣлянъ не будетъ. Я этого не допущу». И, приказавъ спустить меня на землю, отдалъ распоряженіе унтеръ-офицерамъ строить всѣхъ своихъ солдатъ.

Сейчасъ же унтеръ-офицеры начали кричать: «Литовцы, Волынцы такой-то роты, строиться сюда!» Вся толпа зашевелилась, но черезъ нѣкоторое время нѣсколько унтеръ-офицеровъ подошли ко мнѣ и доложили, отчетливо держа руку у козырька: «Ваше Высокоблагородіе, разрѣшите строиться по названію казармъ, такъ какъ очень перепутались, и у нѣкоторыхъ ротъ нѣтъ унтеръ-офицеровъ». А затѣмъ знакомый мнѣ

уже унтеръ-офицеръ Л.-гв. Волынскаго зап. п. доложилъ, что какъ разъ ихъ двѣ роты помѣщаются въ казармахъ напротивъ, и что онъ проситъ разрѣшенія всѣхъ Волынцевъ этихъ ротъ прямо увести на дворъ этихъ казармъ. Я ему разрѣшилъ.

Въ то время, когда я говорилъ съ унтеръ-офицерами, изъ шапочной мастерской, на углу Басковой улицы и Артиллерійскаго переулка, выскочило около десятка штатскихъ и нѣсколько писарей. У одного изъ нихъ я замѣтилъ револьверъ на поясѣ.

Унтеръ-офицеръ Л.-гв. Волынскаго зап. п., громко крича: «Волынцы такихъ-то ротъ за мной», шелъ по направленію къ воротамъ, и Волынцы, видно было, отдѣлялись отъ толпы и шли за нимъ. Въ другой части толпы слышались команды — «строиться по казармамъ» — и одновременно возгласы — «насъ разстрѣляютъ», «бей его!» Часть солдатъ толпой бросилась бѣжать по направленію къ Преображенскому Собору, другая же часть разбѣжалась по казармамъ. Около меня осталось человѣкъ двадцать солдатъ Литовскаго зап. п., которые вмѣстѣ со мною прошли къ ротѣ Л.-гв. Преображенскаго зап. п. поручика Сафонова. Я приказалъ ему — немедленно однимъ взводомъ съ пулеметомъ закрыть Басковъ переулокъ и ворота, гдѣ во дворѣ были уже построены двѣ роты Волынскаго зап. п., распустить ихъ по казармамъ и никого оттуда не выпускать, а также передать унтеръ-офицеру мою благодарность и сказать ему, что я назначаю его временно командовать этими двумя ротами.

Въ это время Кексгольмцевъ начали обстрѣливать со стороны Орудійнаго завода, гдѣ бѣгали отдѣльные люди, но толпы не было видно. Я приказалъ немедленно ротѣ Кексгольмцевъ открыть огонь, обстрѣлять Литейный проспектъ и Орудійный заводъ и, двигаясь впередъ, занять одной полуротой Кирочную улицу по направленію къ Суворовскому проспекту; если же тамъ будетъ толпа, открыть по ней огонь; другой же полуротѣ занять направленіе къ Орудійному заводу, повѣрить караулъ въ казначействѣ и усилить его однимъ пулеметомъ. Ротѣ Л.-гв. Преображенскаго зап. п. съ поручикомъ Брауномъ я приказалъ двигаться по Басковой улицѣ и, выйдя къ Преображенскому Собору, очистить Саперный переулокъ и другія прилегающія сюда улицы.

Вслѣдъ за этимъ всѣ офицеры мнѣ заявили, что необходимо накормить людей, такъ какъ ихъ роты не обѣдали, а Преображенцы даже и не ужинали. Въ виду этого я срочно послалъ штабсъ-капитана Преображенскаго полка Головина, случайно здѣсь находившагося, къ генералу Хабалову, чтобы просить его сдѣлать распоряженіе о доставкѣ пищи для

солдатъ, а также объяснить ему все происходящее здѣсь и просить прислать болѣе боеспособную команду пулеметчиковъ. По телефону дозвониться въ Градоначальство мы уже не могли.

Когда я отдавалъ всѣ эти распоряженія, ко мнѣ подошла команда человѣкъ въ пятьдесятъ подъ начальствомъ офицера, который доложилъ мнѣ, что онъ прибылъ изъ Царскаго Села въ мое распоряженіе съ командой развѣдчиковъ Л.-гв. 1-го Стрѣлковаго Его Величества зап. полка. Мнѣ очень не понравился видъ этой команды. Когда я съ ней поздоровался, она отвѣтила довольно вяло, и сейчасъ же послѣ отвѣта раздалось изъ строя: «Мы еще сегодня не обѣдали». Я приказалъ начальнику команды немедленно узнать, кто это сказалъ, и, отведя команду въ ближайшій дворъ, привести ее тамъ въ порядокъ.

Почти одновременно съ этой командой прибылъ въ мое распоряженіе эскадронъ Гвардейскаго Кавалерійскаго запаснаго полка. Не успѣлъ я отдать ротмистру приказаніе, какъ онъ заявилъ мнѣ, что лошади плохо кованы, люди не ѣли и устали отъ большого перехода, и что имъ надо дать отдыхъ. Довольно громкимъ голосомъ я сказалъ ротмистру, что удивляюсь, какъ при такой обстановкѣ онъ проситъ у меня дать отдыхъ. Отрѣшивъ его отъ командованія, я назначилъ поручика временно командующимъ эскадрономъ и приказалъ ему двигаться съ эскадрономъ къ цирку Чинизелли, выяснить обстановку въ раіонѣ Марсова поля и дѣйствовать тамъ, въ случаѣ надобности, рѣшительно. Это приказаніе я отдалъ во исполненіе приказанія генерала Хабалова, отмѣны котораго до сихъ поръ не было.

Затѣмъ я отправился къ Собранію Арміи и Флота и подошелъ къ ротѣ Кексгольмцевъ, полурота которыхъ подъ начальствомъ штабсъ-капитана (повидимому призваннаго изъ запаса) находилась на Литейномъ проспектѣ. Ротный командиръ этой роты былъ на Кирочной улицѣ, гдѣ около церкви Л.-гв. Сапернаго батальона собралась толпа, которая разбивала окна и старалась проникнуть въ казармы Жандармскаго дивизіона. Взводъ Кексгольмцевъ, открывъ огонь, разогналъ эту толпу.

Въ это время со стороны Литейнаго орудійнаго завода и съ колокольни Сергіевскаго всей Артиллеріи Собора открыли огонь по полуротѣ Л.-гв. Кексгольмскаго зап. п. и по мнѣ. Нѣсколько человѣкъ было ранено легко и четверо тяжело. Солдаты, не бывавшіе подъ огнемъ, бросились подъ ворота и въ Собраніе Арміи и Флота. Я немедленно приказалъ подобрать раненыхъ и отнести ихъ въ домъ гр. Мусинъ-Пушкина, гдѣ помѣщалось Управленіе Краснаго Креста Сѣвернаго фронта. Тамъ я просилъ организовать перевязочный пунктъ и принять всѣхъ

раненыхъ. Одновременно принесли двухъ раненыхъ Л.-гв. Преображенскаго зап. п. съ площади Преображенскаго Собора. Приказавъ поставить подъ воротами дежурное отдѣленіе и изготовить пулеметъ, чтобы обстрѣлять перекрестнымъ огнемъ Орудійный заводъ и уголъ Сергіевской улицы, я послалъ подтвержденіе поручику Брауну дѣйствовать болѣе рѣшительно въ раіонѣ Л.-гв. Сапернаго зап. полка.

Вслѣдъ за этимъ мнѣ донесли, что со стороны Марсова поля къ Пантелеймоновской улицѣ движется толпа, направляющаяся къ Литейному проспекту, и въ то же время ко мнѣ прибыла изъ Царскаго Села рота Л-гв. 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи запаснаго полка подъ командой штабсъ-капитана Розенбаха. Я приказалъ ему вмѣстѣ съ ротой стать на углу Пантелеймоновской и Моховой улицъ и встрѣтить толпу огнемъ, а самъ пошелъ посмотрѣть раненыхъ въ домъ гр. Мусинъ-Пушкина. Едва я успѣлъ войти въ домъ, какъ мнѣ сообщили, что на Сергіевской улицѣ собирается много автомобилей и, когда я подошелъ къ углу Кирочной и Литейнаго и приказалъ полуротѣ Кексгольмцевъ изготовиться разогнать эти автомобили, изъ за угла Сергіевской улицы вылетѣло нѣсколько машинъ, облѣпленныхъ рабочими съ красными тряпками и винтовками. Безпорядочно стрѣляя, они направились по Литейному проспекту. Немедленно былъ открытъ огонь, и всѣ машины, кромѣ одной, были брошены вмѣстѣ съ убитыми на Литейномъ проспектѣ, часть же людей убѣжала. Одна изъ машинъ продолжала быстро двигаться по Литейному; рабочіе, облѣпившіе автомобиль, падали на мостовую, но шофферъ, какъ видно раненый, все же на полномъ ходу повернулъ машину и уѣхалъ обратно. Вся эта машина была прострѣлена пулями, а стекла ея были разбиты. Я приказалъ собрать всѣхъ убитыхъ и перенести ихъ въ пустой каретный сарай одного изъ домовъ на Литейномъ проспектѣ. Отъ всѣхъ убитыхъ рабочихъ сильно пахло спиртомъ. Въ это время ко мнѣ прибѣжалъ штабсъ-капитанъ Розенбахъ, блѣдный, съ оборваннымъ погономъ, и доложилъ, что, выйдя на уголъ Моховой и Пантелеймоновской улицы, солдаты его роты смѣшались съ толпой, пытавшейся его избить и оторвавшей у него шашку.

Я немедленно пошелъ самъ на Пантелеймоновскую улицу и по дорогѣ встрѣтился съ шедшей ко мнѣ ротой Л.-гв. Семеновскаго зап. полка съ двумя офицерами прапорщиками Соловьевымъ и Эссенемъ IV. Почти одновременно съ Семеновцами подошла и рота Л.-гв. Егерскаго зап. полка, которая должна была притти еще утромъ. Этой ротѣ я приказалъ оставаться впредь до моего распоряженія около казармъ Л.-гв. 1-ой Артиллерійской бригады. Здѣсь же мнѣ было доложено, что прапор-

щикъ Кисловскій, идя съ докладомъ ко мнѣ отъ поручика Брауна, былъ убитъ. Когда я самъ выводилъ роту Семеновцевъ на Пантелеймоновскую улицу, то толпа, увидя роту, очистила эту улицу. Я приказалъ прапорщику Соловьеву стать съ ротой на Пантелеймоновской улицѣ и, въ случаѣ новаго появленія толпы, открыть по ней огонь. Услышавъ же со стороны полуроты Кексгольмцевъ крики — «не стрѣляй!» — я поспѣшилъ туда и увидѣлъ офицера, идущаго по Литейному проспекту отъ Артиллерійскихъ казармъ и дѣлающаго Кексгольмцамъ знаки, чтобы они не стрѣляли. Замѣтивъ на груди у этого офицера большой красный бантъ, я приказалъ открыть по нему огонь. Онъ сначала быстро побѣжалъ, но вскорѣ упалъ. Здѣсь же доложили мнѣ, что съ центральной телефонной станціи отвѣчаютъ, и что возможно переговорить съ Градоначальствомъ. Я пошелъ къ телефону въ домъ гр. Мусинъ-Пушкина. Въ это время уже смеркалось. Всѣ прилегающія къ занимаемому мною раіону улицы были насыщены толпами рабочихъ. Когда я подошелъ къ телефону, то съ центральной станціи мнѣ сказали, что изъ Градоначальства никто не отвѣчаетъ уже съ полудня. Послѣ выяснилось, что генералъ Хабаловъ съ градоначальникомъ и со всѣмъ штабомъ перешелъ въ Адмиралтейство, но такъ какъ меня объ этомъ никто не предупредилъ, то всѣ мои попытки связаться съ нимъ ни къ чему не привели. Генералъ Хабаловъ не потрудился ни разу выслать ко мнѣ кого-либо изъ офицеровъ для ознакомленія съ обстановкой. На центральной станціи о переходѣ генерала Хабалова въ Адмиралтейство извѣстно не было.

Въ моментъ моего разговора по телефону я увидѣлъ, какъ въ подъѣздъ дома, въ которомъ я находился, вбѣгали солдаты Л.-гв. Семеновскаго запаснаго полка, неся смертельно раненыхъ прапорщиковъ Соловьева и Эссена IV. За ними бѣжали солдаты Л.-гв. Преображенскаго зап. п. — всѣ были съ винтовками, и въ теченіе пяти минутъ весь домъ былъ заполненъ вооруженными солдатами, главнымъ образомъ, Преображенскаго и Семеновскаго запасныхъ полковъ, среди которыхъ было и нѣсколько человѣкъ Егерей.

Когда я вышелъ на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспектъ былъ заполненъ толпой, которая, хлынувъ изъ всѣхъ переулковъ, съ криками тушила и разбивала фонари. Среди криковъ я слышалъ свою фамилію, сопровождаемую площадной бранью. Большая часть моего отряда смѣшалась съ толпой, и я понялъ, что мой отрядъ больше сопротивляться не можетъ. Я вошелъ въ домъ и, приказавъ закрыть двери, отдалъ распоряженіе накормить людей заготовленными для нихъ ситнымъ хлѣбомъ и колбасой. Ни одна часть своимъ людямъ обѣда не выслала.

Образовавшійся въ домѣ гр. Мусинъ-Пушкина лазаретъ былъ довольно большой — свыше трехъ процентовъ Л.-гв. Преображенскаго и Л.-гв. Кексгольмскаго запасныхъ полковъ лежало ранеными, и тутъ же среди нихъ были умирающіе прапорщики Соловьевъ и Эссенъ IV, вскорѣ оба скончавшіеся. Трупъ прапорщика Кисловскаго сюда не былъ принесенъ.

Управленіе и администрація временнаго лазарета просили меня вывести изъ дома здоровыхъ солдатъ. Тогда я поблагодарилъ послѣднихъ за честное до конца исполненіе своего долга и приказалъ имъ, сложивъ винтовки и патроны на чердакъ, раздѣлиться на небольшія группы подъ начальствомъ своихъ унтеръ-офицеровъ и итти по казармамъ.

Хозяева дома, видя вокругъ него возмущенную и кричащую по моему адресу угрожающіе возгласы толпу и боясь за свой домъ, предлагали мнѣ переодѣться въ штатское и уйти, но я наотрѣзъ отъ этого отказался и, сказавъ, что при первой возможности оставлю ихъ домъ, послалъ своихъ двухъ унтеръ-офицеровъ посмотрѣть, гдѣ я могу выйти изъ дома. Вскорѣ вернулся ст. унт.-офицеръ Масловъ и сказалъ, что ко всѣмъ возможнымъ выходамъ изъ дома поставлены вооруженныя команды рабочихъ, которыя ждутъ моего выхода, и что мнѣ выйти совершенно невозможно. Тогда я отпустилъ этихъ двухъ унт.-офицеровъ и остался одинъ.

Поздно ночью ко мнѣ пробрался ефрейторъ учебной команды Л.-гв. Преображенскаго зап. полка, съ которымъ фельдфебель учебной команды подпрапорщикъ Лисовъ прислалъ мнѣ солдатское обмундированіе, чтобы я, переодѣвшись, могъ выйти изъ своего заточенія, но мнѣ былъ противенъ какой-либо маскарадъ, и я отъ этого отказался.

Проснувшись утромъ 28-го февраля довольно поздно и напившись чаю, который мнѣ дали во временномъ лазаретѣ, я подошелъ къ окну «своей» маленькой гостиной и увидѣлъ Литейный проспектъ, садъ Собранія Арміи и Флота и уголъ Кирочной улицы — всюду бродили вооруженные рабочіе, не спускавшіе глазъ съ оконъ дома гр. Мусинъ-Пушкина. Въ это время изъ за угла Кирочной улицы выѣхали двѣ броневыя машины и два грузовика. Всѣ они были наполнены вооруженными рабочими, среди которыхъ было нѣсколько солдатъ. Машины остановились посреди Литейнаго проспекта, и рабочіе, соскочивъ съ нихъ, начали галдѣть, все время показывая на окна. Въ этомъ приняли участіе и гуляющіе по Литейному рабочіе. Затѣмъ, направивъ пулеметы на окна верхняго этажа дома, всѣ они пошли къ подъѣзду.

Въ это время въ мою гостинную вбѣжала сестра милосердія и стала уговаривать меня надѣть халатъ санитара, такъ какъ, по ея словамъ, пріѣхали рабочіе и солдаты, чтобы убить меня. Попросивъ ее оставить меня одного въ гостинной, я сѣлъ на маленькій диванчикъ въ углу и сталъ ждать прихода представителей новой власти.

Гостинная, бывшая длиной меньше восьми шаговъ и шириной шаговъ пять, имѣла двое дверей — однѣ вели въ рядъ комнатъ, идущихъ вдоль Литейнаго проспекта, другія, обращенныя къ окнамъ, выходили на площадку вестибюля. Напротивъ первыхъ дверей было большое зеркало въ стѣнѣ, напротивъ вторыхъ — также зеркало между окнами. Сидя въ углу, я видѣлъ, какъ по комнатамъ бѣжали двое рабочихъ съ револьверами въ рукахъ. Случилось такъ, что на порогахъ обѣихъ дверей моей комнаты одновременно появились рабочіе съ револьверами въ рукахъ. Посмотрѣвъ другъ на друга и увидя, вѣроятно, въ зеркалахъ только самихъ себя, они повернулись и ушли, не замѣтивъ меня.

Всѣ въ домѣ, какъ и я, были очень удивлены, что я не былъ арестованъ этими вооруженными рабочими.

Найдя на чердакѣ сложенные тамъ винтовки и патроны, рабочіе снесли ихъ на грузовики и, не тронувъ раненыхъ, уѣхали по Кирочной улицѣ, вѣроятно, въ Государственную Думу.

Я подошелъ къ окну и увидѣлъ для себя печальную картину — въ строю, по отдѣленіямъ и съ оркестромъ музыки, шли по Литейному проспекту солдаты Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка, потомъ они повернули на Кирочную улицу. Впереди нихъ шли четыре подпрапорщика. Одного я отлично помню — это былъ подпрапорщикъ Умриловъ.

Было тяжело смотрѣть на эту картину и не хотѣлось вѣрить, что все уже кончено. Зная настроеніе и состояніе частей на фронтѣ, я вѣрилъ, что въ ближайшее время будутъ присланы части, которыя наведутъ порядокъ въ Петроградѣ.

Послѣ отъѣзда рабочихъ, «моя развѣдка» донесла, что наблюденіе за домомъ прекращено, но я рѣшилъ до вечера никуда не уходить. Хозяева дома послѣ его осмотра рабочими относились къ моему присутствію спокойно.

Около четырехъ часовъ дня меня вызвалъ къ телефону поручикъ Макшеевъ и сказалъ мнѣ, что всѣ офицеры нашего запаснаго полка, собравшись и обсудивъ положеніе, рѣшили признать новую власть, и спросилъ мое мнѣніе. На это я ему отвѣтилъ: «Не позорьте имени полка. Я не думаю, что все уже кончено. Достаточно того позора, который я ви-

дѣлъ сегодня утромъ въ окно, когда Преображенцы, хоть и запаснаго полка, но все же Преображенцы, шли въ Государственную Думу».

Вечеромъ я попросилъ доставить меня на Миллiонную улицу въ наше собранiе на одномъ изъ санитарныхъ автомобилей. Около восьми часовъ вечера во дворъ былъ поданъ санитарный автомобиль, и я, оставивъ оружiе въ Управленiи Краснаго Креста Сѣвернаго фронта, сѣлъ между шофферомъ и врачемъ. Мнѣ было дано удостовѣренiе, что я начальникъ Санитарной Колонны. Быстро выѣхавъ со двора на Литейный проспектъ, мы повернули затѣмъ на Набережную, откуда проѣхали прямо на Миллiонную. По дорогѣ насъ нѣсколько разъ останавливали, но докторъ очень бойко говорилъ: «Товарищи, мы вызваны подобрать раненыхъ въ Павловское училище, тамъ только что былъ бой. Прошу васъ не задерживать насъ». И насъ пропускали. Такимъ образомъ я благополучно добрался до нашего собранiя на Миллiонной улицѣ.

Въ собранiи меня встрѣтили наши офицеры Всѣ они были сильно разстроены, и у многихъ былъ подавленный видъ. Капитаны Скрыпицынъ и Приклонскiй, а также поручикъ Макшеевъ разсказали мнѣ, какъ роты Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка были построены на Дворцовой площади въ полномъ порядкѣ, но начальство никуда не рѣшилось ихъ двинуть. Они просили меня пройти по казармамъ и побесѣдовать съ отдѣльными солдатами для того, чтобы внушить имъ необходимость порядка и исполненiя долга.

Я обошелъ всѣ роты. Вездѣ былъ полный порядокъ. Дежурные являлись, люди шли пить чай, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ громко о чемъ-то спорили, но при моемъ появленiи становились смирно, — (это было послѣ вечерней переклички). Только двухъ солдатъ Государевой роты я встрѣтилъ выпившими. Долженъ сказать, что я не ожидалъ увидѣть въ такомъ хорошемъ состоянiи роты запаснаго полка. Но, несмотря на этотъ порядокъ, все же чувствовалось среди солдатъ напряженное настроенiе.

Вернувшись въ собранiе, я подѣлился съ офицерами своими впечатлѣнiями и посовѣтовалъ имъ на слѣдующiй день занять солдатъ чѣмъ-нибудь до обѣда, а также увеличить число дневальныхъ, послѣ же обѣда отпустить желающихъ въ отпускъ, соблюдая всѣ правила увольненiя.

Въ теченiе этого времени для меня былъ приготовленъ автомобиль и пропускъ за подписью Предсѣдателя Государственной Думы, и я, въ сопровожденiи двухъ кадровыхъ унт.-офицеровъ, поѣхалъ на Васильевскiй Островъ къ моимъ сестрамъ, находившимся въ сильномъ безпокойствѣ за мою участь.

Когда, прощаясь, я поблагодарилъ унтеръ-офицеровъ, то они меня спросили: «Что же будетъ дальше, Ваше Высокоблагородіе?» Я имъ отвѣтилъ, что намъ надо до конца оставаться Преображенцами, и выразилъ надежду, что порядокъ, въ концѣ концовъ, будетъ возстановленъ.

На слѣдующій день, 1-го марта, я пошелъ завтракать на Милліонную улицу въ собраніе. Тамъ капитаны Скрыпицынъ и Холодовскій сообщили мнѣ, что одну изъ главныхъ ролей въ Государственной Думѣ играетъ Генеральнаго Штаба полковникъ кн. Тумановъ, командовавшій у насъ въ полку для ценза 16-ой ротой, и, зная мои хорошія съ нимъ отношенія, просили меня поѣхать къ нему и сказать, что такъ дальше продолжаться не можетъ, и что надо теперь же спасать положеніе. Сперва я не хотѣлъ ѣхать, но потомъ, видя царившій повсюду хаосъ, согласился.

Пріѣхавъ вмѣстѣ съ Холодовскихъ въ Государственную Думу, я былъ возмущенъ всѣмъ тѣмъ безпорядкомъ, который увидѣлъ тамъ. Я сталъ спрашивать, гдѣ находится полковникъ кн. Тумановъ, но никто не могъ мнѣ этого сказать. Тогда я самъ сталъ входить во всѣ комнаты и залы, у дверей которыхъ стояли часовые Л.-гв. Преображенскаго полка. Имъ было вмѣнено въ обязанность никого не пропускать, но меня никто нигдѣ не задерживалъ.

Войдя въ одну изъ комнатъ, я увидѣлъ человѣкъ сорокъ общественныхъ дѣятелей, вѣроятно, членовъ Государственной Думы и среди нихъ нѣсколько офицеровъ. Всѣ они обсуждали вопросъ: что лучше, монархія или республика? Перебивъ какого-то оратора, я въ первый разъ въ жизни выступилъ съ рѣчью и сказалъ имъ, что удивляюсь ихъ пустымъ разговорамъ, когда надо говорить только о томъ, какъ навести порядокъ, чтобы спасти положеніе. Я сказалъ также, что, если не сдѣлать этого сейчасъ, то потомъ будетъ уже поздно, и что всѣ они будутъ стерты толпой съ лица земли.

Хлопнувъ дверью, я ушелъ и, войдя въ Большой залъ, натолкнулся на полковника Энгельгардта. Зная, что онъ состоитъ комендантомъ Государственной Думы, я обратился къ нему съ вопросомъ, какія онъ намѣренъ принять мѣры для водворенія порядка? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что только что назначенъ Градоначальникомъ города Петрограда докторъ медицины Юрьевичъ, который и наведетъ всѣ порядки. На это я ему сказалъ, что надо теперь же поставить вмѣсто городовыхъ тѣхъ солдатъ, которые почти въ продолженіе двухъ лѣтъ стояли вмѣстѣ съ городовыми на остановкахъ трамваевъ и на углахъ улицъ для поддержанія порядка и имѣли въ то еще время красныя комендантскія повязки на рукавахъ, и что если эти солдаты будутъ нести знакомыя имъ обязанности гор-

довыхъ, то толпа сразу почувствуетъ, что есть на улицѣ какая-то власть. На это полковникъ Энгельгардтъ мнѣ отвѣтилъ: «Прошу васъ не учить». Тогда я ему сказалъ: «Да я не только учить, но даже разговаривать съ вами не желаю, но помните, что никакіе доктора васъ не спасутъ». Повернувшись отъ него, я вышелъ изъ Думы.

На подъѣздѣ я встрѣтилъ толпу, несущую Родзянко, окруженнаго красными флагами. Другая толпа въ это время разбирала сложенные въ вестибюлѣ пулеметы и патроны и уносила ихъ изъ Государственной Думы.

Разстроенный всей этой картиной, я пошелъ пѣшкомъ на Васильевскій Островъ и рѣшилъ, прекративъ свой отпускъ, ѣхать скорѣе на фронтъ, въ полкъ.

2-го марта я пошелъ на Милліонную улицу, чтобы попрощаться съ офицерами и заявить имъ о своемъ отъѣздѣ на фронтѣ.

Подходя къ Милліонной, я увидѣлъ стоящую противъ нашихъ казармъ цѣпь съ винтовками и, когда хотѣлъ пройти въ подъѣздъ, одинъ изъ солдатъ очень смущенно меня остановилъ, сказавъ тихимъ голосомъ, что приказано никого не пропускать въ собраніе. Тогда я приказалъ этому солдату вызвать ко мнѣ караульнаго начальника, что онъ немедленно и исполнилъ, и ко мнѣ явился маленькаго роста ефрейторъ съ офицерской шашкой и револьверомъ, который довольно развязно, не беря руки подъ козырекъ, спросилъ меня: «Что вамъ надо?». Въ свою очередь, указывая рукою на цѣпь, я его тоже спросилъ: «Что все это значитъ?». Въ отвѣтъ онъ мнѣ заявилъ, что всѣ солдаты ушли на Кирочную улицу выбирать командира полка, а всѣ офицеры арестованы въ собраніи, и прибавилъ: «А кто вы будете?» На это я, улыбаясь, сказалъ ему: «Имѣю честь служить Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскомъ полку», на что онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ я васъ долженъ арестовать». Рѣзкимъ голосомъ я ему отвѣтилъ: «Вотъ когда ты повоюешь въ рядахъ нашего полка столько, сколько я, и будешь знать всѣхъ г.г. офицеровъ, тогда мы съ тобой поговоримъ». Сказалъ это и пошелъ по направленію къ Зимнему Дворцу.

На Дворцовой площади я увидѣлъ Преображенца, стоявшаго на посту у подъѣзда зданія Штаба Округа. Войдя въ подъѣздъ, я встрѣтилъ караульнаго начальника штабсъ-капитана Квашнина-Самарина. Онъ заявилъ мнѣ, что караулъ находится двое сутокъ безъ смѣны, и онъ не знаетъ, что дѣлать дальше. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбой пройти въ помѣщеніе караула и поблагодарить солдатъ за хорошее несеніе службы.

Съ построеннымъ карауломъ я поздоровался, поблагодарилъ за службу и сказалъ, что въ виду несенія третій день службы считать караулъ, какъ команду, высланную для охраны Штаба Округа, и часовыхъ перевести на положеніе дневальныхъ, которымъ разрѣшилъ днемъ сидѣть на постахъ, а также обѣщалъ принять мѣры къ скорѣйшей смѣнѣ. Затѣмъ, вызвавъ завѣдующаго зданіемъ, я просилъ его лучше кормить людей, на что онъ выразилъ полную готовность. Дѣйствительно, онъ выдалъ солдатамъ горы ситнаго хлѣба, колбасы, чаю, сахару и проч. Солдаты были вполнѣ довольны.

Изъ Штаба Округа я направился въ Зимній Дворецъ, гдѣ также безсмѣнно стоялъ караулъ отъ учебной команды Л.-гв. Преображенскаго запаснаго полка. Караульнымъ начальникомъ былъ, насколько мнѣ помнится, поручикъ Огневъ. Пройдя въ караульное помѣщеніе и разговаривая тамъ съ караульнымъ начальникомъ и караульнымъ унтеръ-офицеромъ, я узналъ отъ нихъ, что караулъ нѣсколько разъ не допускалъ во дворъ Дворца рабочихъ и матросовъ, и что все время къ часовымъ на постахъ подходятъ отдѣльные люди, старающіеся ихъ распропагандировать. Они меня просили скорѣе устроить смѣну караула другой частью.

Поздоровавшись съ построеннымъ карауломъ и поблагодаривъ его, я такъ же, какъ и въ Штабѣ Округа, разрѣшилъ ему считаться съ этого момента командой. Нѣкоторые наружные посты распорядился снять и поставить парныхъ дневальныхъ у воротъ Дворца. Послѣ этого я послалъ караульнаго унтеръ-офицера къ подпрапорщику Лисову съ тѣмъ, чтобы онъ распорядился выслать новый караулъ.

Вызвавъ къ телефону помощника завѣдующаго Зимнимъ Дворцомъ, я просилъ его выдавать караулу больше сахару, хлѣба и вообще обставить солдатъ, какъ можно лучше. Я былъ весьма удивленъ, услыхавъ отъ него отвѣтъ, что ему трудно будетъ исполнить мою просьбу, такъ какъ все возможное уже сдѣлано, и выдача сахара уже увеличена на четверть золотника на человѣка.

Послѣ такого отвѣта я прекратилъ разговоръ съ этимъ господиномъ и сталъ звонить въ Гвардейскій Экипажъ, который, по слухамъ, былъ единственной частью, находившейся въ полномъ порядкѣ. На мою просьбу выслать караулъ въ Зимній Дворецъ, дежурный по Экипажу заявилъ, что даже и думать объ этомъ не приходится. Тогда я позвонилъ Л.-гв. въ Павловскій зап. полкъ (отъ встрѣченнаго на Милліонной улицѣ унтеръ-офицера этого полка я зналъ, что у нихъ уже выбрали командира полка). Къ телефону подошелъ самъ новый «командиръ полка» — «ка-

кой-то штабсъ-капитанъ, сказавшій мнѣ, что, къ несчастью, онъ, дѣйствительно, выбранъ новымъ командиромъ 2-го. Павловскаго запаснаго полка, но что онъ не знаетъ, гдѣ находятся его люди, не знаетъ даже количества винтовокъ у себя въ полку и, кромѣ того, сомнѣвается, будутъ ли исполняться какія-либо его приказанія. и что въ виду этого онъ никакого караула выслать не можетъ.

Подпрапорщикъ Лисогъ прислалъ сказать, что всѣ люди ушли на Кирочную улицу выбирать командира полка, поэтому смѣну караулу онъ выслать не можетъ. Приказавъ караульному начальнику написать письмо адъютанту нашего полка о необходимости принятія имъ мѣръ къ смѣнѣ карауловъ въ Зимнемъ Дворцѣ и Штабѣ Округа, а также въ Адмиралтействѣ, я вышелъ изъ Дворца и направился къ себѣ домой.

Часто приходилось слышать, что Преображенцы запаснаго полка измѣнили своему долгу, но, зная, какъ они дѣйствовали на Литейномъ проспектѣ, какъ построенныя роты на площади Зимняго Дворца не присоединились къ возставшимъ и находились въ полномъ распоряженіи генерала Хабалова, и какъ караулы Преображенцевъ несли свою службу въ теченіе трехъ сутокъ безъ смѣны, я думаю, что всѣ эти обвиненія должны отпасть.

Конечно, въ дальнѣйшемъ и Преображенцы запаснаго полка были увлечены общей революціонной волной, и менѣе устойчивые чины его присоединились къ общему теченію, но большинство чиновъ нашего запаснаго полка честно выполняло свой долгъ до тѣхъ поръ, пока существовала власть въ Петроградѣ.

На Николаевскомъ мосту я встрѣтилъ одного изъ моихъ братьевъ и младшую сестру, ждавшихъ меня, чтобы предупредить, что мнѣ необходимо немедленно уѣхать изъ Петрограда, такъ какъ послѣ моего ухода изъ дому три раза приходили матросы, чтобы арестовать меня. Я вмѣстѣ съ ними пошелъ домой. Не доходя до дома, мы выслали мою сестру «на развѣдку» — не ждутъ ли меня на квартирѣ «товарищи-матросы».

Дома я засталъ въ полной паникѣ нашу старую прислугу Захаровну, умолявшую меня сейчасъ же уѣхать изъ Петрограда. Она все время приговаривала: «Вѣдь однѣ рожи-то ихъ чего стоятъ. Отца родного убьютъ — не пожалѣютъ, а ужъ васъ и подавно». Особенно она была въ претензіи на одного матроса, укравшаго у нея во время обыска пятнадцать фунтовъ сахара.

Въ виду столь настойчивыхъ визитовъ «товарищей-матросовъ» я рѣшилъ немедленно уѣхать изъ Петрограда. Взявъ съ собой маленькій сакъ-вояжъ и уложивъ въ него самыя необходимыя вещи и свой наганъ,

я отправился въ сопровожденіи своего брата на Царскосельскій вокзалъ. На вокзалѣ, запруженномъ солдатами, мнѣ сказали, что поѣзда по Царскосельской линіи не ходятъ, и неизвѣстно, когда еще пойдутъ. Тогда я пошелъ пѣшкомъ на Николаевскій вокзалъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ полкъ кружнымъ путемъ черезъ Москву, Воронежъ, Кіевъ. На Николаевскомъ вокзалѣ братъ взялъ билетъ, и я, сѣвъ въ первый попавшійся поѣздъ, выѣхалъ изъ Петрограда около семи часовъ вечера 2-го марта.

Въ купэ, гдѣ я сидѣлъ, всю ночь шли разговоры о республикѣ и монархіи, о преимуществахъ Великаго Князя Михаила Александровича передъ Государемъ и т. п. Все это слушать было тошно, и я ѣхалъ, притворяясь спящимъ, но не могъ заснуть всю ночь.

Желѣзнодорожное движеніе было сильно нарушено, и поѣзда шли съ большимъ опозданіемъ, такъ какъ «товарищи-желѣзнодорожники» тоже праздновали революцію.

На разсвѣтѣ, на станціи Тверь, поѣздъ остановился на десять минутъ.

Выйдя на платформу и прогуливаясь вдоль поѣзда, я обратилъ вниманіе на двухъ солдатъ, которые стремительно шли, направляясь ко мнѣ. Оба были съ револьверами въ рукахъ.

Подойдя ко мнѣ, одинъ изъ нихъ крикнулъ: «Руки вверхъ!» Я, не поднимая рукъ, спросилъ — «въ чемъ дѣло?» — и прибавилъ — «вѣроятно вы думаете, что у меня есть оружіе, но послѣ постоянныхъ обысковъ и осмотровъ, я полагаю, что ни у одного офицера не осталось револьвера». На это одинъ изъ солдатъ заявилъ: «Здѣсь въ поѣздѣ говорятъ, что вы разстрѣливали народъ въ Петроградѣ». Не успѣлъ я ему сказать — «не всякому слуху вѣрь», какъ раздался третій звонокъ, и мои собесѣдники-«товарищи», оставивъ меня, бросились въ вагонъ.

Я быстро вошелъ въ купэ своего вагона, взялъ сакъ-вояжъ и на ходу выскочилъ изъ поѣзда.

Сдѣлавъ остановку у начальнику станціи и спокойно позавтракавъ, я сѣлъ въ прямой вагонъ «Петроградъ-Москва-Воронежъ» скораго поѣзда и продолжалъ дальше свое путешествіе.

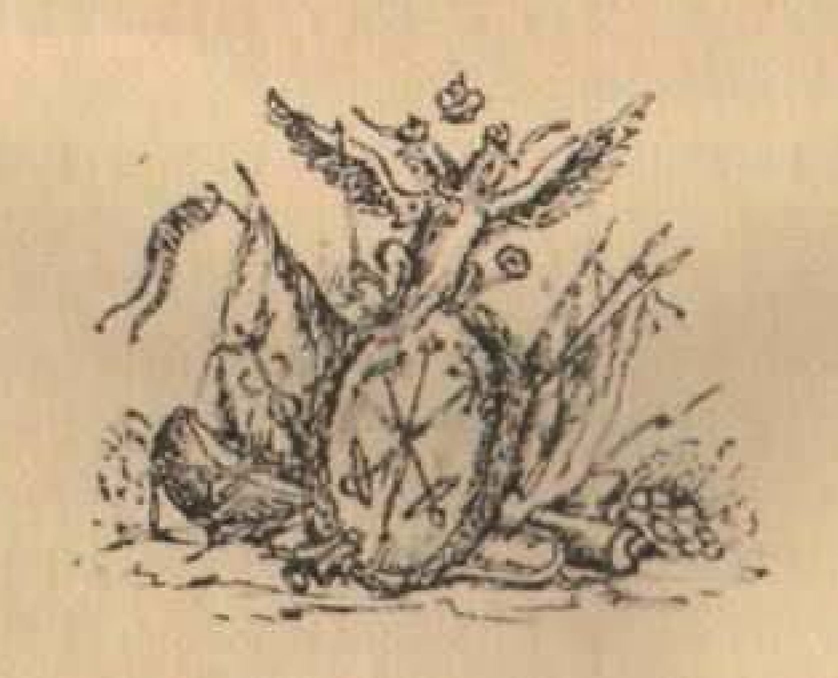
Почти не выходя изъ вагона, я добрался до Воронежа, гдѣ сейчасъ же перешелъ въ другой поѣздъ и черезъ Кіевъ пріѣхалъ на фронтъ въ свой полкъ.

Тамъ я спокойно вздохнулъ, такъ какъ обстановка въ полку была почти безъ измѣненія. Солдаты прекрасно несли службу, былъ полный порядокъ и чинопочитаніе.

Шли только разговоры объ организаціи полкового комитета.

Кругомъ, въ нашемъ полку и особенно среди офицеровъ, чувствовалось тяжелое настроеніе и волненіе за судьбу Россіи, Государя Императора и всей Его Семьи . . .

А. Кутеповъ.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

о службѣ

Генерала-отъ-Инфантеріи Кутепова Александра Павловича

Родился .... 1882 г. Сент. 16.

Вѣроисповѣданія православнаго.

Изъ потомственныхъ дворянъ Новгородской губерніи.

Въ Архангельской классической гимназіи и С.-Петербургскомъ военномъ училищѣ, окончилъ курсъ

по 1-му разряду.

Женатъ первымъ законнымъ бракомъ на дочери Коллежскаго Совѣтника Лидіи Давыдовнѣ *Кютъ*, вѣроисповѣданія православнаго. Имѣетъ сына *Павла*, родившагося 27 (14) февраля 1925 г.

Въ службу вступилъ въ С.-Петербургское военное училище юнкеромъ рядового званія .... 1902 г. Сент. 1.

По окончаніи училища по 1-му разряду, фельдфебелемъ, произведенъ въ подпоручики въ 85 пѣх. Выборгскій Е. И. и Кор. В. Императора Германскаго Короля Прусскаго Вильгельма II полкъ, находившійся въ дѣйствующей арміи . 1904 г. Авг. 9.

со старшинствомъ съ .... 1903 г. Авг. 10.

По окончаніи 16 дневнаго отпуска прибылъ въ полкъ въ дер. Хомутунь .... 1904 г. Сент. 30.

Былъ командированъ въ гор. Новгородъ для обученія молодыхъ солдатъ .... 1905 г. Окт. 1.

Прибылъ къ мѣсту командированія .... 1905 г. Ноябр. 26

Во время пути участвовалъ съ эшелономъ въ подавленіи возстанія въ г. Иркутскѣ, Верхне-Удинскѣ и Красноярскѣ.

Прикомандированъ Л.-гв. къ Преображенскому полку 1906 г. Ноябр. 18

Поручикомъ .... 1907 г. Дек. 6.

со старшинствомъ съ .... 1907 г. Авг. 10.

Переведенъ за оказанныя боевыя отличія Л.-гв. въ Преображенскій полкъ поручикомъ .... 1907 г. Нояб. 1.

Штабсъ-Капитаномъ .... 1911 г. Дек. 6.

со старшинствомъ съ .... 1911 г. Авг. 10.

Въ полку занималъ должности: Помощника Начальника учебной команды, Начальника пулеметной команды, Начальника команды развѣдчиковъ, командующаго 15-й ротой на законномъ основаніи въ теченіе одного года двухъ мѣсяцевъ и Начальника учебной команды.

За расформированіемъ, согласно мобилизаціоннаго плана, учебной команды принялъ 4-ю роту ... 1914 г. Іюля 19.

Выступилъ въ походъ Командиромъ 4-й роты........ 1914 г. Авг. 1.

Капитаномъ со старшинствомъ .... 1915 г. Іюля 19.

Полковникомъ на основаніи приказа по военному Вѣдомству, 1915 г. № 563 со старшинствомъ съ .. 1916 г. іюля 19.

Во время Русско-Германской войны командовалъ: ротой *Его Величества*, вторымъ батальономъ и Л.-гв. Преображенскимъ полкомъ.

Состоя командиромъ Л.-гв. Преображенскаго полка въ чинѣ полковника, отдалъ приказъ о временномъ расформированіи полка и уѣхалъ черезъ Кіевъ на Донъ .... 1917 г. Дек. 2.

Вступилъ въ ряды Добровольческой арміи .... 1917 г. Дек. 24.

Назначенъ Начальникомъ Гарнизона г. Таганрога и его раіона .... 1917 г. Дек. 30.

Послѣ ухода казачьихъ частей изъ Донецкаго бассейна, принялъ на себя оборону Таганрогскаго направленія и г. Ростова, гдѣ съ отрядомъ отбивался отъ большевиковъ съ .... 1918 г. Янв. 10.

по .... 1918 г. Февр. 1.

Вызванъ въ Ростовъ для формированія 3-го офицерскаго батальона, на укомплектованіе котораго назначены были офицеры Л.-гв. Преображенскаго полка и др. гвардейскихъ частей ...... 1918 г. Февр. 2.

Принималъ участіе въ оборонѣ г. Ростова, послѣ чего выступилъ вмѣстѣ съ другими частями Добровольческой арміи въ 1-й Кубанскій походъ... 1918 г. Февр. 9.

3-й офицерскій батальонъ переформированъ въ 3-ью роту 1-го Офицерскаго полка (въ станицѣ Ольгинской) .... 1918 г. Февр. 11

Послѣ соединенія 15 марта 1918 г. съ Кубанской арміей и переформированія Добровольческой арміи назначенъ Помощникомъ командира 1-го Офицерскаго полка .... 1918 г. Март. 17

Послѣ смерти Полковника Нѣженцева назначенъ Генераломъ Корниловымъ Командиромъ Корниловскаго полка .... 1918 г. Март. 30.

Возвратившись на Донъ изъ 1-го Кубанскаго похода, вышелъ съ Корниловскимъ полкомъ во 2-ой Кубанскій походъ .... 1918 г. Іюня 10.

Послѣ смерти Генерала Маркова подъ станицей Шевліевкой назначенъ вр. Командующимъ 1-й дивизіей .... 1918 г. Іюня 12.

Съ 1-й дивизіей участвовалъ въ наступленіи на Тихорѣцкомъ направленіи, во взятіи Тихорѣцкой и въ наступленіи на Кущевскомъ направленіи.

По занятіи Кушевки, вслѣдствіе возвращенія изъ Москвы Генерала Казановича, назначенъ Командиромъ 1-й бригады, 1-й дивизіи ...... 1918 г. Іюля 15.

Послѣ взятія Новороссійска, назначенъ Черноморскимъ Военнымъ Губернаторомъ .... 1918 г. Авг. 13.

За боевыя отличія произведенъ въ чинъ Генералъ-Маіора .... 1918 г. Ноябр. 12

со старшинствомъ съ .... 1918 г. Ноябр. 12

Назначенъ Командиромъ 1-го армейскаго корпуса .... 1919 г. Янв. 13.

Со станціи Прохладной вмѣстѣ со Штабомъ былъ переведенъ на ст. Песчанокопскую и назначенъ Командующимъ группой на Царицынскомъ направленіи .... 1919 г. Апр. 15.

Со Штабомъ переброшенъ въ Донецкій бассейнъ, гдѣ вступилъ въ командованіе частями 1-го армейскаго корпуса .... 1919 г. Мая 6.

За боевыя отличія, оказанныя во время Харьковской операціи, произведенъ въ чинъ Генералъ-Лейтенанта .... 1919 г. Іюня 23.

со старшинствомъ съ .... 1919 г. Іюня 23.

Вмѣстѣ съ частями 1-го армейскаго корпуса совершилъ отходъ отъ г. Орла до г. Новороссійска и далѣе въ Крымъ, куда прибылъ .... 1920 г. Март. 15.

Назначенъ Командующимъ 1-й арміей .... 1920 г. Сент. 4.

Въ составѣ Русской арміи эвакуированъ изъ Крыма въ Константинополь и далѣе въ Галлиполи .... 1920 г. Ноябр. 2.

Произведенъ за боевыя отличія въ Генералъ-отъ-Инфантеріи .... 1920 г. Ноябр. 20

Въ виду переформированія арміи назначенъ командиромъ 1-го армейскаго корпуса, въ составъ котораго сведены всѣ части Русской арміи, кромѣ казаковъ .... 1920 г. Ноябр. 21

Вмѣстѣ съ частями 1-го армейскаго корпуса прибылъ изъ Галлиполи въ Болгарію .... 1921 г. Дек. 17.

Болгарскимъ правительствомъ экстернированъ за-границу и черезъ Грецію прибылъ въ Королевство С. Х. С. .... 1922 г. Мая 15.

Назначенъ Помощникомъ Главнокомандующаго Русской Арміей .... 1922 г. Ноябр. 8.

Въ виду командированія въ распоряженіе Великаго Князя *Николая Николаевича* освобожденъ отъ должности Помощника Главнокомандующаго Русской Арміей .... 1924 г. Март. 21.

Предсѣдателемъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза 1928 г. Апр. 29.

ВЪ ПОХОДАХЪ И ДѢЛАХЪ НАХОДИЛСЯ:

1) Въ кампанію 1904-1905 г.г.
съ 1904 г. Сент. 30.
по 1905 г. Авг. 12.

2) Въ кампанію 1914-1918 г.г.
съ 1914 г. Авг. 1.
по 1918 г. Дек. 2.

3) Противъ большевиковъ
съ 1917 г. Дек. 24.

Раненъ: 1) Въ бою 20 Августа 1914 года при дер. Владиславовкѣ Люблинской губ. ружейной пулей въ лѣвую ногу ниже колѣна съ раздробленіемъ кости.

2) Въ бою 30 Марта 1915 года при дер. Корыткѣ Ломжинской губ. осколкомъ снаряда въ верхнюю часть правой ступни.

3) Въ бою 27 іюля 1915 года при дер. Петрилово Владовскаго уѣзда ружейной пулей въ лѣвой пахъ (рана рваная).

ИМѢЕТЪ ОРДЕНА И ЗНАКИ ОТЛИЧІЙ:

Св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ; Св. Станислава 2 ст. съ мечами; Св. Анны 4 ст. съ надписью «За храбрость»; Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ; Св. Анны 2 ст. съ мечами; Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ; Георгіевское оружіе; Св. Георгія 4 ст.; Св. Николая Чудотворца 2 ст. и знакъ за участіе въ 1-го Кубанскомъ походѣ 1-й степени.

Свѣтло-бронзовыя медали: За участіе въ Русско-Японскую войну на Александровско-Георгіевской лентѣ; въ память Полтавской битвы на Андреевской лентѣ; въ память Отечественной войны на Владимірской лентѣ; медаль въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ на Романовской лентѣ; медаль въ память Гангутскаго боя на Андреевской лентѣ и медаль за труды, понесенные по мобилизаціи 1914 года.

Знакъ въ память пребыванія Русской Арміи въ Галлиполи въ 1920-1921 г.г.

Иностранные ордена: Германской Короны 4 ст. съ мечами на лентѣ Желѣзнаго Креста (за боевыя отличія въ Русско-Японскую войну); Шведскій — орденъ Короны; Румынскій — орденъ Короны; Черногорскій — Данiила 4 ст.; Французскую серебряную медаль въ память пріѣзда Президента Лубэ въ Россію.

Представленъ былъ къ ордену Св. Георгія 3 ст. за бой 7-го Іюля 1917 г. у г. Тарнополя.

Въ запасѣ, отставкѣ, въ плѣну и безъ исполненія службы по роду оружія не былъ.

Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состоитъ.

ОТДѢЛЪ II

ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Нѣсколько словъ объ юнкерѣ А. Кутеповѣ

Въ 1903 году лѣтомъ я былъ приглашенъ только что назначеннымъ Начальникомъ Владимірскаго военнаго училища полковникомъ В. М. Вороновымъ вести курсъ тактики въ одномъ изъ классовъ. Какъ разъ передъ этимъ назначеніемъ В. М. Вороновъ былъ начальникомъ штаба 37-й пѣх. дивизіи, въ которой я началъ свою службу по генеральному штабу. Во время нашей совмѣстной службы, онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что офицеръ ген. штаба только тогда можетъ считаться окончательно подготовленнымъ, когда онъ проведетъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ тактики въ военномъ училищѣ. Только обучая, мы сами окончательно обучаемся, любилъ повторять онъ. Напомнивъ это мнѣ, Владиміръ Михайловичъ сказалъ и то, что онъ ищетъ новыхъ военныхъ преподавателей, ибо ввѣренное ему училище вступаетъ въ совершенно новую эпоху своей жизни. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ Военномъ Вѣдомствѣ только что была произведена коренная реформа: всѣ прежнія «Юнкерскія Училища» были превращены въ «Военныя Училища». А это означало, что вмѣсто прежней сокращенной образовательной программы вводилось обученіе въ томъ же объемѣ, какъ и въ старыхъ военныхъ училищахъ.

Очень цѣня мнѣніе моего перваго начальника по службѣ генеральнаго штаба, я согласился, а онъ въ свою очередь сказалъ мнѣ, что дастъ свой «лучшій» классъ.

Волненіе, съ которымъ я приступилъ къ моимъ первымъ шагамъ въ военномъ преподаваніи, навсегда врѣзало въ мою память впечатлѣніе отъ моего перваго общенія съ этимъ классомъ. Я понялъ, что полк. Вороновъ, обѣщая дать мнѣ свой «лучшій» классъ, говорилъ это вовсе не для того, чтобы подбодрить меня вступить на пугавшій меня своею трудностью педагогическій путь; порученный мнѣ классъ, дѣйствительно, былъ «лучшимъ». Черезъ годъ, когда вспыхнула война съ Японіей, изъ 40 юнкеровъ этого класса 30-ть пошли на войну, а 12 изъ нихъ геройски пали смертью храбрыхъ.

Съ пафосомъ неофита, подбодренный вниманіемъ моихъ учениковъ, я вложилъ всего себя въ новое для меня дѣло военнаго преподаванія. Для того чтобы достигнуть большаго идейнаго единства, на преподавателя Тактики было возложено также и преподаваніе Военной Исторіи, такъ что мнѣ приходилось проводить много времени въ общеніи съ моими юнкерами. И тутъ уже вскорѣ я не могъ не замѣтить «лучшаго» изъ этихъ «лучшихъ».

Это былъ А. Кутеповъ.

Фельдфебельскія нашивки на погонахъ показывали мнѣ, что онъ «лучшій» во всѣхъ отношеніяхъ. Чрезвычайно выдержанный онъ всегда и во всемъ подавалъ примѣръ въ дисциплинированности. Простой въ обращеніи со своими сверстниками онъ вмѣстѣ съ этимъ умѣлъ поставить себя такъ, что, когда отдавалъ распоряженія, какъ фельдфебель роты, эти же его сверстники исполняли его приказанія точно и беспрекословно. Уже съ первыхъ же шаговъ А. П. Кутепова въ роли «военнаго начальника» нельзя было не предчувствовать въ немъ настоящаго, съ сильной волей, военачальника. Указанныя мною качества А. П. Кутепова обусловливали то колоссальное моральное вліяніе, которое онъ имѣлъ на свой классъ. Весьма вѣроятно, что послѣдній во многомъ обязанъ своему фельдфебелю тѣмъ, что сталъ «лучшимъ» въ своемъ училищѣ.

Вліяніе А. Кутепова выражалось не только въ такъ называемомъ «внутреннемъ порядкѣ» класса. А. Кутеповъ заражалъ своихъ сверстниковъ и жаждой знанія. Много пришлось мнѣ, послѣ 1903 года, имѣть учениковъ, но смѣло могу сказать, что столь сильно жаждущихъ военныхъ знаній, какъ А. Кутеповъ, я встрѣчалъ рѣдко.

Это желаніе учиться «Кутеповскаго» класса ярко выявилось въ задаваемыхъ въ концѣ каждой изъ лекцій и во время практическихъ занятій вопросахъ. Я посильно отвѣчалъ на нихъ и называлъ книги, прочтеніе которыхъ могло освѣтить спрашивающимъ заданный ими вопросъ. Всегда, по вдумчивости вопросовъ, на первомъ мѣстѣ стоялъ А. Кутеповъ. Скоро онъ сталъ моимъ любимымъ ученикомъ, такъ какъ заниматься съ нимъ было истиннымъ удовольствіемъ.

Когда наступила первая репетиція, А. Кутеповъ выказалъ такія знанія и такое пониманіе пройденной части курса, что присутствовавшій на репетиціи Начальникъ Училища счелъ своимъ долгомъ особо поблагодарить его передъ всѣмъ классомъ.

На практическихъ занятіяхъ А. Кутеповъ также былъ всегда на первомъ мѣстѣ. Въ этомъ родѣ занятій онъ выдѣлялся отчетливостью своего рѣшенія и ясностью своихъ приказаній.

Въ серединѣ учебнаго года произошелъ случай, который очень характерно обрисовалъ моральной обликъ А. Кутепова.

Я пришелъ на одну изъ репетицій. Въ спискѣ юнкеровъ, которые должны были отвѣчать, числился и А. Кутеповъ. Передъ тѣмъ, какъ я началъ вызовъ къ доскамъ юнкеровъ, ко мнѣ подошелъ А. Кутеповъ. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить отложить его опросъ до слѣдующаго репетиціоннаго дня. По принятому въ училищѣ порядку подобные отказы допускались только въ случаѣ болѣзни. Но на мой вопросъ о причинѣ отказа, А. Кутеповъ, нѣсколько сконфуженно, но открыто смотря мнѣ въ глаза, тихо сказалъ мнѣ, что во вчерашній вечеръ ему неожиданно представился случай быть въ театрѣ, и это помѣшало ему подготовиться. Меня поразила честность его отвѣта. Сколько учениковъ на его мѣстѣ позволили бы себѣ «спасательную» ложь, сославшись бы на внезапную «головную боль»... Поэтому, въ отвѣтъ на заявленіе А. Кутепова, я сказалъ ему, что, хотя формально я долженъ былъ бы поставить ему ноль, но я цѣню «правду» его отвѣта и буду спрашивать его въ слѣдующій разъ. Въ слѣдующій разъ А. Кутеповъ блестяще выдержалъ «заложенную» репетицію.

Впослѣдствіи, когда мы встрѣтились съ А. Кутеповымъ въ эмиграціи, онъ самъ разсказалъ мнѣ, что случай съ отказомъ произвелъ на него большое впечатлѣніе. Онъ очень колебался, сказать ли «правду» или «защитную неправду». Въ училищѣ порядки были строгіе, и онъ рисковалъ полученнымъ ноолемъ испортить себѣ многое. Однако, послѣ долгой внутренней борьбы, онъ все-таки рѣшилъ сказать «правду». Идя къ моему столу, онъ былъ такъ увѣренъ, что я отнесусь формально, и онъ получитъ свой «ноль».

Подобная моральная честность осталась у А. П. Кутепова и во всю его дальнѣйшую жизнь. И не она ли именно привлекала къ нему сердца его подчиненныхъ, товарищей и начальниковъ?

Н. Н. Головинъ.

Л.-ГВ. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКЪ

Генералъ Кутеповъ *)

... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!..

Бѣлое движеніе выдвигаетъ Кутепова въ первые ряды. Затѣмъ Галлиполи, позднѣе — Парижъ.

Вездѣ онъ творитъ большое отвѣтственное дѣло, но наступаетъ 26 января 1930 года, и все неожиданно обрывается... Въ то же время имя генерала Кутепова, избѣгавшаго всегда рекламы, сразу прославляется — онъ становится мученикомъ за святую идею родины. Его имя повторяютъ уже не одни русскіе, но и иностранцы, и его нравственный авторитетъ растетъ.

Проходитъ четыре года, а имя Кутепова звучитъ громче, чѣмъ когда либо, и чѣмъ дальше мы отходимъ отъ роковой даты 26 января 1930 г., тѣмъ все съ большимъ уваженіемъ повторяется это славное имя великаго борца за родину, тѣмъ популярнѣе становится оно, обращаясь, понемногу, въ символъ жертвеннаго патріотизма и становясь лозунгомъ непримиримой борьбы за спасеніе, счастье и величіе Россіи.

Я познакомился съ Кутеповымъ осенью 1906 года, когда онъ былъ переведенъ въ Л.-гв. Преображенскій полкъ изъ 85 Выборгскаго пѣхотнаго полка.

Прибывъ въ казармы на Милліонной улицѣ, онъ, прежде чѣмъ итти къ командующему полкомъ, явился въ канцелярію, чтобы представиться мнѣ, какъ полковому адъютанту.

---

*) По воспоминаніямъ его друга и товарища по Л. Гв. Преображенскому полку, б. Флигель-Адъютанта Е. И. В. Полковника В. В. Свѣчина.

Я зналъ, что, ожидаемый изъ Выборгскаго полка офицеръ — не заурядный. Аттестація командира полка, генералъ-маіора Заіончковскаго, явно о томъ свидѣтельствовала. Помимо обычныхъ казенныхъ выраженій — выдающійся и т. п., на сей разъ имѣлись и другія, по которымъ можно было составить себѣ болѣе опредѣленное представленіе о достоинствахъ аттестуемаго.

При такихъ условіяхъ я былъ, естественно, къ нему расположенъ, и все же онъ произвелъ на меня исключительное впечатлѣніе.

Небольшого роста, коренастый, украшенный боевыми отличіями, онъ представился мнѣ съ безупречною воинскою выправкою и дисциплинированностью. Проявляя должное уваженіе къ старшему по чину, возрасту и положенію, онъ въ то же время держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, не проявляя ни тѣни заискиванія или, столь всегда мнѣ противнаго, подобострастія. При этомъ онъ всегда прямо смотрѣлъ въ глаза.

Не могло быть сомнѣній — передо мною былъ настоящій офицеръ, разумѣя подъ этимъ офицера-рыцаря, неспособнаго ни передъ кѣмъ унижаться, но способнаго на подвиги во имя долга.

Кромѣ того я видѣлъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ честнымъ до мозга костей, у котораго слово не должно расходиться съ дѣломъ.

Пожелавъ ему счастья и благополучія, я направилъ его къ Командующему полкомъ, котораго въ то же время предупредилъ по внутреннему телефону.

— Какъ Вы его нашли? — спросилъ меня Полковникъ В. М. Драгомировъ. Я отвѣтилъ: Это, несомнѣнно, пріобрѣтеніе для полка. Мое впечатлѣніе самое хорошее. Кутеповъ — офицеръ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, на котораго можно положиться. За нимъ, я увѣренъ, люди пойдутъ и въ мирное и въ военное время, куда бы онъ ихъ ни повелъ, а это именно то, что въ переживаемое время особенно важно и нужно.

Я горжусь этимъ отзывомъ, даннымъ мною въ 1906 году. Все послѣдующее какъ нельзя болѣе его оправдало. И въ полку въ мирное время, и на войнѣ, и въ революціонные дни въ Петроградѣ, и въ дни командованія Л.-гв. Преображенскимъ полкомъ, и впослѣдствіи, въ эпоху борьбы съ красными на югѣ Россіи, Кутеповъ былъ всегда неизмѣнно тѣмъ преисполненнымъ великаго духа воиномъ, за которымъ люди шли всюду безъ оглядки.

Не помню, въ какихъ ротахъ протекала его служба первые годы въ полку. Кажется, онъ скоро былъ назначенъ помощникомъ начальника Учебной Команды, но въ 1914-мъ году онъ — Начальникъ Учебной Команды.

По закону, ему надлежало оставаться въ составѣ запаснаго батальона, но онъ не изъ такихъ, чтобы съ этимъ примириться.

Съ объявленіемъ мобилизаціи его геройскій духъ вспыхиваетъ съ новой силой — тыловая служба не по немъ, онъ рвется въ бой.

Внимая его ходатайству, командующій полкомъ флигель-адъютантъ графъ Игнатьевъ назначаетъ его командиромъ 4-ой роты.

Богатый опытомъ Японской кампаніи Кутеповъ даетъ цѣнные совѣты своимъ товарищамъ ротнымъ командирамъ 1-го батальона и въ первомъ же бою проявляетъ во главѣ своей роты чудеса храбрости и даетъ доказательства глубокаго пониманія военнаго искусства.

Позднѣе, онъ командуетъ 2-мъ батальономъ, вѣнчаетъ его новыми лаврами, а въ 17-мъ году получаетъ въ командованіе родной полкъ послѣ того, какъ распоряженіемъ Временнаго Правительства командиръ полка, свиты Е. В. генералъ-маіоръ Древеньъ, былъ уволенъ въ отставку.

Времена тяжелыя, власть расшатана, анархія бушуетъ на фронтѣ... Армія разваливается, но благодаря желѣзной энергіи Кутепова, благодаря тому исключительному авторитету, которымъ онъ пользуется среди солдатъ, авторитету, основанному на уваженіи къ его мужеству, его глубокому знанію службы, его постоянной заботливости о своихъ подчиненныхъ и никогда не покидающей его, несмотря на чрезвычайную требовательность по службѣ, справедливости, ему удается удержать дольше другихъ ввѣренный ему полкъ отъ развала и сохранить не только внутренній порядокъ полка, но и его боеспособность.

Всѣ помнятъ событія, развернувшіяся лѣтомъ 1917 года подъ Тарнополемъ, когда послѣ мгновеннаго успѣха прославленные Керенскимъ революціонные полки панически бѣжали, оставляя непріятелю несмѣтную добычу и предаваясь по пути своего бѣгства невѣроятному грабежу и насилію...

Въ эти грозныя минуты Преображенцы со своими вѣковыми братьями Семеновцами одни, какъ непоколебимая стѣна, преграждали путь побѣдителю.

Замѣчательная повторяемость событій! Въ 1700 году юные Потѣшные полки своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ спасаютъ отъ плѣненія бѣгущія передъ Шведами войска Герцога де Кроа, а 217 лѣтъ позд-

ніе Главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ генералъ Корниловъ телеграфируетъ:

Вся армія позорно бѣжитъ, лишь Петровская бригада сражается подъ сѣнью своихъ сѣдыхъ знаменъ...

Вступивъ въ ряды Преображенцевъ въ 1906 году, Кутеповъ одиннадцать лѣтъ спустя вписываетъ въ исторію полка послѣднюю страницу его славы, и эта послѣдняя страница является повтореніемъ той первой, начертанной подъ Нарвой.

Дальнѣйшая служба Кутепова родинѣ — это исторія бѣлаго движенія, это та чудесная повѣсть героизма, жертвенности, страданій и негасимой вѣры въ конечное торжество правды надъ ложью, идеи родины надъ интернаціоналомъ, Бога надъ сатаной, которую, я надѣюсь, изложатъ съ безпристрастіемъ и желательной яркостью тѣ, кто имѣетъ для этого всѣ нужныя данныя, я же хочу сказать лишь нѣсколько словъ о Кутеповѣ какъ офицерѣ, какъ командирѣ и человѣкѣ.

Для характеристики Кутепова, какъ офицера и командира, я приведу то, что мнѣ пришлось слышать о немъ отъ солдатъ.

— Строгъ, — говорили про него еще до войны, — но зря человѣка не обидитъ; къ тому же нашего брата понимаетъ, можно сказать, насквозь видитъ, ему не соврешь. Если въ чемъ провинился — лучше прямо говори — виноватъ. Тогда — ничего, а коли начнешь съ нимъ крутить — тогда бѣда.

Съ нимъ еще то хорошо, что ему ни фельдфебель ни взводный — не указъ, службу знаетъ, да и самъ во все входитъ и видитъ, гдѣ правда. Одно слово — командиръ...

Таковы отзывы о Кутеповѣ въ мирное время, въ военное они еще любопытнѣе.

— Герой, — отвѣчали всѣ, кого, бывало, ни спросишь, а что Кутеповъ? Если же еще спросишь: что очень храбрый? — то слышишь: «да что храбрый, храбростью насъ, Ваше Высокоблагородіе, не удивишь, — наши господа офицеры всѣ, какъ есть, храбрые... Этотъ не то что храбръ, а Богъ его знаетъ, какой-то особенный. Кругомъ смерть, ну прямо адъ иной разъ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало — смѣется, шутитъ, нашего брата бодритъ»... И опять та же аттестація, что приходилось слышать и

въ мирное время — службу знаетъ — но теперь во сколько разъ знаменательнѣе звучатъ эти два слова!

Слышалъ я и такія поясненія:

— Одной храбрости на войнѣ мало, — надо и дѣло разумѣть, иначе толку мало, лишь однѣ потери... Вотъ на этотъ счетъ капитанъ Кутеповъ, дай Богъ имъ здоровья, молодецъ — ни одного человѣка зря не погубитъ. За нимъ, можно сказать, какъ за каменной горой.

— Иные господа и храбрые и вояки хорошіе, да горячатся малость — кидаются въ атаку, когда еще нельзя — ну, ничего и не выходитъ... Капитанъ же Кутеповъ всегда спокоенъ, за всѣмъ слѣдитъ и за своими и за непріятелемъ, а коли прикажетъ что, такъ ужъ знай, что именно такъ и надо...

Такъ мнѣ говорили про него не только раненые его роты или батальона, но и другіе, когда я посѣщалъ лазареты, и то же мнѣ разсказывали мои бывшіе солдаты, заходившіе ко мнѣ по выпискѣ изъ лазаретовъ передъ отправкой вновь на фронтѣ — Кутепова всѣ знали.

Такова характеристика Кутепова, какъ офицера и военачальника. Характеристика искренняя и непосредственная. Это не казенная фразеологія, это крикъ души малыхъ сихъ.

Мои личныя отношенія съ Александромъ Павловичемъ сразу же по его вступленіи въ полкъ приняли дружественный характеръ. Я первый изъ старыхъ офицеровъ выпилъ съ нимъ «на ты», но такъ какъ вмѣстѣ намъ служить въ полку пришлось недолго — я былъ въ 1917 году «отчисленъ отъ фронта» въ свиту Его Величества — то я особенно сблизиться съ нимъ за это время не успѣлъ. Произошло это уже послѣ революціи, когда я въ числѣ множества бѣженцевъ, покинувшихъ при отступленіи отряда полковника Шкуро въ сентябрѣ 1918 года Кисловодскъ, прибылъ въ Новороссійскъ, гдѣ Кутеповъ былъ въ то время Военнымъ Губернаторомъ.

Духовное одиночество, въ которомъ и онъ и я, не имѣвшіе никого близкаго и оторванные судьбою отъ всего дорогого, находились въ этомъ ужасномъ городѣ, естественно обусловило наше сближеніе.

Общность основныхъ убѣжденій, безутѣшность горя по Государѣ, по старой Россіи, ея славной арміи и нашемъ доблестномъ родномъ полку, общность дорогихъ воспоминаній и надеждъ — все это, естественно, вызывало желаніе чаще видѣться и связывало насъ съ каждымъ

днемъ все крѣпче и крѣпче. Старыя добрыя отношенія превращались весьма быстро въ настоящую, искреннюю и прочную дружбу.

Мы видались почти ежедневно и подолгу бесѣдовали — отводили, что называется, душу другъ передъ другомъ и, могу сказать, что тутъ я, дѣйствительно, позналъ его. Я понялъ, что это былъ за человѣкъ. Я убѣдился, что онъ не только оправдываетъ составленное мною о немъ ранѣе представленіе, но и обладаетъ такими качествами, о которыхъ я ранѣе и не подозрѣвалъ.

Я зналъ, что онъ отличный офицеръ, что онъ высоко честный и глубоко порядочный человѣкъ, но не зналъ многого другого, что открылъ въ Новороссійскѣ.

Прежде всего я убѣдился, что Кутеповъ человѣкъ отъ природы очень добрый.

Многіе, быть можетъ, этому не повѣрятъ, но я утверждаю, что это было именно такъ. Я имѣю для того много доказательствъ, основанныхъ на отрывкахъ воспоминаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что я не ошибаюсь.

Да, онъ могъ быть безпощаденъ, когда это было необходимо, когда онъ сознавалъ, что безъ крайнихъ мѣръ обойтись нельзя. Но принимая ихъ, онъ долженъ былъ дѣлать насиліе надъ самимъ собою во имя долга. Обладая чрезвычайной выдержкой, онъ скрывалъ подъ ледяною маскою свои внутреннія переживанія, но тѣмъ болѣзненнѣе отзывались они на его сердцѣ, тѣмъ болѣе они надрывали его силы.

Немало страдалъ онъ отъ обнаружившейся столь широко послѣ революціи человѣческой подлости и немало жаловался онъ на проявляемую на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы безпринципность.

Будучи самъ въ смыслѣ принциповъ своего рода монолитомъ, онъ не могъ понять, что люди, еще вчера занимавшіе видныя мѣста, носившіе чины и украшенные орденами, могли такъ рѣзко измѣниться...

Самъ онъ, какимъ былъ при производствѣ въ офицеры, когда присягалъ служить вѣрой и правдой Царю и Отечеству, такимъ и оставался до конца. Подобно древнимъ Римлянамъ онъ не зналъ компромиссовъ. Для него родина, которая въ его понятіяхъ, какъ и въ понятіяхъ большинства русскихъ людей, не отдѣлялась отъ Царя, была единственной цѣлью жизни. Слова Великаго Основателя Преображенскаго полка, сказанныя подъ Полтавой, были его жизненнымъ лозунгомъ. Никакихъ личныхъ интересовъ у него не было, какъ не было и личнаго честолюбія. Для себя онъ не искалъ ничего — жила бы и благоденствовала только Россія!

Будучи монархистомъ до глубины души и при томъ не въ европейскомъ смыслѣ этого слова, а въ традиціонно-русскомъ, онъ понималъ монархію не какъ опредѣленную форму правленія, а какъ божественный институтъ.

Царь — Императоръ Всероссійскій — былъ для него Помазанникомъ Божіимъ, власти коего повиноваться «не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ».

Исповѣдуя это, онъ въ то же время сознавалъ, что абсолютизмъ, какъ постоянный режимъ, болѣе немыслимъ, и, будучи принципіальнымъ врагомъ демократическаго парламентаризма, признавалъ, что тотъ порядокъ, какой былъ установленъ въ Россіи послѣ реформъ 1906 года, могъ бы при незначительныхъ улучшеніяхъ вполнѣ обезпечивать какъ справедливое управленіе страной, такъ и всестороннее ея процвѣтаніе и истинный культурный прогрессъ.

При всемъ этомъ родина, какъ я сказалъ, была для него превыше всего, и потому онъ готовъ былъ служить ей даже при условіяхъ, которыя были бы ему не по душѣ. Онъ часто говорилъ:

— Да, я не мыслю Россію могучей и счастливой иначе, какъ подъ скипетромъ своего законнаго Царя, но я готовъ служить Россіи при любомъ режимѣ, лишь бы во главѣ правительства стояли не прислужники интернаціонала, а люди ставящіе себѣ задачей національное возрожденіе Россіи.

— Нужно, — говорилъ онъ, — прежде всего спасти Россію, которая истекаетъ кровью и гибнетъ. Это первѣйшая и главнѣйшая задача; а когда это будетъ сдѣлано, остальное придетъ въ свое время.

Нелегко было ему въ Новороссійскѣ. Порученное ему дѣло было для него ново. Онъ сознавалъ свою некомпетентность въ дѣлахъ гражданскаго управленія и немало этимъ тяготился. Желая восполнить отсутствовавшія знанія, онъ тщательно изучалъ законы и, обладая хорошей памятью, онъ многое скоро позналъ.

Но одиѣми книгами не восполнишь недостатка школы и опыта, тѣмъ болѣе необходимыхъ при отсутствіи налаженнаго административнаго аппарата, какъ извѣстно, разрушеннаго революціей.

Главнымъ же горемъ его положенія было отсутствіе надежныхъ сотрудниковъ. Онъ ни на кого не могъ положиться и ему приходилось принимать особыя мѣры противъ возможныхъ съ ихъ стороны злоупо-

треблений. Таковы были и управляющій его канцеляріей (фамилія не помню) и начальникъ его штаба пресловутый полковникъ де Роберти.

Помню сѣтованія Александра Павловича на общую продажность, отсутствіе патріотизма и неспособность и нежеланіе примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ.

При такихъ условіяхъ его служба въ Новороссійскѣ — сплошной подвигъ. Не имѣя возможности никому довѣриться, онъ хочетъ сдѣлать все самъ... Онъ подтягиваетъ распущенное офицерство, борется съ произволомъ всевозможныхъ новоявленныхъ начальниковъ, преслѣдуетъ злоупотребленія и безпощадно предаетъ грабителей и насильниковъ, кто бы они ни были, полевому суду и, какъ теперь помню, приходитъ въ негодованіе отъ мягкости Екатеринодарскаго начальства, не желающаго утверждать приговоровъ.

— Неужели, — говоритъ онъ съ горечью, — не понимаютъ, что не карая по всей строгости виновныхъ, тѣмъ самымъ поощряютъ распущенность и преступленія?

Минутами онъ бывалъ близокъ къ отчаянію. Этотъ суровый желѣзный человѣкъ, иной разъ, недалекъ былъ отъ слезъ, сознавая трагизмъ положенія.

Вспоминая первыхъ добровольцевъ, онъ говорилъ мнѣ:

— Если бы ты видѣлъ, что это были за люди! Прямо, можно сказать, святые. Съ такими людьми все можно было сдѣлать! — и онъ разсказывалъ эпизоды изъ эпохи начала бѣлой борьбы, ярко характеризующіе высокій нравственный обликъ ея подвижниковъ.

— Увы, — говорилъ онъ, — они почти всѣ погибли, а теперь ужъ не то — съ мобилизаціей въ армію притекли всякіе элементы, и среди нихъ много никуда негодныхъ...

— Ты не можешь представить себѣ, — продолжалъ Кутеповъ, — до чего люди опаскудились, ты не повѣришь, если я скажу тебѣ, что сѣдые полковники стояли передо мною на колѣняхъ, умоляя простить за то, что служили въ красной арміи... А чиновники? — Все это люди 20-го числа, лишенные всякаго патріотизма и готовые служить кому угодно, лишь бы имъ больше платили...

Какимъ яркимъ пламенемъ горѣли въ эти минуты нашихъ бесѣдъ его глаза, сколько въ нихъ было негодованія и досады...

Вотъ именно во время этихъ долгихъ бесѣдъ я и постигъ его — понялъ его душу, оцѣнилъ силу его воли и измѣрилъ глубину его рыцарской честности и самоотверженія.

Съ назначеніемъ Кутепова въ январѣ 1919 года командиромъ 1-го корпуса Добровольческой арміи мы разстались.

Встрѣтились мы вновь уже въ Парижѣ. Онъ былъ все тотъ же. Ни крушеніе всѣхъ надеждъ, связанныхъ съ бѣлымъ движеніемъ, ни все пережитое во время эвакуаціи, а позднѣе въ Галлиполи и, наконецъ, въ Болгаріи — ничто не сокрушило его могучаго духа, — онъ былъ все тотъ же. И онъ былъ такимъ не только передъ тѣми, кому долженъ былъ давать примѣръ, но и передо мною, лучшимъ своимъ другомъ, котораго онъ любилъ какъ никого, и который, онъ зналъ, и его также любилъ всѣмъ сердцемъ...

Онъ былъ все тотъ же — духовно непобѣдимый, неизмѣнно бодрый и непоколебимо вѣрящій въ конечный успѣхъ.

Одно, въ чемъ я замѣтилъ перемѣну и чему порадовался, — это было то, что онъ, видимо, использовалъ житейскій опытъ и многому научился. Онъ былъ теперь уже не только храбрый, талантливый и прямолинейный генералъ, но и человѣкъ съ государственнымъ кругозоромъ.

Видно было, что онъ многое прочиталъ, многое обдумалъ и много надъ самимъ собой поработалъ.

Въ Парижѣ наша дружба еще болѣе укрѣпилась — стала еще сердечнѣе. Особенно оцѣнилъ я ее во время поразившей меня тяжкой болѣзни.

Посѣщая меня чуть ли не каждый день, онъ всегда находилъ слова утѣшенія и ободренія.

Разъ, когда я благодарилъ его за частыя посѣщенія, онъ сказалъ мнѣ:

— На то и дружба, чтобы въ бѣдѣ поддерживать другъ друга чѣмъ, кто можетъ; моя же дружба къ тебѣ особенная: я всегда помню, какъ ты меня обласкалъ, когда я прибылъ въ полкъ. Я, конечно, не показывалъ тогда своихъ переживаній, но мнѣ было очень не по себѣ первое время, и потому твое отношеніе ко мнѣ тогда я никогда не забуду.

Я привожу эти слова, какъ я ихъ запомнилъ, чтобы лишній разъ засвидѣтельствовать сказанное мною выше о высотѣ его духа и благородствѣ характера.

Въ Парижѣ Кутепова ожидала совершенно особая дѣятельность, стоявшая по своему характеру на противоположномъ полюсѣ его преж-

ней боевой жизни. Осторожность и дипломатичность выдвигались теперь на первый планъ.

Я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ онъ справился бы со стоявшей передъ нимъ задачей, ибо подобно многимъ русскимъ людямъ въ разныя времена нашей исторіи стяжавшимъ себѣ извѣстность и, несмотря на отсутствіе широкаго образованія, съ честью послужившихъ возвеличенію Россіи. Кутеповъ также со своимъ природнымъ здравымъ смысломъ и чисто русской смекалкой правильно разбирался въ труднѣйшихъ вопросахъ, и не случись несчастья 26 января 1930 года, онъ вписалъ бы въ исторію Россіи свое имя несравненно еще болѣе яркими дѣлами, чѣмъ тѣми, которыми онъ себя прославилъ, и за которыя всѣ истинные патріоты нынѣ передъ нимъ благоговѣйно преклоняются.

В. Сѣвчинъ.

А. П. Кутеповъ Л.-Гв. въ Преображенскомъ полку

По окончаніи Лицея весною 1912 года я подалъ прошеніе о зачисленіи меня Л.-Гв. въ Преображенскій полкъ для отбыванія воинской повинности и осенью того же года поступилъ въ 14 Е. И. Выс. (Принца Александра Петровича Ольденбургскаго) роту съ прикомандированіемъ къ Учебной Командѣ для прохожденія курса на унтеръ-офицера. Начальникомъ Команды въ то время былъ шт.-капитанъ Александръ Павловичъ Кутеповъ.

На всю жизнь мнѣ останутся памятными впечатлѣнія перваго дня въ полку. Насъ, вольноопредѣляющихся, собрали въ одномъ изъ классовъ Команды, гдѣ А. П. Кутеповъ въ сжатыхъ, отчеканенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прочувствованныхъ выраженіяхъ поздравилъ насъ съ поступленіемъ на Царскую службу и разъяснилъ намъ значеніе этого шага. Слова его о томъ, что значитъ слово «солдатъ» глубоко запали мнѣ въ душу. «Священное званіе солдата служить вѣрой и правдой своему Государю и Отечеству, быть борцомъ за Вѣру и славу, защитникомъ правды и чести, быть христіанскимъ воиномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова»,

— вотъ вкратцѣ, чѣмъ насъ привѣтствовалъ въ полку Александръ Павловичъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ, что я пробылъ въ Учебной Командѣ, я не только научился глубоко уважать своего начальника, но и искренно его полюбилъ. Всегда ровный въ обращеніи, строгій безъ малѣйшей придирчивости, внимательный и сердечно отзывчивый къ нуждамъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, онъ не могъ не производить глубочайшаго на нихъ впечатлѣнія своимъ безукоризненнымъ знаніемъ военнаго дѣла, исключительно яснымъ, интереснымъ и понятнымъ толкованіемъ теоріи и умѣніемъ лучше, чѣмъ кто-либо, учить «показомъ». Къ тому же, будучи ветераномъ Японской войны (въ 85 Выборгскомъ п.), А. П. импонировалъ намъ своимъ боевымъ опытомъ, а его примѣры изъ лично пережитого служили живыми иллюстраціями при изученіи Полевого Устава.

Наиболѣе ярко запечатлѣвалось въ умѣ его подчиненныхъ то, что А. П. могъ дѣлать все то, что онъ отъ насъ требовалъ, будь то самыя сложныя гимнастическія упражненія, или ружейные пріемы, или стрѣльба на большія дистанціи, или фехтованіе ружьями. Качество это не могло не производить огромнаго впечатлѣнія на нижнихъ чиновъ, прибывшихъ недавно изъ деревни и инстинктивно смотрѣвшихъ на офицера, какъ на «барина» и «бѣлоручку». А. П. являлъ имъ примѣръ русскаго офицера въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и этимъ объясняется настроеніе веселаго, дружнаго и товарищескаго соревнованія, которое царило въ Командѣ и дѣлало ее образцовой во всей Гвардіи какъ по внѣшней выправкѣ, такъ и по развитіи личныхъ способностей, расторопности и высокому уровню военныхъ знаній ея питомцевъ.

Когда по окончаніи Команды я подалъ прошеніе и былъ принятъ въ полкъ, А. П. очень много помогалъ мнѣ въ приготовленіи къ офицерскому экзамену, особенно съ тактическими задачами, гдѣ онъ неоднократно просматривалъ и исправлялъ мои рѣшенія. Его умѣніе изображать эти задачи въ своемъ простѣйшемъ и понятнѣйшемъ видѣ было мнѣ огромнымъ подспорьемъ не только на экзаменахъ, но и впослѣдствіи во время войны, особенно когда я командовалъ 14 Е. И. В. и 13 ротами въ 1914 и 1915 г.г.

6 августа 1913 года, въ день полкового праздника, на Высочайшемъ смотру я былъ произведенъ въ подпоручики, и одинъ изъ первыхъ, кто меня обнялъ и поздравилъ, былъ А. П. Въ его привѣтствіи было для меня что-то исключительно радостное; и гордость носить форму офицера старѣйшаго русскаго полка смѣшивалась съ чувствомъ удовлетворенія, что я, ученикъ А. П., не «провалилъ» — единственное неуставное выра-

женіе, которое онъ примѣнялъ къ проштрафившимся своимъ воспитанникамъ.

Настало лѣто 1914 года. Грозовыя тучи медленно сгущались надъ міромъ, и, наконецъ, буря разразилась. 19-го Іюля (1-го Августа) 1914 г. Россія приняла вызовъ Австро-Венгріи и Германіи.

Согласно мобилизаціи Начальникъ Учебной Команды оставался въ С.-Петербургѣ командиромъ запаснаго батальона. Но какъ ни почтенна была дѣятельность тѣхъ, кто готовилъ бойцовъ въ тылу, ясно, что всякій изъ насъ мечталъ о томъ, чтобы выступить въ походъ съ полкомъ. А. П., не допуская и мысли, чтобы онъ могъ остаться въ тылу, немедленно подалъ соотвѣтствующее ходатайство командиру полка и былъ назначенъ командиромъ 4-ой роты. Во главѣ этой роты 20-го августа 1914 года подъ дер. Владиславовъ во встрѣчномъ бою съ австрійцами А. П. рукопашнымъ боемъ опрокинулъ непріятеля и былъ тяжело раненъ.

Едва оправившись отъ ранъ, А. П. вернулся въ строй и вновь вступилъ въ командованіе 4-ой ротой, продѣлавъ во главѣ ея Ломжинскую и Холмскую операціи весной и лѣтомъ 1915 года. Во время послѣдней операціи А. П. былъ вторично тяжело раненъ.

Въ 1916 году А. П. былъ назначенъ командиромъ 2-го батальона и произведенъ въ полковники.

1916 годъ былъ годомъ воскресенія духа русской арміи. Тяжелые бои осенью 1915 года, когда истощеніе огнестрѣльныхъ припасовъ, винтовокъ и снаряженія дали возможность нѣмцамъ потѣснить нашъ фронтъ за предѣлы царства Польскаго, до Двины и за Бугъ, не могли не имѣть угнетающаго вліянія на войска. Да и войска уже были не прежнія; большая часть офицеровъ и солдатъ, обученныхъ въ мирное время, пала на поляхъ сраженія или выбыла изъ строя, и наскоро обученныя пополненія, не менѣе доблестныя по духу, чѣмъ ихъ предшественники, не обладали ни той выучкой ни той выносливостью, что бойцы 1914 года. Тѣмъ труднѣе и отвѣтственнѣе была задача начальниковъ. И въ этомъ отношеніи А. П. проявилъ свою исключительную способность сплачивать своихъ подчиненныхъ, воодушевлять ихъ единымъ духомъ и единымъ порывомъ. Это особенно сказалось въ тяжелые бои лѣта 1916 года.

Въ началѣ іюля Гвардія, переданная изъ резерва Верховнаго Главнокомандующаго въ распоряженіе ген.-адъютанта Брусилова, была выдвинута на позицію на р. Стоходъ.

Позиціи, занятыя противникомъ на западномъ берегу рѣки, были постояннаго типа и усиливались сильными тэтъ-де-понами съ открытомъ и болотистымъ характеромъ восточнаго берега. Стоходскія болота на участкѣ Гвардіи были нигдѣ не менѣе полверсты шириною, а на лѣвомъ флангѣ (на участкѣ 3-й Гв. пѣхотной дивизіи) доходили до 1 1/2 верстъ.

На долю полка 15-го іюля выпало атаковать тэтъ-де-понъ противника у дер. Раймѣсто, которую и удалось занять къ вечеру 15-го съ большими потерями изъ за совершенно открытыхъ подступовъ къ ней и невозможности окапываться въ болотѣ — цѣпи наступали по колѣно въ водѣ. Были взяты плѣнные, пулеметы и два орудія.

2-й батальонъ въ этомъ бою отличился атакой на южную окраину деревни, которую онъ удержалъ, несмотря на ожесточенныя попытки противника выбить его оттуда.

Но особенно славнымъ боемъ 2-го батальона подъ начальствомъ А. П. было взятіе лѣса у дер. Свинюхи 7-го сентября 1916 года.

Въ этотъ день полкъ находился въ корпусномъ резервѣ и былъ расположенъ за правымъ флангомъ дивизіи. Въ первой линіи находился Л.-Гв. Семеновскій и Л.-Гв. Измайловскій полки. Въ дивизіонномъ резервѣ былъ Л.-Гв. Егерскій полкъ, занимавшій позицію за Л.-Гв. Измайловскимъ полкомъ.

Послѣ сильнѣйшей артиллерійской подготовки, длившейся весь день 6-го сентября и до разсвѣта 7-го, Семеновцы и Измайловцы въ 5 часовъ утра 7-го бросились въ атаку, выбили противника изъ нѣсколькихъ рядовъ укрѣпленій и заняли: первые — «Грушевидную» высоту (сильный опорный пунктъ противника), а вторые — часть лѣса у дер. Свинюхи и окопы къ западу отъ дер. Корытница. Однако, на правомъ флангѣ Семеновцы не были поддержаны сосѣдними частями; къ тому же между ними и Измайловцами оказался довольно значительный прорывъ. Противникъ для возстановленія положенія произвелъ двѣ энергичныя контръ-атаки — одну съ Сѣвера изъ за Кухарскаго лѣса въ обходъ праваго фланга Семеновцевъ, другую съ Юга въ обходъ лѣваго фланга Измайловцевъ.

Атака на Семеновцевъ была остановлена ихъ собственными резервами и выдвиженіемъ нашихъ 1 и 3 батальоновъ уступомъ за ихъ правымъ флангомъ. На ликвидацію контръ-атаки съ Юга былъ израсходованъ цѣликомъ Л.-Гв. Егерскій полкъ, при чемъ Измайловцы и Егеря вышли на южную опушку лѣса у дер. Свинюхи. Въ это время намѣтилась третья контръ-атака нѣмцевъ на сѣверную опушку этого лѣса во флангъ и тылъ Измайловцамъ и Егерямъ.

Въ резервѣ на этомъ участкѣ оставались всего два нашихъ батальона — 2-ой и 4-ый. Послѣдній, атаковавшій въ передней линіи 3-го сентября, насчитывалъ едва 400 штыковъ. 2-му батальону былъ отданъ приказъ ликвидировать нѣмецкое наступленіе.

За всѣ годы войны мнѣ не пришлось видѣть ничего подобнаго выдвиженію 2-го батальона и его стремительной атаки, которая смела и погнала передъ собой нѣмецкія цѣпи. Какъ только его передовыя цѣпи показались на горизонтѣ, не менѣе 5-ти тяжелыхъ и большое количество легкихъ батарей непріятеля открыли по нему заградительный огонь. Цѣпи двигались, какъ бы по огнедышащей горѣ, ни разу не останавливаясь, ни разу не нарушая порядка выдвиженій подъ артиллерійскимъ огнемъ. Изъ командного поста въ бинокль было видно, какъ батальонъ «лавируетъ», уходя все время изъ подъ непріятельскаго огня—«совсѣмъ какъ на маневрахъ», какъ отзывались свидѣтели его марша. Искусному и безстрашному водительству А. П., шедшему посреди построенія со своей связью, батальонъ обязанъ тому, что онъ прошелъ разстояніе въ одну версту между исходнымъ положеніемъ и передовой линіей, не понеся сколько нибудь значительныхъ потерь.

Благодаря тому, что нѣмецкія цѣпи двигались въ прорывъ между «Грушевидной» высотой и Свинюхинскимъ лѣсомъ, разстояніе между 2-мъ батальономъ и ими быстро сокращалось, и скоро огонь противника ослабѣлъ, а затѣмъ и стихъ, когда роты 2-го батальона съ криками «ура» обрушились на флангъ нѣмцевъ. Атака была до того стремительна и для противника неожиданна, что, почти не оказывая сопротивленія, нѣмцы отхлынули назадъ, оставляя въ нашихъ рукахъ многочисленныхъ плѣнныхъ и пулеметы. Весь участокъ отъ «Грушевидной» высоты и до западной опушки Свинюхинскаго лѣса оказался въ нашихъ рукахъ.

Развивая достигнутый успѣхъ, А. П. выбилъ остатки силъ противника изъ этого лѣса и этимъ довершилъ прорывъ непріятельскаго фронта.

Распоряженіемъ командира корпуса А. П. былъ назначенъ начальникомъ всего сектора въ лѣсу съ подчиненіемъ ему всѣхъ частей въ немъ находящихся. Присоединивъ къ себѣ отдѣльныя роты Измайловцевъ и Егерей, А. П. немедленно организовалъ закрѣпленіе лѣса за нами и продолжалъ очищеніе подступовъ къ р. Бугу сильными развѣдочными партіями. Развѣдка никакихъ силъ противника не обнаружила, но захватила много плѣнныхъ изъ разбѣжавшихся нѣмецкихъ частей.

О впечатлѣніи, которое произвелъ этотъ бой на противника, можно судить по тому, что вечеромъ были взорваны мосты черезъ р. Бугъ, по-

ложены склады и взорваны запасы снарядовъ. Наша воздушная развѣдка доносила, что обозы противника спѣшно отступали на Западъ.

Къ сожалѣнію побѣда 1-ой Гв. пѣх. дивизіи, столь блестяще завершенная 2-мъ батальономъ подъ начальствомъ А. П. Кутепова, не была использована командованіемъ арміи. Нашъ 4-ый батальонъ къ вечеру 7-го былъ выдвинутъ на помощь 2-му въ Свинюхинскій лѣсъ, и этимъ окончательно были израсходованы всѣ резервы корпуса. Лишь на слѣдующій день къ вечеру подошла 10-я Сибирская дивизія и смѣнила въ лѣсу части подъ начальствомъ А. П. Только 7-го сентября было возобновлено наступленіе на этомъ участкѣ. За эти 48 часовъ противникъ успѣлъ подтянуть резервы (2 германскія дивизіи, по донесенію нашей воздушной развѣдки) и организовать оборону. За исключеніемъ занятія нами нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленій, атака 9-го не удалась. За бой 7-го сентября 1916 г. А. П. былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ. Георгіевскій крестъ онъ уже получилъ за бой 27-го Іюля 1915 г. у дер. Петриловъ (Холмская операція), въ которомъ онъ былъ тяжело раненъ, ведя своихъ людей въ контръ-атаку.

Революція 1917 года застала полкъ на позиціи въ Волынской губ. (Ковельское направленіе). Роковое разложеніе арміи сначала лишь медленно проникало изъ тыла въ боевыя части, и немало усилій пришлось потратить революціонерамъ и измѣнникамъ, чтобы поколебать стойкость, вѣрность долгу и дисциплину Преображенцевъ. Лишь въ іюнѣ, когда по распоряженію Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ полкъ были высланы четыре «революціонныя» маршевыя роты, распропагандированныя, состоящія почти исключительно изъ рабочихъ-бѣлобилетниковъ и имѣющія въ своемъ составѣ хорошо организованный аппаратъ пропаганды подъ главенствомъ большевика Чудновскаго (впослѣдствіи Военнаго Комиссара въ большевицкомъ правительствѣ), разложеніе коснулось и нашего полка.

2-го апрѣля 1917 г., послѣ того какъ командиръ полка свиты Е. В. ген.-маіоръ Дрентельнъ былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ, А. П. Кутеповъ былъ назначенъ командиромъ полка. Должность эта, о которой раньше мечтали всѣ офицеры, была далеко не легкая въ революціонной обстановкѣ. Преданность А. П. Государю и Монархіи была всѣмъ извѣстна. Къ тому же въ февральскіе дни въ Петербургѣ А. П. принималъ участіе въ уличныхъ бояхъ съ революціонерами и былъ однимъ изъ немногихъ, кто не потерялъ головы и исполнилъ свой долгъ до конца. Въ

Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ поднимался даже вопросъ о преданіи А. П. «революціонному» суду, какъ «врага народа».

Кромѣ того, вновь введенные благодаря слабости Временнаго Правительства солдатскіе ротные, батальонные и полковые комитеты, которые на бумагѣ имѣли право лишь участвовать въ обсужденіи вопросовъ хозяйственныхъ и внутренней жизни, на практикѣ вмѣшивались во все и, подстрекаемые агитаторами во главѣ съ Чудновскимъ, создавали безконечный рядъ инцидентовъ и скандаловъ и подтачивали воинскую дисциплину. Особенно тяжелый ударъ дисциплинѣ или, лучше сказать, остаткамъ ея нанесъ пріѣздъ на фронтъ А. Ф. Керенскаго, когда смотръ Военнаго Министра былъ обращенъ въ недисциплинированный и разнузданный митингъ. Мнѣ сдается, что Керенскій не отдавалъ себѣ отчета о томъ вредѣ, который дѣлали его фронтовые митинги. Власть въ его лицѣ являлась въ жалкомъ и ничтожномъ обликѣ. Красное командованіе, несмотря на всю свою революціонность, прекрасно это учло и быстро и рѣшительно прекратило безпорядочные военные митинги, которые оно считало наслѣдіемъ «буржуазной революціи», и которые недопустимы въ самой демократической арміи.

Ко всему этому надо прибавить то почти нескрываемое недовѣріе, которое проявляло Вр. Правительство къ офицерскому корпусу, не учитывая съ одной стороны несомнѣнную его патріотичность и преданность Отечеству, а съ другой то разлагающее впечатлѣніе, которое это недовѣріе производило на солдатскія массы. Появилось немало и старшихъ начальниковъ, которые или искренно или подлаживаясь къ новымъ вѣяніямъ, разрушали довѣріе солдатъ къ строевымъ офицерамъ.

Вотъ обстановка, въ которой А. П. пришлось командовать полкомъ. И несмотря на все это, его личное обояніе, его примѣръ, мужество и преданность долгу совершили чудо. Въ позорные дни Тарнопольскаго прорыва, немедленно послѣдовавшаго за трагическимъ и бутафорскимъ «наступленіемъ Керенскаго», одна Петровская бригада — полки Лейбъ-Гвардіи Преображенскій и Семеновскій и 1 Гв. арт. бригада — не уронила чести русскаго знамени.

Упорно и шагъ за шагомъ обороняя свои позиціи, бригада отходила подъ напоромъ противника, не поддержанная другими частями XI арміи, потерявшими видъ и духъ солдатскій.

Въ эти дни (іюль 1917 г.) А. П. Кутеповъ былъ особенно на высотѣ. Съ глубокой тоской въ сердцѣ, кипя гнѣвомъ на трусовъ и измѣнниковъ, губившихъ Россію, онъ являлъ всѣмъ примѣръ русскаго воина,

который смерти не страшится и въ минуту отчаянія достигаетъ высшаго предѣла напряженія своихъ душевныхъ силъ.

Въ короткой статьѣ невозможно описать все то, что мы пережили въ эти дни. Полкъ въ составѣ бригады отходилъ среди моря развращенной и грабившей свои собственные тылы солдатской толпы, бѣжавшей при малѣйшемъ признакѣ противника или даже при звукѣ отдаленнаго орудійнаго выстрѣла, убивавшей своихъ начальниковъ, выкидывавшей раненыхъ изъ санитарныхъ повозокъ и поѣздовъ, чтобы самой скорѣе удрать въ тылъ. Всѣ усилія кавалерійскихъ и нѣсколькихъ ударныхъ частей удержать ее не привели ни къ какимъ результатамъ, и какъ наша бригада, дерясь съ противникомъ каждый день въ теченіе двухъ недѣль, вышла изъ этого ада, я думаю никто сейчасъ объяснить не можетъ.

Въ эту операцію мы потеряли свыше 1.000 орудій и на два милліарда рублей военнаго матеріала. Какъ ни странно, количество взятыхъ плѣнныхъ было сравнительно не велико — слишкомъ ужъ быстро бѣжали, бросая все «освобожденные отъ ига Самодержавія» солдаты.

Дальнѣйшая исторія командованія полкомъ А. П. Кутеповымъ не представляетъ военнаго интереса. Медленно и вѣрно, несмотря на запоздалыя мѣры по возстановленію дисциплины въ войскахъ, введенныя Вр. Правительствомъ, армія теряла послѣднія остатки воинскаго духа и вида. Большевицкая революція застала полкъ на сторожевой позиціи къ Западу отъ г. Волочиска и не произвела сначала никакого впечатлѣнія. О ней знали смутно, а неурядица въ тылу уже никого не удивляла. Общее настроеніе было безнадежное. Интересно, что когда 1-го декабря 1917 года, наконецъ, пришелъ приказъ отъ большевицкаго военнаго министра черезъ Революціонный Военный Совѣтъ VIII арміи, произвести въ полку голосованіе «за или противъ» Совѣтскаго правительства, то полкъ объявилъ себя «нейтральнымъ»...

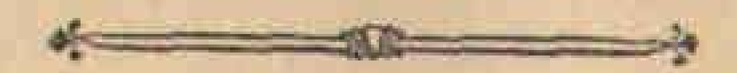
«Все одна сволочь», — коментировалъ это событіе одинъ немолодой запасный членъ полкового комитета, — «скорѣе бы пустили по домамъ». Этой фразой какъ бы суммировалась вся психологія солдатскихъ массъ...

Послѣ этого пришелъ приказъ о снятіи погонъ и отличій и о выборѣ начальниковъ. А. П., «забаллотированный» полковымъ комитетомъ, уѣхалъ на Донъ.

О послѣдующей дѣятельности А. П. Кутепова на Югѣ Россіи и въ эмиграціи я писать не буду, такъ какъ послѣ 1917 года мнѣ пришлось встрѣчаться съ нимъ лишь время отъ времени. Но до гробовой доски я буду хранить память объ Александрѣ Павловичѣ, нелицепріятномъ и

безстрашномъ рускомъ воинѣ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, рыцарѣ безъ страха и упрека и горячо любимомъ другѣ, наставникѣ и начальникѣ.

Полковникъ Малевскій-Малевичъ.

Преображенскаго полка послѣдній командиръ

Имя Кутепова стало нарицательнымъ. Оно означаетъ вѣрность долгу, спокойную рѣшительность, напряженный жертвенный порывъ, холодную, подчасъ жестокую волю и... чистыя руки — все принесенное и отданное на служеніе Родинѣ.

Болѣе того. Кутеповъ вошелъ въ исторію и вошелъ въ нее необыкновенно.

Похищенный 26-го января 1930 года въ Парижѣ среди бѣла дня агентами Совѣтскаго правительства, онъ палъ искупительной жертвой за всѣхъ праздноболтающихъ, бранный духъ свой размѣнявшихъ на бранныя слова. Необыкновененъ былъ и весь жизненный путь его, такъ трагически оборвавшійся. Необыкновененъ и простъ, какъ проста и необыкновенна жизнь солдата.

Изъ фельдфебелей Владимірскаго Военнаго Училища выйдя прямо на войну — еще Японскую — Кутеповъ сразу же обратилъ на себя вниманіе своей чрезвычайной толковостью въ боевой обстановкѣ и той заостренной волевой смѣлостью, какъ сталь непоколебимой и упругой, которая такъ поражала впослѣдствіи, въ дни Великой войны, насъ, его младшихъ офицеровъ. Къ концу войны онъ за боевыя отличія уже произведенъ въ поручики. Въ «производствѣ» его представленіе къ Георгіевскому кресту...

На обратномъ пути въ Россію Кутеповъ впервые сталкивается съ революціей. Не то въ Читѣ, не то въ Иркутскѣ объявлена республика — одна изъ тѣхъ, которыми въ злосчастный 1905 годъ лихорадило заболѣвшую страну. Начальство растерялось и ушло.

Кутеповъ, оставленный съ эшелономъ, сразу выявилъ себя начальникомъ во всемъ значеніи этого далеко не простого понятія. Безъ коле-

баній и сомнѣній, во главѣ горсти не совсѣмъ надежныхъ солдатъ, онъ арестовываетъ статечный комитетъ и упраздняетъ республику. Это удается Кутепову, потому что онъ хочетъ и смѣетъ.

Таковъ былъ Кутеповъ, когда, по возвращеніи съ войны, онъ былъ принятъ въ Преображенскій полкъ.

I.

«Нашъ полкъ — завѣтное, чарующее слово
Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю,
Другимъ оно старо, для насъ все также ново
И знаменуетъ намъ и братство и семью»...

Кутепова знаютъ теперь всѣ. Но многіе ли изъ этихъ всѣхъ подумали о томъ, какое значеніе для него имѣли годы его службы въ полку. Для тѣхъ, кто знаетъ, испытавъ на себѣ всю воспитательную силу полковой среды, гдѣ все подчинено вѣковымъ традиціямъ нелицепріятія и чести, гдѣ весь укладъ жизни способствуетъ развитію въ человѣкѣ чувства отвѣтственности и долга въ его наивысшемъ напряженіи — восторженной готовности безропотно и просто умереть за Отечество во славу родного полка, — для всѣхъ тѣхъ будетъ понятно значеніе полка въ выявленіи и раскрытіи личности Кутепова.

«Полкъ учитъ насъ терпѣть безропотно лишенія
И жертвовать собой въ пылу святого рвенія.
Все благородное — отвага, доблесть, долгъ,
Лихая удаль, честь, любовь къ Отчизнѣ славной,
Къ Великому Царю и къ Вѣрѣ Православной —
Въ единомъ словѣ томъ сливается — нашъ полкъ».

По единичнымъ и отрывочнымъ впечатлѣніямъ, по передающейся изъ устъ въ уста молвѣ нельзя ни почувствовать ни понять своеобразной личности Кутепова, его рѣдкостной нравственной устойчивости и необыкновенной способности подчинять себѣ людей, интеллектуально даже значительно выше его стоящихъ. Кутепова надо *пережить*, какъ переживаютъ событіе, значительное въ цѣломъ и яркое по своему развитію и наростанію. И это тѣмъ болѣе, что рѣдко въ комъ была такъ обманчива наружность, рѣдко о комъ высказывались столь рѣзко противорѣчащія одно другому мнѣнія, рѣдко кто возбуждалъ къ себѣ столько злобы и страха, столько довѣрія, преданности и любви...

За нѣсколько простецкой, осолдатченной внѣшностью Кутеповъ скрывалъ умъ гибкій, острый и живой, гораздо болѣе сильный, чѣмъ это казалось его случайному собесѣднику. Только умъ этотъ у Кутепова былъ ограниченъ волей, я сказалъ бы даже, намѣренно ей подчиненъ. Происходило это потому, что въ безволіи Кутепову видѣлась первопричина нравственнаго разложенія человѣка. И эту волю въ себѣ Кутеповъ развивалъ всѣми доступными средствами, нисколько не боясь упрека въ утрировкѣ. Онъ разсказывалъ самъ, что молодымъ офицеромъ заставлялъ себя вставать зимней Петербургской ночью, шелъ подъ студеный душъ, одѣвался до послѣдней пуговицы и... вновь раздѣвшись, продолжалъ прерванный сонъ.

Если подобной закалкой Кутеповъ достигъ исключительнаго развитія въ себѣ способности во всякомъ положеніи подчинять себя самому себѣ, то, конечно, не только одной этой способностью опредѣляется цѣнность его личности, а тѣмъ болѣе ея содержаніе. Воля есть величайшій двигатель въ жизни, но она можетъ быть одинаково легко какъ направляться на добро, такъ и уклоняться въ сторону зла. И это въ прямой зависимости отъ душевныхъ свойствъ и нравственнаго міровозрѣнія обладателя воли. Сильны волей были и великіе праведники и великіе злодѣи.

Кутеповъ сложился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Преображенской традиціи. Ей онъ обязанъ какъ внутреннимъ содержаніемъ, такъ и устойчивостью своего душевнаго уклада.

Обычная, нормальная обстановка не способствуетъ полному выявленію человѣкомъ всѣхъ присущихъ ему качествъ и свойствъ. Лишь подъ вліяніемъ событій и положеній чрезвычайныхъ, во время которыхъ условности и инерція повседневнаго уклада перестаютъ играть свою обезличивающую роль, лишь тогда дано личности показать полную мѣру доступнаго ей — какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Предѣльной высотой взлета или низостью паденія человѣка въ такіе моменты опредѣляется его истинная цѣнность, его духовный и нравственный масштабъ. Этимъ масштабомъ и опредѣляется сила вліянія человѣка на его окружающихъ...

Рѣзкій въ сужденіяхъ В. Н. Барановъ (Георгіевскій кавалеръ, убитъ 20 авг. 1915 г.), считавшій, что разъ онъ командуетъ Государевой ротой и носитъ на плечахъ Царскіе вензеля, то слѣдовательно онъ не имѣетъ права ложиться при перебѣжкахъ...

Всегда элегантный и спокойный графъ К. Н. Литке (Георгіевскій кавалеръ, убитъ 31 авг. 1915 г.), своимъ слегка заикающимся голосомъ любившій повторить — прежде всего, гаспада, du bon sens, encore du bon sens et toujours du bon sens — и снобировавшій смерть даже тогда, когда она за нимъ пришла...

А. А. Чернявскій (смертельно раненъ 20 авг. 1914 г.), въ предсмертномъ бреду напѣвавшій слова полкового марша...

Глубокой военной эрудиціи герцогъ Н. В. Лейхтенбергскій (Георгіевскій кавалеръ, скончался въ эмиграціи), верхомъ поведшій въ контръ-атаку свой 12 стр. Туркестанскій полкъ...

Хозяйственный и хлопотливый Н. Н. Квашнинъ-Самаринъ (кавалеръ Георгіевскаго оружія, скончался въ эмиграціи), типъ Московскаго сырого боярина, приказывавшій во время наступленія вести себя подъ руки, чтобы, Боже сохрани, не оступиться и не отстать — онъ былъ слабоватъ ногами...

Мрачной храбрости всегда съ острымъ словомъ Юрій Холодовскій (Георгіевскій кавалеръ, убитъ 7 сент. 1916 г.), сутуловатый и штатскій на видъ — вотъ та среда, въ которую вошелъ Кутеповъ, вотъ тѣ, съ кѣмъ онъ несъ службу въ полку...

II.

Въ полку Кутеповъ выдвинулся сразу. И выдвинулся несмотря на чрезвычайное богатство полка яркими, самобытными характерами и во всѣхъ отношеніяхъ выдающимися офицерами. Его исключительное знаніе службы въ средѣ, гордившейся съ ревнивымъ самолюбіемъ этимъ знаніемъ службы, и гдѣ тѣмъ не менѣе авторитетъ Кутепова въ этой области вскорѣ установился непререкаемо; его щепетильная строгость къ самому себѣ и заботливость о солдатѣ; его воспріимчивость ко всему тому, чѣмъ полкъ дорожилъ, какъ традиціей, и то скромное достоинство, съ которымъ Кутеповъ умѣлъ себя держать — все это вмѣстѣ взятое окружило его съ первыхъ же дней его вхожденія въ полковую семью глубокимъ уваженіемъ.

— Правильный человѣкъ, — часто приходилось мнѣ, будучи еще вольноопредѣляющимся, слышать о Кутеповѣ мнѣніе солдатъ, побаивавшихся его безпощадной требовательности по службѣ, но цѣнившихъ его заботу о солдатахъ и его совершенно безстрастную справедливость.

Въ полку увѣряли, что провинившійся, не дожидаясь разбора дѣла, самъ шелъ подъ ружье, безошибочно угадывая, на сколько часовъ онъ будетъ поставленъ Кутеповымъ за свой поступокъ.

Мелкій, но характерный фактъ...

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего прибытія въ полкъ, я, въ качествѣ коннаго развѣдчика, дежурилъ при штабѣ. Утромъ рано солдатская почта принесла извѣстіе, что по излѣченіи отъ ранъ возвратился капитанъ Кутеповъ. Вскорѣ появился и онъ самъ. Я вытянулся и взялъ подъ козырекъ съ тѣмъ рвеніемъ, на какое только способенъ человѣкъ, все военное образованіе котораго заключается въ добромъ желаніи и въ томъ, что онъ за два года передъ тѣмъ окончилъ Университетъ по Юридическому факультету. Кутеповъ съ улыбкой осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и поправилъ мнѣ пальцы.

— Здравствуй, молодчинище...

Я почему-то почувствовалъ, что я, дѣйствительно, молодецъ.

— Здравье желаю, Ваше Высокоблагородь... — Въ этотъ моментъ я отъ души желалъ здравія Кутепову.

— Хорошо отвѣчаешь... — удовлетворенно и точно съ удивленіемъ сказалъ Кутеповъ и погладилъ бороду.

Я опять почему-то почувствовалъ, что, дѣйствительно, хорошо отвѣчаю.

— Студентъ?

— Такъ точно, Ваше Высокоблагородь, студентъ.

— Охотникъ?

— Такъ точно, Ваше Высокоблагородь, охотникъ.

Кутеповъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Это хорошо, — наконецъ, сказалъ онъ. — Но помни — сейчасъ въ тебѣ не студентъ нуженъ, а охотникъ. Съумѣй умереть, если надо. И умри Преображенцемъ. За Россію умрешь...

Въ дѣйствующемъ полку это былъ мой первый разговоръ съ Кутеповымъ.

Служебная отчетливость Кутепова, отмѣченная его переводомъ въ учебную команду, породила рядъ легендъ. Одна изъ нихъ, основанная на истинномъ происшествіи, нашла себѣ впослѣдствіи даже нѣкоторое письменное выраженіе.

Въ 1916 году покойнымъ нынѣ Вячеславомъ Вуичемъ и мною отъ окопной скуки сталъ издаваться рукописный журналъ на дружескія злобы дня. Въ этомъ журналѣ появился слѣдующій въ подражаніе Кузьмы Пруткова разсказъ, посвященный Кутепову:

«Военачальникова находчивость.

Военачальникъ нѣкій, отмѣнной храбростью и находчивостью въ дѣлахъ противу непріятеля неоднократно отличавшійся, таковыя свои качества и въ обстановкѣ штильштанда не преминулъ проявить.

На ассамблеѣ находясь, дѣвицу нѣкую нрава привѣтливаго, Феодорой Ивановной именуемую, на вальцъ пригласивши, оной дѣвицѣ столь великое круженіе головы учинилъ, что не въ силахъ будучи на ногахъ сдержаться, дѣвица сія вовсе къ нему припала и отдыха для къ креслу подвести себя попросила.

Таковой слабостью однако не смущенный военачальникъ строго приказалъ — выше голову, тверже ногу — каковыми словами дѣвицу подбодривши, конфуза и нареканій счастливо избѣжалъ».

Шутка остается шуткой, но нельзя забывать, что Кутеповской отчетливости, требовательности и знанію устава полкъ въ значительной степени обязанъ тѣмъ несравненнымъ унтеръ-офицерскимъ кадромъ, который, составивъ костякъ полка, способствовалъ его славѣ во время войны и замедлилъ его разложеніе въ дни общаго развала.

Отношеніе солдатъ къ Кутепову выявилось въ полной мѣрѣ въ тѣ дни, когда были парализованы въ странѣ всѣ сдерживающія начала. На мѣсто благороднѣйшаго А. А. Дрентельна, уволеннаго Гучковымъ за его близость къ Государю, былъ къ общей нашей радости назначенъ командиромъ полка А. П. Кутеповъ. И хотя всего лишь за нѣсколько недѣль передъ этимъ онъ, въ бытность въ отпуску въ Петербургѣ, во главѣ небольшого отряда оказалъ вооруженное сопротивленіе взбунтовавшейся черни, назначеніе Кутепова было принято революціонной солдатской массой не только спокойно, но и съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ.

Помню, какъ однажды въ полковомъ комитетѣ, гдѣ мы — нѣсколько искупительныхъ жертвъ — представляли офицерскій составъ, былъ не-

ожиданно и въ чрезвычайно рѣзкой формѣ поставленъ вопросъ однимъ изъ прибывшихъ на пополненіе полка «маршевиковъ»: что, молъ, дѣлалъ полковникъ Кутеповъ 27 и 28 февраля въ Петербургѣ и не стрѣлялъ ли онъ тамъ въ народъ?

Мы требовали снятія этого вопроса съ обсужденія, угрожая въ противномъ случаѣ выйти изъ комитета и заявивъ о полной солидарности всего офицерскаго состава полка съ его командиромъ. Мы не создавали себѣ иллюзій относительно своего вліянія, выраженіе «золотопогонники» уже входило въ обиходъ. Но вопросъ былъ все-таки съ очереди снятъ и снятъ, благодаря рѣшительному вмѣшательству писаря б. Государевой роты, которой одно время командовалъ Кутеповъ, Ивана Богового, въ прошломъ народнаго учителя и чрезвычайно революціонно настроеннаго партійнаго эс-эра.

— Такіе люди, какъ полковникъ Кутеповъ, — говорилъ Боговой, — намъ нужны. Онъ не нашъ, но онъ честный и правильный человѣкъ. Ему нельзя ставить въ вину, что онъ поступалъ по своей совѣсти. Съ нимъ не пропадешь. Старые солдаты его знаютъ...

Старые солдаты, дружно поддержавъ Богового, дѣйствительно, показали, что они знаютъ Кутепова.

Помню и другую картину.

Былъ конецъ іюня. Полкъ шелъ вдоль фронта куда-то на Югъ, гдѣ Керенскій долженъ былъ уговаривать Гвардейскій Корпусъ, въ которомъ начиналъ играть все большую роль Дзевалтовскій, поддержать начавшееся наступленіе. Я былъ посланъ впередъ полковымъ квартирьеромъ. Закончивъ разбивку квартиръ, я легъ подъ дерево въ тѣни. Не спалось. Жуткое чувство безысходности сдавливало грудь. «Теченіе болѣзни правильное — неизбѣжна смерть»... — упрямо повторялъ полковникъ Веденяпинъ. Вдругъ раздался топотъ, и на карьерѣ съ крикомъ — полкъ сегодня не придетъ, въ полку дивизіонный митингъ! — пронесся какой-то всадникъ.

Очень встревоженный я вернулся въ штабъ полка, отдѣленный болотистой долиной отъ лѣса, гдѣ стоялъ полкъ, и откуда доносились какіе-то крики. Кутеповъ сидѣлъ, прислонившись къ дереву, и молча съ грустнымъ спокойствіемъ глядѣлъ впередъ. Съ нимъ рядомъ былъ полковой адъютантъ капитанъ Малевскій-Малевичъ. Ординарцы держали лошадей.

— Поѣдемъ, посмотримъ, — сказалъ Кутеповъ и, устало пожавъ плечами, сѣлъ на коня. Мы зарысили слѣдомъ.

Въ лѣсу кромѣ Преображенцевъ были Егеря и довольно много отдѣльныхъ чиновъ 2-ой дивизіи. Насъ съ угрозой окружили искаженныя

непонятной злобой лица.. Толпа щетинилась штыками. — «На штыки Кутепова»... сперва отдѣльными голосами, а потомъ все множившимися, неистовствовала толпа, взвинчивая и возбуждая себя своими же криками. За одно доставалось и намъ офицерамъ... Было видно, какъ на полянѣ сбились офицеры небольшими группами... Кутеповъ вдругъ точно выросъ. Холодной рѣшимостью засвѣтился его взглядъ и, покрывая голосомъ крики толпы, онъ позвалъ:

— Преображенцы ко мнѣ!.. Преображенцы, вы ли выдадите своего командира?

Наважденіе спало. Мы въ одинъ мигъ были окружены своими людьми. Полкъ сомкнулся вокругъ своего командира...

III.

Кутеповъ, выступивъ на войну, для него уже вторую, съ репутаціей блестящаго строевика, точно окунулся въ родную стихію и сразу завоевалъ себѣ репутацію боевого офицера, уже выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ, выдающагося даже среди тѣхъ, кто почитаться таковыми могли сами. Мы, младшіе офицеры, вѣрили Кутепову слѣпо. Молодость, хотя и склонна къ зубоскальству, поддается, какъ никто, обоянію отваги. Храбрый офицеръ въ сущности тавтологія. Кто не храбръ, тотъ не можетъ, не въ правѣ быть офицеромъ. Храбростью проявляется благородная сторона человѣческой натуры. Въ храбрости и подвигѣ побѣда духа надъ тлѣніемъ... Рыцарство не даромъ обозначало во всѣ вѣка тотъ идеалъ, къ которому мужчина долженъ стремиться.

Кутеповъ былъ храбръ той волевой храбростью, которая сознательно преодолѣвъ страхъ смерти уже не имѣетъ далѣе кромѣ велѣній разума задерживающихъ рубежей. Мы, стараясь изо всѣхъ силъ быть храбрыми, все-таки сознавали, что Кутеповъ храбрѣе насъ. Этимъ объяснялось то вліяніе, которое онъ, какъ начальникъ, имѣлъ надъ нами въ бою.

27-го іюля 1915 года, подъ Петриловымъ, въ періодъ отступленія отъ Холма, Кутеповъ, командуя 4-ой ротой, по собственной иниціативѣ, перешелъ изъ резерва въ контръ-атаку, увидя, что нѣмцы, прорвавши фронтъ, начинаютъ угрожающе развивать достигнутый успѣхъ. Эта контръ-атака, цѣною потери двухъ третей личнаго состава роты и тяжелаго раненія самого Кутепова, остановила на нѣсколько часовъ наступленіе цѣлой Баварской дивизіи. О Кутеповѣ заговорили въ Арміи...

Прошелъ годъ. Бои на Стоходѣ вели Гвардейскій Корпусъ въ уже захлебывавшееся въ крови наступленіе Брусилова. Полкъ перебросили на участокъ фронта Свинюхи — Корытница, нарочно не придумаешь второго такого сочетанія въ названіи деревень...

3-го сентября наступленіе наше не удалось. 7-го оно должно было быть повторено.

На нашемъ участкѣ атаковали Измайловцы, имѣя насъ въ резервѣ. Первые два батальона Измайловцевъ, выйдя изъ окоповъ, наткнулись на неразбитую проволоку и, несмотря на проявленную доблесть, залегли. Командиръ Измайловскаго полка генер. Шиллингъ возобновилъ артиллерійскую подготовку и самъ во главѣ двухъ оставшихся батальоновъ атаковалъ вторично. Бой достигъ критическаго напряженія...

Въ затылокъ Измайловцамъ стоялъ нашъ 2-ой батальонъ, которымъ командовалъ Кутеповъ съ приданными ему отъ 1-го батальона 3-ьей и 4-ой ротами. Кутеповъ почувствовалъ приближеніе рѣшающаго момента и, поднявъ роты изъ окоповъ, гдѣ путаница ходовъ сообщенія лишала возможности управлять ими въ движеніи, повелъ батальонъ правильными цѣпями, подравнивая ихъ на ходу. Сперва повелъ батальонъ уступомъ за правымъ флангомъ Измайловцевъ, а затѣмъ нацѣлилъ правѣе на лѣсъ въ образовавшійся между наступающими частями прорывъ.

Величіе этого зрѣлища я никогда не забуду. Въ немъ была жуткая, чисто эпическая простота.

По пологому скату къ окутанному дымомъ отъ разрывовъ лѣсу Преображенскія цѣпи шли, какъ на ученіи, безъ выстрѣла, въ суровомъ молчаніи, безъ перебѣжекъ и не ложась, лишь затягивая и смыкая образовавшіяся въ нихъ отъ огня прорывы. Захлебываясь, визгливо трещали пулеметы... То тутъ, то тамъ, точно отплевываясь отъ ударовъ снарядовъ, подымались надъ землей бурочерные столбы дыма, расплывавшіеся въ воздухѣ, какъ масло на бумагѣ... Комьями ваты висѣли въ воздухѣ шрапнели...

Люди падали, а цѣпи шли. Шли упорной, тяжелой поступью. За второй волной съ группой связи былъ виденъ Кутеповъ. Разрывъ... Все исчезло въ дыму. Но разсѣялся дымъ, и... попрежнему золотятся на солнцѣ погоны Кутепова. Наступающія цѣпи въ смертоносномъ ритмѣ продвигаются все дальше и дальше.

Уже погасъ артиллерійскій огонь. Все рѣже визгливый переливъ пулемета. Крики «ура»... Кутеповъ входитъ въ лѣсъ.

Свинюхскій лѣсъ называли потомъ Кутеповскимъ лѣсомъ...

Кутеповъ командуетъ полкомъ. Іюньское наступленіе 1917 года *обрывается катастрофой, воочію доказавъ, что революція лишила насъ* побѣды. Офицеры шли въ бой, какъ на самоубійство — безъ надежды, съ опустошенной душой. И умирали. Умирали съ ожесточеніемъ и въ отчаяніи за родину, предавшую самую себя за «землю и волю». Въ какомъ-то дикомъ изступленіи митинговали всѣ, митинговали по всякому поводу, всѣ... кромѣ офицеровъ. Офицерство, стиснувъ зубы, молчало...

5-го іюля мы стояли въ дер. Глина Подольской губ. Ночью я былъ разбуженъ отдаленнымъ, но очень интенсивнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Я разбудилъ своего сожителя полковника З. Подумали. Рѣшили, что конецъ. Заснули снова.

Утромъ поползли тревожныя вѣсти. Въ обѣдъ насъ вызвали въ штабъ полка и сообщили о наступленіи нѣмцевъ и прорывѣ у Златой Гуры. Кутеповъ приказалъ все подготовить незамѣтно къ срочному выступленію. Въ 5 час. полкъ по тревогѣ былъ построенъ при однихъ подсумкахъ, безъ ранцевъ. Кутеповъ вышелъ и сказалъ рѣчь.

Говорилъ онъ коротко, нескладными, рублеными фразами. Говорилъ о родинѣ, о необходимости побѣды. Закончилъ онъ такъ:

— Съ вами говоритъ вашъ старый командиръ для того, чтобы вы не могли потомъ сказать, что онъ не предупредилъ васъ въ грозную минуту. Россія въ опасности. Все простить можно. Нельзя простить предательства. Преображенцы предателями не были. Пусть шкурники остаются — они не нужны. Полкъ сейчасъ выступитъ и пойдетъ со мной. Въ ружье!

Мы шли всю ночь подъ шквалами проливного дождя. Съ разсвѣтомъ 7-го расположились въ дер. Мшаны въ армейскомъ резервѣ, ибо противникъ предполагался далеко.

Солнце еще не взошло, какъ уже надъ площадью передъ церковью разорвалась очередь. Цѣпи противника были въ верстѣ отъ Мшанъ.

Двумя короткими направленными Кутеповымъ контръ-атаками нѣмцы были опрокинуты и, жестоко потрепанные, отхлынули назадъ. Кутеповъ рѣшилъ использовать успѣхъ. Резервы начали выходить и *разсыпаться, когда наблюденіе съ колокольни показало, что нѣмцы обтекаютъ* насъ со всѣхъ сторонъ и почти что зашли въ тылъ. Развивать успѣхъ уже не приходилось, надо было думать о томъ, какъ избѣжать катастрофы.

Яркій талантъ Кутепова и его интуитивная находчивость сразу проявились во всей своей силѣ. Маневръ, задуманный Кутеповымъ былъ

геніально простъ, но для успѣха требовалъ отъ обреченной части, даже при нормальныхъ условіяхъ, чрезвычайной устойчивости. Выведя оставшійся въ резервѣ 1-ый батальонъ черезъ лощину за деревню, Кутеповъ приказалъ ему, разсыпавшись по волнистому гребню, *во чтобы то ни стало* держаться до тѣхъ поръ, пока остальныя части полка, ведшія бой, не оттянутся, послѣ чего, пропустивъ ихъ черезъ себя, прикрывать ихъ отходъ, удерживая фронтальное наступленіе противника. Затѣмъ въ свою очередь начать отходъ перекатами отъ рубежа къ рубежу... Тяжесть боя, такимъ образомъ, постепенно переносилась на 1-ый батальонъ, благополучный выходъ котораго изъ боя становился въ исключительную зависимость отъ устойчивости и выдержки его состава. На своихъ офицеровъ Кутеповъ, конечно, расчитывать могъ. Но оставались ли солдаты Преображенцами?

Съ нашего гребня, который мы заняли, несмотря на сильный огонь, почти безъ потерь, было видно, какъ роты постепенно стягивались къ деревнѣ. Нѣмцы насѣдали настойчиво и упорно, послѣдовательно занимая только что оставленные нами рубежи.

Палящее солнце, жажда и усталость отъ предыдущей безсонной ночи давали себя знать. Духъ слабѣлъ. Въ это время мнѣ по цѣпи передали — «командиръ полка» — и все подбодрилось. Подъ ружейнымъ огнемъ Кутеповъ, какъ всегда внѣшне спокойный, шелъ вдоль цѣпи съ адъютантомъ полка полковникомъ Малевскимъ-Малевичемъ и группой офицеровъ штаба. Шелъ, подбадривая людей... Положеніе было спасено. Я вложилъ револьверъ въ кобуру. Въ этотъ моментъ снарядъ разорвался почти у самыхъ ногъ Кутепова и разбросалъ всю шедшую группу. Моментъ былъ ужасенъ. Онъ и стоилъ жизни доблестному С. Н. Мещеринову. Но съ какимъ вздохомъ облегченія мы увидѣли, что Кутеповъ на ногахъ...

Кутеповъ остался съ нами и оставался до конца.

Въ сводкѣ Ставки было сказано:

«...На всемъ фронтѣ, только въ раіонѣ Тарнополя, полки Преображенскій и Семеновскій исполняютъ свой долгъ».

За операцію подъ Мшанами полковникъ Кутеповъ былъ представленъ къ Георгіевскому кресту 3-ьей степени, получить который ему помѣшалъ лишь окончательный развалъ фронта.

Война умирала. Фронтъ агонизировалъ. 21-го ноября въ штабѣ полка мы прощались со знаменемъ, которое было подъ чехломъ тайно спорото съ древка и увозилось — мы то знали куда...

У окна, барабаня по стеклу пальцами, стоялъ Кутеповъ, и слеза за слезой скатывались у него по бородѣ. Малевскій-Малевичъ и Ванисовичъ рыдали на походной койкѣ мужскими, сухими, душу разъѣдающими слезами. Спрятавъ голову въ руки сидѣлъ молча офицеръ, назначенный отвозить знамя. Нѣсколько офицеровъ — одновременно всѣ мы не могли собраться, чтобы не возбудить подозрѣнія — со злобнымъ отчаяніемъ стояли по угламъ. Триполитовъ подошелъ ко мнѣ и обнялъ меня. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Голосъ Кутепова насъ вывелъ изъ оцѣпенѣнія. Кутеповъ далъ каждому изъ насъ по частицѣ знамени. Мы ее свято хранимъ на сердцѣ...

«О знамя ветхое, краса полка родного,
Ты славой бранною вѣнчаешься въ бою.
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Всѣ блага позабыть — и жизнь отдать свою»...

2-го декабря 1917 года полкъ пересталъ существовать, расформированный приказомъ своего послѣдняго командира. Демобилизація офицеровъ, начавшаяся подъ руководствомъ Кутепова еще въ ноябрѣ, когда выяснилось, что мы на фронтѣ больше не нужны Россіи, пошла ускореннымъ порядкомъ. Къ чести солдатъ надо сказать, что нашей демобилизаціи они не препятствовали. Признанный полковымъ комитетомъ «стратегомъ стараго режима» Кутеповъ свободно выѣхалъ изъ полка въ Кіевъ и далѣе на Донъ.

Черезъ крестный подвигъ Ледяного похода послѣдній командиръ Преображенскаго полка вышелъ на мученическій путь русскаго патріотизма. Путь этотъ у Кутепова былъ до конца освященъ любовью къ Родинѣ и безкорыстной преданностью долгу. Сквозь тлѣнъ и развратъ междуусобной смуты онъ пронесъ незатушеннымъ священное пламя самоотверженія и чести, пламя, завѣщанное Русской Арміи ея созидателемъ Императоромъ Петромъ. Кутеповъ не только пронесъ это пламя, но и разжигалъ его въ сердцахъ тѣхъ, кто до конца остался вѣренъ Родинѣ, кто въ смертельной схваткѣ боролся съ растлителями народной души.

Въ Добровольческой арміи Преображенскій маршъ замѣнилъ гимнъ, а послѣдній командиръ Преображенскаго полка воплотилъ въ себѣ духъ тѣхъ, кого Отецъ Отечества почтилъ послѣ Полтавы названіемъ Отечества сыновъ.

Вл. Дейтрихъ.

26.1.1934 г.
Афины.

Кутеповъ

Дорогой незабвенный однополчанинъ, яркій образецъ настоящаго строгаго русскаго строевого офицера, отъ самаго начала войны и до конца стоящаго въ первѣйшихъ рядахъ защитниковъ Государства Россійскаго. Одинъ изъ многихъ тысячъ строевыхъ офицеровъ, такихъ же доблестныхъ рыцарей, честныхъ, вѣрныхъ служакъ Царю и Родинѣ, и сколько которыхъ незамѣтно животъ свой положило на поляхъ брани Великой войны.

Въ генералѣ Кутеповѣ особенно ярко выразилась вся доблесть русскаго офицера, такъ какъ привелъ ему Господь служить Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскомъ полку, первѣйшемъ полку Россійской Гвардіи и Арміи, гдѣ подъ сѣнью сѣдыхъ боевыхъ знаменъ уже два съ половиной вѣка особенно сильно хранятся и передаются въ поколѣнія священные завѣты, традиціи и доблесть, а также сознаніе мощи и величіе Императорскаго Государства Россійскаго.

Въ 1914 году, попавъ въ полкъ, мы — молодые подпоручики — съ волненіемъ являлись командиру 4-ой роты штабсъ-капитану Кутепову по случаю производства въ офицеры полка. О немъ шла молва, что это самый строгій и «отчетливый» офицеръ, и невольно каждый изъ насъ подтягивался, отправляясь съ визитомъ.

Въ 1915 году, въ бояхъ подъ Ломжей, одновременно командуя одной и той же боевой единицей (я временно командовалъ 5-ой ротой 2-го батальона, а штабсъ-капитанъ Кутеповъ — лѣвофланговой 1-го батальона), мы часто встрѣчались и бесѣдовали. Спокойно было имѣть на сосѣднемъ боевомъ участкѣ такого надежнаго товарища!

Темой нашихъ разговоровъ являлся назрѣвшій въ тѣ дни Пасхальныхъ праздниковъ 1915 года, интересный и сложный вопросъ о возможномъ вредѣ, именно для насъ русскихъ, неузаконеннаго нарушенія «состоянія войны» съ противникомъ, когда солдаты наши, по дѣтски довѣрчивые, имѣли случай видѣть въ нѣмцахъ не врага Родины, а обыкновеннаго человѣка.

Мы усматривали въ этомъ со стороны нѣмцевъ продолженіе той же войны, но только на другомъ полѣ — полѣ психологическаго разложенія бойца. Въ каждомъ къ нашимъ окопамъ приближающемся нѣмцѣ мы усматривали кромѣ того развѣдчика съ облегченнымъ путемъ въ развѣдкѣ, ловко жонглирующаго довѣрчивыми русскими душами нашихъ солдатъ, чтобы возможно лучше обслѣдовать наши позиціи и потомъ въ бою, если понадобится, снять наши пикеты. Поэтому нами въ корнѣ пресѣкались подобныя начинанія.

Всѣ наши мысли подтвердились потомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ нѣмцевъ, ставившихъ на деморализацію врага очень большую ставку...

Помню Кутепова въ бою подъ Петриловымъ (1915 г.), когда онъ раненый, при ужасающемъ ураганномъ огнѣ противника, заставляетъ не выносить себя изъ боя и, лежа на носилкахъ, спокойно продолжаетъ вести командованіе. Особенно важно было это для поддержанія пошатнувшагося духа солдатъ, такъ какъ въ нашихъ сосѣднихъ окопахъ засѣлъ уже атакующій врагъ, и важно было штыками удержать его, а самимъ усидѣть въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ.

Помню Кутепова уже генераломъ, послѣ Перваго Кубанскаго похода, въ Новороссійскѣ, когда замѣтно стала свѣтить ему звѣзда.

Помню генерала и въ Парижѣ, когда мы встрѣчали «творца Галлиполи» въ родномъ кругу нашей полковой семьи, гдѣ «бойцы вспоминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они».

Теперь Кутепова нѣтъ, но духъ его призываетъ къ борьбѣ, и да будутъ слова нашего полкового марша — «Твердъ еще нашъ штыкъ трехгранный, голосъ чести не умолкъ... Такъ впередъ — впередъ нашъ славный, впередъ первый Русскій полкъ!» — призывомъ къ борьбѣ и ко всему Россійскому воинству, призывомъ къ борьбѣ и къ спасенію нашей попранной великой и дорогой Родины...

Вѣрится, что голосъ чести въ насъ еще не угасъ, и за Родину постоимъ!

Такъ вѣрилъ и дорогой Александръ Павловичъ, отдавшій все и, быть можетъ, жизнь свою на спасеніе Отечества.

В. Залюбовскій.

Май, 1933 г. Прага.

Л.-гв. Преображенскаго полка.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ

Мои встрѣчи съ генераломъ Кутеповымъ

Посвящая эти страницы памяти генерала Кутепова, я не задаюсь широкими задачами дать въ нихъ полное представленіе о крайне характерной личности Александра Павловича. Это дѣло будущаго историка, свободнаго въ своихъ выводахъ отъ вліянія пережитыхъ нами событій. Мнѣ хотѣлось бы только подѣлиться воспоминаніями о нѣкоторыхъ встрѣчахъ съ А. П. и о тѣхъ впечатлѣніяхъ о немъ, которыя создавались въ результатѣ разныхъ событій и переживаній.

Зналъ я А. П. еще съ юношескихъ лѣтъ нашей офицерской службы. Тогда встрѣчались мы рѣдко и имѣли другъ о другѣ самыя простыя представленія. Во время Японской войны бывали рядомъ, но не вмѣстѣ. Не встрѣчался я съ А. П. и въ періодъ Великой войны. За то со времени Гражданской войны наши встрѣчи до самаго похищенія А. П. агентами ГПУ чередовались съ незначительными сравнительно промежутками. Это былъ періодъ его отвѣтственной дѣятельности, въ теченіе которой онъ выявилъ свой яркій обликъ смѣлаго, рѣшительнаго и волевого начальника, неустаннаго борца за Россію и созидателя активныхъ настроеній въ нашей средѣ.

Какъ только что я упомянулъ, съ 1918 г. встрѣчъ у меня съ А. П. было много и происходили онѣ въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Трудно выдѣлить изъ нихъ наиболѣе харктерныя, такъ какъ въ каждой изъ нихъ можно было бы найти много того, что выявило бы его обликъ. Но все же отберу изъ нихъ тѣ, которыя оставили въ моей памяти живое и яркое воспоминаніе.

Впервые, въ періодъ гражданской войны, я встрѣтился съ А. П. въ апрѣлѣ 1919 г., когда дивизія, которой я командовалъ, была переброшена изъ Терской области на Царицынскій фронтъ. Тотчасъ по выгрузкѣ, на одной изъ станцій передъ Торговой, я отправился къ командующему фронтомъ нашей арміи, расположеннымъ на лѣвомъ берегу р. Маныча. Этимъ командующимъ былъ ген. Кутеповъ.

Въ деревенской избѣ одного изъ близкихъ къ Торговой селенія я нашелъ А. П. Послѣ крѣпкаго рукопожатія, послѣдовавшаго за моимъ докладомъ о прибытіи дивизіи въ его распоряженіе, А. П. немедленно подвелъ меня къ картѣ, изложилъ кратко обстановку и прочелъ мнѣ проэктъ своего боевого приказа на слѣдующій день. По этому приказу мнѣ слѣдовало уже на разсвѣтѣ перейти въ наступленіе и опрокинуть большевицкія войска, переправившіяся на лѣвый берегъ черезъ Барановскую гать. Я взмолился и сталъ убѣждать А. П. отложить наступленіе на день, такъ какъ къ слѣдующему утру не успѣетъ еще выгрузиться вся дивизія, а кромѣ того надо было дать отдыхъ лошадямъ послѣ передвиженія по желѣзной дорогѣ. Кромѣ того, я хотѣлъ лично ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ и принять внѣ боевой обстановки тѣ части, которыя мнѣ передавались на усиленіе моей дивизіи. Наконецъ, я не видѣлъ для нашего фронта опасности со стороны большевиковъ, перешедшихъ Манычъ, такъ какъ сосредоточеніе моей дивизіи непосредственно впереди и передъ обнаженнымъ ихъ флангомъ дѣлало ихъ дальнѣйшее продвиженіе крайне опаснымъ.

А. П. далъ мнѣ высказаться, а затѣмъ сказалъ, что распоряженіе о наступленіи на слѣдующій день онъ получилъ отъ Главнокомандующаго въ связи съ общей обстановкой и поэтому откладывать наступленіе не считаетъ себя въ правѣ.

Тутъ впервые я познакомился съ той улыбкой А. П., которая всегда была необычайно характерна. При суровой его внѣшности изъ выразительныхъ орбитъ выглядывали его веселые глаза со слегка насмѣшливымъ оттѣнкомъ. Спустя много лѣтъ измѣнилась его улыбка, веселость стала рѣдко появляться у него въ глазахъ, а отъ насмѣшливаго оттѣнка складки его губъ не осталось и слѣда. Но подкупающій характеръ его улыбки сохранился навсегда.

Въ четверть часа нашъ разговоръ о предстоящемъ наступленіи былъ закончeнъ. Получивъ короткіе, но совершенно ясные отвѣты на рядъ моихъ вопросовъ чисто техническаго характера, я сталъ прощаться, чтобы до темноты попасть въ районъ сосредоточенія дивизіи. А. П. поднялся меня проводить и помогъ мнѣ спускаться по ступенькамъ его хаты, такъ какъ послѣ недавняго раненія я еще передвигался съ помощью двухъ палокъ. При этомъ онъ мнѣ сказалъ самымъ простымъ и сердечнымъ тономъ, что, зная о моемъ серьезномъ раненіи, онъ не ожидалъ, что я самъ приведу дивизію.

— Теперь, — добавилъ А. П., — я совершенно спокоенъ за успѣхъ завтрашней атаки.

Хотя мы съ А. П. были однихъ лѣтъ, но онъ былъ произведенъ въ офицеры на нѣсколько лѣтъ позже меня. Ставъ теперь моимъ начальникомъ, онъ на прощанiи сказалъ мнѣ нѣсколько «прiятныхъ» словъ по поводу моего старшинства. Я ихъ принялъ съ большимъ удовлетворенiемъ и обѣщалъ ему выполнить поставленную мнѣ боевую задачу со всѣмъ напряженiемъ.

Я уѣхалъ отдавать распоряженiя къ предстоящему на слѣдующiй день наступленiю, которое закончилось лихими атаками моихъ частей и полнымъ пораженiемъ противника.

Моя первая встрѣча съ ген. Кутеповымъ сразу установила между нами извѣстную близость и добрыя отношенiя.

Въ моей предыдущей службѣ мнѣ приходилось встрѣчаться со многими начальниками, среди нихъ были выдающiеся, среди нихъ уже былъ и Врангель. Первое мое знакомство съ ген. Кутеповымъ, почти на полѣ боя, дало мнѣ о немъ ясное представленiе, какъ о боевомъ начальникѣ, могущимъ не только приказать, но и умѣющимъ сразу уловить для каждаго своего подчиненнаго тотъ путь, которымъ онъ можетъ добиться полнаго напряженiя силъ для выполненiя отданнаго приказа. Въ моемъ представленiи А. П. — одинъ изъ тѣхъ выдающихся начальниковъ, подчиненiе которымъ всегда является исключительно цѣннымъ.

Впослѣдствiи съ А. П. у меня было много встрѣчъ, особенно за Крымскiй перiодъ, когда наши личныя отношенiя сильно укрѣпились.

Хорошо помню А. П. при эвакуацiи, во время его кратковременныхъ прiѣздовъ въ Константинополь, а затѣмъ по встрѣчамъ въ Болгарiи, Сербiи и Парижѣ.

Со времени оставленiя Галлиполи А. П. не находилъ достаточнаго удовлетворенiя только въ руководствѣ своимъ корпусомъ, особенно со времени перехода его на трудовое положенiе. Онъ все время мечталъ приложить свои силы къ активной дѣятельности противъ большевиковъ.

Наконецъ, эта возможность ему представилась. Съ принятiемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ верховнаго возглавленiя нами онъ поручилъ А. П. руководство работой въ Россiи.

Если я останавливаюсь на этомъ обстоятельствѣ, то потому что хорошо помню одну съ нимъ совершенно случайную встрѣчу въ Парижѣ.

Это было въ 1914 году, когда А. П. во второй разъ прiѣхалъ изъ Сербiи въ Парижъ. Прибылъ онъ по желанiю Великаго Князя.

Какъ-то вечеромъ, я зашелъ въ кафэ около Комеди Франсэзъ и увидѣлъ за столикомъ А. П. Передъ нимъ стояла нетронутая чашка кофе, а онъ сидѣлъ, наклонившись надъ ней и уперши голову руками. Было ясно видно, что онъ глубоко задумался надъ чѣмъ-то очень важнымъ. Общій видъ его фигуры говорилъ о какомъ-то его переживаніи. Лицо А. П. имѣло грустное и сосредоточенное выраженіе.

Подойдя къ нему, я спросилъ его, что его озабочиваетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ не сразу. Онъ настолько глубоко ушелъ своими мыслями далеко въ сторону отъ окружающей его обстановки, что не сразу могъ приступить къ тому, чтобы подѣлиться ими со мною.

Оказалось, что онъ только что вернулся отъ Великаго Князя, который предложилъ ему руководить активной работой противъ большевиковъ. Такъ какъ отвѣта А. П. еще не далъ, то онъ и обдумывалъ, какое рѣшеніе онъ долженъ принять. При этомъ, онъ мнѣ сказалъ, что испытываетъ большія колебанія. Съ одной стороны, ему было грустно разставаться съ непосредственнымъ руководствомъ своими соратниками — галлиполійцами, съ другой стороны, онъ сомнѣвался въ своихъ способностяхъ успѣшно вести поручаемое ему дѣло, наконецъ, онъ не былъ увѣренъ въ достаточности тѣхъ возможностей, которыя ему будутъ предоставлены.

— Какъ будто бы все за то, — говорилъ мнѣ А. П., — чтобы не принимать предложенія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на него вліяло чувство долга, которое ему говорило о томъ, что, разъ онъ признается Великимъ Княземъ наиболѣе подходящимъ лицомъ для той трудной задачи, которая на него возлагалась, то въ правѣ ли онъ отклонить даваемое ему порученіе. Это время, какъ мы знаемъ, оказалось для него однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ часовъ его жизни, отъ которыхъ зависѣла его судьба...

Долженъ при этомъ добавить, что мнѣ казалось тогда, что А. П. не только не испытывалъ удовлетворенія по поводу сдѣланнаго ему предложенія, но что онъ былъ бы, быть можетъ, доволенъ такому стеченію обстоятельствъ, которыя отвели бы отъ него этотъ тяжелый крестъ.

Скоро нашъ разговоръ перешелъ на другіе вопросы, уже только косвенно касающіеся принятія рѣшенія о возглавленіи имъ активной работы. Онъ говорилъ о своемъ желаніи продолжать числиться командиромъ своихъ частей, разсказалъ мнѣ о нѣкоторыхъ его встрѣчахъ съ такими лицами, которыя могли бы ему помочь въ новой его дѣятельности, дѣлился нѣкоторыми своими проэктами о выполненіи той работы, которая ему, быть можетъ, предстоитъ.

Характерно то, что онъ ни разу не спросилъ меня моего совѣта относительно того, слѣдуетъ ли ему соглашаться на предложеніе Великаго Князя или нѣтъ. Видно было, что онъ самъ хотѣлъ продумать вопросъ до конца и совершенно самостоятельно принять рѣшеніе.

Въ концѣ нашего разговора А. П. оживился. Мнѣ стало ясно, что онъ чувствовалъ потребность высказаться. Въ Парижѣ тогда, вѣроятно, я былъ тѣмъ единственнымъ лицомъ, съ которымъ онъ готовъ былъ быть откровеннымъ. Думаю, что его разговоръ со мною его значительно облегчилъ.

Когда мы стали выходить изъ кафэ, то А. П. сказалъ, что несмотря на свои сомнѣнія, онъ все же рѣшаетъ принять предложеніе, руководствуясь чувствомъ долга. На его лицѣ я опять увидѣлъ его подкупающую улыбку, но съ оттѣнкомъ глубокой серьезности.

Какъ онъ не сталъ похожъ на ту нерѣшительную и сумрачную фигуру, которую часъ тому назадъ я внезапно увидѣлъ за столикомъ кафэ.

На слѣдующій день А. П. проѣхалъ къ Великому Князю и доложилъ ему о своемъ согласіи. А. П. сталъ на путь активной борьбы въ эмиграціи.

Вся его дальнѣйшая дѣятельность, даже въ періодъ принятія имъ, послѣ кончины Верховнаго Главнокомандующаго, обязанностей Великаго Князя, протекала на условіяхъ исключительнаго вниманія, которое онъ удѣлялъ активизму. Эта его дѣятельность дала совершенно опредѣленное направленіе настроеніямъ и дѣйствіямъ всѣмъ тѣмъ, кто въ эмиграціи ставилъ своей цѣлью борьбу съ красной властью въ Москвѣ. Онъ погибъ на своемъ посту въ самыхъ трагическихъ условіяхъ, которыя только могутъ произойти внѣ Совѣтской Россіи... Но онъ, создатель активизма въ эмиграціи, выполнилъ и здѣсь, внѣ нашей родины, громаднѣйшей важности задачу по направленію нашей дѣятельности въ борьбѣ съ большевиками. Если мы еще не ощущаемъ ея проявленій въ полной мѣрѣ, то не потому, что завѣщанные Кутеповымъ пути дѣйствія оставлены въ сторонѣ, а только потому, что они сопряжены съ такими необычайными трудностями, побороть которыя не подъ силу иногда самымъ рѣшительнымъ людямъ.

Перехожу теперь къ моей послѣдней встрѣчѣ съ А. П. Она была за два дня до его похищенія. Онъ недавно вернулся изъ Берлина. Я къ нему зашелъ на квартиру вечеромъ. Вспоминая эту послѣднюю встрѣчу, я поневолѣ сопоставляю ее съ той нашей встрѣчей, о которой я только что писалъ. А. П. я нашелъ въ такомъ же мрачномъ, скажу даже,

въ жуткомъ состоянiи, въ какомъ я много лѣтъ тому назадъ увидѣлъ его въ кафэ Ренесансъ... Ясно было, что результаты поѣздки въ Берлинъ его угнетали. Я почувствовалъ это съ первыхъ же его словъ. Онъ хорошо понялъ, что одинъ изъ тѣхъ путей, которымъ онъ хотѣлъ пользоваться для проникновенiя въ Россiи въ среду красной армiи, оказался, какъ онъ самъ выразился, вторымъ трестомъ. Первый трестъ, то-есть та организацiя, созданная ГПУ въ Россiи для улавливанiя нашей агентуры и для проникновенiя въ нашу развѣдку, нѣсколько лѣтъ тому назадъ причинила А. П. много затрудненiй, разрушила часть его связей съ Россiей, привела къ выступленiямъ противъ него на страницахъ одного изъ Парижскихъ русскихъ изданiй и вынудила даже просить объ освобожденiи его отъ ведущейся имъ работы. Отставка его Великимъ Княземъ не была принята. Дѣятельность свою А. П. продолжалъ вести съ полнымъ напряженiемъ, но обнаруженiе у себя на путяхъ новой провокацiонной организацiи несомнѣнно сильно повлiяло на его внутреннее состоянiе.

Въ разговорѣ со мной А. П. сказалъ, что онъ вообще не довѣрялъ *и раньше этой организацiи, но что теперь для него стало ясно, что* его надежды использовать ее хоть какъ-нибудь для борьбы съ большевиками совершенно неосуществимы. О деталяхъ моего разговора съ А. П. при этомъ свиданiи мнѣ приходилось дѣлиться на страницахъ печати въ перiодъ розысковъ его похитителей, поэтому возвращаться къ нимъ я не буду. Хочу только высказать свое впечатлѣнiе о томъ внутреннемъ переживанiи, которое, какъ мнѣ казалось, испытывалъ А. П. въ то время.

Для меня совершенно ясно, что въ перiодъ времени, между его послѣдней поѣздкой въ Берлинъ и его похищенiемъ, онъ переживалъ очень мрачные для него дни. Дѣлясь, вполнѣ естественно, о своихъ цѣляхъ секретнаго порядка только съ тѣми, кого ему, по каждому отдѣльному случаю, приходилось ставить о нихъ въ извѣстность, онъ испытывалъ естественное одиночество. Онъ не могъ поэтому найти, въ дни наступившаго разочарованiя, ни сочувствiя ни моральной поддержки. Онъ долженъ былъ самъ находить въ себѣ моральныя силы, чтобы дать отвѣтъ на тѣ сомнѣнiя, которыя въ немъ зарождались. Его внутреннiй мiръ не долженъ былъ, по характеру его дѣятельности, выходить изъ рамокъ его души. Всѣ мы знаемъ, какъ иногда трудно человѣку въ такiя минуты разочарованiя одному разобраться въ своихъ настроенiяхъ, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ мысляхъ. Особенно тогда, когда эти дѣйствiя не касаются только себя, но связаны съ общимъ дѣломъ, а особенно съ такимъ, въ которомъ на карту ставится жизнь не

одного смѣлаго и преисполненнаго жертвенности русскаго патріота-офицера.

Мнѣ не разъ приходилось задумываться надъ тѣмъ, какимъ образомъ А. П. черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ ему пришлось реально убѣдиться въ томъ, какими огромными и разнообразными дѣйствіями обставляютъ большевики слѣжку за всей его работой, послѣ того, какъ онъ самъ видѣлъ много разъ тѣхъ агентовъ филеровъ, которые слѣдили за каждымъ его шагомъ, какъ могъ онъ, именно въ это время, быть такимъ неосторожнымъ, чтобы оказаться во власти ГПУ и въ такой обстановкѣ, при которой нельзя было оказать никакого сопротивленія.

Я находилъ только одинъ отвѣтъ на собственные вопросы. Только чувство отвѣтственности за то дѣло, которое онъ взялъ на свои плечи, заставляли его, послѣ неудачи въ одномъ направленіи, не отказываться отъ всякой новой линіи, которая давала ему надежду на установленіе связей въ самой Россіи.

Можетъ быть не за горами то время, когда раскроется правда его похищенія. Одновременно, мы, можетъ быть, узнаемъ не мало еще скрытыхъ отъ насъ обстоятельствъ, связанныхъ съ его работой. Многое для насъ можетъ оказаться неожиданнымъ, но что будетъ несомнѣнно, — это выявленіе его смѣлости, рѣшительности, неугасаемой активности и личнаго мужества, которыя А. П. проявлялъ въ эмиграціи въ своей работѣ за Россію и которыя совершенно такія же, какія онъ выявлялъ на поляхъ боевъ въ Великую и Гражданскую войну.

Генералъ Шатиловъ.

Генералъ Кутеповъ въ періодъ наступленія на Харьковъ

3-го мая 1919 г. генералъ-маіоръ Кутеповъ былъ назначенъ командующимъ 1 арм. корпусомъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, при чемъ одновременно съ его назначеніемъ объявлялся приказъ о формированіи

этого корпуса изъ частей, составлявшихъ до того 2-ой арм. корпусъ, который уже въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ съ февраля 1919 г. велъ геройскую оборону Каменно-угольнаго раіона Донецкаго бассейна, обладаніе которымъ представляло громадное значеніе для Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Дѣйствительно, уголь былъ крайне необходимъ намъ для стратегическихъ цѣлей — военныхъ перевозокъ, а также для возстановленія нарушенной революціей и гражданской войной жизни страны. Въ углѣ нуждался нашъ противникъ — большевики, и пожалуй еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы. Въ то же время Каменно-угольный раіонъ являлся удобнымъ *плацдармомъ для наступленія нашихъ войскъ къ главному промышленному* и торговому центру Юга Россіи — Харькову, а отсюда къ сердцу Россіи — Москвѣ; находясь уже внѣ территоріи казачьихъ областей, этотъ раіонъ покрытъ густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, дававшихъ тому, кто владѣлъ имъ, большія выгоды, какъ при оборонѣ, такъ и для наступленія.

Части 2-го арм. корпуса, вошедшія съ назначеніемъ генерала Кутепова въ составъ 1-го арм. корпуса, являлись наиболѣе боевыми и надежными войсками Добровольческой Арміи; изъ нихъ она создалась; это были Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексѣевцы и друг., которые были направлены въ Каменно-угольный раіонъ для выполненія наиболѣе почетной задачи въ дѣлѣ освобожденія нашей Родины.

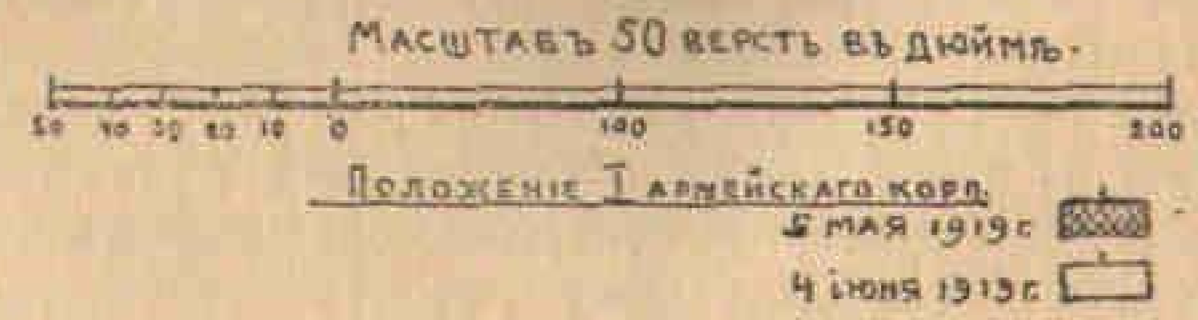
Однако ожесточенная борьба, которая велась въ этомъ раіонѣ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ до мая 1919 г. противъ превосходившаго насъ въ нѣсколько разъ по численности непріятеля, поставившаго себѣ тогда цѣлью во что бы то ни стало овладѣть этимъ раіономъ и прижать насъ къ морю, начала истощать наши силы. Добровольческія части, обезсиленныя потерями и доведенныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ до состава въ 10-20 штыковъ въ ротахъ, стали постепенно отходить.

Къ 3-му мая*) 2-ой арм. корпусъ, подъ давленіемъ противника, *вынужденъ былъ очистить Каменно-угольный раіонъ, сохранивъ изъ него* лишь небольшой участокъ вокругъ находившагося уже подъ непріятельскимъ артиллерійскимъ обстрѣломъ желѣзнодорожнаго узла — станціи Иловайской, откуда этотъ корпусъ связывался со своей базой только одной парой рельсъ на Таганрогъ — Ростовъ. Мы лишились послѣ упорныхъ боевъ не только необходимаго намъ угля, но и принуждены были покинуть плацдармъ, дававшій намъ до того возможность, посредствомъ

---

*) См. схему.

Готня
Бѣлгородъ
въ Курскъ
въ Новый Осколъ
въ Лиски
Волчанскъ
Валуйки
Богодуховъ
Терновая
Харьковъ
Люботинъ
въ Полтаву
Рыжовъ
Основа
Чугуевъ
Змiевъ
Купянскъ
1 д.
3 д.
3 с. Д. к.
Александровская
Андреевскiй
Константиноградъ
въ Полтаву
Лозовая
Краматорская
Бахмутъ
Павлоградъ
Чаплино
Криничная
Иловайская
въ Таганрогъ

переброски войскъ въ поѣздахъ съ менѣе угрожаемыхъ участковъ къ болѣе угрожаемымъ, обороняться съ незначительными сравнительно силами.

При такихъ обстоятельствахъ назначеніе на должность командира 1-го корпуса пріобрѣтало огромное значеніе. Нужно было назначить не только выдающагося по своимъ достоинствамъ генерала, но необходимо было, чтобы эти достоинства будущаго командира корпуса были *хорошо извѣстны ввѣрявшимся ему войскамъ, и чтобы войска получили* полную увѣренность, что подъ его командой они выполнятъ возлагавшуюся на нихъ тяжелую задачу.

Генералъ Кутеповъ вполнѣ отвѣчалъ этимъ условіямъ. Прослуживъ отъ начала формированія Добровольческой Арміи сперва въ Офицерскомъ (Марковскомъ), а затѣмъ въ Корниловскомъ полкахъ, А. П. Кутеповъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые способствовали созданію духа этихъ частей. Это былъ духъ беззавѣтной храбрости, непоколебимой стойкости, одушевлявшейся пламенной любовью къ Родинѣ. Ген. Кутепова называли храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ, но кромѣ того всѣмъ было извѣстно, по его дѣятельности въ качествѣ Новороссійскаго военнаго губернатора, о проявленномъ имъ тамъ гражданскомъ мужествѣ и выдающейся силѣ воли, когда онъ не останавливался передъ примѣненіемъ рѣшительныхъ и подчасъ крутыхъ мѣръ, вызывавшихъ неудовольствіе *извѣстныхъ круговъ, не понимавшихъ, что дѣло установленія порядка въ рас*шатанной революціей странѣ требовало прежде всего твердой власти.

5-го мая ген. Кутеповъ прибылъ въ штабъ корпуса на Иловайскую какъ разъ въ тотъ день, когда совершился поворотъ въ ходѣ военныхъ операцій на этомъ фронтѣ. Направленныя на этотъ фронтъ части ген. Шкуро и 2-ой Терской дивизіи, совмѣстно съ частями корпуса, получившими къ тому времени нѣсколько танковъ, впервые примѣненныхъ въ этотъ день въ бою на нашемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, перешли въ наступленіе и отбросили зарвавшагося врага, оставившаго въ нашихъ рукахъ много плѣнныхъ и трофеевъ.

7-го мая ген. Кутеповъ вступилъ въ командованіе корпусомъ и сразу показалъ себя въ качествѣ выдающагося начальника болѣе крупныхъ силъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы использовать прибытіе подкрѣпленій къ корпусу и дѣйствіе танковъ, оказавшее весьма сильное впечатлѣніе на незнакомыхъ съ ними красноармейцевъ, для развитія сильнаго и быстраго удара съ цѣлью не дать врагу оправиться. Ген. Кутеповъ учелъ обстановку и со свойственной ему рѣшительностью и энергіей повелъ наступленіе. Мы стали быстро возвращать раіонъ, вре-

менно захваченный противникомъ, и уже 16-го мая штабъ корпуса имѣлъ возможность перейти въ ст. Криничную—прежнюю стоянку штаба 2-го корпуса съ февраля и до середины апрѣля. Успѣхъ 1-го корпуса увлекъ за собой сосѣднія къ нему части Донской арміи, также начавшія тѣснить большевиковъ на своемъ фронтѣ.

Одновременно съ быстро развивавшимися военными операціями нужно было вести большую организаціонную работу. Войска требовали пополненій и снабженія, главнымъ образомъ, оружіемъ и боевыми припасами. Между тѣмъ непріятель, не разсчитывая очевидно на скорое измѣненіе обстановки въ свою пользу, сталъ при отступленіи разрушать желѣзнодорожные мосты и другія сооруженія. Это задерживало подвозъ къ намъ. Приходилось пополнять войсковыя части изъ сдававшихся въ плѣнъ и организовывать сборъ винтовокъ и патроновъ, бросавшихся красноармейцами на поляхъ боевъ. Нужно было также привлекать къ усиленной работѣ не только наши немногочисленныя техническія части, но и желѣзнодорожный персоналъ, и рабочихъ мастерскихъ, и депо въ районѣ, переходившемъ въ наше обладаніе для приведенія разрушеннаго въ порядокъ. Съ продвиженіемъ корпуса впередъ необходимо было принимать его попеченіемъ мѣры административнаго характера по водворенію порядка въ краѣ до прибытія съ тыла гражданской администраціи.

Будучи по природѣ весьма подвижнымъ и дѣятельнымъ и сознавая, что появленіе начальника въ передовой линіи способствуетъ значительно развитію успѣха, ген. Кутеповъ почти ежедневно выѣзжалъ на разные участки нашей боевой линіи, ускоряя личнымъ рѣшеніемъ возникавшіе вопросы на мѣстѣ, развязку операціи или ходъ различныхъ работъ. Онъ не принадлежалъ къ числу начальниковъ, вмѣшивающихся въ мелочи и въ сферу компетенціи своихъ подчиненныхъ. Приказанія его были по большей части кратки, но въ категорическомъ и опредѣленномъ тонѣ. Работу своего штаба онъ совершенно не стѣснялъ и, отдавая общія приказанія и указанія, предоставлялъ полную инціативу въ способахъ ихъ выполненія. При всей своей требовательности и подчасъ строгости онъ пользовался не только уваженіемъ, но и любовью подчиненныхъ: въ глубинѣ души каждый сознаетъ необходимость твердой руки, которая заставляла бы его работать, а иногда и карала бы. Такой твердой рукой являлся ген. Кутеповъ и не въ силу природной суровости, такъ какъ внѣ служебныхъ интересовъ онъ былъ человѣкомъ весьма отзывчивымъ, проявляя много задушевности и сердечности; но проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости укрѣпленія началъ дисциплины,

въ чемъ дѣйствительно такъ нуждались въ то революціонное время, онъ былъ грозой для распущенныхъ и нерадивыхъ.

Въ концѣ мая штабъ корпуса перешелъ въ Бахмутъ, гдѣ 4-го *іюня, за три часа до полученія директивы изъ штаба арміи, ген.* Кутеповъ подписалъ слѣдующій приказъ*):

«Противникъ, разбитый въ раіонѣ Купянска, поспѣшно отступаетъ на Валуйки-Волчанскъ-Чугуевъ, оставляя въ нашихъ рукахъ плѣнныхъ и добычу. 3-го іюня противникъ, разбитый у ст. Лозовой бѣжалъ частью на Харьковъ, а частью на Павлоградъ, при чемъ нами захвачены большіе трофеи. *Части 3-го отд. Донского корпуса наступаютъ въ раіонѣ Бѣлолуцкая-Александровская.* Части пластунской бригады ген. Геймана заняли Чаплино.

Приказываю:

1) 1-ой дивизіи наступать на фронтъ Валуйки-Волчанскъ, занять эти оба пункта и выполнить задачу по разрушенію жел. дор. ст. Валуйки на Лиски и на Н. Осколъ, указанную въ № 02798.

2) 3-ей дивизіи наступать на Харьковъ-Люботинъ и занять Харьковскій жел. дорожный узелъ, обезпечивъ его съ сѣвера, запада и юго-востока, имѣя особое наблюденіе за жел. дорожными путями со стороны Полтавы и Константинограда на Харьковъ и использовавъ для сего полкъ 12 кавал. дивизіи съ батареей.

3) 8-му пластунскому батальону съ одной англійской батареей 37-ой арт. бригады оборонить жел. дор. узелъ Лозовая и во исполненіе директивы Командарма 06400 перейти въ подчиненіе Начбрига пластунской съ 20 час. *4-го іюня.*

4) Для дѣйствія по жел. дор. ст. Купянскъ на Чугуевъ и Харьковъ передать отъ 1-ой дивизіи въ распоряженіе Начдива 3-ей бронепоѣздъ «Генералъ Корниловъ».

5) *Корпусный резервъ* — Самурскій полкъ — оставаться на ст. Краматорская, выславъ одну роту съ пулеметами для несенія гарнизонной службы въ Бахмутѣ.

6) Разграничительныя линіи между донцами и корпусомъ и 2-ой пластунской бригадой и корпусомъ будутъ даны дополнительно по полученіи директивы изъ Штарма. Между 1-ой и 3-ей дивизіей: Сальково-Андреевскій по рѣкѣ Б. Бурлукъ-Новобѣлгородъ-Терновая, всѣ пункты включительно для 3-ей дивизіи.

7) Начало наступленія 5-го іюня.

8) Обращаю вниманіе на необходимость внезапнаго захвата мостовъ черезъ Донецъ у Чугуева и Зміева, дабы предупредить ихъ порчу противникомъ».

Приказъ этотъ сталъ приводиться въ исполненіе.

На *Бѣлгородскомъ направленіи 8-го* іюня Марковскій полкъ послѣ ряда упорныхъ боевъ занялъ Волчанскъ, а Ингерманландскіе гусары вышли въ раіонъ Венгеровки, что въ 30 верстахъ къ югу отъ Бѣлгорода. Въ раіонѣ Чугуева шелъ въ то время упорный бой, а Дроздовскій и Якутскій полки, овладѣвъ послѣ 2-дневнаго боя переправой черезъ Сѣв. Донецъ, заняли Зміевъ.

---

*) См. ту же схему.

11-го іюня въ 6 час. веч. послѣ упорнаго боя у ст. Основа, ст. Новая Баварія и ст. Рыжовъ части 3-ей дивизіи при бронепоѣздахъ «ген. Корниловъ» и «кн. Пожарскій» взяли Харьковъ, при чемъ была захвачена огромная добыча и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Населеніе восторженно встрѣчало добровольцевъ цвѣтами.

Хотя въ нѣкоторыхъ кварталахъ города происходило очищеніе отъ засѣвшихъ въ отдѣльныхъ домахъ коммунистовъ, но въ общемъ занятіе Харькова было организовано такъ, что мирное населеніе совершенно не пострадало.

Вотъ что написано по этому поводу въ адресѣ, поднесенномъ ген. Кутепову Харьковскими организаціями во главѣ съ Городскимъ Головой:

«...Вы съ такимъ изумительнымъ расчетомъ взяли Харьковъ, что ни одна капля крови мирныхъ жителей не была пролита ни одно зданіе не было разрушено. Человѣколюбіе шло объ руку съ Вашими побѣдами. Ваша слава становится еще болѣе свѣтлой, — еще вчера мы ничего не могли противопоставить тираніи шаекъ разноязычныхъ грабителей и убійцъ. Слабые, разобщенные, недовѣрявшіе другъ другу, — такими засталъ насъ большевицкій переворотъ, такими мы оставались до Вашего вступленія въ нашъ городъ...»

По занятіи Харькова нужно было продвинуться нѣсколько впередъ для обезпеченія болѣе нормальныхъ условій жизни этого центра и предотвращенія его отъ всякихъ случайностей, создающихся при близости расположенія фронта. Въ виду этого кромѣ занятія Бѣлгорода, части корпуса выдвинулись въ районъ Богодухова и въ направленіи на Полтаву. Но несмотря на головокружительное наступленіе наше на Харьковъ (отъ Иловайской до Харькова корпусъ въ 5 недѣль прошелъ съ боями 300 верстъ, если считать кратчайшее направленіе), ген. Кутеповъ не потерялъ способности правильной оцѣнки положенія, въ какомъ мы находились.

Сразу послѣ занятія Харькова онъ предпринялъ рядъ организаціонныхъ и административныхъ мѣръ. Первыя касались, главнымъ образомъ, пополненія частей корпуса и организаціи новыхъ войсковыхъ частей, разрѣшеніе на формированіе которыхъ было дано Главнокомандующимъ. Фронтъ корпуса все увеличивался, сталъ походить болѣе на фронтъ арміи и требовалъ занятія значительно большимъ числомъ войскъ, чѣмъ располагалъ корпусъ. И пополненіе и, въ особенности, формированіе требовали времени, чтобы съ помощью оставшихся кадровъ сколотить въ одно цѣлое крѣпкія части и снабдить ихъ всѣмъ

необходимымъ. Такая работа никакъ не могла совмѣщаться съ безостановочнымъ наступленіемъ.

Что касается административныхъ мѣръ, то уже на слѣдующій день по вступленіи въ Харьковъ добровольцевъ въ объявленномъ для всего населенія приказѣ по корпусу № 100 ген. Кутеповъ писалъ, что «всѣ насилія и произволъ надъ мирными жителями будутъ караться со всей суровостью законовъ военнаго времени». Эти слова и вытекавшія изъ нихъ дѣйствія, какъ всегда согласовавшіяся съ тѣмъ, что онъ говорилъ, доказываютъ, насколько онъ придавалъ значеніе необходимости предотвратить населеніе отъ произвольныхъ реквизицій, переходившихъ иногда въ грабежи. Если ему удалось нѣсколькими суровыми наказаніями сократить случаи грабежей, то съ произвольными реквизиціями было гораздо труднѣе бороться: части, продвигавшіяся впередъ, не получая съ тыла необходимыхъ для своей жизни средствъ, поневолѣ прибѣгали къ такимъ реквизиціямъ. Нужно было сперва наладить тылъ, прежде чѣмъ продолжать наступленіе.

Между тѣмъ получавшіяся свыше директивы требовали этого наступленія. Объявленная всѣмъ очередная цѣль, ставившаяся Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи — движеніе на Москву, весьма затрудняла ген. Кутепова повліять въ томъ вопросѣ, который уже былъ свыше рѣшенъ и подписанъ. Но онъ доводилъ до свѣдѣнія своихъ начальниковъ о встрѣчавшихся тогда затрудненіяхъ въ выполненію ихъ директивъ и въ послѣдующихъ операціяхъ своего корпуса не могъ не проявить извѣстной осторожности. Это вызвало нѣкоторое неудовольствіе: Въ одномъ полуофиціальномъ письмѣ въ іюлѣ 1919 г. изъ руководящихъ нашими операціями круговъ писалось ближайшему въ это время сотруднику ген. Кутепова: «...Долженъ сказать, что и сейчасъ стратегія 1-го корпуса насъ не вполнѣ удовлетворяетъ. Издали представляется, что за этотъ періодъ могли быть произведены нѣкоторыя операціи съ цѣлью захвата ближайшихъ узловъ вродѣ Готни...»

Какъ человѣкъ до мозга костей дисциплинированный, ген. Кутеповъ не считалъ возможнымъ противорѣчить тому, что уже было рѣшено свыше, хотя онъ и не всегда считалъ такія рѣшенія правильными. Здѣсь лежитъ, можетъ быть, коренная разница между характерами нашихъ двухъ вождей, служившихъ каждый по своему, хотя и съ одинаковой доблестью и самопожертвованіемъ, идеѣ возрожденія нашей Родины путемъ сверженія большевицкаго ига. Ген. Врангель, прошедшій школу жизни въ конницѣ, былъ весь изъ стремительнаго порыва, который диктовался ему не только его недюжиннымъ умомъ, но и всѣми его

чувствами. Ген. Кутеповъ представлялъ образецъ начальника, воплотившаго въ себѣ основныя качества того рода оружія, въ которомъ онъ провелъ большую часть своей службы: у Кутепова была желѣзная воля, которой въ 1-ую очередь онъ подчинялъ себя самого, выносливость, стойкость и непоколебимость. Оба эти вождя являются выдающимися начальниками, славными представителями нашей Россійской Императорской Арміи, великими русскими патріотами!

Въ заключеніе мнѣ хочется напомнить слова, сказанныя ген. Кутеповымъ уже значительно позже въ 1929 г., въ бытность его въ Бѣлградѣ, на одномъ собраніи военныхъ организацій:

«Что осталось у офицера? Чувство долга и чести. Онъ помнитъ, что великая честь сложить свою голову за Родину. Дорожите же своей организаціей, любите ее, держитесь тѣснѣе другъ друга. Съ вами испытанные начальники, знающіе силу и значеніе единенія».

Да послужатъ намъ эти слова завѣтомъ нашего бывшаго вождя!

В. Агапѣевъ.

На поляхъ Сѣверной Тавріи

(Августъ-Октябрь 1920 г.)

Въ концѣ іюля 1920 г. я былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта развѣдывательнаго отдѣленія штаба первой арміи.

Уѣзжая изъ Севастополя въ Мелитополь, я зналъ, что арміей командуетъ генералъ Кутеповъ, уже стяжавшій большую извѣстность и популярность не только въ рядахъ арміи, но и среди широкихъ слоевъ населенія территоріи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Пріѣхалъ я въ Мелитополь въ жаркій, душный лѣтній вечеръ. Связавшись на вокзалѣ по телефону со штабомъ арміи и получивъ всѣ необходимыя мнѣ свѣдѣнія, я тотчасъ же отправился въ городъ.

Штабъ арміи помѣщался на главной Воронцовской улицѣ въ большомъ бѣломъ двухъ-этажномъ домѣ, выдѣлявшемся свѣтлымъ пятномъ среди окружавшихъ его небольшихъ, темныхъ и невзрачныхъ зданій.

Первая моя встрѣча съ командующимъ арміей генераломъ Кутеповымъ произошла на слѣдующій день въ его служебномъ кабинетѣ, въ штабѣ. Обычно онъ жилъ въ городѣ на отдѣльной квартирѣ.

Представленіе носило чисто офиціальный характеръ; было кратко по времени и особаго впечатлѣнія на меня не произвело.

Запечатлѣлось лишь въ памяти мужественное, характерное, круглое русское лицо съ черной бородкой, знакомое мнѣ еще по фотографіямъ, да запомнилось свое собственное нѣкоторое разочарованіе въ ростѣ командующаго, который мнѣ почему-то представлялся въ моемъ воображеніи чуть ли не великаномъ.

Еще помню оставило слѣдъ въ памяти мрачность бывшей на немъ Марковской, траурной формы, и бросавшаяся въ глаза нелюбовь генерала къ многословію.

Послѣ представленія и новыхъ знакомствъ съ сослуживцами меня сразу же втянулъ въ себя столь знакомый мнѣ еще и по Великой войнѣ бурлящій водоворотъ большого штаба.

***

Съ моимъ пріѣздомъ въ Мелитополь почти совпало начало красными ихъ крупной операціи противъ лѣваго фланга арміи.

Развѣдывательное отдѣленіе штаба арміи своевременно узнало о намѣреніяхъ красныхъ, а, главное, ей сталъ извѣстенъ срокъ какъ окончанія производимой у красныхъ перегруппировки, такъ и день ихъ общаго наступленія.

Нужно было во что бы то ни стало упредить противника и рѣшительно вырвать у него захваченную имъ инициативу дѣйствій, нанеся ему ударъ ранѣе намѣченнаго имъ и еще до подхода его 2-ой Конной арміи къ мѣсту предположенной нашей атаки.

Въ эти дни въ теченіе развитія операціи я впервые имѣлъ возможность непосредственно наблюдать генерала Кутепова, какъ крупнаго военачальника, и его непреклонную, кипучую энергію и настойчивость въ немедленномъ проведеніи въ дѣйствіе принимаемыхъ имъ рѣшеній.

Помню, какъ всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи арміи эскадрильи аэроплановъ были направлены противъ конницы красныхъ съ приказаніемъ деморализировать ее бомбометаніемъ и задержать ея продвиженіе на Югъ.

А въ это время 6-ая и Корниловская дивизіи, посаженныя на разысканныя и согнанныя отовсюду быстроходныя, легкія тачанки, пере-

бросывались безъ промедленія къ мѣсту намѣченнаго удара, куда одновременно были направлены и всѣ техническія средства борьбы.

13 часовъ 15 августа перегруппировка частей арміи была закончена, опередивъ красныхъ на цѣлыя сутки.

Вечеромъ 15-го ударная группа генерала Скоблина перешла въ рѣшительное наступленіе.

Къ 22 августу весь лѣвый берегъ Днѣпра былъ вновь совершенно очищенъ отъ красныхъ, за исключеніемъ только сильно укрѣпленнаго тетъ-де-пона у Каховки.

23 августа Главнокомандующій въ своемъ приказѣ № 3557 писалъ: «Славныя войска 1-ой арміи... врагъ вновь разбился о стойкость вашу, и вы вновь вырвали побѣду изъ его рукъ. Земной поклонъ вамъ... въ воздаяніе доблести безсмертныхъ частей 1-ой арміи передаю старѣйшему полку ея, 1-му ударному имени генерала Корнилова, старое знамя Георгіевскаго батальона»...

Достойная и авторитетная оцѣнка и награда войскамъ, а значитъ и ихъ командующему, не требующая, я полагаю, никакихъ моихъ излишнихъ комментарій.

***

Однажды утромъ, когда я работалъ въ своемъ отдѣленіи, передо мной появился молодцеватый вѣстовой и, вытянувшись, доложилъ, что меня требуетъ къ себѣ командующій арміей.

Александръ Павловичъ, поздоровавшись со мной, усадилъ меня около своего письменнаго стола и объяснилъ причину моего вызова къ себѣ.

По пріѣздѣ въ Мелитополь, въ выпадавшее свободное отъ службы время я, систематизируя имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ и обрабатывая его, помѣщалъ затѣмъ его для широкой читающей публики въ видѣ популярныхъ статей въ издававшейся въ Мелитополѣ газетѣ «Голосъ Фронта».

Редакція газеты помѣщалась какъ разъ напротивъ штаба арміи, что въ значительной степени упрощало для меня все дѣло.

Такъ вотъ оказалось, что Александръ Павловичъ обратилъ вниманіе на мои статьи; онѣ ему понравились, и онъ выразилъ пожеланіе, чтобы онѣ появлялись чаще. Подсказалъ мнѣ нѣсколько темъ, которыя онъ особенно хотѣлъ бы, чтобы я ихъ разработалъ и помѣстилъ поскорѣе въ печати. Для того же, чтобы у меня не оскудѣвалъ и зрительный мате-

ріалъ, онъ предложилъ мнѣ на будущее время всегда его сопровождать при всѣхъ его поѣздкахъ изъ штаба.

Такимъ образомъ, совершенно случайно судьба приблизила меня къ генералу А. П. Кутепову и дала мнѣ возможность видѣть и наблюдать его въ различные моменты и при разнообразной обстановкѣ последнихъ двухъ мѣсяцевъ неравной, но геройской борьбы маленькой Бѣлой арміи съ подавляющими ее своей массой полчищами красныхъ.

⁂

Послѣ сорвавшейся августовской операціи красное командованіе тотчасъ же приступило къ новой разработкѣ и подготовкѣ заключительной операціи, долженствовавшей привести къ окончательному разгрому и ликвидаціи бѣлыхъ.

Планъ означенной операціи у красныхъ созрѣлъ вполнѣ и получилъ свое утвержденіе къ концу августа.

Главный и окончательный ударъ красные и на сей разъ рѣшили нанести изъ Каховки, ограничившись на другихъ направленіяхъ демонстраціями и частичными наступленіями.

Захватъ Перекопскаго перешейка, перерывъ желѣзно-дорожной магистрали Джанкой-Мелитополь, изолированіе Бѣлой арміи отъ ея базы — Крыма, наконецъ, полное ея окруженіе — таковы были послѣдовательные этапы, которые должны были достигнуть ударныя красныя арміи.

Все вышеизложенное было своевременно нами узнано, поэтому всѣ стремленія Главнокомандующаго теперь были направлены на отвлеченіе вниманія и силъ красныхъ отъ Каховки и на разрушеніе ихъ наступательнаго плана.

Съ 1-6 сентября генералъ Кутеповъ, съ присущей ему энергіей, блестяще выполнилъ возложенную на его армію задачу.

Онъ на голову разбилъ и буквально разсѣялъ 13-ую совѣтскую армію и, глубоко обойдя ея лѣвый флангъ, овладѣлъ гор. Александровскомъ.

Вслѣдъ за побѣдоносной Александровской операціей послѣдовала вторая «правобережная», имѣвшая своей цѣлью разбить накопившіяся на правомъ берегу Днѣпра крупныя силы красныхъ, но, какъ извѣстно, неудавшаяся изъ-за неуспѣха частей 2-ой арміи генерала Драценко и смерти генерала Бабіева, деморализующе подѣйствовавшей на стойкость участвовавшихъ въ операціи кубанскихъ частей.

⁂

Съ вынужденнымъ отходомъ армій на лѣвый берегъ Днѣпра инціатива дѣйствій *вновь перешла въ руки красного командованія*, которое и удержало ее до самаго конца борьбы съ Бѣлой арміей.

За истекшій сентябрь мѣсяцъ я всюду сопровождалъ А. П.

1-го былъ съ нимъ на торжественной передачѣ Главнокомандующимъ Корниловской дивизіи стараго знамени Георгіевскаго батальона; 2-го на смотру генераломъ *Врангелемъ* самолетныхъ эскадрилій арміи; 3-го на обѣдѣ Корниловской дивизіи въ честь Главнокомандующаго; 9-го при посѣщеніи освобожденнаго Александровска; 10-го на смотру конныхъ казачьихъ дивизій, принимавшихъ дѣятельное участіе въ Александровской операціи.

Во время начала «правобережной» операціи былъ вновь въ Александровскѣ, гдѣ ген. Кутеповъ лично присутствовалъ при переправѣ черезъ Днѣпръ казачьей дивизіи ген. Бабіева.

За это время совмѣстныхъ, порой длительныхъ поѣздокъ, по большей части въ автомобилѣ, я имѣлъ возможность подолгу и на различныя темы вести разговоры съ А. П.

Чаще всего онъ любилъ вспоминать про время его службы въ Л.-Гв. Преображенскомъ полку. Много я услышалъ отъ А. П. и о началѣ и развитіи «безкровной» революціи, захватившей его въ Петроградѣ.

Въ послѣднія же поѣздки А. П. явно безпокоили тревожныя мысли о начинавшейся чувствоваться неустойчивости положенія арміи въ Таврія, въ связи съ клонившейся къ концу Совѣто-Польской войны; сильнымъ порѣдѣніемъ рядовъ бойцовъ и невозможностью надежнаго ихъ пополненія; непосильной растянутостью фронта и со всѣхъ сторонъ поступавшими свѣдѣніями о все увеличивающемся угрожающемъ накопленіи красныхъ.

Такимъ образомъ, *серьезность складывавшейся общей обстановки* вполнѣ сознавалась ген. Кутеповымъ, что и привело къ Симферопольскому *совѣщанію съ Главнокомандующимъ*, установившему, какъ извѣстно, планъ дальнѣйшаго удержанія за арміей Сѣверной Тавріи.

⁂

Въ пасмурный день 14-го октября началось наступленіе красныхъ отъ Никополя.

Корниловцы и Марковцы были втянуты въ неравный бой съ переправившимися на лѣвый берегъ Днѣпра крупными силами красныхъ.

15-го октября началось наступленіе и 6-ой красной арміи на Каховскомъ направленіи, подъ давленіемъ которой слабый по составу II корпусъ генерала Витковскаго началъ медленный отходъ къ Перекопу.

Все это не было для насъ неожиданностью. Въ предвидѣніи ожидавшагося общаго наступленія красныхъ была произведена перегруппировка армій. Фронтъ былъ значительно сокращенъ, всюду были выдѣлены резервы, въ районѣ д. Сѣрагозы была собрана ударная группа изъ Дроздовской дивизіи и Коннаго корпуса ген. Барбовича, предназначавшаяся для нанесенія удара краснымъ въ томъ или иномъ направленіи, въ зависимости отъ сложившейся обстановки. Штабъ 1-ой арміи перемѣстился на ст. Рыково и былъ размѣщенъ въ поѣздѣ.

Около половины октября были получены первыя достовѣрныя свѣдѣнія, что на правомъ берегу Днѣпра наблюдается непрерывное передвиженіе крупныхъ силъ (отъ 4 до 5 дивизій) конницы красныхъ.

Наступившая осенняя хмурая погода затрудняла до крайности воздушную развѣдку. Командующій арміей терпѣливо выжидалъ выясненія обстановки въ связи съ развитіемъ начатаго красными ихъ наступленія.

16-го октября около 4-хъ часовъ дня одинъ изъ нашихъ летчиковъ во время своего очередного полета, летя на небольшой высотѣ изъ-за низкихъ густыхъ облаковъ, неожиданно наткнулся въ нашемъ глубокомъ тылу на движеніе массъ красной конницы, по дорогамъ и цѣлиной двигавшейся отъ Каховки въ направленіи д.д. Петровское-Рождественская.

Глубокимъ проникновеніемъ красной конницы въ незащищенный нашъ тылъ создавалась реальная угроза перерыва ею къ утру 17-го единственной жел. дор. магистрали и полнаго изолированія армій отъ ихъ базы — Крыма.

Это было уже большой неожиданностью, повлекшей за собой быстрое развитіе событій въ нежелательномъ для насъ направленіи.

Около 5 часовъ, отдавъ всѣ необходимыя распоряженія, ген. Кутеповъ, въ сопровожденіи меня, выѣхалъ изъ штаба, направившись къ войскамъ ударной группы.

Уже въ темный, холодный, вѣтренный вечеръ мы достигли д. Сѣрагозы. Немедля собравъ въ размѣщенномъ здѣсь штабѣ корпуса всѣхъ вовначальниковъ группы, командующій арміей, обрисовавъ имъ сложившую-

ся обстановку, предложилъ имъ кратко высказать свое мнѣніе. Выслушавъ всѣхъ, ген. Кутеповъ объявилъ, что онъ остается на все время операціи при войскахъ группы и приказываетъ ударной группѣ съ утра 17 перейти въ наступленіе противъ прорвавшихся красныхъ, отрѣзая ихъ въ свою очередь отъ ихъ базы — Каховки. Подписавъ тутъ же составленный приказъ, командующій арміей приказалъ мнѣ передать по телефону его приказаніе штабу арміи еще до полуночи перейти за Сивашъ.

Заночевали мы въ д. Сѣрагозахъ. Ночь была безпокойная. Спали, не раздѣваясь. Ген. Кутеповъ былъ сосредоточенно молчаливъ и поглощенъ думами, долго не могъ заснуть въ эту ночь въ низкой и тѣсной комнатушкѣ, наскоро предоставленной намъ для ночлега.

Утромъ 17-го началось наступленіе.

Конный корпусъ ген. Барбовича двинулся на д. Агайманъ, гдѣ наканунѣ развѣдкой были обнаружены крупныя силы красной конницы. Командующій арміей былъ на участкѣ атаковавшей д. Агайманъ 1 конной дивизіи ген. Выграна.

Снѣжная мятель съ холоднымъ встрѣчнымъ вѣтромъ очень затрудняла продвиженіе. Вскорѣ было выяснено, что дер. Агайманъ занята 11-ой кав. дивизіей 1-ой красной Конной арміи т. Буденнаго...

Найденные на убитомъ красномъ командирѣ бригады приказы раскрыли полностью все расположеніе частей какъ 6-ой арміи, такъ и 1-ой конной, а также задачи, полученныя ими для выполненія.

Къ 1 часу дня д. Агайманъ была взята ген. Барбовичемъ. Красные не приняли атаки и, преслѣдуемые 2-ой конной дивизіей ген. Шифнеръ-Маркевича и отрядомъ легковыхъ пулеметныхъ автомобилей, отступили въ направленіи Каховки.

Въ этотъ день къ ударной группѣ присоединились остатки Корниловской дивизіи во главѣ съ раненымъ ея начальникомъ ген. Скоблинымъ.

Ген. Кутеповъ на 18-ое приказалъ продолжать наступленіе въ направленіи д. Рождественская.

Заночевала ударная група въ д. Агайманъ.

Красные боя не принимали, держась на почтительномъ разстояніи отъ продолжавшей съ утра движеніе ударной группы.

Около 3 часовъ дня Дроздовская дивизія ген. Туркула приблизилась головой колонны къ д. Отрадной, занятой красными, какъ выяснила и донесла развѣдка.

Ген. Кутеповъ, бывшій при дивизіи, наблюдалъ за ея наступленіемъ. Въ это время погода прояснилась, и нашимъ глазамъ открылись необъятныя степныя пространства, окружавшія насъ.

Далеко влѣво было видно продвиженіе на Рождественскую корпуса ген. Барбовича. Сзади у Корниловцевъ слышалась артиллерійская стрѣльба. Дроздовцы уже были около д. Отрадной, какъ неожиданно въ непосредственной близости за ихъ передовыми цѣпями спустился нашъ аэропланъ.

Не имѣя уже два дня никакой связи ни съ Крымомъ ни съ арміей ген. Абрамова, прикрывавшей Мелитополь, ген. Кутеповъ, мучимый неизвѣстностью, вскочивъ въ автомобиль, приказалъ шофферу гнать къ аэроплану.

Я, какъ всегда, сидѣлъ слѣва отъ командующаго арміей. Неслись мы по дорогѣ, обстрѣливаемой артиллеріей красныхъ. Всѣ наши помыслы и вниманіе въ это время были сосредоточены на прилетѣвшемъ летчикѣ, который, какъ мы видѣли, уже спрыгнулъ съ аппарата и бѣжалъ къ бывшей невдалекѣ отъ него штабной группѣ ген. Писарева.

Въ слѣдующій моментъ раздался свистъ, и вслѣдъ за нимъ, влѣво отъ меня, рѣзкій какой-то глухой, притупленный ударъ. Забросанный комьями мерзлой земли я, инстинктивно весь дернувшись впередъ, схватился обѣими руками за голову... Автомобиль, не останавливаясь, продолжалъ мчаться. Привелъ меня окончательно въ себя услышанный мною голосъ командующаго, спрашивавшаго — все ли для меня прошло благополучно...

Потомъ у аэроплана ген. Писаревъ говорилъ, что онъ видѣлъ паденіе снаряда и откровенно признался въ своемъ испугѣ за нашу участь...

Летчикъ сообщилъ, что краснымъ 17-го удалось прервать ж./д. сообщеніе; что они потомъ захватили Геническъ и пытались даже проникнуть на Чонгаръ, но были атакованы съ Сѣвера ген. Гусельщиковымъ и, продвигаясь затѣмъ на Сѣверъ, они понесли большія потери, что, наконецъ, ген. Абрамовъ, вполнѣ удачно отбиваясь отъ превосходныхъ силъ красныхъ, медленно отходитъ вдоль желѣзной дороги.

Получивъ уже заранѣе заготовленное донесеніе Главнокомандующему, летчикъ благополучно улетѣлъ, а мы остались на мѣстѣ, очутившись неожиданно позади карре Дроздовцевъ, отбившихъ на нашихъ глазахъ атаку красной кавалеріи, появившейся со стороны д. Рождественской и, видимо, хотѣвшей захватить спустившійся аэропланъ.

Д. *Отрадная была къ вечеру взята Дроздовцами, выбившими изъ* нея красную бригаду Особаго назначенія.

Заночевали Дроздовцы въ Отрадной, Конный корпусъ Барбовича и Корниловцы въ д. Рождественской.

19-аго приказано было стоять на мѣстѣ, привлекая на себя возможно долѣе красныхъ и давая тѣмъ самымъ возможность ген. Абрамову совершить спокойно свой дальнѣйшій отходъ къ Крыму.

Въ эту ночь мы принуждены были воспользоваться гостепріимствомъ зажиточной крестьянской семьи, предоставившей намъ свѣтлую, большую комнату, въ которой наканунѣ, какъ они не скрывали того сами, «гостилъ» у нихъ самъ командармъ 1-ой Конной т. Буденный.

19-го весь день ударная группа отбивала безконечныя атаки конницы и пѣхоты красныхъ. Командующій арміей до 10 утра былъ въ Отрадной, затѣмъ переѣхалъ въ Рождественскую въ штабъ коннаго корпуса ген. Барбовича. Къ вечеру вновь вернулся въ Отрадную, бывшую подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Два раза приходилъ ген. Туркулъ и докладывалъ о положеніи въ Дроздовской дивизіи. Дивизія успѣла отбить всѣ атаки красныхъ, нанеся *имъ большія потери. У Дроздовцевъ были рубленные люди* отъ врывавшихся въ деревню красныхъ всадниковъ.

Въ уже наступившіе ранніе сумерки ген. Кутеповъ посѣтилъ ген. Писарева, пріютившагося въ одной изъ крайнихъ избъ деревни. Послѣ доклада, прерываемаго разрывами красныхъ снарядовъ, рвавшихся въ непосредственной близости и сотрясавшихъ до основанія избушку, командующій отдалъ приказъ на 20-е продолжать выполненіе прежней задачи до установленія связи съ ген. Абрамовымъ и взаимнаго согласованія съ нимъ дѣйствій группы.

Въ темный, глухой вечеръ двинулись мы изъ Отрадной въ Рождественскую съ цѣлью въ теченіе ночи достигнуть Ново-Алексѣевки *для полученія оріентировки и установленія телеграфной связи и съ* Главнокомандующимъ и съ ген. Абрамовымъ.

Разстояніе въ нѣсколько верстъ между Отрадной и Рождественской не было ни въ нашихъ рукахъ ни въ красныхъ. Оно не охранялось и потому было опасно въ отношеніи возможности неожиданныхъ встрѣчъ.

Медленно, съ потушенными огнями, пробирался нашъ автомобиль, конвоируемый пятью конными, данными намъ изъ Дроздовской дивизіи.

Томительно долго тянулось время, и безконечно длиннымъ казался намъ путь. Александръ Павловичъ сосредоточенный, молча, сидѣлъ подлѣ меня, и только вынутый изъ кобуры револьверъ, который онъ держалъ въ рукѣ, красноречивѣе всякихъ словъ говорилъ о серьезности положенія...

Но судьбѣ было угодно сохранить наши жизни, и мы благополучно достигли Рождественской.

Послѣ ужина въ штабѣ ген. Барбовича мы продолжили путь и уже ночью достигли станціи.

На ст. Ново-Алексѣевка ген. Кутеповъ узналъ, что Главнокомандующимъ уже отданъ приказъ объ оставленіи Сѣверной Таврія арміями и занятіи ими укрѣпленной Сивашско-Перекопской позиціи, и что на него возложено все руководство по выполненію операціи.

Вся ночь ушла на переговоры и на передачу распоряженій.

На разсвѣтѣ утомленные, но спокойные за благополучный отходъ армій, мы покинули станцію, направляясь далѣе въ штабъ арміи.

Въ мглисто-холодное солнечное утро 20-го октября, въ послѣдній разъ пересѣкши узкій, песчаный и пустынный Чонгаръ и серебрившійся отъ зыби широкій Сивашъ, мы подъѣхали къ станціи Тагапашъ, гдѣ стоялъ длинный штабной поѣздъ, такъ привѣтливо дымившій уже своими трубами отъ затопленныхъ въ вагонахъ печей.

***

Черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ штаба арміи на ст. Джанкой я уѣхалъ въ Севастополь и вновь увидѣлъ ген. Кутепова уже на пароходѣ «Саратовъ».

Послѣдняя моя бесѣда съ А. П. была въ его каютѣ на пароходѣ во время моего прощальнаго визита къ нему.

«Саратовъ» стоялъ у Галлиполи, гдѣ уже происходила высадка частей.

Изъ иллюминаторовъ каюты виднѣлся пустынный, каменистый, непривѣтливый берегъ. Убогій, грязненькій, полуразрушенный городишко уныло, одиноко торчалъ на виду. Пасмурное облачное небо, помутнѣвшая сѣрая вода, да подвывавшій, порывистый, холодный осенній вѣтеръ дополняли безотрадную картину.

Мнѣ было тяжело и я не могъ скрыть своего душевнаго состоянія. Чуткій А. П. сразу же замѣтилъ мое настроеніе и постарался развлечь.

меня, вспоминая отдѣльные эпизоды изъ недавно пережитыхъ совмѣстно тяжелыхъ, боевыхъ дней на покинутой и уже далекой отъ насъ родинѣ...

— Я вернусь въ Россію, — говорилъ мнѣ на прощаніе А. П., — тотчасъ же, какъ только тамъ установится національная власть, будь она монархическая или республиканская...

— Будемъ, не покладая рукъ, работать на Россію, будемъ всегда помнить о ней, иначе она не проститъ намъ нашего забвенія и сама забудетъ о насъ...

Я уѣхалъ въ Сербію.

∴

Судьба приблизила меня на самое короткое время къ ген. Кутепову, но и этого оказалось вполнѣ достаточнымъ, чтобы запечатлѣть въ моей памяти свѣтлое и цѣльное воспоминаніе объ этомъ исключительномъ русскомъ человѣкѣ.

С. Жуковъ.

Генеральнаго штаба полковникъ

26 мая, 1933 г.
Бѣлградъ.

Первый Марковецъ

Я впервые встрѣтился съ генераломъ Александромъ Павловичемъ Кутеповымъ въ Каменно-угольномъ районѣ на ст. Дебальцево, куда онъ пріѣхалъ ознакомиться съ положеніемъ боевыхъ дѣлъ на фронтѣ только-что принятаго имъ Добровольческаго корпуса. Это было ранней весной 1919 года. Съ этого времени, на протяженіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ жестокой борьбы съ большевиками, наше общеніе заключалось въ рамкахъ чисто служебнаго характера, поскольку это вызывалось необходимостью по занимаемымъ мною послѣдовательно должностямъ — по-

мощн. к-ра полка, к-ра полка, помощн. н-ка дивизіи въ Корниловской ударн. дивизіи.

Генералъ Кутеповъ, какъ правило, лично знакомился съ положеніемъ дѣлъ на всемъ фронтѣ ввѣреннаго ему Добровольческаго корпуса. Онъ зналъ, гдѣ назрѣвали боевые кризисы или жестокіе бои, лично слѣдилъ за ними, посѣщая соотвѣтствующія воинскія части и ихъ штабы. Бесѣды почти всегда велись на темы боевого характера текущаго дня.

Каждое появленіе ген. Кутепова на фронтѣ оставляло пріятное настроеніе и у начальства и въ войскахъ. А. П. своими веселыми фразами, иногда далеко не въ веселой обстановкѣ, давалъ понять и начальникамъ и войскамъ, что его вѣра въ Добровольческій корпусъ безгранична, и тѣмъ самымъ вселялъ въ войска духъ собственной мощи и непобѣдимости. За время гражданской войны войска полюбили генерала Кутепова, какъ боевого командира корпуса, и онъ платилъ тѣмъ же своему корпусу за его лихія боевыя дѣла.

При такомъ духовномъ взаимоотношеніи начальника съ войсками 1-й корпусъ эвакуировался въ Галлиполи, гдѣ условія новой жизни потребовали героическихъ усилій отъ командира корпуса до послѣдняго солдата, что естественно должно было вызвать къ жизни строгую дисциплину съ присущими ей дисциплинарными взысканіями. Эта область галлиполійской жизни весьма примѣчательна, интересна и оригинальна. Кто не слыхалъ о гауптвахтѣ съ ея особымъ укладомъ, пребываніе на которой не считалось оскорбительнымъ, и гдѣ наказуемый считалъ для себя за честь высоко нести званіе русскаго воина... Вмѣстѣ съ тѣмъ особая манера въ обращеніи генерала Кутепова съ подчиненными не вызывала у нихъ ни обиды ни горечи и, тѣмъ болѣе, озлобленія, если онъ кого наказывалъ и наказывалъ даже сурово.

Мало знающіе А. П. или, вѣрнѣе, не понимающіе души этого замѣчательнаго человѣка, считали его бездушнымъ и жестокимъ. Утверждаю, что это не такъ и голословно.

Ставъ ближе къ А. П., какъ старшему Марковцу, мнѣ приходилось обнаруживать въ немъ самыя высокія, свѣтлыя качества человѣка, находящіяся себѣ подтвержденіе въ разновременныхъ эпизодахъ, какъ въ теченіе гражданской войны, такъ и во время пребыванія въ эмиграціи. Характерная особенность А. П. — скрывать отъ окружающихъ его лицъ свои радости и свои страданія и только въ обществѣ отдѣльныхъ лицъ, съ которыми онъ былъ внутренно близокъ, иногда выявлять жизнь своей души.

Такъ, съ внѣшней стороны, казалось, что всѣ боевые успѣхи ген. Кутеповъ принимаетъ, какъ должное, и мало кто видѣлъ въ такихъ случаяхъ его величайшую радость. Но я помню, какъ я встрѣтилъ его въ дер. Чаплинка по выходѣ Русской арміи съ Перекопа въ Таврію. При моемъ приближеніи для доклада А. П. раньше всего произноситъ такую фразу.

— Какое Богъ посылаетъ намъ счастье... Мы выходимъ въ Таврію.

Второй случай:

На стогѣ соломы мы наблюдаемъ обходъ нашего фланга большевицкой кавалеріей и противодѣйствіе ему нашихъ пѣхотныхъ частей (3-й Корнил. полкъ — полковника Щеглова). А. П., наблюдая самоотверженіе добровольцевъ, не удержался отъ охватившаго его восхищенія:

— Какъ они прекрасны... Я былъ бы счастливъ вотъ теперь итти вмѣстѣ съ ними, чтобы помочь имъ лично... Какъ просто, безъ страха, гибнутъ драгоцѣнныя для Россіи жизни патріота-офицера и рядомъ съ нимъ русскаго солдата.

Еще эпизодъ:

При приближеніи къ Днѣпру, ген. Кутеповъ прибылъ ко мнѣ въ штабъ рано утромъ и говоритъ, что хочетъ сегодня наступать вмѣстѣ съ нами, абсолютно не вмѣшиваясь въ распоряженія и руководство боемъ подчиненнаго начальства. А. П. продвигался за наступающими цѣпями и, увидѣвъ Днѣпръ, перекрестился:

— Вижу родной нашъ Днѣпръ... Теперь я уйду.

Потери въ войскахъ ген. Кутеповъ принималъ, какъ неизбѣжное. При каждомъ посѣщеніи штаба онъ обязательно справлялся о комъ-либо:

— Давно не вижу такого-то...

Если онъ оказывался убитымъ, набожно крестится:

— Пошли, Господи, Царство Небесное...

Всѣ эти черты, указать на полноту которыхъ нѣтъ возможности, далеко не говорятъ о бездушности человѣка. Въ дѣйствительности, А. П. тѣ или иныя явленія воспринималъ съ глубокимъ чувствомъ: въ извѣстномъ случаѣ могъ безконечно радоваться или сильно страдать.

Еще одна замѣчательная черта ген. Кутепова.

Однажды, въ рѣшительный боевой моментъ, когда вопросъ касался самого бытія Добровольческой арміи, ген. Кутеповъ на совѣтѣ войсковыхъ начальниковъ, выслушавъ ихъ мнѣнія, заявилъ:

— Я отдамъ приказъ, но если замѣчу, что онъ не выполняется, я больше вамъ не начальникъ...

Въ этомъ случаѣ А. П. всю отвѣтственность бралъ на себя, отказавъ въ инициативѣ подчиненнымъ начальникамъ, могущимъ тѣмъ самымъ раздѣлить съ А. П. отвѣтственность за судьбы Добровольческаго корпуса, а вмѣстѣ съ нимъ и арміи.

По эвакуаціи 1-го корпуса въ Галлиполи ген. Кутеповъ, чтобы сохранить корпусъ, ясно представлялъ, что необходима серьезная работа начальниковъ всѣхъ категорій. Корпусъ необходимо было воспитать въ духѣ регулярности, на очереди стоялъ вопросъ объ очищеніи частей войскъ отъ тѣхъ вредныхъ навыковъ, которые проникли въ нихъ изъ аморальной атмосферы въ періодъ трехъ-лѣтней гражданской войны.

Въ Галлиполи А. П. имѣлъ постоянное общеніе съ войсковыми начальниками на общихъ собраніяхъ, разрѣшая на нихъ насущные вопросы. Кромѣ того, А. П. вызывалъ къ себѣ персонально тѣхъ лицъ, совѣты и опытъ которыхъ считалъ полезными. Въ этихъ случаяхъ А. П. умѣлъ пробудить интересъ собесѣдника къ труду и творчеству. Благодаря общимъ усиліямъ создавалось Галлиполи — большая школа, гдѣ воспитывалась любовь къ Россіи, ко всему укладу русской жизни, къ разумному порядку и дисциплинѣ.

Изучая Галлиполи, нельзя не познать широкаго размаха русской души его создателя — ген. Кутепова, самоотверженнымъ усиліемъ котораго было сдѣлано исторически большое русское дѣло.

А. П. по тѣмъ или другимъ причинамъ, имѣя частыя бесѣды съ извѣстными лицами, вступалъ съ ними въ дружескія отношенія, которыя затѣмъ никогда не нарушались. Я лично чувствовалъ доброе къ себѣ отношеніе А. П., и, когда представлялся случай, мы вели разговоры на самыя разнообразныя темы. Нѣкоторыми изъ нихъ я хочу подѣлиться.

Въ моей палаткѣ въ Галлиполійскомъ лагерѣ, за чашкой чая, А. П. разсказывалъ эпизоды изъ Великой войны. Коснулся начала разложенія Императорской арміи и расформированія командуемаго имъ полка. Особо замѣчательнымъ изъ этого разговора слѣдующее:

— Вы знаете, — говорилъ А. П., — какъ я дорожилъ своимъ полкомъ. Въ немъ были еще у.-офицеры, которыхъ я самъ училъ въ учебной командѣ. Они меня понимали съ одного слова, и вотъ, какъ лучшую память объ этомъ полку, я храню у себя на груди эмблему его Всероссійской славы...

А. П. разстегнулъ гимнастерку и показалъ Георгіевскій крестъ со знамени полка, который носилъ всегда на цѣпочкѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

Эту цѣнность онъ, несомнѣнно, унесъ съ собою въ неизвѣстность...

Въ Болгаріи, въ одинъ изъ пріѣздовъ ген. Кутепова въ штабъ Марковскаго полка, я встрѣтилъ А. П. на станціи. Мы отправились въ городъ на саняхъ черезъ лѣсистую гору. По дорогѣ А. П., освѣдомившись о жизни полка, сообщилъ мнѣ, что въ одномъ поѣздѣ съ нимъ пріѣхалъ въ гор. Бѣлоградчикъ министръ юстиціи, и что онъ — А. П. — пригласилъ его посѣтить полкъ вмѣстѣ съ собою.

На слѣдующій день А. П. принялъ почетный караулъ при винтовкахъ. На парадѣ присутствовалъ и министръ, прибывшій съ А. П. Когда почетный караулъ взялъ «на-краулъ», министръ какъ и собравшіеся посмотрѣть на русскихъ мѣстные болгары сняли шапки. Генералъ Кутеповъ поздоровался, а затѣмъ произнесъ здравицу за Царя Бориса, за генерала Врангеля и за присутствовавшаго министра.

Мѣстный фотографъ сфотографировалъ парадъ. Во время гоненій на русскихъ въ Болгаріи эта фотографія являлась доказательствомъ того, что русскіе не сдали оружія, а отсюда — аресты, высылки и... отставка министра. Причиной же гоненій было, конечно, не оружіе, а выполненіе большевицкаго плана уничтоженія русскихъ военныхъ организацій.

Въ этотъ пріѣздъ мнѣ удалось переговорить съ А. П. о многомъ. Мы засидѣлись у меня на квартирѣ далеко за полночь. Говорить съ А. П. было легко, интересно, нѣкоторыя его мысли мы можемъ разсматривать, [illegible] его завѣты.

Мы вспоминали Галлиполи. Вспомнили, какъ одинъ французскій офицеръ оскорбилъ жену русскаго офицера. Русскій офицеръ вызвалъ на дуэль оскорбившаго. Начальникъ мѣстнаго французскаго гарнизона не разрѣшилъ этой дуэли на томъ основаніи, что онъ разсматриваетъ бывшихъ чиновъ Русской арміи, какъ бѣженцевъ, состоящихъ на иждивеніи французскаго правительства, вслѣдствіе чего вызовъ французскаго офицера на дуэль является не только отсутствіемъ понятія объ элементарной благодарности, но и дерзкимъ оскорбленіемъ должностного лица... Вспоминая этотъ эпизодъ, А. П. сказалъ съ волненіемъ:

— Точка зрѣнія офицера, бывшаго нашего союзника, меня глубоко задѣваетъ. При первой возможности намъ необходимо будетъ съ благодарностью вернуть французскому правительству выданные намъ

въ Галлиполи пайки... Будущая Россія не забудетъ своихъ долговъ и, надѣюсь, тароватo, по заслугамъ, отблагодаритъ своихъ друзей и недруговъ за періодъ ея несчастій...

Говорили о будущей Россіи. А. П. остановился на вопросѣ о воспитаніи народа:

— У насъ есть примѣръ... Бисмаркъ сказалъ, что Германію создалъ учитель...Бисмаркъ далъ хорошій урокъ...Мы ясно должны представлять себѣ роль офицера и учителя, они должны воспитывать народъ въ духѣ патріотизма, въ духѣ любви къ родинѣ... Тогда не будетъ и большевизма.

— У насъ, — кто въ этомъ виноватъ, судить не берусь, но на это не слѣдуетъ закрывать глаза, — учитель былъ всегда протестантъ и революціонеръ. Влача полуголодную, безпросвѣтную, ничего не обѣщающую въ будущемъ жизнь, онъ только озлоблялся. Могъ ли онъ, полуинтеллигентъ, сознавать свою высокую роль въ воспитаніи молодого поколѣнія въ духѣ патріотизма?

— Кому слѣдуетъ, тотъ долженъ это имѣть въ виду въ будущемъ... Высокаго качества офицеръ и учитель будутъ только способствовать строительству новой Россіи...

Когда наша бесѣда близилась къ концу, я задалъ А. П. такой вопросъ:

— Ваше Высокопревосходительство, и мнѣ и всѣмъ Марковцамъ интересно знать Ваше общее впечатлѣніе о Марковскомъ полку, послѣ того какъ Вы теперь детально ознакомились съ его жизнью въ Болгаріи.

А. П. отвѣтилъ:

— Большаго отъ Марковцевъ я не ожидалъ. О томъ, что я видѣлъ, отдамъ приказъ по корпусу, а въ частности скажу вамъ, что мнѣ было очень пріятно провести эти два дня въ полковой семьѣ, въ которой я на гражданской войнѣ началъ свою боевую службу командиромъ третьей роты. Съ тѣхъ поръ я особенно люблю Марковцевъ. Они своей доблестью заслужили, что ихъ можно не только любить, но и гордиться ими. Я чувствую съ ними какое-то душевное родство. Мнѣ пріятна Марковская форма, которую почти не снимаю, я окруженъ Марковцами — мой конвой, мои адъютанты, мой вѣстовой — Марковцы, да и самъ я считаюсь первымъ Марковцемъ... Мы всѣ Марковцы должны помнить о

нашемъ шефѣ — генералѣ Марковѣ — и довести начатое имъ дѣло спасенія Родины до конца...

На этомъ закончилась наша бесѣда...

Генералъ-Маіоръ Пешня.

ЭВАКУАЦІЯ

* * *

Генералъ Александръ Павловичъ Кутеповъ въ своей жизни имѣлъ мало соприкосновенія съ моремъ и съ нами моряками. Но тѣмъ не менѣе въ этой книгѣ, посвященной ему и его жизни, мнѣ, морскому офицеру и къ тому же адмиралу, эвакуировавшему его добровольческія части изъ Крыма въ «его» Галлиполи, хочется сказать хотя бы нѣсколько словъ въ память о немъ.

Какъ теперь, помню, наканунѣ выхода флота изъ Севастополя, генералъ А. П. Кутеповъ, только что прибывшій со своими частями съ Перекопа, пріѣхалъ ко мнѣ на «Корниловъ», стоявшій у Графской пристани подъ моимъ флагомъ — Командующаго флотомъ.

Живой, бодрый, полный энергіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ все же озабоченный трудностями размѣщенія и посадки своихъ частей на заготовленные для нихъ транспорты, А. П. закидалъ меня и моего начальника штаба адмирала Н. Н. Машукова своими вопросами.

Найдя Севастополь забитымъ войсками и народонаселеніемъ, стремившимся къ пристанямъ, и выслушавъ мое сожалѣніе о томъ, что я не могъ предоставить имъ больше средствъ для эвакуаціи, А. П. особенно не выражалъ безпокойства, удастся ли намъ всѣхъ размѣстить — вопросъ, являвшійся для меня и моихъ помощниковъ истиннымъ кошмаромъ въ эти тяжелые дни.

— Всѣ утрясутся, — говорилъ мнѣ А. П., — вы увидите, какъ наши умѣютъ размѣщаться на пароходахъ, — тамъ, гдѣ мѣсто для одного англичанина, помѣстятся пять нашихъ, — пояснилъ А. П. съ увѣренной покойной улыбкой.

— Меня безпокоитъ другое, — продолжалъ онъ, — что вы будете дѣлать, если англичане насъ не впустятъ въ Босфоръ? Вѣдь имъ

врядъ ли улыбается получить въ Константинополѣ нашу армію, да еще подкрѣпленную флотомъ.

— Ну, это меня меньше всего безпокоитъ, — отвѣтилъ я ему, — если насъ не будутъ пускать, то войдемъ съ боемъ...

Это, повидимому, пришлось очень по душѣ А. П., и онъ весело разсмѣялся.

Весь своимъ существомъ онъ напомнилъ мнѣ тогда стальную пружину съ большой потенціальной энергіей и каждую минуту готовую дать полную отдачу. Невольныя нити взаимной симпатіи зародились между нами съ этой первой встрѣчи.

На другой день, обходя съ генераломъ Врангелемъ на катерѣ нагруженные транспорты, я видѣлъ А. П. на одномъ изъ нихъ, окруженнаго его штабомъ. Озабоченный предстоящимъ переходомъ, предвидя большія хозяйственныя и политическія трудности въ Константинополѣ, я не могъ не наблюдать съ чувствомъ душевнаго успокоенія бодрое, полное энергіи лицо командующаго добровольческими частями.

— Да, — думалъ я, — съ генераломъ Врангелемъ и генераломъ Кутеповымъ добровольцы не пропадутъ и заграницей.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и я встрѣтилъ А. П. уже въ Парижѣ и сблизился съ нимъ. Судьба свела А. П. ближе съ моряками, съ молодой ихъ частью. Много морской жертвенной молодежи приняло участіе въ работѣ А. П. по связи съ Россіей. А. П. любилъ эту молодежь и онъ же былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ образованія мною Военно-Морского Союза. Каждый разъ при нашихъ встрѣчахъ А. П. упорно убѣждалъ меня, въ чемъ я отказалъ другимъ, объединить морскую молодежь, указывая мнѣ, что время близится, когда намъ нужно начинать работать вмѣстѣ. Между прочимъ предлагалъ мнѣ быть его помощникомъ и посвящать меня въ свои планы и надежды.

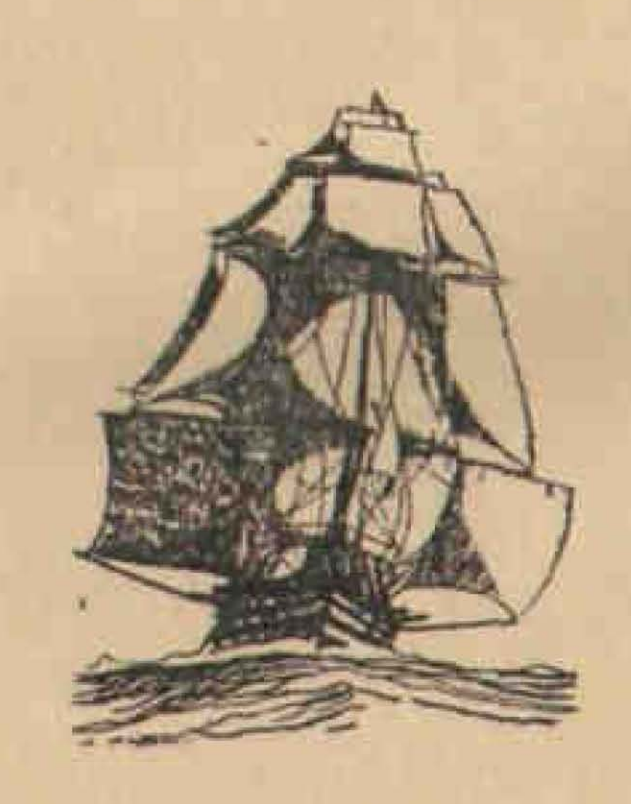
И я, смотрѣвшій всегда съ пессимизмомъ на эмиграцію, на ея роль въ дѣлѣ спасенія Россіи, и не видѣвшій никакихъ реальныхъ возможностей, невольно въ разговорѣ съ А. П. Кутеповымъ заражался его мечтами и надеждами, его энергіей. У меня появлялась вѣра въ наши моральныя силы, вѣра въ возможность помочь нашей родинѣ, появлялась и увѣренность найти нужныя силы и средства. И это впечатлѣніе, которое я вынесъ послѣ моей первой встрѣчи съ А. П. на «Корниловѣ», никогда не покидало меня. Въ генералѣ А. П. Кутеповѣ я видѣлъ большой запасъ потенціальной энергіи съ громадными возможностями для

эмиграціи — тотъ двигатель, который нуженъ намъ будетъ въ рѣшительный моментъ борьбы съ поработителями нашей родины.

Увы, враги также не недооцѣнили А. П.

М. А. Кедровъ.

11-1-1934 г.
Парижъ.

Генералъ Кутеповъ

Предсѣдатель Русскаго Обще-Воинскаго Союза

Въ тяжелые дни Вашей жизни вспоминайте „Галлиполи", которое найдетъ Вамъ выходъ изъ всякой борьбы.

Генер. Кутеповъ

17/30 сентября 192[illegible] г.

г. Бѣлградъ

Галлиполи

1920—1921

Въ исторіи россійской эмиграціи Галлиполи представляется періодомъ весьма яркимъ и поучительномъ въ смыслѣ творческихъ достиженій.

Съ опустошенной, казалось, душой, съ явно пониженной волей, нищіе и безправные русскіе люди были заброшены судьбой на пустынный и унылый берегъ Дарданеллъ. Позади осталась непріявшая насъ Родина, впереди полная и мрачная неизвѣстность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы оказались освобожденными отъ демократической опеки, которая въ годы революціи проявила себя въ формахъ самаго грубаго произвола и привела къ почти полному уничтоженію всѣхъ духовныхъ цѣнностей русскаго народа.

Освобожденные въ Галлиполи отъ этой опеки и поставленные въ условія просвѣщенной дисциплины русскіе люди вновь проявили и здоровый государственный инстинктъ и возвышенную талантливость своей натуры.

Успѣхъ галлиполійскихъ усилій объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что галлиполійское командованіе всегда чувствовало свою неразрывную, преемственную связь съ Родиной, съ ея церковью и культурой. Съ вѣрой въ Бога и съ преданностью національнымъ завѣтамъ начали и совершали мы свое галлиполійское подвижничество, памятуя, что безъ связи съ прошлымъ невозможно созидать настоящее и подготовлять почву для будущаго.

На фонѣ галлиполійскихъ страданій и достиженій, ярко и четко вырисовывается благородный обликъ генерала А. П. Кутепова, и настоящій очеркъ — скромный вѣнокъ на безвѣстную могилу погибшаго бѣлаго рыцаря.

ГЛАВА I.

Съ 15 по 23 ноября прибывали суда изъ Крыма на Босфоръ. Память еще хранила жуткія, по своей правдѣ, слова послѣдняго приказа Правителя Юга Россіи.

«Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности. Другой земли кромѣ Крыма у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны»...

И немедленно, съ момента прибытія къ Константинополю, всѣ — солдатъ и Главнокомандующій, примитивный калмыкъ и профессоръ съ міровымъ именемъ — почувствовали себя безправными и остро сознали, что значитъ потерять Родину и не имѣть за собою авторитета Великой Россіи.

Въ тѣ трагическіе дни вопросъ о правовомъ положеніи эвакуированной Крымской Арміи пріобрѣталъ особую остроту, ибо «признаніе» знаменовало продолженіе борьбы съ большевиками. Больше того: признаніе, какъ тогда казалось, знаменовало сохраненіе идеи національной Россіи.

На совѣщаніи, собранномъ Верховнымъ Комиссаромъ Франціи на крейсерѣ «Вальдекъ Руссо», было рѣшено сохранить за русскими войсками ихъ военную организацію и 1/20 часть имѣющагося оружія. Однако, подобное рѣшеніе опредѣлялось не политическими предпосылками, а исключительно соображеніями практическаго характера: Верховный Комиссаръ предпочиталъ имѣть дѣло съ организованной массой, а не анархической толпой.

Что касается правового положенія арміи, то оно опредѣлилось въ концѣ ноября, когда глава французскаго кабинета Лейгъ заявилъ, что Франція считаетъ себя свободной отъ всякихъ политическихъ обязательствъ по отношенію къ Крымской арміи. Вмѣстѣ съ симъ Лейгъ добавилъ, что онъ является противникомъ изоляціи Совѣтовъ и склоненъ возобновить торговыя сношенія съ Москвой. Такимъ образомъ, безпринципная, оппортунистическая политика Ллойдъ-Джорджа усваивалась и французскимъ правительствомъ. Идея возстановленія національной Россіи встрѣчала и явное и скрытое сопротивленіе руководителей европейской политики. Русская армія предоставлялась своей судьбѣ и собственнымъ силамъ.

Еще передъ совѣщаніемъ на Крейсерѣ «Вальдекъ Руссо», приказомъ Главнокомандующаго, всѣ части Крымской арміи, за исключе-

ніемъ казачьихъ частей, были сведены въ 1 арм. корпусъ, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ Кутеповъ.

1 арм. корпусъ, направляемый въ Галлиполи, по своему составу и численности являлся ядромъ эвакуированной арміи, каковое обстоятельство и опредѣляло его дальнѣйшее политическое и военное значеніе.

Конечно, ни ген. Врангель, ни армія, ни національно настроенные круги русской эмиграціи *не могли усвоить тенденціи Лейга и согласиться признать оконченной борьбу съ большевиками.* Поэтому для русской арміи намѣчался единственный достойный ея чести выходъ: если руководящая европейская дипломатія отказываетъ арміи въ признаніи, то армія должна охранить собственными усиліями свое право на существованіе, какъ національной вооруженной силы.

Такимъ образомъ, судьба возлагала на ген. Кутепова исключительно трудное заданіе: ему, какъ начальнику основной части Русской арміи, надлежало доказать жизнеспособность зарубежной вооруженной силы и тѣмъ самымъ предоставить въ распоряженіе Главнокомандующаго наиболѣе сильное оружіе въ дальнѣйшей борьбѣ за отстаиваніе русской національной идеи.

Предстоявшая А. П. роль выходила далеко за предѣлы его компетенціи, какъ военнаго начальника, ибо Галлиполи, какъ стоянка войскъ, превращалась въ идею, насыщенную чрезвычайно важнымъ содержаніемъ. И понятно, почему на протяженіи всего Галлиполійскаго періода, Галлиполи служило центромъ, вокругъ котораго кипѣли страсти и велась ожесточенная политическая борьба.

ГЛАВА II.

Когда на Константинопольскомъ рейдѣ распространился слухъ о томъ, что войска 1 корпуса направляются въ Галлиполи, едва ли кто-либо имѣлъ правильныя свѣдѣнія о будущей стоянкѣ. Скептики мрачно утверждали:

— Гиблое мѣсто. Всѣ тамъ передохнемъ!

Оптимисты подбадривали себя и другихъ увѣреніями, что Галлиполи — «Югъ», и что тамъ «не будемъ страдать отъ этого проклятаго холода»...

Впрочемъ, при наличіи той апатіи и той моральной приниженности, какія владѣли большинствомъ, существовало лишь одно желаніе: ско-

рѣе выбраться изъ грязныхъ, кишащихъ насѣкомыми трюмовъ, вновь оказаться на землѣ и получить воду, хлѣбъ и тепло.

Подъ вечеръ 21 ноября суда съ войсками 1 корпуса стали сниматься съ якоря, беря курсъ на Дарданеллы. Утромъ слѣдующаго дня приблизился унылый берегъ съ полуразвалившимися постройками. Скоро показался маякъ, а затѣмъ потянулись развалины небольшого городка. Это было Галлиполи, сильно пострадавшее отъ землетрясенія и недавней войны.

Непривѣтливое мрачное небо, холодный рѣзкій вѣтеръ и безнадежный дождь. Въ общемъ, не оказалось ни города ни юга...

Покуда совершались карантинныя формальности, ген. Кутеповъ сошелъ на берегъ, дабы условиться съ французскимъ комендантомъ о порядкѣ выгрузки, размѣщенія и продовольствія. Командиру корпуса было сообщено, что войска должны размѣститься за городомъ, однако ни комендантъ ни его помощники не могли дать никакихъ свѣдѣній о *будущемъ лагерѣ*.

Сѣвъ на предоставленную французами верховую лошадь, ген. Кутеповъ отправился осмотрѣть будущую стоянку своихъ войскъ. Эта поѣздка весьма характеризуетъ А. П.: казалось бы, что командиръ корпуса имѣлъ достаточно лицъ, коимъ могъ бы поручить рекогносцировку лагеря. Однако, онъ ѣдетъ лично и подобнымъ фактомъ ярко проявляетъ свое основное свойство начальника — неизмѣнную заботливость о войскахъ...

Послѣ 8 километровъ первобытной дороги, часто пересѣкаемой оврагами и ручьями, подъ дождемъ и пронизываемый жестокимъ вѣтромъ А. П. добирается къ «лагерю». И сильно мужественное сердце могло бы сжаться при видѣ безотрадной картины: покрытая грязью лощина, прорѣзанная горнымъ ручьемъ. Справа и впереди безлѣсныя, мрачныя горы. Слѣва шумно и уныло бьются о берегъ Дарданеллы. Пусто, голо, непривѣтливо.

Еще въ городѣ французскій комендантъ предупредилъ А. П. о полномъ отсутствіи перевозочныхъ средствъ. Войскамъ предстояло рѣшительно все, — отъ собственной винтовки до громоздкихъ тяжелыхъ палатокъ, — переносить на рукахъ и устраиваться, какъ Робинзонамъ, только собственнымъ попеченіемъ.

На другой день началась разгрузка, и съ перваго же момента проявились нераспорядительность, суетливость и поражающій формализмъ французовъ. Для выгрузки людей и имущества не было ничего подготов-

лено. Въ виду мелководья бухты пароходы бросили якорь вдали отъ берега, а потому войска и грузы пришлось перевозить на фелюгахъ*). Французское комендантство, предупрежденное о прибытіи корпуса, не могло все-таки въ теченіе двухъ дней наладить выдачу продовольствія. Лейтенанты и сержанты суетились, что-то считали, спорили другъ съ другомъ, снова пересчитывали и суетились...

Высаживавшіяся войска и семьи располагались тутъ же около пристани, среди грязи и подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ... Кто имѣлъ валюту или вещи, какія могъ «загнать» грекамъ за безцѣнокъ, тѣ забирались въ вонючія харчевни и наслаждались тамъ тепломъ, сухостью и ѣдою.

Большинство, однако, не имѣло ни денегъ ни вещей и съ тупымъ отчаяніемъ сидѣло на своихъ узлахъ, брошенныхъ среди улицы. Сыпнотифозные лежали тутъ же, вперемежку со здоровыми. Скорбь и апатія владѣли несчастными людьми, только что потерявшими Родину и теперь переживающими невѣроятныя лишенія.

Среди всѣхъ эвакуацій всѣхъ Бѣлыхъ армій Крымская эвакуація является примѣромъ высокаго искусства. Однако, несмотря на прекрасную организацію эвакуаціи, предварительный отходъ къ портамъ протекалъ въ крайне тяжелой боевой обстановкѣ. Вслѣдствіе этого части сильно перемѣшались, а управленіе значительно ослабѣло. Дальнѣйшее — переѣздъ и продолжительное пребываніе на пароходахъ — еще болѣе разрушило воинскій порядокъ. Въ итогѣ, то, что высаживалось въ Галлиполи, имѣло лишь приблизительное сходство съ арміей: организація была сильно нарушена, а дисциплина быстро падала.

Мораль, въ широкомъ понятіи этого слова, поколебленная уже въ годы войны и революціи, катастрофически снизилась за время эвакуаціи, когда изъ-за кружки воды или мѣста въ уборной люди опускались до уровня зулуса.

Въ тѣ трагическіе дни высадки въ Галлиполи и послѣдующаго перваго періода господствовало карамазовское міровоззрѣніе: все дозволено. Потерявъ Родину, потерпѣвъ крушеніе всѣхъ лучшихъ своихъ идеаловъ, несчастные изгнанники, голодные и промокшіе, безпріютные и оборванные искренно считали, что фактомъ изгнанія они разрѣшены отъ долга и обязанностей.

---

*) Послѣ высадки оказалось, что тутъ же (вблизи будущаго комендатскаго управленія) имѣлась удобная бухта, которой въ дальнѣйшемъ и пользовалось русское командованіе.

Дисциплинарная власть, т. е. право приказывать, ограничивалась лишь узкимъ кругомъ физическаго самообслуживанія. Даже наиболѣе энергичные начальники терялись въ этомъ хаосѣ разложенія. Какъ слѣдствіе недавней реорганизаціи (сведеніе арміи въ корпусъ), большинство начальниковъ не знало своихъ новыхъ подчиненныхъ, а послѣдніе — своихъ новыхъ начальниковъ. Алексѣевскій полкъ, напримѣръ, былъ укомплектованъ чинами изъ 22 различныхъ частей. Техническій полкъ объединилъ всѣ техническія части Крымской арміи и т. п.

Къ тому же, въ виду сведенія арміи въ корпусъ, многія части перестали существовать, и произошло массовое сложеніе должностныхъ наименованій. Это въ свою очередь создало обостреніе личныхъ самолюбій, безконечные споры о старшинствѣ и ссылки на прежнія заслуги.

Среди подобнаго хаоса и безначалія, какъ маякъ среди бушующаго моря, находился ген. Кутеповъ. Всюду появлялась его коренастая фигура, излучавшая, казалось, безграничную энергію. Съ перваго же момента выгрузки онъ убѣдился, что его присутствіе всюду необходимо: появлялся командиръ корпуса, и что-то дѣлалось. Уходилъ онъ, и апатія снова овладѣвала людьми. А работы было «безбрежное море». Прежде всего надо было организовать питаніе и размѣщеніе. Тифозная эпидемія усиливалась, и необходимо было создать лѣчебныя заведенія. Дѣти и женщины требовали свою долю внимательныхъ заботъ. Длительныя и мучительныя огорченія причиняло состояніе обмундированія, а въ особенности сапожный вопросъ. Въ массѣ войска были скверно одѣты, у многихъ не было шинелей; въ каждой ротѣ возникли «босыя команды»...

Кошмарныя условія существованія еще болѣе осложнялись скудостью питанія.

Къ тяжести галлиполійской жизни добавлялось еще подчеркиваніе французами своей помощи русскимъ войскамъ. Командные французскіе верхи и низы съ неизмѣннымъ единодушіемъ повторяли, что только французская помощь не даетъ «умереть крымскимъ бѣженцамъ отъ голода и нищеты»...

Совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ разъясняетъ, въ какой исключительно трудной обстановкѣ начиналась и протекала работа ген. Кутепова. Все надо было создавать заново, въ обширныхъ размѣрахъ и съ ничтожными матеріальными возможностями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. П. сознавалъ, что, кромѣ заботъ по внѣшнему устройству войскъ, ему надлежало осуществить еще болѣе трудное заданіе: превратить свой деморализированный корпусъ въ войска высокой

моральной цѣнности. Для этого прежде всего надо было возстановить дисциплину.

И съ перваго же дня прибытія въ Галлиполи, командиръ корпуса энергично принялся за водвореніе дисциплины. Онъ «цукалъ»*) и арестовывалъ за неотданіе чести, за неряшливый видъ, за всякое нарушеніе воинскаго порядка и благочинія. Однако, при наличіи моральной приниженности войскъ подобное направленіе дѣятельности ген. Кутепова воспринималось многими, какъ ненужный формализмъ или даже какъ жестокость. Стремленіе А. П. возстановить дисциплину встрѣчало сопротивленіе и даже ропотъ.

Популярность ген. Кутепова, гордость войскъ своимъ «комкоромъ» и любовь къ нему пришли лишь въ дальнѣйшемъ, какъ послѣдствіе весьма сложныхъ психологическихъ процессовъ.

ГЛАВА III.

Галлиполійская идея — многолика. Однако, будетъ умѣстно и необходимо выяснить тѣ руководящія идеи, какія воодушевляли галлиполійское творчество и какія, безъ сомнѣнія, способствовали въ полной мѣрѣ успѣху строительству. Дабы формулировать главнѣйшую галлиполійскую идею, необходима небольшая предпосылка.

Всякая революція сокрушаетъ основы и формы существовавшаго до нея права. Русская революція подтвердила въ полной мѣрѣ эту истину. Рѣшительно всѣ правовыя нормы были нарушены. Или въ идейномъ или въ субъективномъ восприятіи. Особенно сильныя разрушенія оказались въ области военной дисциплины, т. е. того фундамента, на которомъ и утверждается армейское бытіе.

Невѣжественное военное творчество Временнаго Правительства, проникнутое партійной нежизненностью, не сознавало, что дисциплину невозможно утверждать только на основахъ абстрактныхъ идей. Дисциплина каждой арміи будетъ жизненной лишь тогда, когда ея сущность и формы соотвѣтствуютъ психологическимъ, историческимъ и бытовымъ особенностямъ даннаго народа. Поэтому, дисциплина французской арміи такъ рѣзко отличается отъ нѣмецкой, а русской Императорской арміи — отъ англійской.

---

*) Любимое выраженіе А. П.

Въ силу сложныхъ причинъ, Добровольческая армія (Воор. силы Юга Россіи), ведя борьбу съ большевиками, усвоила и закрѣпила въ своемъ *быту многія идеи Февральской революціи*. Въ итогѣ, создалось глубоко вредное смѣшеніе старыхъ и новыхъ понятій, что оказало крайне пагубное вліяніе на дисциплину Бѣлой арміи. Особенно сильно были поколеблены основные устои старо-россійской дисциплины — ученія о начальникѣ и о значеніи чина. Высокая идея добровольчества стала постепенно тускнѣть, и подъ воздѣйствіемъ революціонныхъ отраженій ея первоначальное содержаніе — «служу и воюю потому, что хочу» — стало подмѣняться формулой уже явно анархической: «служу и воюю, какъ хочу»...

Надо было возродить уваженіе къ закону. Осуществить же подобное рѣшеніе возможно было только при рѣшительномъ отказѣ отъ военно-революціонныхъ идей. Другими словами, — необходимо было вывести Галлиполи изъ революціи.

Галлиполійское командованіе неуклонно осуществляло въ своемъ идейномъ и практическомъ строительствѣ формулу «выходъ изъ революціи».

Надо признать, что хотя эта формула офиціально и не афишировалась, но сознательно или инстинктивно она была близка войскамъ, ибо «галлиполійское чудо» явилось слѣдствіемъ общихъ, однородныхъ усилій...

Вновь принятая система организованной, систематической борьбы за возстановленіе дисциплины весьма скоро убѣдила войска, что ни одно правонарушеніе не можетъ пройти безъ воздѣйствія, и что рѣшительно всѣ, внѣ зависимости отъ чина и должности, обязаны соблюдать законъ.

Суровыми и рѣшительными, но планомѣрными и закономѣрными средствами забытая законность была укрѣплена, и расшатанная дисциплина возстановлена.

ГЛАВА IV

Подъ воздѣйствіемъ тяжелаго труда и суровой дисциплины очищалась замутившаяся русская душа. Къ Галлиполійцамъ перваго періода вполнѣ примѣнима характеристика Толстого, данная Пьеру Безухову: «онъ былъ порочнымъ только потому, что онъ какъ-то случайно запамятовалъ, какъ хорошо быть добродѣтельнымъ»... Очистившись отъ

временнаго и наноснаго, русская душа явила возвышенную красоту, а русская натура свою изумительную талантливость.

Обнаружившееся духовное возрожденіе было чрезвычайно своевременнымъ, ибо къ Пасхѣ въ сильной степени сталъ проявляться натискъ французовъ, стремившихся ликвидировать 1 корпусъ, какъ военно-организованную силу.

Французское правительство и французское командованіе на Востокѣ выпустили рядъ «объявленій» и «обращеній», въ которыхъ настойчиво проводили идею распыленія арміи. — «Русскимъ бѣженцамъ», находившимся въ лагеряхъ Галлиполи и Лемноса, рекомендовалось уѣзжать въ Сов. Россію или въ Бразилію, при чемъ подобные совѣты сопровождались беззастѣнчивой и лицемѣрной рекламой.

17 апрѣля 1921 года французское правительство выпустило обширное «офиціальное сообщеніе». Чтобы имѣть представленіе о политической и моральной цѣнности этого документа, достаточно привести заключительныя слова «сообщенія»: «Всѣ русскіе, находящіеся еще въ лагеряхъ должны знать, что армія Врангеля больше не существуетъ, что ихъ бывшіе начальники не имѣютъ больше права отдавать имъ приказанія, что они совершенно свободны въ своихъ рѣшеніяхъ, и что впредь имъ не можетъ быть предоставлено продовольствіе»...

Французское стремленіе распылить Русскую армію нашло живѣйшее сочувствіе и среди эмигрантскихъ группировокъ радикальнаго толка. Въ итогѣ, какъ уже указывалось раньше, сложная политическая обстановка превратила Галлиполи въ центръ, вокругъ коего шла ожесточенная политическая борьба.

Противостоять разлагающимъ тенденціямъ могли лишь моральныя силы войскъ и авторитетъ командира корпуса. По мѣрѣ укрѣпленія дисциплины усиливался и моральный закалъ. Войска стали гордиться собою и вѣрить въ свои силы.

Авторитетъ генерала Кутепова сталъ быстро возрастать. Войска перестали видѣть въ А. П. только карающую руку, былое озлобленіе улетучилось и уступило мѣсто болѣе справедливому отношенію. Галлиполи постепенно убѣдилось, какъ заботливъ командиръ корпуса и какія усилія проявляетъ онъ, чтобы отстоять интересы русскаго національнаго дѣла. За внѣшней суровостью своего начальника стали угадывать благородное сердце и яркое патріотическое горѣніе. Чѣмъ больше понимали командира корпуса, тѣмъ больше стали его уважать и цѣнить.

Когда А. П. былъ вызванъ ген. Врангелемъ въ Константинополь по служебнымъ дѣламъ, стихійно проявилось опасеніе:

«А что, если французы не пустятъ комкора назадъ?»

И когда командиръ корпуса благополучно вернулся, его встрѣтили уже громкими криками «ура». Это былъ первый тріумфъ А. П.

Впрочемъ, подлинная и уже неизмѣнная популярность пришла позже, послѣ знаменитаго въ исторіи Галлиполи приказа № 323 отъ 23 мая.

Французское командованіе, сознавая неудачу своихъ попытокъ распылить корпусъ, надумало пріемъ болѣе тонкій, чѣмъ совѣты ѣхать въ Совденію или въ Бразилію. Зная, что войска живутъ надеждой на переѣздъ въ славянскія страны, оно объявило, что желающіе могутъ ѣхать туда одиночнымъ порядкомъ. Подобное предложеніе явилось для многихъ соблазнительнымъ: «поѣду самостоятельно, а когда корпусъ переѣдетъ, вернусь въ свою часть».

Галлиполійское командованіе никакъ не могло усвоить подобное обывательское мышленіе, ибо понимало, что такая точка зрѣнія грозитъ роковыми для корпуса послѣдствіями. Необходимо было разрушить хитрый планъ французовъ и отвѣтить имъ еще болѣе сильнымъ психологическимъ ударомъ. Таковымъ и явился приказъ № 323, который являлся логическимъ завершеніемъ основной галлиполійской идеи «выходъ изъ революціи».

ПРИКАЗЪ

І-му армейскому корпусу

№ 323.

Я имѣю основаніе предполагать, что французское командованіе намѣревается продолжать отправленіе желающихъ уѣхать изъ Галлиполи. Возможно, что будутъ предложенія ѣхать въ Сербію или Болгарію.

Главнокомандующій желаетъ перевести въ Сербію І-ый арм. корпусъ цѣликомъ, и потому отправленіе отдѣльныхъ людей и группъ ведетъ лишь къ разложенію частей...

Въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ Родиной я не могу допустить развала ввѣреннаго мнѣ корпуса. Приказываю:

1) Всѣхъ, кто пожелаетъ исполнить предложеніе французскаго командованія и тѣмъ прикрываетъ свои личные шкурные интересы въ тяжелые дни арміи, — перевести на бѣженское положеніе и предоставить имъ свободу отъѣзда.

2) Всѣхъ слабыхъ духомъ, вносящихъ въ ряды войскъ рознь, сѣющихъ нелѣпые слухи — перевести на бѣженское положеніе...

... ...

6) Если послѣ произведенной записи будутъ находиться желающіе ѣхать самовольно, то таковыхъ распоряженіемъ начальниковъ частей предавать военно-полевому суду, ибо они остались въ рядахъ арміи, не руководствуясь исполненіемъ долга и любовью къ Родинѣ, а въ цѣляхъ разложенія войскъ...

Только единеніемъ, дисциплиной и полнѣйшимъ порядкомъ мы спасемъ Русское дѣло и сохранимъ незапятнаннымъ свѣтлое имя Русской арміи...

Генералъ-отъ-Инфантеріи КУТЕПОВЪ.

Три дня бурлило Галлиполи, какъ гигантскій котелъ. Малодушные начальники прибѣгали въ штабъ корпуса и докладывали, что «всѣ уйдутъ». Однако вѣра командира корпуса въ преобладаніе свѣтлыхъ сторонъ русской души восторжествовала. Въ подавляющей массѣ войска остались вѣрными долгу.

Съ 23 мая и до конца 1 корпусъ оставался уже несокрушимымъ военнымъ организмомъ, проникнутымъ высокимъ и жертвеннымъ пониманіемъ долга.

Суровыми мѣрами возстанавливая дисциплину, галлиполійское командованіе сознавало, что для закрѣпленія дисциплины нужны не только механическія, но и духовныя воздѣйствія. Для этой цѣли штабомъ корпуса была разработана и осуществлена обширная программа учебно-воспитательныхъ мѣропріятій. Въ свою очередь и частная иниціатива *широко пошла навстрѣчу этимъ начинаніямъ. Въ итогѣ, къ лѣту* 1921 г. въ Галлиполи дѣйствовали, не считая семи военныхъ училищъ и одной 6-ти классной гимназіи: 1) штабъ-офицерскіе курсы, 2) офицерскіе курсы при Константиновскомъ военномъ училищѣ, 3) Военно-образовательные курсы при Корниловскомъ полку, 4) Курсы для младшихъ офицеровъ Марковскаго полка, 5) Курсы ротныхъ командировъ, 6) Офицерская артилл. школа, 7) Оберъ-офицерскіе артилл. курсы, 8) Курсы офицерск. кавалер. школы, 9) Офицерская инженерная школа, 10) Радіо-телеграфная школа, 11) Военно-административные курсы, 12) Курсы для подготовки воинскихъ начальниковъ, 13) Гимнастическо-фехтовальная школа.

Кромѣ того былъ созданъ рядъ курсовъ прикладныхъ знаній: 1) Высшіе образовательные курсы, 2) Иностранныхъ языковъ, 3) Бухгалтерскіе, 4) Техническіе, 5) Телефонно и телеграфнаго дѣла, 6) Радіотелеграфные, 7) Теоріи двигателей внутренняго сгоранія, 8) Конструкціи мостовъ и проч.

Громадная работа была продѣлана въ цѣляхъ возсозданія военной этики и урегулированія правового положенія военнослужащихъ.

Особенно энергичныя мѣры были направлены для уничтоженія своеволій въ хозяйственныхъ областяхъ...

«Выходя изъ революціи», галлиполійское командованіе съ величайшей энергіей возстанавливало поколебленное право, ибо расцѣнивало правосознаніе, какъ залогъ успѣшнаго созиданія.

Среди благодѣтельныхъ факторовъ, осуществившихъ галлиполійское «чудо», необходимо отмѣтить вліяніе Церкви. Потрясенные своимъ безправіемъ русскіе люди, по прибытіи въ Галлиполи, сохранили только

единственное право — изливать въ молитвахъ всю тоску и глубину ихъ безкрайняго русскаго горя. Корпусное духовенство быстро организовало церковныя службы, создало прекрасные хоры, и каждый полкъ съ величайшей любовью сооружалъ и украшалъ свою церковку. Въ проповѣдяхъ постоянно вспоминались крестныя страданія Спасителя, и мысль о Божественныхъ мукахъ облегчала собственное горе. Духовенство первое и въ первые же дни организовало лекціи, на коихъ пламенно вспоминалась Россія.

Вообще въ Галлиполи Россія вспоминалась всегда, ибо она не затемнялась въ нашихъ душахъ. Въ программѣ разнообразныхъ курсовъ были введены лекціи по исторіи Церкви, исторіи литературы и русской исторіи. Патріархъ Никонъ, эпоха Смутнаго времени и Тургеневская Лиза владѣли галлиполійскими духовными настроеніями. Вѣра, вѣрность и любовь.

И какъ высшее проявленіе галлиполійской совѣсти, явилось созданіе величественнаго братскаго памятника. Всѣ — отъ командира корпуса до малышей дѣтскаго сада — принесли на кладбище по камню, и изъ этихъ камней былъ воздвигнутъ величественный памятникъ. Не забываемъ день 16 іюля, день открытія и освященія памятника... И долго у его подножья среди прочихъ вѣнковъ лежалъ скромный вѣнокъ съ глубоко волнующей надписью: «Тѣмъ, кому не нашлось мѣста на Родинѣ».

Въ мрачный, дождливый и холодный день 22 ноября 1921 г. исполнился годъ пребыванія въ Галлиполи. И юнкера Николаевскаго кавалерійскаго училища въ поставленныхъ ими живыхъ картинахъ удивительно образно и правдиво показали достиженіе минувшаго года.

Картины состояли изъ двухъ частей. Въ первой изображалась галлиполійская пристань первыхъ дней. На брошенныхъ въ грязь лежатъ унылые офицеры. Подпрыгиваютъ, согрѣваясь отъ холода, люди въ военныхъ шинеляхъ, безъ погонъ, неряшливые и растерянные. Въ сторонѣ валяются «ненужныя» винтовки. Всѣ надрывающе поютъ:

«Мама, мама, что мы будемъ дѣлать,
Когда настанутъ зимни холода?».

Во второй картинѣ — символическая Россія, гордо поднявшая трехцвѣтный флагъ. Ее окружаютъ ощетинившіеся штыками чудесные галлиполійскіе юнкера. А мощный хоръ за сценой изъясняетъ:

«Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь святую»...

Человѣкъ рѣдкой выдержки и самообладанія А. П. не могъ скрыть своего волненія при видѣ этихъ картинъ. Въ тѣ минуты его чуткая, требовательная совѣсть должна была испытывать чувство полнаго удовлетворенія. Онъ выполнилъ свой долгъ: возродилъ идею національной Россіи и создалъ кадры національныхъ вооруженныхъ силъ. Въ этомъ сущность Галлиполи и историческая заслуга творца Галлиполи.

Противники и враги національной Россіи называли Галлиполи, да называютъ и понынѣ, Кутепіей, придавая этому слову понятіе Аракчеевскихъ поселеній и даже хуже — Бироновскаго застѣнка.

Всѣ эти легенды и измышленія сочинены непримиримостью инакомыслія. Галлиполи было русскимъ «послушаніемъ», гдѣ въ патріотическомъ горѣніи создавалась и ощущалась красота подвига.

Галлиполійская дисциплина была просвѣщенной дисциплиной, ибо своей задачей она имѣла не угашеніе, а возрожденіе духа въ его возвышенныхъ переливахъ.

Однако Галлиполи было и во-истину «Кутепіей», такъ какъ во всей своей многоликости отражало несокрушимую волю Кутепова, его любовь къ Родинѣ и его жертвенный экстазъ. И если Галлиполи — Кутепія, то только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать эпоху начала XVIII столѣтія — «Петровіей», а конецъ того же вѣка — «Екатериніей».

... ...

Да успокоитъ Господь свѣтлую, благородную душу творца Галлиполи и души всѣхъ тѣхъ, кто на вѣки остались на галлиполійскихъ кладбищахъ, и «кому не нашлось мѣста на Родинѣ»...

Ген.-м. Б. Штейфонъ.

б. начальн. штаба и коменд. Галлиполи

Одинъ изъ бѣженцевъ

Кончается лѣто. Все раньше и раньше наступаютъ сумерки. Скошены пожелтѣвшія поля. Какой то истомой дышетъ отъ лѣтняго солнца. И за вереницей бѣгущихъ дней уже видится грядущая осень. Осень...

Въ ноябрьскій день, дождливый, сѣрый и холодный, мы прибыли на этотъ пустынный галлипольскій берегъ. Пароходы, грязные, накренившіеся на одинъ бортъ, облѣпленные сѣрыми людьми, стояли на рейдѣ... Казалось, что эти люди потерпѣли аварію. Измученные, озлобленные, — съ ужасомъ въ глазахъ, съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, — они прибились къ суровому берегу, какъ прибивается разбитая въ щепки шлюпка къ враждебнымъ скалистымъ берегамъ. Выгрузились.

Размѣстились кое-какъ подъ открытымъ небомъ. Заползали въ щели развалинъ. Заполнили могильные склепы. И — подъ осеннимъ дождемъ, сумрачные и растерянные, стали грузить прибывающія палатки, тяжелые мѣшки съ консервами и хлѣбомъ, которые чья-то рука посылала въ это мѣсто послѣдняго отчаянія.

Гдѣ ты, дорогая Россія? Гдѣ ты, наша надежда на освобожденіе? Вмѣстѣ съ перекопскимъ валомъ разбилась наша послѣдняя мечта, на поляхъ Тавріи напрасно пролилась благородная кровь. Красная волна захлестнула остатки нашей арміи: ея уже нѣтъ.

Есть бѣженцы, потерявшіе кровъ. Есть рабочіе, согнувшіеся подъ тяжестью груза.

И во всѣхъ этихъ согнутыхъ спинахъ, во всѣхъ этихъ потупленныхъ глазахъ, въ тяжелой походкѣ, въ морщинахъ, избороздившихъ запыленныя лица — видно одно:

Отчаяніе!

Въ это время, на берегу, то тутъ, то тамъ, въ самой густой толпѣ, появлялся генералъ въ блестящихъ генеральскихъ погонахъ. Ходилъ спокойный, съ немного насмѣшливымъ взглядомъ, то суровый, то неожиданно веселый. Людей, которые потеряли все, которымъ было не до чинопочитанія и отданія чести, подтягивалъ, какъ будто это было на парадѣ. Иногда вдругъ останавливался передъ проходившей частью и бросалъ:

— Спасибо, молодцы артиллеристы!

И часть, затаивъ дыханіе, поднявъ голову, выпрямивъ спину, тяжело ступая на камни мостовой, отвѣчала по солдатски:

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Жизнь говорила: вы — бѣженцы, вы — конченные, вы — бывшіе люди. А генералъ все время, каждымъ своимъ движеніемъ какъ бы говорилъ:

— Вы не бѣженцы, вы солдаты...

***

Такъ насъ воспитывали.

И мало по малу изъ толпы, пришедшей сюда на корабляхъ, образовывались войска. Войска, спаянныя идеей, подчиняющіяся единой волѣ. Войска, которыя продолжали работать, таскать тяжести, подметать улицы, строить палатки, украшать лагери: но это были не рабочіе, не бѣженцы, но солдаты.

Войска, которыя удивили иностранцевъ. Благодаря которымъ въ Галлиполи утвердилась русская власть.

***

Когда пишутъ такъ, какъ пишу теперь я, то у скептиковъ возникаетъ вопросъ:

— Да, это парадная сторона жизни... Но что стоило это украшеніе лагеря, эта подтянутость, эта выправка... И для чего все это?

Я помню, какъ о Шульгинѣ, который съ восторгомъ описывалъ галлиполійскій лагерь, написалъ кто-то:

— Насъ раздражаютъ эти парадныя реляціи... Насъ раздражаетъ эта мишура, приводящая въ восторгъ господъ, видящихъ нашу жизнь изъ быстро промелькнувшаго автомобиля...

Я имѣю право сказать, что знаю эту жизнь. Знаю ее не изъ автомобиля. Въ безконечныя зимнія ночи я наблюдалъ ее дневальнымъ. Съ неба лилъ дождь. Выли шакалы. Сапоги хлюпали въ невылазной грязи. Для отдыха, послѣ смѣны, ждала постель на голой землѣ, постель, на которой кишѣли паразиты. Утромъ получался кусокъ хлѣба на весь день, въ полдень ожидался обѣдъ, похожій на грязныя помои. Но я знаю еще больше. Въ тяжелые дни безнадежныхъ ожиданій, я знаю тяжелые разговоры, полные отчаянія и тоски. Я не буду писать о восторгѣ, съ которымъ украшался лагерь; о радости, съ которой занимались люди уставами и маршировкой; о пониманіи всѣми задачъ, которыя ставились свыше.

Я слышалъ, какъ говорили:

— Надоѣла эта игра въ солдатики!

— Измученныхъ людей гоняютъ за шесть верстъ за камнями...

И я видѣлъ, какъ въ одинъ незабываемый день потянулись вереницы въ бѣженскій лагерь. Они не захотѣли больше подчинять свою волю чу-

жой! Надоѣла «игра въ солдатики». Надъ прошлымъ, полнымъ страданій, рѣшили поставить крестъ.

И поставили.

Но армія не распалась. Около старыхъ знаменъ сплотилися защитники ея чести. Во имя ея продолжали они страдать, продолжали вѣрить въ лучшіе дни...

***

И опять вспоминается тотъ, кто съ первыхъ же дней, преувеличенно бодрый, часто преувеличенно строгій, обходилъ толпу, выгрузившуюся на маленькой пристани, «цукалъ», арестовывалъ за пустяки, ободрялъ, подымалъ упавшій духъ — и думалъ объ одномъ только:

— О сохраненіи арміи.

Генералу Кутепову было ясно: удастся сохранить армію — и на клочкѣ земли у Геллеспонта сохранится очагъ русской государственности; не удастся — и отъ всѣхъ, кого судьба изгнала изъ Россіи, останется одно:

— Эмигрантская пыль.

Въ тотъ день, когда на рейдѣ стояли еще наши суда подъ желтымъ карантиннымъ флагомъ, онъ первый сошелъ на шлюпкѣ на негостепріимный берегъ. Французы любезно передали ему верховую лошадь — и верхомъ, подъ моросящимъ дождемъ, онъ проѣхалъ въ ту долину, которая въ шести верстахъ отъ города должна была стать нашимъ пристанищемъ.

Онъ засталъ тамъ голое поле, покрытое жидкой сметаной грязи. Дулъ нордъ-остъ и пригибалъ къ землѣ колючія травы.

— Это все?

— Все!

Сзади, въ шести верстахъ, сидѣли обезумѣвшіе люди, запертые въ трюмѣ. Впереди не было ничего.

Генералъ вернулся къ войскамъ. Что пережилъ онъ за этотъ обратный путь? Но подъѣхалъ онъ къ городу попрежнему веселый и бодрый, вошелъ на пароходъ, «цукнулъ» кое-кого по дорогѣ за расхлябанный видъ и приказалъ начать разгрузку.

Казалось, онъ не жалѣлъ этихъ людей. Казалось — нелѣпо было на первыхъ же дняхъ устраивать гауптвахту или «губу». Казалось — нельзя обременять голодныхъ и озябшихъ людей новыми работами.

А онъ — спокойный и твердый — дѣлалъ свое дѣло.

— Меня ругаютъ, — говорилъ онъ, — я это знаю. Пусть! Но я знаю, что дѣлаю...

Онъ могъ ошибаться. Но въ одномъ онъ былъ чистъ: онъ вѣрилъ въ свое дѣло и не былъ демагогомъ. Не искалъ людской популярности и шелъ напроломъ.

***

Тамъ, наверху, въ далекомъ Константинополѣ, совершалъ великій свой подвигъ генералъ Врангель. Въ дни тяжелаго отчаянія, наши взоры устремляются туда.

Вспоминалось, какъ въ тяжелые дни Крыма, онъ не бросилъ насъ — и до послѣдняго момента, то тутъ, то тамъ, появлялся среди своихъ войскъ... И любовь, стихійная, возрастающая охватывала насъ — и въ эти дни безпросвѣтнаго страданія чувствовалось одно:

— Онъ тамъ стоитъ на стражѣ. Онъ не дастъ насъ въ обиду. Онъ защититъ нашу честь...

А въ это время генералъ, который выгрузился съ нами, взялъ на себя всю черную работу, всю тяжесть нашей повседневной жизни. Когда становилось особенно трудно, онъ, какъ будто нарочно, принималъ на себя все озлобленіе толпы, скрытое, можетъ быть, подъ воинской дисциплиной, бралъ на себя, чтобы образъ его, страдающаго на «Лукуллѣ», оставался попрежнему чистымъ и свѣтлымъ.

Чтобы было лицо, которое любили бы. Любили беззавѣтно, какъ единаго вождя.

— Потому что мы не бѣженцы, не чернорабочіе, но армія.

***

А клевета пошла все дальше и дальше. Господа изъ «Послѣднихъ Новостей» и «Воли Россіи» писали о разстрѣлахъ и поркахъ. Писали, какъ ходитъ генерала Кутеповъ по улицамъ, бьетъ офицеровъ палкой. Кусочекъ греческой земли, гдѣ гордо сталъ развѣваться русскій флагъ, сталъ называться «Кутепіей».

И этому вѣрили.

Вѣрили не только бѣженцы, разбросанные по всей Европѣ. Вѣрили не только интеллигенты, не научившіеся ничему и ничего не забывшіе. Одинъ видный донской генералъ, пріѣхавшій въ Галлиполи, изумленно спросилъ:

— А гдѣ же висѣлица?

Онъ вѣрилъ въ эту висѣлицу, которая стоитъ у входа въ городъ. Въ висѣлицу, какъ въ символъ «кутеповскаго режима».

Да развѣ можно было Кутепову обойтись безъ висѣлицы?

И поползла клевета, мелкая, злобная, не останавливающаяся передъ явнымъ неправдоподобіемъ. Уже писали разсказъ его деньщика о томъ, какъ генералъ ходитъ по комнатамъ своего дома и — когда онъ въ хорошемъ настроеніи — мурлычетъ себѣ подъ носъ:

— Боже, царя храни...

А въ это время, генералъ, который вмѣстѣ съ женой помѣщается въ одной маленькой комнатѣ, говорилъ:

— Мнѣ важно только одно: воля народа. И если я буду знать, что такова его воля, — я, какъ солдатъ, будутъ служить тому строю, который онъ установитъ...

Кончается лѣто...

Уже скоро придется подводить итоги. Куда-то, въ славянскія страны, пойдемъ мы для новой жизни.

Насъ стало немного меньше. Но попрежнему развѣвается русскій флагъ. И около старыхъ знаменъ стоитъ, какъ почетный караулъ, Русская Армія.

Наступитъ осень, вѣроятно, уже въ другой странѣ. Зима и, можетъ быть, лучезарное солнце весны покажетъ намъ путь къ далекой родинѣ. Мы придемъ къ ней не съ жаждой стараго, не съ жаждой мести. Мы придемъ услышать и исполнить ея волю.

Ей, Россія, *принесемъ мы въ подарокъ сбереженныя реликвіи* нашей государственности. Ей отдадимъ мы наши старыя знамена, сохраненныя въ годину лихолѣтія. Къ ногамъ ея положимъ трехцвѣтныя знамена и скажемъ:

— Суди!

И она разсудитъ.

И генералу, который принялъ на себя всю тяжесть жизни, труда, непониманія и клеветы, — скажетъ, какъ умѣетъ говорить только она:

— Въ тяжелые дни ты думалъ только обо мнѣ...

В. Даватцъ.

Галлиполи, 21 іюля 1921.

⁂

Въ началѣ марта 1921 года, въ Константинополѣ, я получилъ предложеніе отправиться въ Галлиполи и замѣнить тамъ представителя Всероссійскаго Земскаго Союза и Всероссійскаго Союза Городовъ г-на К., милѣйшаго человѣка, Орловскаго земца, у котораго получилась невязка съ Корпуснымъ Командованіемъ.

Обѣ стороны другъ друга не поняли.

Какъ разъ въ эти дни въ Константинополь пріѣхалъ Александръ Павловичъ Кутеповъ, и я встрѣтился съ нимъ въ кабинетѣ А. С. Хрипунова.

Я пытливо вглядывался въ этого молодого генерала въ длинной солдатской шинели.

Имя его, овѣянное славой Ледяного Похода и боевъ гражданской войны, мнѣ, конечно, было извѣстно и, сказалъ-бы, не безразлично.

А слухи, которые ходили по Константинополю о страшной Кутепіи, гдѣ отнынѣ предстояло работать, о его неумолимой строгости, о ненависти къ нему загнанныхъ въ Галлиполи войскъ, наконецъ, то печальное недоразумѣніе, которое окончилось отъѣздомъ изъ Галлиполи моего предшественника, — все это не могло не усилить моего интереса къ собесѣднику.

Передо мной сидѣлъ коренастый русскій человѣкъ съ лицомъ, какъ впослѣдствіи, смѣясь надъ собой, говорилъ Александръ Павловичъ, «типичнаго Московскаго банщика».

Но на этомъ лицѣ свѣтились умные насмѣшливые глаза, и на немъ играла прекрасная улыбка.

Развитыя скулы и рѣзкій голосъ, немного отрывистая рѣчь говорили о волевой рѣшительности.

Мнѣ очень хотѣлось опредѣлить его удѣльный вѣсъ, отбросить все наносное, что съ годами наростаетъ на каждомъ, — позу, если она была въ немъ, слухи о немъ, даже его военную оболочку и погоны полнаго генерала.

Глядя на него, помнится, я подумалъ: да, этотъ ни «тараканьихъ бѣговъ» не устроитъ, ни «уголковъ» не откроетъ и «на землю не сядетъ». — въ тѣ дни послѣднія достиженія русскаго Константинополя.

«Буду ждать Васъ въ Галлиполи. Увѣренъ въ успѣхѣ Вашей работы тамъ», — сказалъ на прощаніе мой собесѣдникъ.

И вотъ оно Галлиполи, — «страшный застѣнокъ», «Кутепія».

Маленькій разбитый полутурецкій, полугреческій городокъ на берегу пролива. Среди развалинъ кое-гдѣ мраморъ древнихъ временъ.

Греческая администрація, сотня-полторы Сенегальцевъ, стоявшихъ за городомъ. Десятокъ французскихъ офицеровъ, и миноноска на рейдѣ.

Но все это нужно было еще найти и разглядѣть.

А въ глаза бросались русскіе флаги, русская военная форма, русскія молодыя лица, громкая русская пѣсня, русское оружіе, отчетливый шагъ русской войсковой части.

Какія-же это войска? Они не похожи на Гвардію моего времени. Та была щегольски красива и величественна. Но это и не Армія. Не та пыльная сѣрая Армія годовъ Великой войны, — вооруженный народъ,— которая такъ трагически бросила воевать. Это и не войска гражданской войны, опьянѣвшія отъ крови и въ конецъ истомленныя.

Это что-то какъ будто совсѣмъ новое.

1-го апрѣля я представился генералу Кутепову въ Галлиполи.

«Не буду давать Вамъ никакихъ указаній и ни о чемъ не стану сейчасъ Васъ просить. Вамъ будетъ данъ автомобиль. Всѣ пути и мѣста для Васъ открыты. Поѣзжайте, посмотрите, познакомьтесь и начинайте Вашу работу. А я, повторяю, увѣренъ въ ея успѣхѣ».

Черезъ недѣли три послѣ этого свиданія, успѣвъ побывать по нѣскольку разъ во всѣхъ частяхъ и учрежденіяхъ Корпуса и дѣлая докладъ Центру *обо всемъ мною увидѣнномъ и о главнѣйшихъ нуждахъ* Галлиполи, я закончилъ его такими словами:

«Въ концѣ 1920 и въ началѣ 1921 годовъ въ Галлиполи совершилось русское національное чудо, поражающее всѣхъ и заражающее всѣхъ, непричастныхъ къ нему.

«Разрозненные, измученные, духовно и физически изнуренные остатки Арміи ген. Врангеля, отступившіе въ море и выброшенные зимой на пустынный берегъ разбитаго городка, въ нѣсколько мѣсяцевъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, создали крѣпкій центръ русской государственности на чужбинѣ, блестяще дисциплинированную и одухотворенную Армію, гдѣ солдаты и офицеры работаютъ, спятъ и ѣдятъ рядомъ, буквально изъ одного котла, — Армію совершенно отказавшуюся *отъ партизанщины и личныхъ интересовъ, нѣчто вродѣ нищенствующаго* рыцарскаго ордена.

...«Во главѣ этой невиданной въ исторіи русскихъ войнъ Арміи стоитъ еще молодой генералъ, — человѣкъ совершенно русскій, совершенно рѣшительный и совершенно честный.

«Топоромъ, а не рѣзцомъ, обтесывалъ онъ зданіе, которое строилъ. Летѣло много щепокъ, а вышло совсѣмъ хорошо».

Что-же сдѣлалъ въ Галлиполи со своими войсками генералъ Кутеповъ?

Онъ вдохнулъ въ толпу идею, которая горѣла у него самого.

Онъ заставилъ людей повѣрить въ самихъ себя, а затѣмъ повѣрить и въ то, что на развалины Галлиполи прибыла не разбитая толпа, не банды, а русская Армія, отступившая въ резервъ.

Онъ, какъ очень образно разсказываетъ В. Х. Даватцъ, «ходилъ спокойный, съ немного насмѣшливымъ взглядомъ, то суровый, то веселый. Людей, которые потеряли все, подтягивалъ какъ будто это было на парадѣ.

«Иногда вдругъ останавливался передъ проходившей частью и бросалъ:

«Спасибо, молодцы!

«И часть, затаивъ дыханіе, поднявъ головы, выпрямивъ спины, твердо шагая по камнямъ мостовой, отвѣчала радостно:

«Рады стараться, Ваше Высокопревосходительство!»

Онъ крѣпко любилъ ихъ и крѣпко о нихъ заботился.

Съ первой просьбой ко мнѣ генералъ Кутеповъ обратился въ маѣ.

Съ конца апрѣля французскій паекъ въ Галлиполи подвергся новому сокращенію. Особенно тяжко отражалось это на юнкерахъ (около 1.600 человѣкъ), которые несли и службу и усиленно занимались науками.

Въ одинъ изъ майскихъ дней генералъ Кутеповъ неожиданно попросилъ меня «зачислить всѣхъ юнкеровъ въ дѣтей». А дѣти въ Галлиполи получали отъ Международнаго Краснаго Креста черезъ меня дополнительное питаніе. Это была серьезная помощь.

Надо было видѣть радость Александра Павловича, когда его желаніе было исполнено. Увѣренъ, что ни одинъ изъ «дѣтей» такъ не радовался.

Въ сущности эта просьба была и послѣдней.

Работа русскихъ общественныхъ организацій въ Галлиполи сложилась сама собой.

Ее подсказывали жизнь и тѣ матеріальныя возможности, которыя вмѣстѣ съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ Галлиполи я получалъ изъ Центра, вѣрнѣе, отъ А. С. Хрипунова.

Само собою сложились и личныя наши отношенія съ А. П. Кутеповымъ.

Они были ровными, простыми и дружескими.

Мы встрѣчались почти ежедневно — въ Штабѣ, на смотрахъ, военныхъ празднествахъ, спортивныхъ состязаніяхъ, на концертахъ нынѣ знаменитыхъ Галлиполійскихъ хоровъ, въ театрѣ, въ музыкально-художественномъ кружкѣ, на лекціяхъ и сеансахъ устной газеты, въ гимназіи, у меня въ управленіи, дома и въ городѣ.

А. П. живо интересовался всѣми сторонами Галлиполійской жизни, а его появленіе всегда вносило общее оживленіе и приподнятость.

Но А. П. Кутеповъ не только воспитывалъ, заботился и любилъ свои войска. Онъ и охранялъ ихъ отъ всего враждебнаго имъ извнѣ и одновременно чистилъ ихъ среду.

Когда Армія повѣрила въ себя, она, естественно, заставила повѣрить въ себя и другихъ. Греки и турки быстро и непререкаемо признали Армію. Труднѣе было заставить считаться съ нею фактическихъ хозяевъ положенія — французовъ.

Пока обстановка еще не выяснилась, французы оказывали кое-какіе внѣшніе знаки признанія.

Но когда во Франціи Правительство Лейга смѣнилось Правительствомъ Бріана, то въ русско-французскихъ отношеніяхъ въ Галлиполи сразу опредѣлился новый курсъ. Отношенія выродились въ скрытую, но острую вражду.

Извѣстно постановленіе французскаго командованія и его призывъ къ русскимъ солдатамъ не подчиняться офицерамъ, попытка соблазнить ихъ отправкой на родину съ гарантированіемъ неприкосновенности, заманчивыя обѣщанія то Бразильскими перспективами, то работой въ Баку.

Все это дѣлалось съ нескрываемымъ намѣреніемъ подорвать авторитетъ русскаго начальствованія.

Но въ эти дни войска уже сознавали себя, а генералъ Кутеповъ, опираясь на свой авторитетъ, который стоялъ въ частяхъ уже чрезвычайно высоко, рѣшительно отклонялъ малѣйшія попытки къ умаленію русскаго имени и своего престижа.

Каждый шагъ его становился извѣстнымъ всюду и, увеличивая его обаяніе, вливалъ въ каждаго отдѣльнаго человѣка чувство гордости и *національнаго достоинства*.

Однако, разлагающая работа французовъ наростала. *Въ Галлиполи* появился кадръ агитаторовъ. На улицахъ расклеивались прокламаціи, *охраняемыя французскими часовыми и призывавшія къ прямому* неповиновенію начальникамъ.

Былъ объявленъ и свободный для всѣхъ выѣздъ въ Константинополь.

Люди, измученные 7-ми мѣсячнымъ недоѣданіемъ, два мѣсяца уже не получавшіе денежнаго пособія (1 лира въ мѣсяцъ на солдата и 2 на офицера), распродавшіе все, лишенные не только хлѣба, но и табака и клочка бумаги, не освѣдомленные о возможныхъ перспективахъ въ будущемъ, метались, какъ горячечные больные, принимая на вѣру безъ малѣйшей критики самые невѣроятные слухи.

Армія заболѣла неврастеніей въ острой формѣ.

И вотъ, въ это время генералъ Кутеповъ рѣшилъ вылечить ее путемъ ампутаціи.

Я узналъ о предстоящей операціи за нѣсколько дней до ея обнародованія. И, каюсь, очень волновался.

Наконецъ, 23-го мая послѣдовалъ историческій въ жизни Корпуса приказъ, которымъ всѣмъ ослабѣвшимъ духомъ разрѣшалось въ теченіе 3-хъ дней покинуть ряды войскъ. По истеченіи же этого срока самовольное оставленіе этихъ рядовъ разсматривалось уже, какъ *дезертирство*.

Когда операція закончилась, то оказалось, что изъ Арміи ушло всего около 2-хъ тысячъ человѣкъ.

Армія выдержала экзаменъ на крѣпость духа и стала вновь здоровой.

Суровая, но настоящая любовь.

Да. Но какое-же все-таки «зданіе» строилъ въ *Галлиполи* генералъ Кутеповъ?

Не русскую-ли казарму для уставшихъ защитниковъ бѣлой идеи?

16-го іюля въ *Галлиполи состоялось особенное торжество. Освящали* Памятникъ-Курганъ, возведенный изъ камней, принесенныхъ по приказу генерала Кутепова каждымъ русскимъ человѣкомъ въ Галлиполи.

...«Своимъ братьямъ воинамъ за честь родины нашедшимъ покой на чужбинѣ... Памяти своихъ предковъ запорожцевъ, умершихъ въ турецкомъ плѣну...»

Это было первое гражданское торжество въ Галлиполи.

Но памятникъ былъ поставленъ вовсе не однимъ только русскимъ воинамъ. Къ тому-же такіе памятники въ Галлиполи уже имѣлись.

Памятникъ этотъ былъ воздвигнутъ «Русскому духу», Россіи.

Ибо, какъ показали итоги, твореніе генерала Кутепова — Галлиполи — было вовсе не казармой для войскъ, а послѣднимъ золотымъ сномъ о Россіи. Послѣднимъ, гдѣ она звучала, и, можетъ быть, единственнымъ, за всѣ эти долгіе и унылые годы, о чемъ стоитъ и нужно вспоминать.

Но тогда, можетъ быть, — ...«честь безумцу, который навѣетъ человѣчеству сонъ золотой?»

Не совсѣмъ такъ. Жизнь, правда, ушла отъ Галлиполи. Но вѣдь, пока-что, она ушла и отъ совѣсти, и отъ чести, и отъ самой Россіи, и даже отъ Бога.

А «сны-ли это?»

Скорѣе наоборотъ: слѣдуя по путямъ матеріализма, исключающаго всѣ духовныя цѣнности, именно теперь жизнь движется къ безумной иллюзорности.

Но если на этомъ свѣтѣ еще будутъ цѣнны не только одни денежные знаки и сытый животъ, — то Галлиполи, этотъ русскій золотой сонъ, это высокое сіяніе русскаго духа, напряженнаго до предѣла, эта памятка о Россіи, тоже не малая цѣнность.

Россія, неугасаемая мысль о ней, любовь къ ней, — вотъ, поистинѣ, маніакальная идея А. П. Кутепова.

Въ ней, какъ и въ Ильѣ Муромцѣ, вся ея сила.

Къ ней ведутъ всѣ его достиженія. Отъ нея идутъ и всѣ его ошибки.

И даже Армія, которую онъ такъ любилъ, была для него не болѣе, какъ воплощеніемъ лучшаго русскаго.

Характерно, что именно таковымъ творецъ Галлиполи изображается на всѣхъ рѣшительно каррикатурахъ той эпохи, — образцахъ свободнаго «народнаго творчества».

Галлиполи было наиболѣе яркимъ проявленіемъ его души.

То, что онъ дѣлалъ до Галлиполи, дѣлали и другіе.

Тамъ онъ былъ «однимъ изъ стаи славныхъ»...

Здѣсь онъ оказался единственнымъ.

То, что онъ смогъ сдѣлать послѣ Галлиполи, во время пребыванія въ славянскихъ земляхъ, уже не носитъ въ себѣ той цѣлостной яркости, законченности и величавости, какія отличаютъ его работу тамъ.

Это были только исканія въ новыхъ условіяхъ.

А когда, во имя работы на ту же Россію, онъ оставилъ своихъ соратниковъ, *перешедшихъ къ тому же на «трудовое положеніе» во имя личнаго* куска хлѣба и уже распыленныхъ по всему міру, когда онъ занялся тайной, страшной и неравной борьбой съ большевиками, когда онъ сказалъ своей женѣ: «если будетъ нужно для Россіи, — я не только себя, но и тебя и Павлика не пожалѣю», когда онъ рѣшительно велъ на страшный рискъ мученической смерти русскихъ героическихъ людей, когда онъ и самъ погибъ въ этой неравной борьбѣ, — тогда въ шагахъ А. П. Кутепова почувствовался темпъ какого-то лихорадочнаго движенія, какъ будто онъ хотѣлъ силой своей воли ускорить и повернуть медленный ходъ исторіи.

Сколько безсонныхъ ночей, какія напряженныя думы пришлось ему пережить въ эти дни.

И какъ трагически одинокъ былъ онъ тогда.

Но въ исторію перейдутъ все же не эти благороднѣйшія усилія современнаго русскаго богатыря А. П. Кутепова.

О нихъ будемъ знать только мы, его современники.

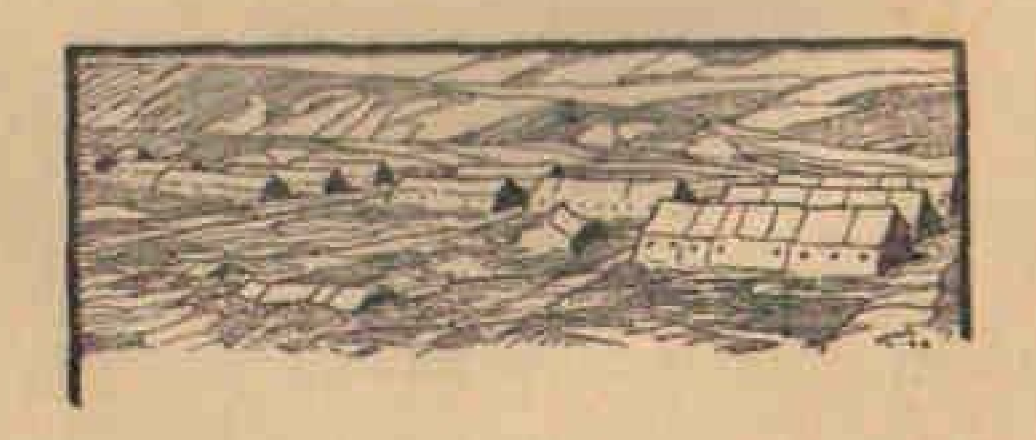
Неумолимое время стираетъ въ памяти людей все, что не достигло цѣли.

Въ исторію перейдетъ Галлиполи.

Наши внуки, а правнуки уже навѣрное, будутъ его чтить можетъ быть даже больше, чѣмъ чтимъ его мы.

Сергѣй Рыпниченко.

30 мая, 1933 г.
Рига.

Желѣзный Генералъ

(Изъ воспоминаній объ А. П. Кутеповѣ)

Послѣ бури. — Бѣлградскій этапъ. — Въ домикѣ на Душановацѣ. — Прогулки Александра Павловича. — На работахъ. — Мысли за чашкой чая. — Первая встрѣча. — Желѣзный генералъ. — Всегда и во всемъ служеніе.

Хорошо памятенъ мнѣ этотъ крохотный домикъ на Душановацѣ, стоявшій тогда далеко за городомъ среди необъятныхъ пустырей... Впрочемъ, и самый Бѣлградъ, за эти десять лѣтъ превратившійся въ красивый и культурный европейскій центръ, — въ то время — въ 1922-1923 г.г. — былъ не только по размѣрамъ сербской довоенной столицей, но еще начиналъ оправляться отъ послѣдствій Великой войны.

Душановацъ — тогда предмѣстье,— къ которому нужно было итти— трамваевъ и автобусовъ въ то время не было въ этомъ раіонѣ — по Шумадійскому шоссе, пройдя артиллерійскія казармы, — выйти въ поле, гдѣ еще не было улицъ и, помѣсивъ грязь, добраться, наконецъ, къ одному изъ одиноко стоящихъ домиковъ.

Одинъ изъ такихъ домиковъ и облюбовалъ А. П. Кутеповъ по пріѣздѣ въ Бѣлградъ изъ Болгаріи и поселился въ немъ вмѣстѣ съ супругой Лидіей Давыдовной, братомъ Борисомъ Павловичемъ, секретаремъ М. А. Критскимъ и неизмѣннымъ Федоромъ.

Въ это время Александръ Павловичъ рѣзко измѣнилъ обликъ и сталъ носить штатскій костюмъ вмѣсто формы, съ которой не разставался ни въ Галлиполи ни въ Болгаріи. По причинѣ грязи на окраинѣ, А. П. носилъ высокіе сапоги, — это дѣлало его похожимъ на хозяйственнаго помѣщика средней руки.

Каждый день, въ 8 часовъ утра, А. П. Кутеповъ своимъ размѣреннымъ, кутеповскимъ шагомъ направлялся въ управленіе военнаго агента полковника В. І. Базаревича, помѣщавшееся тогда на ул. Кр. Милутина. Дорога въ одинъ конецъ занимала около часа, — столько же

времени приходилось затрачивать и на обратный путь, но А. П. Кутеповъ всегда появлялся съ той безупречной точностью, которая давала возможность по его приходу провѣрять часы.

Въ домикѣ на Душановацѣ жили очень скромно, но всегда радушно принимали соратниковъ, и къ домику тянулись всѣ прибывающіе и проѣзжающіе черезъ Бѣлградъ чины Русской Арміи. Изъ Болгаріи въ это время еще началась массовая тяга на работы во Францію; ѣхали цѣлыми эшелонами. И не было человѣка, — будь это генералъ или рядовой, — кто не считалъ бы своимъ долгомъ, пользуясь задержкой поѣзда, зайти повидать генерала Кутепова.

Конечно, еще интенсивнѣе были посѣщенія Душановаца русскими, пріѣзжающими въ Бѣлградъ изъ югославянской провинціи. Привлекалъ Душановацъ и пріѣзжавшихъ изъ за границы... Удивительнымъ образомъ, какъ магнитъ желѣзныя опилки, притягивалъ къ себѣ А. П. Кутеповъ всѣ русскія сердца, горѣвшія любовью къ родинѣ. Оттого паломничество на Душановацъ являлось для всѣхъ пріятной обязанностью. Въ бѣлградскомъ этапѣ Русской Арміи въ изгнаніи это было наиболѣе памятное мѣсто...

***

Сравнительно недалеко отъ Душановаца, на одномъ изъ холмовъ Топчидера, выходившаго этой стороной къ Душановацу, была получившая также большую извѣстность среди русскихъ вилла, на которой жилъ Главнокомандующій генералъ Врангель.

Когда позволяло состояніе дорогъ, А. П. Кутеповъ часто ходилъ на виллу къ Главнокомандующему; нерѣдко и послѣдній навѣщалъ Александра Павловича, и очень часто ихъ обоихъ видѣли гуляющими на пустыряхъ между Топчидеромъ и Душановацемъ.

О чемъ говорилось ими во время этихъ прогулокъ?..

Вообще, прогулки, которыя очень любили и А. П. Кутеповъ и П. Н. Врангель не были только развлеченіемъ. Очевидно, въ нихъ была органическая потребность, — въ нихъ находило выходъ то волевое начало обоихъ, которое послѣ боевъ и напряженной борьбы было сковано теперь вынужденнымъ бездѣйствіемъ.

Ходилъ Александръ Павловичъ мастерски и очень любилъ этотъ спортъ. При чемъ онъ никогда не стѣснялся разстояніями и заранѣе съ точностью до минуты опредѣлялъ, въ какое время онъ совершитъ прогулку. Такъ не одинъ разъ для прогулокъ А. П. выбиралъ гору Авалу,

на вершинѣ которой развалины замка XIII вѣка. Гора эта находится въ 20 километрахъ отъ Бѣлграда, но эта прогулка совершалась имъ съ большой легкостью, и, послѣ сдѣланныхъ 40 километровъ, Александръ Павловичъ чувствовалъ себя освѣженнымъ и могъ заниматься дѣлами.

Одинъ разъ я былъ свидѣтелемъ еще болѣе длительной прогулки А. П. Кутепова. Какъ-то въ бесѣдѣ съ нимъ я сказалъ, что по порученію редакціи собираюсь проѣхать въ село Малую Иванчу, чтобы написать о казакахъ, работающихъ на постройкѣ желѣзной дороги.

— Когда собираетесь? — спросилъ А. П.

— Завтра съ утреннимъ поѣздомъ, чтобы поспѣть къ обѣду.

— Значитъ, — сказалъ А. П., — если я выйду завтра въ пять утра, то не спѣша, тоже попаду къ обѣду, — вѣдь всего 35 километровъ. Значитъ, встрѣтимся.

И, дѣйствительно, на другой день А. П. Кутеповъ почти одновременно со мной, пріѣхавшимъ по желѣзной дорогѣ, пришелъ пѣшкомъ въ Малую Иванчу. Сопровождавшій его Федоръ, въ отсутствіи генерала признавался, что было трудновато переваливать черезъ холмы, мѣстность, какъ на грѣхъ, удивительно пересѣченная. Но Александръ Павловичъ былъ свѣжъ и бодръ.

Послѣ обѣда онъ обошелъ всѣ мѣста работъ, осмотрѣлъ бараки, гдѣ жили казаки, лазаретъ, — всѣ стороны хозяйства. А вечеромъ окруженный степенными станичниками сдѣлалъ имъ большое сообщеніе о политическомъ положеніи въ Европѣ, о положеніи въ совѣтской Россіи, умѣло приспособивъ изложеніе къ казачьему пониманію.

Это была удивительная, совершенно библейская картина, гдѣ вождь говоритъ съ народомъ, ушедшимъ въ изгнаніе. Представьте себѣ угасающій день. На небѣ робко дрожитъ первая, еще блѣдная, звѣзда. Предвечернюю тишину глухой сербской деревушки только подчеркиваетъ блеяніе возвращающагося съ пашни скота. Но вотъ и оно стихло...

Суровы морщинистыя лица казаковъ, далеко на Кубани родныя станицы, гложетъ тоска по родинѣ, клещами давитъ казачье сердце, оттого и «обрыдли до биса» земляныя работы, а что впереди—никто не знаетъ... И вдругъ самъ Кутеповъ, — «той самый, що», — тутъ же среди нихъ, грозный генералъ, а сейчасъ, какъ они, изгнанникъ, — разсказываетъ, да какъ разсказываетъ, — такъ, что и послѣдній дурень пойметъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ... Охъ, и качали потомъ станичники генерала. Хоть и ничего не обѣщалъ генералъ, а, наоборотъ, — говоритъ, что трудно теперь, а можетъ еще труднѣе будетъ, но все это для Россіи, — и у

всѣхъ на душѣ легче стало. Зналъ такія простыя слова генералъ Кутеповъ, что и казаку и солдату западали въ самое сердце...

Слова эти простыя, какъ просты бываютъ слова молитвъ, но вѣдь и не всякій священникъ одинаково молится. Нужно крѣпко самому вѣрить, чтобы слова эти зажигали другихъ. Такимъ словомъ для Кутепова была Россія.

Переночевалъ А. П. Кутеповъ въ Малой Иванчѣ по походному, на соломѣ, а на другой день рано утромъ вышелъ и къ полдню вернулся въ Бѣлградъ. Такія прогулки и съ такой легкостью могъ дѣлать только человѣкъ со здоровымъ и при томъ съ хорошо тренированнымъ сердцемъ...

⁂

Не одинъ разъ мнѣ приходилось въ домикѣ наДушановацѣ пить чай, а иногда и ужинать; подъ послѣднее понятіе всегда входили макароны.

Сидя за стаканомъ чая, я видѣлъ А. П. Кутепова въ самой интимной обстановкѣ, въ кругу семьи и близкихъ людей. Такъ близко я видѣлъ теперь одного изъ самыхъ героическихъ борцовъ за освобожденіе родины, — я видѣлъ человѣка, въ составѣ войскъ котораго мнѣ привелось пройти самый трагическій отрѣзокъ пути, совершеннаго Русской Арміей отъ Ростова-на-Дону до Новороссійска.

Вспоминались пережитые ужасы эвакуаціи Новороссійска. И далѣе — сломанный порывомъ доблести Перекопъ. Сѣверная Таврія, Мелитополь. И снова эвакуація. Константинопольскій рейдъ. Галлиполійскій лагерь.

Дальше шли — Болгарія, Варна, Софія, Велико Тырново...

И, наконецъ, Югославія, Бѣлградъ. Все это этапы, неразрывно связанные съ А. П. Кутеповымъ... Сложный калейдоскопъ событій, встрѣчъ и лицъ, — всего пережитого...

И если въ самомъ тяжкомъ горѣ можно находить утѣшеніе , если въ вынужденномъ оставленіи родины возможно въ чемъ либо счастье, то это счастье было въ томъ, что оставить родную землю пришлось въ составѣ арміи, имѣвшей славныхъ вождей и выполнившей свой долгъ. Принадлежность къ Арміи придавала изгнанію особый смыслъ, наполняла его своимъ содержаніемъ, — безъ этого казалось бы еще тяжелѣе...

И всякій разъ, когда я бывалъ у А. П. Кутепова, двѣ мысли неотступно сопровождали меня.

Отшумѣла гражданская война, отсижено галлиполійское сидѣніе. Что же дальше?... Я всегда понималъ, что всякая война явленіе временное, что мечи перековываются въ орала, и потому очень легко представлялъ себѣ многихъ самыхъ видныхъ героевъ бѣлаго движенія въ самой мирной обстановкѣ. Но, какъ я ни пытался, я никакъ не могъ представить А. П. Кутепова генераломъ на пенсіи, мирно доживающимъ свой вѣкъ и умирающимъ по обывательски на кровати отъ какого-нибудь недуга, а не въ бою, отъ руки враговъ... Въ немъ ощущалась обреченность человѣка, отдающаго жизнь родинѣ. Этими мыслями я всегда дѣлился съ ближайшими друзьями, и мы въ концѣ концовъ рѣшали, что если судьба до сихъ поръ хранила А. П. Кутепова, то, значитъ, онъ нуженъ еще для будущаго...

**
*

Второй частой мыслью о генералѣ Кутеповѣ было то, что несмотря на всю ясность, близость и понятность его образа, я часто пытался вспомнить, гдѣ, когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ я впервые увидѣлъ генерала Кутепова. Къ моему удивленію, мнѣ это никогда не удавалось.

И это тѣмъ болѣе странно, что изъ многочисленныхъ встрѣчъ за годы лихолѣтья, сохранившихся въ архивѣ моей памяти, — образъ генерала Кутепова по своей яркости и рельефности занимаетъ исключительное мѣсто.

Часто думая объ этомъ, мнѣ уже не кажется страннымъ безслѣдно исчезнувшее воспоминаніе о первой встрѣчѣ. Бываютъ времена, когда идеи и люди, проводящіе ихъ въ жизнь, сливаются во-едино. Въ такое время изъ глубинъ первыхъ боевъ выплылъ для меня образъ генерала Кутепова.

Можетъ быть, оттого, что Богъ не далъ мнѣ счастья съ первыхъ же дней возникновенія Добровольческой арміи принимать участіе въ ея рядахъ, — мечтая объ этомъ, я думалъ о тѣхъ, кто среди стихіи предательства и разложенія, дерзнулъ восстать и вести за собой во имя Россіи. Во-истину, это были легендарные люди, казавшіеся въ то время воплотившимся миѳомъ о рожденіи національныхъ героевъ на оскверненной родной землѣ!..

Еще совершенно не зная, никогда не видя генерала Кутепова, у меня сложилось о немъ прочное, ясное и опредѣленное представленіе:

— Желѣзный Генералъ.

Образъ генерала Кутепова такимъ вошелъ и жилъ въ моей душѣ. Очевидно, мои представленія не разошлись съ тѣмъ, что я увидѣлъ, — оттого я и не могу съ точностью вспомнить, когда и гдѣ я впервые увидѣлъ Кутепова, — такое ощущеніе, будто Кутеповъ всегда жилъ въ моей душѣ. Именно такой, какимъ онъ и могъ быть, даже по внѣшности, вышедшій изъ огня боевъ, — легендарный генералъ. Онъ русскій по обличью, у него коренастая фигура, четкая, но, вѣроятно, тяжеловатая походка, рѣзкій голосъ, и говоритъ онъ, словно командуетъ, — отрывисто...

Вѣроятно, — я не одинокъ въ этомъ, — вмѣстѣ съ этими представленіями зарождалась у людей и любовь къ «Желѣзному Генералу», задолго до того, пока приходилось съ нимъ встрѣтиться.

*
* *

А. П. Кутеповъ — крупное явленіе. Онъ весь принадлежитъ исторіи, и только исторія, конечно, и сможетъ дать полную оцѣнку этого явленія, яркимъ метеоромъ пронесшагося черезъ гражданскую войну, несломленнаго духомъ и въ изгнаніи, всегда дѣйственнаго, всегда устремленнаго къ единственной цѣли — борьбѣ за Родину.

Но и мы — соратники и сотрудники «Желѣзнаго Генерала» и тѣ современники, которымъ, такъ или иначе, приходилось встрѣчаться съ нимъ, — всѣ мы свидѣтельствуемъ о необыкновенной цѣльности и опредѣленности характера А. П. Кутепова. Это выдѣляло его и ставило на особое мѣсто въ яркой плеядѣ вождей бѣлаго движенія.

Это не полный устремленности блестящій Врангель, не пламенный горящій гнѣвомъ Корниловъ, не умудренный опытомъ Алексѣевъ... Образъ Кутепова въ одно и то же время и гораздо проще и несравненно сложнѣе.

Любопытно, что о Кутеповѣ не существуетъ анекдотовъ. Анекдотъ — то маленькое, что отодвигаетъ офиціальный ликъ человѣка и раскрываетъ за нимъ другой, интимный. Лѣсковъ собралъ даже цѣлую книгу архіерейскихъ мелочей. Но есть стороны жизни, гдѣ анекдотъ просто не можетъ явиться. Одно дѣло архіерей, просто разъѣзжающій по епархіи, и другое — совершающій богослуженіе.

Генералъ Кутеповъ всегда былъ повернутъ къ людямъ, даже къ самымъ близкимъ, именно этой стороной — служенія. Вся его жизнь исчерпывалась служеніемъ родинѣ. Въ немъ для Кутепова не было ни малаго, ни большого — оно все одинаково велико. Будь это подвигъ въ атакѣ на

глазахъ всего полка, будь скучное обученіе солдатъ въ казармѣ, постъ губернатора, офицерская рота, — Кутеповъ всюду неизмѣненъ. Онъ всюду одинаково серьезенъ. Ибо все, что ни творилъ онъ, было пронизано у него одинаковымъ сознаніемъ долга...

Н. Рыбинскій.

14 іюля, 1933 г.
Бѣлградъ.

О генералѣ Кутеповѣ

(Страничка моихъ воспоминаній)

Имя генерала Александра Павловича Кутепова послѣ Великой войны, Добровольческой и Галлиполи стало одно изъ популярнѣйшихъ именъ въ русской военной средѣ.

Мнѣ пришлось познакомиться съ генераломъ 9 марта 1923 года на Ривьерѣ, въ городѣ Антибѣ, у Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Генералъ пріѣхалъ изъ Бѣлграда и просилъ быть принятымъ Великимъ Княземъ.

Его Императорское Высочество жилъ тогда, какъ частное лицо, почти никого не принималъ и считалъ, что всѣ Члены Императорской Фамиліи, послѣ всего случившагося, должны были бы воздерживаться отъ проявленія какой либо активной дѣятельности.

Генерала Кутепова Великій Князь зналъ, какъ человѣка съ желѣзной волей, рѣшительнаго, серьезнаго, не болтливаго, а потому сдѣлалъ для него исключеніе и принялъ его.

Александръ Павловичъ во время этого пріема передалъ Великому Князю письмо отъ генерала Врангеля, въ которомъ послѣдній просилъ Его Императорское Высочество воздѣйствовать на ту часть господъ офицеровъ, которые покидали остатки Русской арміи.

Генералъ Кутеповъ это ходатайство поддерживалъ, заявляя, что престижъ Великаго Князя, какъ бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, столь могучъ, что обязательно повліяетъ на офицеровъ.

Его Императорское Высочество, воздерживаясь отъ вмѣшательства въ какія либо дѣла, но глубоко цѣня и любя армію, посовѣтовалъ Александру Павловичу переговорить въ Парижѣ съ представителемъ генерала Врангеля генераломъ Иваномъ Алексѣевичемъ Хольмсенъ, выработать сообща такое воззваніе къ офицерамъ, которое всѣ Русскіе Военные Агенты въ другихъ государствахъ могли бы распространить среди военныхъ.

28 марта генералъ Кутеповъ былъ опять у Великаго Князя, такъ какъ возвращался въ Сербію.

Во время разговора онъ, какъ прямой человѣкъ, высказалъ Великому Князю, что было бы очень хорошо, если бы Его Императорское Высочество видѣлъ бы побольше людей, выслушивалъ разныя мнѣнія, которыя освѣщали бы Ему общее положеніе.

Уже давно изъ многихъ странъ, отъ различныхъ русскихъ организацій, поступали къ Великому Князю просьбы объединить всѣхъ для спасенія Россіи, считая Его для этого единственнымъ лицомъ, всѣми пріемлемымъ и желательнымъ. Бывшіе государственные дѣятели, живущіе въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ, писали Великому Князю о томъ же и убѣждали Его переѣхать въ Парижъ, чтобы имѣть сношенія съ представителями разныхъ общественныхъ теченій.

На столь настоятельныя обращенія со всѣхъ сторонъ Его Императорское Высочество выразилъ согласіе снова послужить, какъ можетъ, Родинѣ и 3-го мая 1923 года переѣхалъ въ имѣніе Шуаньи подъ Парижемъ, гдѣ и начались пріемы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ организацій.

Въ началѣ августа Великому Князю было сообщено о состоявшемся единеніи въ Парижѣ шестнадцати организацій для совмѣстной работы, избравшихъ каждая представителя для сношенія съ Его Императорскимъ Высочествомъ.

Отъ военной былъ генералъ Кутеповъ, который одновременно руководилъ развѣдкой въ Россіи о дѣятельности установившагося тамъ ужаснаго режима.

Александру Павловичу было разрѣшено Великимъ Княземъ пріѣзжать съ докладомъ, когда это было генералу нужно или когда необходимо было получить средства изъ Казны Великаго Князя, образовавшейся изъ

добровольныхъ пожертвованій для развѣдки о дѣятельности большевиковъ въ Россіи.

Мнѣ, какъ состоявшемъ при *Великомъ Князѣ*, приходилось видѣть Александра Павловича въ каждый его пріѣздъ, — а пріѣзжалъ онъ очень часто, — сноситься съ нимъ письменно или по телефону.

Генералъ былъ всегда выдержаннымъ, спокойнымъ, очень любезнымъ и корректнымъ. Всѣ его дѣловые разговоры были точны, совершенно опредѣленны и ясны.

Насколько мнѣ извѣстно, Александръ Павловичъ былъ такимъ же и со всѣми.

Не легко приходилось генералу Кутепову въ его новой должности, нѣкоторые его не взлюбили за то, что пользовался довѣріемъ и вниманіемъ Великаго Князя. Противъ него велись интриги, но Александръ Павловичъ оставался къ этимъ недоброжелателямъ такимъ, какимъ онъ былъ съ ними раньше. Это только усиливало къ нему уваженіе тѣхъ, кто его зналъ.

Въ докладахъ онъ былъ всегда правдивъ и чистосердеченъ, свои мысли стойко отстаивалъ, приводя всегда подтвержденія, на основаніи которыхъ дѣлалъ свои выводы.

Признавалъ онъ, конечно, и чужое мнѣніе, если правильность его была ясно и доказательно формулирована.

Александръ Павловичъ безгранично любилъ Великаго Князя и былъ преданъ Ему всей душой.

Все, что касалось Его Императорскаго Высочества, онъ принималъ близко къ сердцу и всегда былъ готовъ сдѣлать все, что было въ его возможности, какъ по служебнымъ, такъ и по частнымъ дѣламъ.

Такая отзывчивость Александра Павловича только показывала, насколько онъ добръ, чего нельзя было предполагать подъ столь серьезной, можно сказать, суровой, внѣшней оболочкой.

Генералъ Кутеповъ зналъ, что съ момента выступленія Великаго Князя на арену общественной дѣятельности жизнь *Его Императорскаго Высочества* подвергалась еще большей опасности, чѣмъ раньше, со стороны злоумышленниковъ, а потому счелъ своимъ долгомъ преобразовать существовавшую охрану.

Она состояла со дня пріѣзда Великаго Князя во Францію: изъ полицейскаго агента, назначеннаго французскимъ Правительствомъ, который слѣдилъ за наружной безопасностью, а для внутренней охраны были наняты казаки, не допускавшіе въ имѣніе абсолютно никого безъ

предварительнаго доклада. Александръ Павловичъ, сохранивъ старую охрану, прибавилъ 10 декабря 1924 года еще охрану изъ офицеровъ, выбравъ ихъ изъ среды Галлиполійцевъ, а для большей ихъ сплоченности изъ одной части: всѣ были артиллеристы.

Распоряженія по службѣ охраны получались непосредственно отъ генерала Кутепова.

Александръ Павловичъ часто и неожиданно провѣрялъ охрану, являясь для этого иногда днемъ, иногда ночью, такъ какъ дежурство посмѣнно несли круглыя сутки. Подборъ офицеровъ былъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ.

Всѣ они были представлены генераломъ Кутеповымъ Великому Князю.

Жили господа офицеры въ самомъ имѣніи въ отдѣльномъ помѣщеніи, образовали свою артель, получали содержаніе.

Очень часто Александръ Павловичъ послѣ своего доклада заходилъ къ офицерамъ поговорить о служебныхъ и частныхъ дѣлахъ.

Покончивъ съ офиціальной бесѣдой, онъ велъ съ ними пріятельскую, что офицеры очень цѣнили. Къ Александру Павловичу они относились всегда съ большой любовью, несмотря на его строгость и взыскательность.

Большинство офицеровъ оставалось въ охранѣ съ момента ея сформированія 10 декабря 1924 г. до кончины Великаго Князя 23 декабря 1928 года.

Не многимъ пришлось покинуть службу раньше. Они женились, а помѣщеніе было расчитано только для холостыхъ.

Ушедшіе не порывали связи съ сослуживцами по охранѣ и навѣщали ихъ.

Въ большіе праздники они всегда пріѣзжали поздравлять Великаго Князя и, конечно, приглашались къ завтраку.

Каждое воскресеніе и праздничные дни офицеры охраны, не находящіеся въ нарядѣ, приглашались къ обѣднѣ въ домовую церковь Великаго Князя и къ Нему на завтракъ. Сформированіе охраны для Александра Павловича тоже не прошло безъ непріятностей. Нашлись лица, которыя говорили: почему формируетъ охрану генералъ Кутеповъ и беретъ только Галлиполійцевъ?

Да потому, что ему принадлежала мысль о созданіи офицерской охраны, и вся отвѣтственность лежала на немъ.

Послѣ кончины Великаго Князя генералъ Кутеповъ циркулярно обратился во всѣ военныя организаціи съ предложеніемъ внести, кто что

можетъ, для сооруженія лампады на гробницу Его Императорскаго Высочества. Со всѣхъ концовъ свѣта посыпались пожертвованія, которыя дали возможность Александру Павловичу соорудить не только лампаду, но и красивую мраморную доску, поставленную на постаментѣ передъ гробницей. На одной сторонѣ — серебряный вѣнокъ, перевитый Георгіевской лентой, сдѣланной изъ эмали. Въ центрѣ вѣнка надпись — «Верховному Главнокомандующему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Русское Зарубежное Воинство 23 декабря 1928 г. — 5 января 1929 г.».

На другой сторонѣ — на серебряной доскѣ выгравированы по издавно установленному порядку списки полковъ, названія воинскихъ частей, принявшихъ матеріальное участіе въ сооруженіи.

Нашлись лица и этому не сочувствовавшія, убѣждавшія нѣкоторыя части воздержаться отъ призыва Александра Павловича, ссылаясь на то, что инщіатива идетъ почему то отъ генерала Кутепова, и что на доскѣ будутъ выгравированы впереди всѣхъ названія цвѣтныхъ полковъ*).

Александръ Павловичъ не обратилъ никакого вниманія на всѣ эти непонятныя претензіи.

Все имъ задуманное было выполнено безукоризненно.

Великій Князь зналъ, что вообще назначеніе генерала Кутепова было далеко не всѣмъ одинаково пріятно, но считалъ, что для дѣла оно необходимо.

Александръ Павловичъ за свою работу въ Россіи постоянно получалъ угрожающія письма.

Ясно было, что съ нимъ тамъ считались, а потому Его Императорское Высочество требовалъ, чтобы онъ былъ остороженъ и чтобы его самого охраняли; тѣмъ не менѣе генералъ Кутеповъ, по присущей ему скромности и деликатности, временами совершенно упразднялъ личную свою охрану, находя ее слишкомъ дорого стоющей.

Шофферы-Галлиполійцы предоставляли Александру Павловичу ежедневно такси для всѣхъ его передвиженій, чтобы онъ не ѣздилъ съ незнакомыми шофферами. Генералъ мнѣ говорилъ, что никогда не садится въ незнакомый автомобиль. Почему онъ этому измѣнилъ 26 января 1930 года, до сихъ поръ остается тайной.

3-го ноября 1928 года Его Императорское Высочество, желая отдохнуть и повидать своего Августѣйшаго брата Петра Николаевича, поѣхалъ на нѣкоторое время на Ривьеру.

---

*) Полки Добровольческой Арміи.

Часть охраны отправилась туда же.

Своимъ замѣстителемъ въ Парижѣ Великій Князь оставилъ генерала Кутепова, поручивъ ему вести текущія дѣла, а въ случаяхъ надобности пріѣзжать въ Антибъ для доклада, что Александръ Павловичъ и дѣлалъ нѣсколько разъ.

Послѣдній пріѣздъ генерала въ Антибъ былъ уже не для доклада, а на погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Великаго Князя.

Особенно трудно было генералу Кутепову первое время послѣ кончины Его Императорскаго Высочества.

Нѣкоторые не хотѣли считаться съ его назначеніемъ замѣстителемъ Великаго Князя, но благодаря своему такту и выдержкѣ характера онъ съумѣлъ привлечь симпатіи громаднаго большинства на свою сторону и повелъ энергично далѣе трудное и сложное дѣло.

Всѣ оцѣнили его неутомимую работу и оплакивали неожиданную его гибель.

Вѣчная ему память.

Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Сталь.

А. П. Кутеповъ и Зарубежный Съѣздъ 1926 г.

(Изъ воспоминанія объ А. П. Кутеповѣ)

Мнѣ неоднократно приходилось говорить и писать объ Александрѣ Павловичѣ Кутеповѣ, вспоминать свои встрѣчи съ нимъ и, на основаніи многообразныхъ впечатлѣній многолѣтняго общенія, обрисовывать эту замѣчательную и своеобразную личность.

Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы остановиться на томъ эпизодѣ нашего общенія и совмѣстной работы, какимъ явился Зарубежный Съѣздъ 4/11 апрѣля 1926 года.

Ни А. П. Кутеповъ ни я не были никогда энтузіастами этого начинанія. Намъ казалось, что наше время не очень благопріятно для такого рода публичныхъ выступленій, въ особенности, если они способны вы-

зывать ожиданія и надежды, которыя могли остаться несбывшимися и оказаться несбыточными. Даже при самомъ полномъ, идеальномъ согласіи всѣхъ участниковъ путь отъ единодушныхъ провозглашеній и постановленій къ осуществленіямъ не могъ не быть долгимъ и не только труднымъ, но и прямо таки тернистымъ. А нельзя скрывать передъ собою, что патріотическое общественное мнѣніе широкихъ круговъ Зарубежья и 7 лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время страдаетъ какой-то болѣзненной возбудимостью, характеризующейся почти патологическими смѣнами величайшаго легковѣрія и оптимизма и глубочайшаго унынія и пессимизма. При такомъ состояніи общественнаго мнѣнія всякія публичныя выступленія, отмѣченныя чертами неизбѣжно связаннаго съ ними политическаго возбужденія, представляютъ опасность разочарованій, всегда ложащихся тяжкимъ гнетомъ въ особенности на тѣхъ, кто расчитываетъ, что не они сами, а кто-то другіе что-то сдѣлаютъ, ибо должны и яко-бы могутъ это сдѣлать.

Зарубежный Съѣздъ 1928 года родился, съ одной стороны, изъ инициативы лицъ, которымъ была несомнѣнно свойственна способность преувеличивать реальное политическое значеніе публичныхъ выступленій и провозглашеній, съ другой стороны, изъ стихійно охватившихъ зарубежныя массы чаяній и стремленій, искавшихъ выхода и наиболѣе яркаго выраженія. Въ силу этихъ причинъ, Зарубежный Съѣздъ оказался для патріотически настроенной части Зарубежья чѣмъ-то исторически неизбѣжнымъ, уклоненіе отъ чего могло бы только усилить и безъ того существовавшіе въ этой средѣ разъединеніе и разбродъ. Приходилось принимать фактъ, созданный всей обстановкой существованія Зарубежья и вложить въ эту форму, форму публичнаго съѣзда, какое-то непререкаемое и абсолютно нужное и цѣнное для духовнаго и политическаго бытія патріотическаго Зарубежья содержаніе.

Вопросъ объ этомъ содержаніи и являлся предметомъ многократныхъ моихъ бесѣдъ и совѣщаній съ А. П. Кутеповымъ. Такъ же, какъ мое согласіе взять на себя редакторство «Возрожденія» въ свое время было не просто единоличнымъ рѣшеніемъ съ моей стороны, а результатомъ настоящаго *политическаго уговора* между мною и А. П. Кутеповымъ и кн. Г. Н. Трубецкимъ, какъ лицами пользовавшимися особымъ довѣріемъ Великаго Князя Николая Николаевича, — такъ же точно и рѣшеніе мое принять активное участіе въ организаціонной работѣ по созыву и направленію Зарубежнаго Съѣзда было плодомъ такого же уговора между мною и названными лицами.

Если съ самаго начала было ясно, что Съѣздъ выскажется за связь зарубежнаго патріотическаго движенія съ Великимъ Княземъ, уже вы-

ступившимъ тогда съ опредѣленными, чрезвычайно тщательно обдуманными, политическими заявленіями, формулировка которыхъ принадлежала въ первое время почти исключительно покойному кн. Г. Н. Трубецкому, то нѣкоторые, весьма существенные, элементы политической платформы патріотическаго Зарубежья все-таки не были еще достаточно отчетливо и рѣшительно выявлены.

Эти элементы и составляли предметъ особаго вниманія, обдумыванія и обсужденія въ нашихъ бесѣдахъ съ А. П. Кутеповымъ. И, къ моему величайшему удовлетворенію, между нами установилось полное единомысліе.

Тутъ, прежде всего, вставалъ вопросъ аграрный, или земельный. Уже въ Крыму мнѣ пришлось убѣдиться, что Кутеповъ, какъ военачальникъ въ гражданской войнѣ, глубоко проникся пониманіемъ невозможности имущественной реставраціи въ области земельныхъ отношеній. Мнѣ недавно приходилось разсказывать, какъ при первой же встрѣчѣ со мной въ Севастополѣ, А. П. Кутеповъ горячо убѣждалъ меня вліять въ этомъ смыслѣ на П. Н. Врангеля. Это, впрочемъ, было совершенно не нужно, ибо Врангель, повидимому, либо совершенно самостоятельнымъ процессомъ мысли, либо въ силу какой-то политической интуиціи, пришелъ къ совершенно тому же выводу, на которомъ утвердились Кутеповъ и я.

Для меня недвусмысленное по существу отношеніе большинства Зарубежнаго Съѣзда къ земельному вопросу было съ самаго начала, такъ сказать, вопросомъ «кабинетскимъ». Если бы Зарубежный Съѣздъ не отвергъ категорически идеи имущественной реставраціи въ области земельныхъ отношеній, я бы сложилъ съ себя и обязанности предсѣдателя Организаціоннаго Комитета и обязанности предсѣдателя самаго Съѣзда. Всякія поползновенія снять обсужденіе аграрнаго вопроса съ программы Съѣзда мною были категорически отклоняемы, и не могу не сказать, что въ этой позиціи, которая представляла немало психологическихъ трудностей, огромнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ подкрѣпленіемъ для меня являлась поддержка А. П. Кутепова. Какъ извѣстно, Зарубежный Съѣздъ присоединился къ основнымъ положеніямъ ярко-противореставраціоннаго доклада В. І. Гурко, выступившаго, со всѣмъ блескомъ своего ораторскаго дарованія и со всѣмъ огромнымъ знаніемъ предмета, въ пользу яснаго и недвусмысленнаго разрѣшенія земельнаго вопроса на Съѣздѣ. Съѣздъ принялъ «согласительное предложеніе» П. В. Скаржинскаго, къ которому присоединился самъ докладчикъ Гурко, и которое гласило такъ:

«Съѣздъ присоединяется къ основнымъ мыслямъ доклада и всецѣло раздѣляетъ высказанное по этому вопросу мнѣніе Великаго Князя Николая Николаевича о томъ, что земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у нихъ отнята, и что взыскивать съ крестьянъ то, что погибло или расхищено во время революціи, — невозможно.»

Другимъ вопросомъ, требовавшимъ полнаго разъясненія и недвусмысленнаго разрѣшенія на Съѣздѣ, являлся вопросъ объ отношеніи патріотическаго Зарубежья къ новымъ государственнымъ образованіямъ, возникшимъ на территоріи бывшей Россійской Имперіи, и къ правамъ народностей, входившихъ въ Имперію и нынѣ входящихъ въ составъ Совѣтской Россіи, изъ Совѣтскаго Союза.

Тутъ опять таки между нами, т. е. А. П. Кутеповымъ и мною, установилось полное единомысліе и по существу и по тактическимъ соображеніямъ, которыя были для насъ обоихъ совершенно понятны и прямо таки неотразимы на основаніи нашего практическаго опыта борьбы съ большевиками.

Въ составѣ самого Съѣзда были, конечно, теченія, которымъ такое пониманіе вопроса было чуждо. И я, признаюсь, ожидалъ большихъ трудностей въ проведеніи нашей точки зрѣнія. Этихъ трудностей на самомъ дѣлѣ не оказалось. Докладъ на эту тему былъ составленъ недавно скончавшимся дипломатомъ, княземъ Л. В. Урусовымъ, и обсужденъ при ближайшемъ моемъ участіи. Докладъ этотъ резюмировался въ слѣдующей резолюціи:

«Зарубежный Съѣздъ полагаетъ, что возрожденная Россія должна будетъ стремиться къ установленію дружескихъ отношеній со всѣми своими сосѣдями, признавъ тѣмъ самымъ независимость и самостоятельное существованіе всѣхъ возникшихъ на территоріи бывшей Россійской Имперіи новыхъ государственныхъ образованій, и, входя съ ними въ соглашенія, обезпечивающія взаимные политическіе и экономическіе интересы.

Равнымъ образомъ, Зарубежный Съѣздъ выражаетъ увѣренность, что будущее законное правительство Россіи обезпечитъ всѣмъ народностямъ, населяющимъ ея террирорію, свободное правовое развитіе ихъ бытовыхъ, культурныхъ и религіозныхъ особенностей.»

Я опасался, что докладъ кн. Урусова и предложенная имъ резолюція, въ редактированіи которой я принималъ участіе, вызоветъ долгія и не вполнѣ удобныя въ политическомъ отношеніи пренія. Чрезвычайно удовлетворенный тѣмъ, что этого не произошло, я резюмировалъ отношеніе собранія къ вопросу слѣдующимъ образомъ:

«Собраніе одобряетъ докладъ и принимаетъ безъ возраженій оглашенную резолюцію».

Помню, съ какимъ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я подѣлился этимъ важнымъ результатомъ съ А. П. Кутеповымъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы

считали данную резолюцію однимъ изъ главныхъ практически существенныхъ достиженій всего Зарубежнаго Съѣзда.

Оглядываясь теперь назадъ, надлежитъ сказать, что резолюція по аграрному вопросу въ настоящее время имѣетъ исключительно историческое значеніе. Конечно, послѣ произведеннаго большевиками грандіознаго обезземеленія крестьянъ, являющагося неслыханно чудовищнымъ въ исторіи экономическихъ и соціальныхъ отношеній опытомъ насильственнаго раскрестьянииванія земледѣльческихъ массъ, аграрный вопросъ въ Россіи въ борьбѣ съ большевиками ставится совершенно по новому въ какомъ-то невѣдомомъ и русской и міровой исторіи, новомъ революціонномъ смыслѣ и поворотѣ. И все, чѣмъ раньше такъ страстно волновались и о чемъ бурно спорили, просто перестало существовать. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ 1926 году ярко противореставраціонная резолюція по земельному вопросу патріотическаго Зарубежнаго Съѣзда, на которомъ большинство принадлежало правымъ, имѣла подлинное историческое значеніе. Это было подчеркнуто особенно ярко въ краткой рѣчи члена съѣзда Н. А. Цурикова, сославшагося на то, какъ его «глубоко взволновала патріотическая національная рѣчь А. Ф. Трепова», заканчивавшаяся словами о томъ, что Съѣздъ долженъ сказать только одно:

«Мы идемъ въ Россію безъ мести, безъ ненависти, и ничего у русскаго народа отнимать не хотимъ».

Но резолюція по докладу кн. Л. В. Урусова имѣетъ и теперь не только историческое значеніе.

Нѣкоторыя недавнія полемики показали, что основная мысль первой части этой резолюціи требуетъ еще укрѣпленія и закрѣпленія въ политическомъ сознаніи русскаго Зарубежья.

Что же касается второй части этой резолюціи, то въ ней достаточно отчетливо, хотя и въ общей формѣ, выражена та имперская идея, безъ проникновенія которою невозможно возсозданіе Россіи, какъ правового государства. Эта имперская идея была живымъ практическимъ убѣжденіемъ какъ П. Н. Врангеля, такъ и А. П. Кутепова. Въ недавней своей Пражской рѣчи, посвященной памяти П. Н. Врангеля*), я указалъ и на историческое и на практическое значеніе имперской идеи для будущей

*) См. «Россія и Славянство», № 221.

свободной Россіи. И мнѣ хотѣлось бы здѣсь подчеркнуть, что эту идею всецѣло усвоилъ себѣ во всемъ ея и программномъ и практическомъ значеніи не кто иной, какъ А. П. Кутеповъ.

Петръ Струве

Прага.
17-го іюля, 1933 г.

Генералъ А. П. Кутеповъ — Предсѣдатель Обще-Воинскаго Союза

Впервые я встрѣтился съ генераломъ А. П. Кутеповымъ въ Крыму. Ближе узналъ А. П. въ Бѣлградѣ. Еще ближе уже въ Парижѣ, гдѣ въ продолженіи конца 1924, затѣмъ 1925, 1926 и 1927 годовъ не только часто встрѣчался съ нимъ, но и сравнительно подолгу бесѣдовалъ. Такимъ образомъ, ко времени служебныхъ отношеній мы другъ друга знали не только по фамиліи, но были обоюдно знакомы и со взглядами каждаго изъ насъ на различные вопросы.

Въ своемъ очеркѣ о ген. Кутеповѣ я остановлюсь на его дѣятельности, какъ предсѣдателѣ Русскаго Обще-Воинскаго Союза (РОВС-а).

Всѣмъ памятна весна 1928 года: болѣзнь, а затѣмъ и смерть Главнокомандующаго Русской арміей ген. Врангеля. 29-го апрѣля Его Императорское Высочество отдалъ приказъ о назначеніи предсѣдателемъ РОВС-а, объединяющаго части зарубежнаго русскаго воинства и всѣ существующія воинскія организаціи и союзы, генерала-отъ-инфантеріи Кутепова.

Этотъ приказъ Верховнаго Главнокомандующаго вызвалъ недоумѣніе, особенно въ средѣ Галлиполійцевъ, — почему ген. Кутеповъ назначенъ только предсѣдателемъ РОВС-а, безъ упоминанія, что онъ и Главнокомандующій Русской арміей, каковое наименованіе продолжалъ носить и въ эмиграціи покойный ген. Врангель.

Помню разговоръ мой по этому поводу съ А. П. Онъ сказалъ мнѣ такъ.

— Я не только просилъ Великаго Князя не назначать меня Главнокомандующимъ, но даже больше—я доложилъ Е. И. В., что я категорически отказываюсь называться Главнокомандующимъ, такъ какъ считаю, что для нашего времени званіе Главнокомандующаго не подходитъ. Другое дѣло — ген. Врангель, ибо онъ только сохранилъ свое прежнее званіе, а я пріобрѣлъ бы его вновь и уже въ эмиграціи, что считаю совершенно ненужнымъ и могущимъ вызвать лишь улыбки.

Въ связи съ приказомъ № 3, отданнымъ по случаю праздника ордена Св. Николая Чудотворца, учрежденнаго ген. Врангелемъ, я вспоминаю слѣдующія, не лишенныя интереса, соображенія А. П. по поводу цѣлесообразности и умѣстности особо отмѣчать этотъ праздникъ, какъ праздникъ ордена, учрежденнаго за подвиги, оказанные въ періодъ гражданской войны.

Ген. Кутеповъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ, что война есть война, и подвиги на ней должны быть не только немедленно отмѣчены, но должны служить и въ назиданіе потомству, и съ этой точки зрѣнія естественно было и учрежденіе такого ордена покойнымъ Главнокомандующимъ, но съ другой стороны никто не будетъ отрицать, что гражданская война имѣетъ свои отличительныя особенности, и было бы не только странно, но и преступно сохранять въ будущей Россійской арміи какіе бы то ни было знаки отличія, отмѣчавшіе подвиги гражданской войны. Все это должно почитаться временнымъ, и если, какъ мы всѣ вѣримъ, уже недалеко то время, когда Русская зарубежная и Красная арміи сольются и образуютъ просто Русскую національную армію, то естественно должно быть уничтожено и все, напоминающее эту войну. Только при такомъ условіи полнаго забвенія прошлаго и страшнаго періода лихолѣтья и возможно будетъ при сложившейся обстановкѣ безболѣзненное сліяніе въ будущей національной Россіи какъ воиновъ бѣлыхъ съ красными, такъ и русскаго Зарубежья съ русскимъ народомъ.

Нельзя пройти молчаніемъ приказа № 6, отданнаго ген. Кутеповымъ по случаю 100-лѣтія со дня рожденія Фельдмаршала І. В. Гурко. Въ этомъ приказѣ, помимо краткаго перечня заслугъ покойнаго Фельдмаршала, было указано, что «каждый воинъ на доблестныхъ примѣрахъ своихъ предковъ долженъ учиться служить родинѣ. Русская военная исторія даетъ намъ не мало славныхъ именъ, изученіе подвиговъ которыхъ составляетъ необходимую задачу всякаго воинскаго чина».

Отдача этого приказа указываетъ отношеніе ген. Кутепова къ подвигамъ Императорской арміи и на то значеніе, которое онъ придавалъ «воспитанію».

Затѣмъ приказъ № 8, который я позволю себѣ привести цѣликомъ, ибо онъ сохранилъ всю свою актуальность и въ настоящее время.

ПРИКАЗЪ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА
№ 8.

г. Парижъ. 14-го іюля 1928 г.

Настроеніе общественныхъ круговъ всего русскаго Зарубежья съ особой яркостью подчеркнуло исключительное значеніе нашего военнаго единства, выявившагося съ такой силой въ пережитые нами дни кончины Главнокомандующаго генерала Врангеля.

Съ полной убѣжденностью можно сказать, что такъ называемое разложеніе эмиграціи коснулось, главнымъ образомъ, тѣхъ ея элементовъ, кои стояли внѣ воинскихъ организацій. Такія явленія, какъ преступность, смѣна вѣхъ и т. п., удѣлъ не состоявшихъ въ твердыхъ военныхъ организаціяхъ, такъ какъ послѣднія служатъ сдерживающимъ началомъ.

Чѣмъ ближе моментъ паденія Совѣтской власти, тѣмъ крѣпче мы должны держаться нашихъ военныхъ организацій.

Только этимъ мы принесемъ Россіи будущаго ту пользу, которую она въ правѣ разсчитывать получить отъ Зарубежнаго воинства въ дѣлѣ созданія арміи, отвѣчающей потребностямъ возрожденной родины.

Въ настоящее время первѣйшая и главнѣйшая наша задача заключается въ единеніи и сохраненіи тѣхъ завѣтовъ, кои въ насъ заложены прежней нашей службой подъ увѣнчанными славой Императорскими знаменами и той, поистинѣ, героической борьбой, которую русскіе офицеры, солдаты и казаки выдержали съ поработителями русскаго народа.

Даже враги, изслѣдуя минувшую войну, отдали должное нашей доблести и выносливости, поставивъ въ этомъ отношеніи нашу армію на первое, вполнѣ ею заслуженное, мѣсто.

Но, къ сожалѣнію, нельзя не указать и нѣкоторыхъ присущихъ намъ недостатковъ — невыдержанности въ долгихъ усиліяхъ и нетерпѣнія.

У насъ нѣтъ упорства и настойчивости.

Докажемъ же въ переживаемое нами лихолѣтье, что русское зарубежное воинство не только сохранило доблесть и завѣты нашей старой арміи, но, путемъ трудной эмигрантской жизни, научилось выдержкѣ и длительнымъ усиліямъ и, несмотря на подчасъ тяжелыя условія, сохранило свою военную организацію и съумѣетъ довести ее до момента возрожденія своей родины, чтобы помочь ей создать прежнюю могучую и славную армію.

Русскій Обще-Воинскій Союзъ долженъ составить дѣйствительно одну общую и могучую военную организацію, послушную волѣ нашего Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.»

Какъ видно каждому непредубѣжденному въ этомъ приказѣ затронуто все, что надо чинамъ Союза знать и помнить и сейчасъ.

Приказъ № 9, отданный хотя и по частному случаю, далъ ген. Кутепову возможность еще разъ преподать и тѣ общія указанія, кои и нынѣ не потеряли своего значенія, даже наоборотъ пріобрѣли еще большую остроту.

«Обращаю вниманіе, — писалъ генералъ Кутеповъ, — начальствующихъ лицъ всѣхъ степеней и предсѣдателей союзовъ, обществъ и объединеній, что въ настоящее время, при жизни арміи за рубежомъ, начальники и пред-

сѣдатели должны съ особымъ вниманіемъ относиться къ каждому проявленію недостаточно корректнаго отношенія гг. офицеровъ между собою и болѣе, чѣмъ когда-либо, обязаны всемѣрно поддерживать среди подвѣдомственныхъ имъ чиновъ начала дисциплины и традиціи Императорской Русской арміи, бережная охрана которыхъ и составляетъ нашъ общій и первѣйшій долгъ передъ нашей родиной.»

Думаю, что приведенная мною выдержка болѣе чѣмъ примѣнима и къ переживаемому нами времени, т. е. спустя пять лѣтъ со времени отдачи этого приказа...

Осенью 1928 г. заболѣлъ и уѣхалъ на югъ Франціи Верховный Главнокомандующій.

Будучи вызванъ Его Императорскимъ Высочествомъ, генералъ Кутеповъ тамъ, въ Антибѣ, 19-го декабря 1928 г. отдалъ приказъ № 25, параграфъ первый котораго передавалъ сердечный привѣтъ В. Кн. Николая Николаевича всему русскому Зарубежному воинству, а параграфъ второй гласилъ:

«На время болѣзни Его Императорскаго Высочества подлежащіе докладу Верховному Главнокомандующему вопросы Великій Князь Николай Николаевичъ приказалъ мнѣ разрѣшать самостоятельно; обо всѣхъ на этомъ основаніи сдѣланныхъ распоряженіяхъ затѣмъ доложить Е. И. Высочеству.»

Этотъ второй параграфъ приказа какъ бы подчеркивалъ уже, что именно генералъ Кутеповъ долженъ быть преемникомъ Верховнаго Главнокомандующаго, и ему еще при жизни Великаго Князя давалось право самостоятельнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ.

Знаменателенъ и сохранилъ полную свѣжесть мысли и для сегодняшняго дня приказъ ген. Кутепова за № 28, отданный имъ въ дни Рождества Христова и передъ Новымъ 1929 годомъ. Послѣ обычнаго поздравленія ген. Кутеповъ писалъ:

«Испытанія наши продолжаются, но всѣ наши помыслы попрежнему обращены къ нашей дорогой родинѣ. Тамъ, на Руси, растетъ національное чувство, а здѣсь, на чужбинѣ, долгіе годы тяжелой нужды не угасили среди воинскихъ чиновъ духа жертвенности за Россійское Государство и за благо русскаго народа.

Чѣмъ ближе мы къ возрожденію Отечества, тѣмъ крѣпче должны быть наше единство и наша сплоченность вокругъ нашего вождя — Великаго Князя Николая Николаевича.

Выполненіе нашего долга — сохраненіе накопленнаго вѣками великаго духа русскаго воинства — дастъ намъ силы не утратить нашего національнаго духа и въ дальнѣйшемъ, чтобы быть всегда готовыми со всѣмъ русскимъ народомъ отдать возрожденной Россіи всѣ наши силы и знанія.»

Въ этомъ приказѣ мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть то обстоятельство, что ген. Кутеповъ, обращаясь къ своимъ соратникамъ, никогда не упускалъ случая подчеркнуть прошлое и со всей силой указать, что Зару-

бежное воинство можетъ разсчитывать что-нибудь сдѣлать только въ единеніи со всѣмъ русскимъ народомъ, т. е. А. П. никогда и ни на одну минуту не противопоставлялъ насъ, зарубежниковъ, тому русскому народу, который находится на своей землѣ и неустанно борется разными способами съ *поработителями души и тѣла русскаго народа и всего русскаго*, всего того, чѣмъ жилъ народъ до несчастнаго 1917 года.

Непрестанно возраставшая нужда среди чиновъ Союза въ связи не только съ ухудшавшимися общими условіями, но и въ виду ослабленія физическихъ силъ воиновъ, вслѣдствіе приближающейся ко многимъ старости, заставили ген. Кутепова обратить вниманіе на необходимость и въ этомъ отношеніи притти на помощь военнымъ организаціямъ, и имъ былъ отданъ приказъ № 28 — 1929 г., устанавливавшій образованіе особыхъ благотворительныхъ комитетовъ при начальникахъ Отдѣловъ РОВС-а съ учрежденіемъ и Центральнаго Благотворительнаго Комитета *при предсѣдателѣ РОВС-а, при чемъ для начала этого благого дѣла тѣмъ* же приказомъ предлагалось всѣмъ благотворительнымъ комитетамъ къ 1-му января 1930 г. сообщить въ Центральный Комитетъ рядъ необходимыхъ свѣдѣній.

Трудно сказать, во что могло бы вылиться приведенное начинаніе А. П., *но одно должно быть ясно, что, несмотря на всѣ прочіе заботы*, поглощавшія все вниманіе ген. Кутепова, онъ по мѣрѣ силъ стремился и къ оказанію помощи всѣмъ нуждающимся чинамъ Союза. Подтвержденіемъ чего служитъ учрежденіе ген. Кутеповымъ особой постоянной койки для хирургическаго лѣченія чиновъ Союза въ русскомъ госпиталѣ въ Вилльжюифѣ около Парижа.

Наконецъ, послѣдній приказъ ген. Кутепова былъ поздравительный къ празднику Рождества Христова и Новому 1930 году. Въ этомъ приказѣ ген. Кутеповъ, указавъ на то, что если намъ и тяжело на чужбинѣ, то тамъ на родинѣ еще тяжелѣе... Русскій народъ не прекратилъ *своей борьбы съ поработителями, и намъ надо еще тѣснѣе сплотить ряды*, помня, что наша сила въ беззавѣтной любви къ Отечеству и вѣрности нашимъ военнымъ традиціямъ.

Такимъ образомъ, ген. Кутеповъ и въ послѣднемъ своемъ приказѣ остался вѣренъ той основной мысли, которую онъ неуклонно проводилъ *всегда — что мы, Зарубежное воинство, какъ и вообще русская эмиграція*, представляемъ силу большую только въ единеніи со всѣмъ русскимъ народомъ.

Правильно оцѣнивая силы и возможности, ген. Кутеповъ никогда не увлекался «возможностями» только эмиграціи и только Зарубежнаго

воинства, но эти «возможности» могутъ открыться только въ сочетаніи съ національно настроенными русскими людями, находящимися на родинѣ. А. П. вѣрилъ, что наступитъ день, когда Красная армія станетъ просто Русской, и что мы, Зарубежное воинство, сохранивъ славныя традиціи Императорской арміи, принесемъ въ Россію, освобожденную отъ коммунистовъ, тѣ воинскіе старые завѣты, кои выкованы всей русской военной исторіей, и поможемъ русскому народу создать армію, отвѣчающую потребности великой страны.

Закончивъ на этомъ перечень приказовъ, отданныхъ ген. Кутеповымъ я не могу умолчать о томъ, что каждый приказъ, отданный А. П., отражалъ въ себѣ его волю и былъ пропитанъ особымъ «Кутеповскимъ» духомъ. А. П. никогда не относился къ отданію приказовъ «легко», нѣтъ, онъ стремился, чтобы въ каждомъ словѣ, а тѣмъ болѣе въ цѣлой фразѣ заключалось, какъ можно больше смысла, и чтобы всѣ приказы преслѣдовали одну цѣль — укрѣпленіе духа, чтобы они вселяли надежду и неизмѣнно подчеркивали любовь къ Отечеству, говорили о народной гордости и о томъ, что мы здѣсь должны дѣлать все, чтобы помочь русскому народу въ его борьбѣ съ совѣтской властью.

Приведя только приказы ген. Кутепова и не остановившись хотя бы на нѣкоторыхъ «циркулярныхъ» и не циркулярныхъ его распоряженіяхъ, я не далъ бы всей картины его дѣятельности и недостаточно нарисовалъ бы его фигуру, какъ председателя РОВС-а.

Изъ этихъ распоряженій я возьму только тѣ, которыя, по моему мнѣнію, сохранили и въ настоящее время всю свою силу и важность.

Нынѣ, какъ никогда, усилился переходъ русскихъ эмигрантовъ въ иностранное подданство, а потому интересно привести мнѣніе А. П. по сему вопросу.

Въ отношеніи лицъ, принявшихъ иностранное подданство, и по разнымъ причинамъ вышедшихъ изъ состава РОВС-а, писалось такъ:

«Само собою разумѣется, что никакихъ препятствій къ возвращенію въ будущемъ въ ряды Русской арміи чинимо не будетъ — лишь бы перешедшіе въ иностранное подданство сохранили любовь къ родинѣ-матери и не потеряли бы нравственнаго облика, присущаго русскому воину.»

Въ отношеніи исполненія приказа ген. Врангеля, запрещающаго чинамъ Союза состоять одновременно и въ политическихъ организаціяхъ, ген. Кутеповъ писалъ:

«Я нахожу необходимымъ вновь подчеркнуть къ неуклонному и точному исполненію приказъ генерала Врангеля отъ 8-го сентября 1923 г. за № 82, со всѣми къ нему дополненіями и разъясненіями.»

На запросы частныхъ начальниковъ о возможности для чиновъ РОВС-а входить въ новыя эмигрантскія организаціи, объявляющія объ отсутствіи у нихъ въ программахъ какихъ бы то ни было политическихъ лозунговъ и пр., отвѣчалось неизмѣнно такъ:

«Что бы ни говорили и ни писали и даже какъ бы ни старались инниціаторы новой организаціи уберечь себя отъ политики, вѣрнѣе отъ проведенія всѣмъ своимъ поведеніемъ извѣстнаго политическаго теченія русской зарубежной мысли, имъ это не удастся.

Исходя изъ этого и неуклонно слѣдуя мудрому правилу отнюдь не пристегивать РОВС къ одной какой-либо политической платформѣ, я нахожу, что намъ, то есть чинамъ РОВС-а, входить подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ составъ проэктируемой новой организаціи никоимъ образомъ нельзя.»

А слѣдующее циркулярное письмо ген. Кутепова я приведу и цѣликомъ, настолько оно характеризуетъ его, какъ начальника, увѣреннаго въ своихъ силахъ:

«Имѣю совершенно опредѣленныя свѣдѣнія, что многія русскія общественныя и политическія организаціи въ ближайшее время предполагаютъ создать цѣлый рядъ болѣе крупныхъ политическихъ объединеній, съ каковой цѣлью уже намѣчено устройство особыхъ съѣздовъ, какъ для установленія единства взглядовъ, такъ и для выработки общихъ политическихъ платформъ.

Предупреждая о семъ, прошу теперь же поставить въ извѣстность всѣхъ подвѣдомственныхъ вамъ начальниковъ войсковыхъ частей и предсѣдателей военныхъ союзовъ, обществъ и объединеній, что я категорически запрещаю участіе въ упомянутыхъ выше съѣздахъ не только представителямъ военныхъ организацій, входящихъ въ РОВС, но и отдѣльнымъ его чинамъ.

Прошу всѣхъ чиновъ Союза сохранять прежнія спокойствіе и выдержку, которыя такъ выгодно до сихъ поръ отличали насъ отъ прочей русской эмиграціи. Надо помнить, что только полное единеніе и воинская спайка дадутъ возможность РОВС-у сыграть ту роль въ назрѣвающихъ событіяхъ, которая ему по праву принадлежитъ.

Прошу также вѣрить, что я всегда буду въ курсѣ всѣхъ событій и съумѣю во-время сказать твердое слово отъ лица всего РОВС-а.»

Нельзя обойти молчаніемъ и отношеніе ген. Кутепова къ нашей молодежи и его настойчивое стремленіе дать имъ начала воинскаго образованія и, главное, воспитанія. Не забывалъ А. П. и необходимости, какъ пополнить и возобновить военныя знанія въ офицерской зарубежной средѣ, такъ и дать новыя знанія въ соотвѣтствіи съ развитіемъ военнаго дѣла. Всѣ слушатели Высшихъ Военныхъ Курсовъ перваго призыва хорошо помнятъ, что ген. Кутеповъ первый подавалъ примѣръ посѣщаемости ихъ, и только неотложныя дѣла или отсутствіе изъ Парижа мѣшали ему присутствовать на каждой лекціи этихъ курсовъ.

Генералъ Кутеповъ былъ большой человѣкъ. Трудно гадать, что онъ могъ бы еще дать, но былъ періодъ въ его жизни самостоятельной работы и работы въ качествѣ «вождя» — этотъ періодъ Галлиполи. Пусть это былъ сравнительно небольшой масштабъ, но этотъ періодъ давалъ намъ право разсчитывать, что и при болѣе сложной обстановкѣ А. П. Кутеповъ оказался бы на мѣстѣ.

Вспомнимъ, какъ въ ген. Кутеповѣ не только чины РОВС-а, но и общественность начинала видѣть того, кого не хватало русской эмиграціи, того человѣка, который можетъ всѣхъ примирить и объединить.

Всѣ знаютъ, что ген. Кутеповъ велъ большую работу, стоящую внѣ РОВС-а. Мнѣ, какъ начальнику его военной канцеляріи, больше чѣмъ кому-либо другому извѣстно, какъ работа эта поглощала все его вниманіе, и что онъ вкладывалъ въ нее всю свою душу и отдавалъ ей всѣ свои помыслы. Какъ часто бывало замѣчаешь, что, при обычныхъ докладахъ, мысли А. П. гдѣ-то далеко, и не надо было быть особымъ угадчикомъ, чтобы знать, что его мысли тамъ — въ Россіи...

Генералъ Стоговъ.

Генералъ Кутеповъ

(Матеріалы для біографіи)

Съ весны 1924-го года и по самый день похищенія генерала Кутепова (26 января 1930 г.), я служилъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ, въ качествѣ начальника его «общей» (гражданской) канцеляріи.

Нѣкоторыя лица, знавшія генерала Кутепова и даже очень хорошо о немъ отзывавшіяся, предупреждали меня, однако, что служить съ такимъ начальникомъ мнѣ будетъ трудно, и что генералъ Кутеповъ, при всѣхъ его достоинствахъ, бываетъ иногда нѣсколько рѣзокъ... «Какъ то *Вы* — штатскій человѣкъ, не привыкшій къ *военной* дисциплинѣ, наладите хорошія отношенія съ такимъ типичнымъ «солдатомъ» — говорили мнѣ нѣкоторые. «Патріотъ чистѣйшей воды, великолѣпный, чест-

ный рубака, прекрасный командиръ воинской части..., но другого въ немъ не ищите» — говорили мнѣ иные.

Однако, я слышалъ и другое: «Кутеповъ — человѣкъ не только желѣзной воли, но и трезваго ума. Онъ прекрасно понимаетъ, что онъ не «все знаетъ», и этимъ выгодно отличается отъ многихъ штабныхъ генераловъ, болѣе его образованныхъ. Онъ способенъ учиться у жизни и *будетъ* у нея учиться. Это человѣкъ не застывшій, а живой и способный къ дальнѣйшему развитію. Онъ далъ уже многое, но, думаю, еще далеко не все, что онъ можетъ дать... Я увѣренъ, что работать съ нимъ Вамъ будетъ не только не тяжело, но даже пріятно...».

Въ теченіе моей шестилѣтней работы съ генераломъ Кутеповымъ, котораго за это время я научился не только уважать, но и любить, я видѣлъ полное подтвержденіе этой характеристики Александра Павловича.

Да, это былъ человѣкъ не широкаго и тонкаго образованія, но одаренный не только желѣзной волей, но и яснымъ, трезвымъ умомъ и природной русской «смекалкой». Онъ самъ, яснѣй очень многихъ, видѣлъ свои слабыя стороны, и нѣкоторыя его откровенныя признанія въ своихъ ошибкахъ или незнаніи, хранятся въ моей памяти, какъ образцы столь рѣдкаго у людей умѣнія честно и мужественно судить свои собственные поступки и сознаваться въ своихъ промахахъ.

Въ виду совершенно невѣрнаго представленія многихъ о «рѣзкости», чтобы даже не сказать нѣкоторой «грубости» генерала Кутепова, я считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что въ теченіе многихъ лѣтъ моей съ нимъ службы я лично видѣлъ со стороны генерала Кутепова — неизмѣнный тактъ и даже больше того — сердечное вниманіе. «Рѣзкость», которую многіе ставили въ вину генералу Кутепову, считая ее проявленіемъ будто бы природной грубости, была, на самомъ дѣлѣ, лишь методомъ, который онъ примѣнялъ, когда и гдѣ считалъ это цѣлесообразнымъ и въ зависимости отъ того, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Я съ полной увѣренностью могу сказать, что по природѣ генералъ Кутеповъ былъ человѣкомъ не только не грубымъ, но даже душевно отзывчивымъ.

Я не намѣренъ здѣсь описывать работу генерала Кутепова въ теченіе послѣдняго періода его сравнительно короткой, но столь полной содержанія жизни. Время этому еще не настало.

Тѣмъ менѣе буду я вдаваться въ оцѣнку этой дѣятельности; лучшую оцѣнку ей дали сами его враги — большевики, рѣшившіе, что удалить генерала Кутепова — значитъ обезглавить самую активную и, слѣдовательно, самую опасную для нихъ часть эмиграціи. Самый фактъ похищенія генерала Кутепова большевиками лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что они считали его — *опаснымъ* врагомъ, а работу его расцѣнивали вовсе не какъ «безсмысленную игру въ солдатики» — какъ иногда пытались представлять ее иные недоброжелатели генерала...

Итакъ, я ограничусь здѣсь тѣмъ, что изъ извѣстнаго мнѣ по моей службѣ съ генераломъ Кутеповымъ матеріала я приведу нѣкоторыя выдержки, объективно рисующія взгляды генерала Кутепова по нѣкоторымъ общимъ вопросамъ.

Генералъ Кутеповъ былъ и считалъ себя самъ — *военнымъ*, а не политикомъ или общественнымъ дѣятелемъ, но пусть читатель самъ судитъ, правы ли тѣ, кто, рисуетъ генерала Кутепова лишь — «честнымъ рубакой»...

Для краткости, я буду ссылаться на матеріалы лишь за 1929-ый годъ — послѣдній годъ дѣятельности генерала Кутепова.

***

Генералъ Кутеповъ былъ слишкомъ трезвымъ практикомъ, чтобы придавать значеніе детально разработаннымъ «внѣ пространства и времени» программамъ будущаго государственнаго устройства Россіи, но онъ опредѣленно указывалъ *принципы*, которые, по его мнѣнію, должны были быть положены въ основу будущаго строительства освобожденной Россіи.

Вотъ, напримѣръ, какія общія положенія, въ отвѣтъ на одинъ запросъ, онъ набросалъ 3-го декабря 1929 г.:

«Возрожденную Россію нужно строить, отнюдь не копируя старую Россію, но и не обрывая связи исторической преемственности съ лучшими традиціями прошлаго.

Коренные вопросы государственнаго устройства Россіи не могутъ предрѣшаться на чужбинѣ. Они могутъ получить разрѣшеніе, лишь принимая во вниманіе всѣ реальныя условія въ моментъ освобожденія Россіи.

Къ работѣ по возстановленію Россіи должны быть привлечены всѣ живыя силы страны. На смѣну интернаціональной, классовой и партійной власти должна притти власть національная, внѣклассовая и внѣпартійная. Власть должна стать на защиту правъ религіозной, личной и экономической свободы и правопорядка. Прекращеніе классовой и національной ненависти и насилія однихъ надъ другими и всякаго рода самоуправства, предоставленіе всѣмъ народамъ Россіи права свободнаго развитія ихъ національныхъ культуръ —

вотъ главныя начала, на которыхъ должна строиться жизнь возрожденной Россіи.

Надо признать и учесть всѣ глубокіе сдвиги, которые революція произвела въ жизни русскаго народа. Стремиться повернуть вспять колесо исторіи было бы безуміемъ. Возмездія за содѣянныя въ теченіе революціи преступленія противъ старыхъ законовъ быть не можетъ. Не только бывшіе «совѣтскіе работники», но даже раскаявшіеся коммунисты не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за ихъ прошлое. Фактическія хозяйственныя взаимоотношенія къ моменту сверженія большевиковъ должны быть приняты за отправную точку для дальнѣйшаго законодательнаго регулированія этихъ вопросовъ.

Въ экономическихъ вопросахъ во главу угла долженъ быть поставленъ принципъ частной собственности. Этимъ не отрицается возможность сохраненія государственнаго хозяйства въ нѣкоторыхъ областяхъ. Но даже для пользы государственнаго хозяйства необходима конкуренція частнаго предпринимателя, чтобы не дать государственному хозяйству погрузиться въ тину бюрократическаго застоя. Признаніе принципа частной собственности, при разрѣшеніи вопроса о дальнѣйшей судьбѣ существующихъ къ моменту паденія коммунистической власти промышленныхъ и иныхъ предпріятій, отнюдь не заставляетъ искать рѣшенія этихъ вопросовъ, основываясь только на юридической сторонѣ дѣла, то есть руководствуясь исключительно дореволюціонными титулами владѣнія. При разрѣшеніи земельнаго и фабрично-заводскаго вопросовъ, право собственности на землю и на промышленныя предпріятія, права, отнятыя коммунистами у ихъ прежнихъ законныхъ владѣльцевъ, отнюдь не могутъ служить единственнымъ основаніемъ для разрѣшенія этихъ сложныхъ вопросовъ. Они должны быть разрѣшены подъ угломъ зрѣнія прежде всего реальной возможности и государственныхъ потребностей. Старые титулы владѣнія могутъ послужить лишь однимъ изъ элементовъ въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Интересы крестьянъ и рабочихъ должны быть всемѣрно приняты во вниманіе при разрѣшеніи аграрнаго и промышленнаго вопросовъ...»

На другой запросъ генералъ Кутеповъ отвѣчалъ нѣсколько раньше (16 іюля 1929 г.) слѣдующее :

«Послѣ освобожденія отъ коммунистическаго ига, Россія будетъ нуждаться въ періодѣ диктатуры.

Въ дальнѣйшемъ развитіи Россія пойдетъ по пути нѣкоторой децентрализаціи и широкаго мѣстнаго самоуправленія...»

Въ генералѣ Кутеповѣ сочетались — органическій традиціонализмъ и отказъ отъ всякаго утопизма. Въ частности онъ былъ очень далекъ отъ всякихъ «реставраціонныхъ» помысловъ, которые ему часто приписывались. Генералъ Кутеповъ часто высказывался по этому вопросу; я приведу, въ видѣ примѣра, выдержки изъ его рѣчи въ одномъ изъ военныхъ объединеній въ маѣ 1929 г.

«Дѣйствительно, тяжелая участь выпала на нашу долю, — говорилъ генералъ Кутеповъ, — видѣть, какъ на нашихъ глазахъ милый нашему сердцу обликъ старой Россіи ушелъ въ безвозвратное прошлое... На наше поколѣніе выпалъ и другой тяжелый, но и почетный жребій — съ Божьей помощью спасти и возродить наше Отечество.

Какова будетъ эта новая Россія — мы не знаемъ, но мы знаемъ, что она не можетъ быть копіей съ Россіи прошлаго — неизмѣримо глубоки пережитыя потрясенія и соціальные сдвиги.

Мы знаемъ и другое, мы знаемъ, что крѣпкое зданіе государственности нельзя возвести на пескѣ отвлеченныхъ теорій. Зданіе будущей Россіи должно покоиться на надежномъ фундаментѣ, заложенномъ нашей многовѣковой и славной исторіей...»

8-го февраля 1929 г. въ бесѣдѣ («интервью»), появившейся на столбцахъ нѣкоторыхъ органовъ русской зарубежной прессы, генералъ Кутеповъ между прочимъ заявилъ:

«Съ каждымъ годомъ становится яснѣе вся глубина сдвиговъ и измѣненій въ соціальномъ строѣ Россіи. Каковы бы ни были наши личныя симпатіи, было бы просто безуміемъ закрывать глаза на дѣйствительность. «Реставрація» — только пугало въ рукахъ большевицкихъ агитаторовъ...»

Главная идея и движущая пружина генерала Кутепова была не та или иная политическая программа: онъ горѣлъ жертвенной любовью къ Россіи, и идея патріотической борьбы за Родину была основнымъ стержнемъ его мысли.

Сколько разъ, устно и письменно, призывалъ онъ всѣхъ русскихъ людей сплотиться подъ національнымъ трехцвѣтнымъ флагомъ.

«Мы боремся не за тѣ или иные партійные идеалы, — говорилъ генералъ Кутеповъ въ рѣчи 23 апрѣля 1929 года, — мы боремся за РОССІЮ. На эту борьбу мы зовемъ всѣхъ русскихъ людей, гдѣ бы они ни были — на родинѣ или за рубежомъ. Мы зовемъ къ ней и тѣхъ нашихъ братьевъ, у которыхъ подъ красноармейской шинелью не перестало биться русское сердце. У насъ одинъ врагъ — коммунизмъ, одна цѣль — благо Великой Россіи!..»

«... Какъ русская бѣженская пыль — мы безсильны, какъ единая русская эмиграція — мы сила, съ которой нельзя не считаться. Укрѣпить наше единство и создать нашу силу — въ нашихъ собственныхъ рукахъ. Къ этому я призываю всѣхъ членовъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза, и пусть вокругъ нашего національнаго знамени, забывъ партійную рознь и вражду, сплотятся всѣ русскіе люди.

Мы не хотимъ навязать Россіи какія-либо партійныя программы. Мы хотимъ одно — совмѣстно со всѣмъ русскимъ народомъ, ненавидящимъ большевиковъ, освободить Отечество отъ оковъ коммунизма и вывести Россію на путь свободнаго развитія, величія и славы,» —

такъ писалъ Кутеповъ 13 ноября 1929 г., и такихъ цитатъ привести можно было бы много.

Генералъ Кутеповъ никогда не становился на оторванную «эмигрантскую» точку зрѣнія: связь съ русскимъ народомъ, страждущимъ подъ коммунистическимъ игомъ, онъ искалъ всѣми путями и всѣми способами.

«Мы — часть русскаго народа. Мы свободны, и поэтому на насъ лежитъ особо отвѣтственная задача въ борьбѣ съ поработителями Родины. Нашъ политическій путь ясенъ. Мы не отрываемся отъ нашего народа. Мы не ведемъ какую то «эмигрантскую политику» —

неустанно повторялъ генералъ Кутеповъ (рѣчь 25 февраля 1929 г.).

Связь съ Россіей, прислушиваніе къ біенію сердца русскаго народа, а не прислушиваніе къ эмигрантскимъ настроеніямъ, однако, отнюдь *не превращалось у генерала Кутепова, какъ у многихъ*, въ какое то пассивное выжиданіе того, что въ Россіи какъ то «само собой», что то образуется, а намъ, эмигрантамъ, остается сидѣть, сложа руки... Отнюдь нѣтъ!.. Пафосъ генерала Кутепова былъ пафосомъ *борьбы*, борьбы за освобожденіе Россіи, борьбы всего русскаго народа, а не одной только эмиграціи, но, непремѣнно, и эмиграціи.

«Не будемъ», — призывалъ онъ, — предаваться оптимистическому фатализму и ждать, что все совершится какъ то само собой. Нельзя ждать смерти большевизма, его надо задушить и освободить Россію! Вотъ долгъ всѣхъ русскихъ людей. Если большевицкая диктатура въ Россіи не укрѣпляется, а колеблется, то не скрещивать рукъ мы должны, а удвоить наши усилія въ борьбѣ. Если революціонныя партіи, разрушая старую Россію, выбрасывали лозунгъ — «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое», то намъ, русскимъ патріотамъ, надлежитъ всегда помнить, что лишь въ борьбѣ обрѣтемъ мы свое Отечество.»

(Рѣчь генерала Кутепова, апрѣль 1929 г.).

Для борьбы требуется прежде всего — единство, сплоченность и дисциплина. Генералъ Кутеповъ стремился поэтому, какъ можно больше объединить активные элементы эмиграціи для борьбы съ большевиками. Онъ призывалъ для этой великой цѣли отбросить рознь и партійныя пререканія.

Особенно настойчиво подчеркивалъ генералъ Кутеповъ обще-національную и внѣпартійную идею, которой должны служить военныя организаціи. Въ бесѣдѣ («интервью»), данной имъ представителямъ русской зарубежной прессы (іюль 1929 г.), онъ говорилъ :

«Армія стоитъ внѣ партій... Чтобы армія была духовно здорова, нужно, чтобы чины ея возвысились надъ своими партійными убѣжденіями, нужно, чтобы они забыли о своей партійности и служили лишь обще-національнымъ цѣлямъ. Это не значитъ, что армія «аполитична»: она имѣетъ свое опредѣленное политическое лицо, она хочетъ возстановленія національной Россіи, хочетъ возрожденія Россійской Государственности. Независимо отъ процента монархистовъ или республиканцевъ въ арміи, она борется не за тѣ или иные формы государственнаго устройства, а за возрожденіе Россіи. Я лично не скрываю того, что считаю для Россіи наиболѣе подходящей монархическую форму правленія; многіе чины арміи думаютъ также, но изъ этого не слѣдуетъ, что наша армія — *армія «монархическая». Если въ Россіи, послѣ* сверженія коммунизма, установится другая форма національной власти, защищающей жизненные интересы, честь и достоинство Россійскаго Государства, армія будетъ, не за страхъ, а за совѣсть, служить Россіи, подчиняясь этой власти, какъ бы она ни называлась. Еще въ 1920 году, въ Галлиполи, на вопросъ представителя общественныхъ организацій, я отвѣтилъ: Армія должна освободить Россію, а потомъ взять подъ козырекъ. Въ этомъ твердомъ убѣжденіи мы черпаемъ увѣренность, что мы сможемъ слиться съ національно-мыслящей частью нынѣшней Красной Арміи.

Мы — «бѣлые», пока «красные» владѣютъ Россіей, но какъ только иго коммунизма будетъ свергнуто, съ нашей ли помощью или безъ нея, мы сольемся съ бывшей Красной Арміей въ единую Русскую Армію, и только

наша внѣпартійность и служеніе обще-государственнымъ цѣлямъ сдѣлаетъ это сліяніе возможнымъ, иначе была бы увѣковѣчена гражданская война. Въ нашей печати было правильно отмѣчено, что сохраненіе внѣпартійнаго характера арміи затрудняется тѣмъ, что лѣвые элементы эмиграціи находятся въ оппозиціи къ военнымъ организаціямъ. Это, конечно, такъ, и это большая ошибка со стороны лѣвой антибольшевицкой части русскаго Зарубежья. Но я могу удостовѣрить, что въ своемъ сознаніи армія никогда не перестанетъ ощущать себя представительницей Россіи, какъ цѣлаго, а не представительницей только тѣхъ политическихъ теченій, которыя ее поддерживаютъ, и которымъ она искренно благодарна за эту поддержку.

Армія, какъ и сама государственная власть и всѣ ея представители, должна чувствовать себя представительницей государственнаго цѣлаго, а не отдѣльныхъ его частей или отдѣльныхъ классовъ населенія. И здѣсь, въ зарубежьи, когда нѣтъ надъ нами русской государственной власти, армія должна особенно ясно это сознавать.

Врагъ арміи — коммунизмъ, захватившій Россію. Задача арміи — представлять собой всю Россію, возставшую противъ коммунизма. Всѣ русскіе люди, отрицающіе коммунизмъ и борющіеся съ нимъ, входятъ въ ту русскую стихію, которую мы стремимся воплотить, ощущая себя обще-государственной Р у с с к о й А р м і е й.

Русское знамя, которое наши вожди съ честью пронесли черезъ всѣ испытанія, никогда не склонится передъ врагами Россіи, но мы не отдадимъ его и въ руки какихъ-либо политическихъ партій или организацій, какъ бы онѣ ни назывались...»

Какъ истинный солдатъ, думая прежде всего объ арміи, генералъ Кутеповъ отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ военнымъ, которые сторонятся и презираютъ все штатское. Генералъ Кутеповъ прекрасно понималъ значеніе «общественности» и не только не считалъ нужнымъ уходить и замыкаться въ скорлупу какихъ то оторванныхъ отъ жизни «военныхъ организацій», но, напротивъ, считалъ это вреднымъ и недопустимымъ.

«Русская Армія — плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго народа. Воинскія организаціи не могутъ жить вполнѣ обособленной жизнью, и для ихъ развитія необходима атмосфера общественнаго сочувствія» — говорилъ генералъ Кутеповъ (рѣчь 24 апрѣля 1929 года).

Часто генералъ Кутеповъ высказывалъ свои взгляды на Красную Армію.

«... Вы спрашиваете о моемъ отношеніи къ Красной Арміи, — говорилъ генералъ Кутеповъ 8-го февраля 1929 года одному русскому журналисту, — я сражался противъ Красной Арміи съ самого созданія Добровольческой Арміи и до Крымской эвакуаціи. Въ наши дни исторія развивается быстро: Великій Князь Николай Николаевичъ своимъ государственнымъ взглядомъ на вещи пріучилъ насъ теперь смотрѣть на Красную Армію не какъ на врага Россіи, а лишь какъ на временное орудіе въ рукахъ ея враговъ. Подъ тяжелымъ краснымъ покровомъ въ Красной Арміи зрѣетъ русское національное сознаніе. Великій Князь прозрѣвалъ день, когда Красная Армія перестанетъ быть «красной» и превратится въ доблестную, могучую Русскую Армію, съ которой сольются во-едино тѣ, кто проливалъ свою кровь за спасеніе Отечества отъ ига коммунистовъ.

Не дѣлайте изъ этого заявленія вывода, что я вѣрю въ какую-то «эволюцію» самого большевизма, — добавилъ генералъ Кутеповъ, — нѣтъ,

коммунистическій строй можетъ гнить, но не можетъ эволюціонировать. Я вѣрю, что, рано или поздно, у Русскаго Народа найдется достаточно силъ, чтобы сбросить это иго...»

Генералъ Кутеповъ часто говорилъ о національизмѣ въ противовѣсъ большевицкому интернаціонализму. Иногда его даже упрекали въ «великорусскомъ шовинизмѣ». Насколько этотъ упрекъ несправедливъ, насколько патріотизмъ генерала Кутепова носилъ широкій «имперскій» характеръ, видно хотя бы изъ его рѣчи на собраніи представителей политическихъ и общественныхъ организацій 12-го мая 1929 г.

«Говоря о русскомъ національномъ чувствѣ, — говорилъ генералъ Кутеповъ, — я не хочу быть невѣрно понятымъ. Я самъ великороссъ, но я считаю не только неправильнымъ, но и вреднымъ съ государственной точки зрѣнія, когда кличъ — «Россія для русскихъ» — понимается, какъ — Россія для великороссовъ. Россія — не только Великороссія и даже не только — Великая, Малая и Бѣлая Русь — всѣ народы, населяющіе ее, безъ исключенія, ея дѣти. Среди нихъ не должно быть пасынковъ. Не поглощенія русскимъ племенемъ требуетъ Россія отъ своихъ сыновъ, а любви къ общей Матери. Россія не требуетъ того, чтобы грузинъ или татаринъ отказались отъ своей національной культуры, она не стремится къ обезличиванію своихъ дѣтей.

Въ нашемъ богатомъ языкѣ, къ сожалѣнію, утратилось одно слово: «Россіянинъ», а между тѣмъ это слово нужно и даже необходимо — оно шире, чѣмъ слово «Русскій». Всѣ народы, населяющіе Россію, независимо отъ ихъ національности, прежде всего — Россіяне.

Я вѣрю, что освобожденная и возрожденная Россія будетъ именно — Россія для Россіянъ!»

Говоря о національномъ вопросѣ, нельзя не упомянуть взглядовъ генерала Кутепова по еврейскому вопросу.

8 декабря 1928 г. генералъ Кутеповъ писалъ Предсѣдателю Союза Русскихъ Евреевъ-Патріотовъ, І. М. Бикерману:

«... Мнѣ кажется, что угрожающій ростъ антисемитизма въ Совѣтской Россіи — чувство, во многомъ понятное для лицъ, знакомыхъ съ составомъ и политической тамошней власти, долженъ особенно заботить Вашъ Союзъ и вообще всѣхъ русскихъ патріотовъ.

Только сильная національная власть сможетъ не допустить или твердой рукой пресѣчь грядущіе погромы, совершенно недопустимые съ государственной точки зрѣнія.

Чѣмъ дольше будетъ хозяйничать въ Россіи коммунистическая власть, тѣмъ страшнѣе будетъ взрывъ самаго дикаго антисемитизма. Всѣ евреи, какъ русскіе, такъ и заграничные, должны, наконецъ, это понять и усвоить, что такъ или иначе поддерживая коммунистическую власть въ Россіи, они собираютъ грозовыя тучи надъ головой собственнаго народа. Они должны понять и то, что въ интересахъ самого русскаго еврейства надо стремиться къ скорѣйшему сверженію въ Россіи коммунистической власти и къ тому, чтобы этотъ переворотъ принялъ не анархическія, а организованныя формы. Безъ этого волна кровавыхъ погромовъ по-моему неизбѣжна. Не стоитъ говорить, насколько это было бы гибельно для Еврейства и вредно для интересовъ Россіи. Роль русскихъ евреевъ-патріотовъ въ этомъ отношеніи можетъ быть огромна...»

Не лишенъ также интереса взглядъ генерала Кутепова на событія на Дальнемъ Востокѣ въ 1929 году, во время назрѣвавшаго тогда (и позднѣе разразившагося) военнаго столкновенія между Китаемъ (Манчжуріей) и СССР.

29-го апрѣля 1929 г. генералъ Кутеповъ давалъ представителю Русскаго Обще-Воинскаго Союза на Дальнемъ Востокѣ указанія на случай столкновенія между Китаемъ (возможно и Японіей) съ Совѣтской Россіей.

«... Передъ русскими, — писалъ генералъ Кутеповъ, — встанетъ вопросъ, какъ имъ быть? Вопросъ очень сложный, такъ какъ, съ одной стороны, желательно сражаться съ властью краснаго Интернаціонала, но съ другой — нельзя бить по національнымъ интересамъ Россіи. Такими интересами я считаю — Восточно-Китайскую ж. д. и русское вліяніе въ Монголіи, которое началось задолго до большевиковъ.

Мои руководящія указанія... слѣдующія: ... безъ особыхъ гарантій со со стороны Китая и Японіи, я считаю полезнымъ для русскихъ воздержаться отъ участія въ войнѣ между Китаемъ (или Японіей) и СССР. Однако я учитываю обстановку у Васъ и думаю, что такое воздержаніе по многимъ причинамъ будетъ для живущихъ на китайской территоріи невозможнымъ. Если будетъ объявленъ даже добровольный наборъ русскихъ, проживающихъ на китайской территоріи, они не смогутъ отъ него уклониться. Но пусть то будутъ отдѣльные русскіе, а призыва или разрѣшенія на это со стороны русскихъ общественныхъ организацій, безъ особыхъ условій, дано быть не можетъ... Русскія національныя организаціи могутъ оказать помощь въ борьбѣ съ СССР — вооруженную и дипломатическую (напримѣръ, соотвѣтствующимъ представленіемъ Сѣв.-Ам. С. Ш.), лишь въ случаѣ полученія опредѣленныхъ гарантій о ненарушеніи въ борьбѣ съ большевиками національныхъ интересовъ Россіи. Конечно, за помощь въ борьбѣ съ красной властью Китай и Японія въ правѣ получить извѣстныя компенсаціи. Если Китаю или Японіи нужно формальное заявленіе національныхъ русскихъ организацій съ призывомъ русскихъ участвовать въ борьбѣ съ СССР совмѣстно съ Китаемъ или Японіей, то нужно это послѣднимъ для созданія, гдѣ слѣдуетъ (въ Соед. Шт. и другихъ государствахъ) впечатлѣнія, что этой войной не нарушаются интересы національной Россіи. Дать такое завѣреніе можно лишь при полученіи соотвѣтствующихъ гарантій, безъ чего мы въ правѣ опасаться нарушенія русскихъ интересовъ и должны дѣлать все, что въ нашихъ слабыхъ силахъ, для возможнаго ихъ обезпеченія (обращеніе къ Соед. Шт. и т. п.). Когда я говорю о «гарантіяхъ» соблюденія національныхъ интересовъ Россіи, я разумѣю — соотвѣтствующія офиціальныя заявленія Китая и Японіи и реальную ихъ помощь въ формированіи значительныхъ и самостоятельныхъ русскихъ отрядовъ для направленія ихъ на русскую территорію для освобожденія ея изъ подъ власти большевиковъ...»

Въ вышеприведенныхъ выдержкахъ изъ документовъ и публичныхъ рѣчей генерала Кутепова я попытался дать объективное отраженіе его мысли и политической работы въ послѣдній періодъ его дѣятельности. Періоду этому суждено было трагически оборваться...

26-го января 1930 года большевики дали самое яркое доказательство того, какъ они расцѣнивали личность и дѣятельность генерала Кутепова... Россія многое потеряла въ немъ, и она его не забудетъ.

Кн. С. Трубецкой

Май 1933 г.
Парижъ.

Мои воспоминанія о генералѣ Кутеповѣ

Впервые мнѣ довелось познакомиться съ Александромъ Павловичемъ въ дни празднованія столѣтія Бородинской битвы подъ Бородинымъ, куда были командированы въ числѣ прочихъ частей роты Его Величества Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ.

Августъ 1912 года. Штабсъ-капитанъ Кутеповъ — начальникъ учебной команды Преображенскаго полка.

Второе запавшее въ память впечатлѣніе — нашъ первый бой подъ Владиславовымъ 20-го августа 1914 года. Я съ ротой стою въ бригадномъ резервѣ, Преображенцы наступаютъ. Отъ насъ все было видно, какъ на ладони, и первый бой производилъ впечатлѣніе чисто батальной картины. Несутъ на носилкахъ раненаго офицера. Лица не видно, но виденъ Владимірскій крестъ. Подойдя къ резерву, носилки опускаютъ, и мнѣ виденъ первый раненый — это былъ командующій 4 ротой Л.-Гв. Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Кутеповъ.

Далѣе 1916 годъ. Командующій 2-мъ батальономъ Преображенцевъ капитанъ Кутеповъ смѣнитъ мой батальонъ на позиціи подъ Шельвовымъ у Луцка. Какъ всегда строго по формѣ одѣтый, точный, спокойный и трезво смотрящій на дѣло. Именно трезво безо всякаго пафоса, громкихъ фразъ и бряцанія оружіемъ. А. П. былъ слишкомъ хорошимъ строевымъ офицеромъ для того, чтобы рисоваться и стремиться блистать. Я хорошо помню наши бесѣды въ блиндажѣ при свѣчкѣ на покрытыхъ соломою нарахъ. Его критику модныхъ въ то время завезенныхъ къ намъ съ французскаго фронта и уже устарѣвшихъ до ввоза нов-

шествъ и его чисто практическій, основанный на здравомъ смыслѣ, подходъ къ дѣлу.

Затѣмъ революція 1917 года, глубоко и во всемъ противорѣчившая всѣмъ взглядамъ, симпатіямъ и идеаламъ А. П. И этой, внушавшей ему всегда столь глубокое отвращеніе революціи, по ироніи судьбы, суждено было стать переломомъ въ его жизни. Лишь отличный строевой офицеръ до революціи, послѣ нея онъ выносится жизнью въ первые ряды борцовъ противъ нее. Именно въ этой борьбѣ съ революціей онъ нашелъ свое призваніе, и вся его дальнѣйшая жизнь проходитъ подъ знакомъ непрестанной, непрерывной и беспощадной борьбы съ ней. Въ этой напряженности его борьбы, заражавшей всѣхъ съ нимъ соприкасавшихся и былъ заложенъ тотъ ореолъ, который окружалъ его имя и который стихійно выносилъ его на постъ вождя вооруженныхъ силъ русской контръ-революціи.

Съ самыхъ первыхъ дней революціи онъ, въ числѣ, увы, немногихъ истинно вѣрныхъ долгу до конца, принимаетъ участіе въ вооруженной борьбѣ съ ней на улицахъ Петрограда въ февралѣ. Я не буду здѣсь касаться его блестящей роли въ этихъ событіяхъ, описанныхъ имъ самимъ незадолго до его похищенія. Вернувшись изъ Петербурга на фронтъ, онъ становится командующимъ Преображенскимъ полкомъ. Исполняя должность начальника штаба нашей дивизіи, мнѣ пришлось вмѣстѣ съ А. П. переживать эти смутные, печальной памяти дни нашей первой «безкровной» революціи. Вопреки нашедшей многихъ сторонниковъ системы подлаживанія къ комитетамъ во имя сохраненія арміи, полковникъ Кутеповъ оставался тѣмъ же, какимъ онъ былъ и до революціи. И онъ былъ правъ потому, что въ славныхъ бояхъ Петровской бригады въ дни общаго развала, въ іюлѣ 1917 г., онъ со своимъ полкомъ былъ душою этихъ побѣдъ. И не столько побѣдъ надъ нѣмцами, которыя все равно въ тотъ же день сводились на нѣтъ стихійнымъ разваломъ сосѣдей, сколько побѣдъ надъ духомъ революціи, духомъ разложенія. Въ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ онъ боролся и противъ болѣе страшнаго врага, разлагавшаго армію. До осени онъ могъ сохранить родной полкъ отъ развала. Несмотря на нарочитыя усилія пропаганды большевиковъ, направленныя на разложеніе полка, полкъ вновь благодаря своему командиру устоялъ до конца. Весьма характерно, что большевики для разложенія полка послали въ то время одного изъ своихъ крупнѣйшихъ агитаторовъ эмигранта Чудновскаго, впослѣдствіи убитаго при штурмѣ большевиков Зимняго Дворца.

Въ эти трудные, скорбные дни мнѣ часто приходилось говорить съ А. П. Онъ ясно видѣлъ, что несмотря на всѣ усилія, борьба съ лавиной

большевизма на фронтѣ становится непосильной. Какъ человѣкъ дѣла, онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что продолженіе борьбы въ этихъ условіяхъ безцѣльна. Вопросъ борьбы былъ попрежнему для него основнымъ, и онъ только искалъ точку приложенія своихъ усилій. Какъ только стали доноситься до насъ слухи и вѣсти съ Дона, А. П., не колеблясь, рѣшилъ ѣхать туда. Я хорошо помню до сихъ поръ при разговорахъ съ нимъ въ штабѣ дивизіи, куда онъ часто наѣзжалъ, его одушевленіе и горячую вѣру въ то, что борьба продолжается, и его надежды на конечный успѣхъ. Въ общемъ развалѣ онъ видѣлъ только одну точку приложенія усилій, только одинъ рычагъ борьбы — Донъ. Ему претило выжиданіе и пассивная роль зрителя событій. Онъ стремился стать на путь активной борьбы, къ которой его тянуло. Большевицкій переворотъ со снятіемъ погонъ и потомъ полнымъ разваломъ дѣлалъ безсмысленной борьбу на фронтѣ, и, расформировавъ полкъ, А. П. рѣшилъ пробиться на Донъ. Несмотря на всѣ трудности, это ему удалось, и онъ вступилъ однимъ изъ первыхъ въ Добровольческую армію.

Роль А. П. въ Добровольческой арміи слишкомъ извѣстна, чтобы мнѣ здѣсь ее касаться, къ тому же мнѣ не пришлось участвовать въ ней непосредственно подъ его командой. Описаніе ряда моихъ встрѣчъ съ нимъ въ Новороссійскѣ, Ростовѣ, Мелитополѣ и въ Крыму не могутъ поэтому добавить ничего новаго къ тому, что сдѣлано его непосредственными сотрудниками по борьбѣ въ эти годы. Начавъ съ ротнаго командира въ Первомъ походѣ, онъ къ концу нашей гражданской войны — командующій 1-ой арміей у ген. Врангеля въ Крыму. Затѣмъ эвакуація и прибытіе остатковъ арміи въ Турцію. Вооруженная борьба, которой онъ посвятилъ столько силъ и столько энергіи за три года — кончена. Остается лишь горечь изгнанія.

И вотъ, въ эти безотрадные дни, когда, казалось, борьба была проиграна, ген. Кутеповъ создаетъ «Галлиполи», этотъ символъ неумирающей и не сдающейся бѣлой Россіи въ лицѣ ея арміи.

Общій ходъ міровыхъ событій однако не позволяетъ найти приложеніе этой воссозданной ген. Кутеповымъ вооруженной силѣ. Начинается расселеніе арміи, и А. П. со своимъ 1-мъ корпусомъ переѣзжаетъ изъ Галлиполи въ Болгарію. Въ 1922 г. ген. Кутеповъ вызываетъ меня въ свой штабъ, но, по настоянію большевиковъ, большевизанствующее правительство Стамболійскаго, высылаетъ Кутепова въ Сербію, и я его уже не застаю по пріѣздѣ въ его штабъ въ В. Тырново.

Въ 1923 году ген. Кутеповъ снова пріѣзжаетъ въ Софію, и, по его вызову, я вечеромъ являюсь въ гостиницу «Болгарія», въ которой онъ

остановился. Свиданіе это останется памятнымъ для меня навсегда. Въ своей бесѣдѣ А. П. подѣлился со мною своими новыми надеждами. Застой въ борьбѣ и вынужденное выжиданіе не могли его удовлетворить. Онъ ищетъ новыхъ путей, новые пріемы борьбы. Видя, что продолженіе борьбы возможно только другимъ путемъ, онъ стремится на эти новые пути. Положеніе его трудное потому, что переходъ на эти новые пути многимъ кажется невозможнымъ и внѣшне какъ будто порывающимъ съ прежней традиціей, въ основѣ которой лежало прежде всего только сохраненіе вооруженныхъ силъ. А. П. прозорливо предвидѣлъ еще въ 1923 г., что новая обстановка требуетъ новыхъ пріемовъ борьбы. Въ центрѣ всѣхъ его мыслей, всей его жизни все та же борьба, которой онъ посвятилъ себя съ самыхъ первыхъ дней революціи. Вопросъ лишь въ томъ, чтобы, какъ въ свое время въ 1917 г., найти точку приложенія усилій. И онъ ее видитъ въ активной работѣ. Ей онъ рѣшаетъ посвятить свою жизнь. Однако, это дается ему не легко. Онъ видитъ много недовѣрія къ возможности подобной работы. Работа требуетъ средствъ, которыя достать, какъ кажется, неоткуда. Гдѣ найти нужныхъ людей? Все это не останавливаетъ А. П., и его воля къ борьбѣ эти препятствія побѣдитъ.

Разговоръ этотъ во-очію меня убѣдилъ, что временно прерванная борьба снова возобновится, и что она въ вѣрныхъ и твердыхъ рукахъ.

Прошелъ однако почти годъ, прежде чѣмъ А. П. удалось провести свою идею борьбы. Только въ 1924 г. онъ переѣзжаетъ въ Парижъ и становится непосредственнымъ сотрудникомъ Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго Вел. Кн. Николая Николаевича и получаетъ возможность цѣликомъ посвятить себя тому дѣлу, къ которому онъ такъ стремился и которое онъ самъ создалъ. Борьба, прерванная эвакуаціей изъ Крыма, продолжается, и во главѣ ея становится ген. Кутеповъ.

Шесть съ лишнимъ лѣтъ — съ 1924 г. по день похищенія 26 января 1930 г. — мнѣ пришлось быть близкимъ, почти ежедневнымъ сотрудникомъ А. П. Не пришло еще время говорить объ этой работѣ въ печати. Да и не нужна А. П. печатная реклама его работы. Лучшей ея оцѣнкой было то довѣріе, которое онъ снискалъ къ себѣ въ самыхъ широкихъ кругахъ эмиграціи, и тѣ опасенія, которыя онъ вызвалъ у своихъ враговъ и которыя привели къ трагедіи 26 января.

Ставъ, по кончинѣ ген. Врангеля, предсѣдателемъ Р. О. В. Союза, онъ послѣ кончины Великаго Князя наслѣдуетъ и возглавленіе всей активной борьбой съ большевизмомъ въ Россіи. Окруженный общимъ довѣріемъ, въ сознаніи правоты и вѣрности избраннаго имъ пути, А. П. можетъ цѣликомъ посвятить себя созданному имъ же дѣлу активной борь-

бы. Въ 1929 г. онъ становится истиннымъ, общепризнаннымъ вождемъ русской контръ-революціи.

Таковъ внѣшній путь его работы въ эмиграціи, но только близкіе знають, цѣною какихъ усилій и цѣною какого упорства это удалось А. П.

Бывали дни, когда казалось, что борьба непосильна, когда онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ ней, не находя ни поддержки ни средствъ для ея продолженія. Бывали и горькія разочарованія и тяжелые удары судьбы. Бывала и пролитая кровь...

Въ 1927 г. я помню, какъ А. П. приходилось думать и о хлѣбѣ насущномъ и онъ уже готовился поступить рабочимъ въ столярную мастерскую. Помню я и тѣ дни, когда, подсчитывая съ нимъ тѣ крохи, которыя онъ съ такимъ трудомъ собиралъ на дѣло борьбы, казалось, что она затихаетъ, и что даже его желѣзной энергіи не удастся сломить равнодушіе и безразличіе къ ней тѣхъ, кто могъ бы и не хотѣлъ ему помочь. И все же, несмотря на полную неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и на всѣ тренія, интриги и препоны, онъ неизмѣнно, прямо шелъ къ своей цѣли и велъ за собою тѣхъ, которымъ онъ вселилъ вѣру въ себя и въ свою борьбу до конца.

Съ каждымъ годомъ его работа крѣпла, и, наконецъ, въ самомъ концѣ 1929 г. судьба ему улыбнулась. Онъ добился ея обезпеченія. Казалось и хотѣлось вѣрить, что, наконецъ, его работа развернется такъ, какъ онъ объ этомъ мечталъ, и его надежды станутъ дѣйствительностью.

Январь 1930 года. У А. П. самые широкіе планы. Всѣ препятствія устранены, открывается самая широкая дорога его работѣ. Вѣра въ себя, вѣра въ свое дѣло побѣдили всѣ затрудненія, снесли всѣ преграды на пути. А сколько ихъ было! И вотъ въ разгарѣ его работы, въ зенитѣ его успѣховъ, его похищаютъ его непримиримые враги.

Послѣдній мой докладъ у А. П. въ субботу, наканунѣ его похищенія. Какъ всегда въ 8 часовъ утра У А. П. новые планы, новые проэкты. Несмотря на полное разочарованіе А. П. только что состоявшимся свиданіемъ въ Берлинѣ съ пріѣзжими изъ Россіи, онъ полонъ вѣры въ успѣхъ своей борьбы. На понедѣльникъ 27-го, въ отличіе отъ обычнаго порядка, онъ мнѣ назначаетъ два доклада — утромъ и днемъ, такъ какъ днемъ должно состояться свиданіе въ его канцеляріи на рю де Кармъ, которому онъ придавалъ большое значеніе и на которомъ онъ приказалъ мнѣ присутствовать. Выхожу отъ него въ 10 часовъ и прощаюсь съ нимъ въ столовой. Ничто, казалось, не предвѣщало трагедіи на завтра. Конечно, А. П. зналъ, что онъ всегда подъ угрозой, но въ этотъ день онъ былъ совершенно спокоенъ и полонъ вѣры въ будущее. Увы, это было послѣднее

свиданіе, и болѣе мнѣ его видѣть не пришлось. На слѣдующій день его похитили большевики.

Исчезъ съ арены борьбы страшный для нихъ по своей непримиримости и по своей волѣ къ борьбѣ противникъ. Русская контръ-революція потеряла въ немъ своего вождя.

Потеря невознаградимая.

Величіе Кутепова именно въ его непреклонной волѣ къ борьбѣ, несмотря ни на что. Начавъ ее съ первыхъ дней революціи, онъ непрерывно ее велъ до конца. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе и ярче воля къ борьбѣ. Чѣмъ больше ударовъ судьбы, тѣмъ крѣпче стоитъ онъ на своемъ посту. «Такъ тяжкій млатъ», по словамъ Пушкина, «дробя стекло, куетъ булатъ». И эти слова цѣликомъ можно отнести къ А. П.

Ведя непрерывно борьбу, А. П. всегда интуиціей умѣлъ находить ту форму борьбы, которая была наиболѣе дѣйствительной для данной эпохи. И найдя ее, онъ отдавался ей со всей силой своего характера, со всей своей энергіей и вѣрой въ нее.

Наконецъ, свѣтлый обликъ А. П. всегда связывается въ моемъ представленіи съ тѣмъ живымъ олицетвореніемъ имъ всего русскаго, которое онъ такъ любилъ и которое такъ крѣпко въ немъ было заложено.

Русскій человѣкъ до мозга костей онъ вѣрилъ въ Россію, и эти мои краткія впечатлѣнія мнѣ хочется закончить тѣми словами, которыя такъ часто провозглашалъ А. П. и которыя такъ вѣрно отражали его работу, его жизненный путь, его надежды и его жертвенное служеніе — «За Россію!».

А. Зайцовъ.

Борьба генерала А. П. Кутепова

Ростовъ, Екатеринодаръ, Каменно-угольный районъ, Харьковъ, Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ — вотъ этапы для рядового добровольца. Потомъ въ памяти нѣтъ русскихъ городовъ, точно все потонуло въ зимней вьюгѣ, которая провожала насъ... И все завершилось Новороссійскомъ. Какъ-то отдѣльно стоитъ Крымъ.

Послѣ Крыма — «Кутепія». Я такъ бы и назвалъ Галлиполи. Послѣ Галлиполи — нигдѣ и вездѣ, съ годами, тянущимися какъ тѣсто.

Мы — кадеты, корниловцы, деникинцы, врангелисты — въ Россіи. Здѣсь, за рубежомъ, — вражелисты.

Среди вражелистовъ — кутеповцы. Это тѣ, кто шли «туда», въ Россію.

Въ Галлиполи, этомъ послѣднемъ жерновѣ, на которомъ перемололись остатки Россійскихъ армій, у ген. Кутепова и его сподвижниковъ созрѣла мысль о необходимости перестроить ряды для новой, невѣдомой еще русскому офицеру и солдату, борьбы съ торжествующимъ коммунизмомъ. И то, что открывалось передъ глазами ген. Кутепова и тѣхъ, кто собирался въ далекій трудный путь, было полно непреодолимостью, даже безнадежностью. Не было опыта, не было средствъ, были невѣроятныя техническія трудности... и только была горячая вѣра въ необходимость начать дѣло борьбы какими угодно жертвами.

И борьба была начата.

О подвигахъ первыхъ кутеповцевъ Г. Н. Радковича и М. В. Захарченко-Шульцъ знаютъ всѣ. Не знаетъ тотъ, кто не хочетъ знать.

Безчисленные походы кутеповцевъ въ Сов. Россію принесли дѣлу Кутепова то, чего не хватало, самаго главнаго, — опытности. Ихъ походы, ихъ смерть — страшная героическая быль.

Обреченные пробили путь въ замуравленную Россію, тернистая тропа на Родину была найдена, и по ней шли кутеповцы искупать болтовню и бездѣлье россійской эмиграціи.

Въ годы послѣ Галлиполи имя ген. Кутепова было именемъ человѣка, который одинъ поднялъ непосильную борьбу противъ организованнаго коммунистическаго государства. Къ нему потянулась молодежь, готовая принести себя въ жертву, а рядовое офицерство только въ немъ видѣло единственнаго человѣка дѣла и долга.

Эмиграція знала, что ген. Кутеповъ «что-то» дѣлаетъ, и одни относились презрительно — «что можно сдѣлать?», другіе осуждали — «посылаетъ на смерть», третьи, большинство, были равнодушны къ дѣлу

борьбы, четвертые и пятые, точно сговорившись съ ГПУ, плели сѣть лжи вокругъ имени и дѣла ген. Кутепова.

А. П. не разъ говорилъ, что дѣло борьбы съ коммунизмомъ окружено въ эмиграціи стѣною враждебности. Многіе, и ген. Кутеповъ называлъ цѣлый рядъ видныхъ лицъ, которыя вольно и невольно мѣшали дѣлу. Много было лицъ изъ бывшаго командного состава Русской арміи, которыя не могли примириться съ «выскочкой» Кутеповымъ и которыя всякими способами хотѣли играть сами какую-нибудь роль. Это желаніе играть роль и играть во чтобы то ни стало, «занимать положеніе», — приводило ихъ въ явную опозицію къ ген. Кутепову и дѣлу борьбы, и было, конечно, только на руку ГПУ.

Лучшими же цѣнителями ген. Кутепова, его сподвижниковъ и всего дѣла были коммунисты. Политбюро и ОГПУ знали, цѣнили и понимали, что передъ ними страшный и непримиримый врагъ, знали, что ген. Кутеповъ этого дѣла никогда не оставитъ и будетъ вести его до конца дней своихъ, знали они и людей — кутеповцевъ — идущихъ на нихъ.

Всѣ помнятъ, что временами открывалась бѣшеная травля противъ ген. Кутепова, исходившая изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Ген. Кутеповъ никогда не только не отвѣчалъ на всѣ выпады, но онъ почти никогда и не говорилъ объ этомъ. Ген. Кутеповъ молчалъ.

Ген. Кутеповъ говорилъ: — Наше дѣло тамъ — въ Россіи. Наша обязанность показать русскому народу, что и мы, сидя здѣсь въ безопасности, не забываемъ своего долга передъ родиной. Въ представленіи подрастающихъ въ Россіи поколѣніяхъ русскій патріотъ-эмигрантъ является такимъ, какимъ изображаютъ его совѣтскія рептиліи. Мы должны тамъ, и только тамъ, показать себя и напоминать всѣмъ, что мы умѣемъ бороться и умирать.

— Мы должны,— говорилъ еще ген. Кутеповъ, — смотрѣть на походы въ Россію, какъ на наше необходимое и обычное дѣло, а не какъ на подвигъ. Когда мы проникнемся сознаніемъ, что только совершаемъ свой долгъ передъ Родиной, намъ легче будетъ переносить всѣ тяготы и лишенія, которыя пали на нашу долю. Насъ немного, очень немного, но эти немногіе цѣннѣе и лучше многихъ тысячъ.

— Наше дѣло правое. Оно требуетъ жертвъ, безъ жертвъ лучшихъ русскихъ людей Россія не возстановится, и онѣ необходимы, онѣ будутъ

всегда. Многіе погибли, погибнутъ еще, погибнемъ всѣ мы, начавшіе, но зерно брошено, и плоды будутъ тамъ — на Русской землѣ. Надо, чтобы дѣло наше продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ Россіи существуетъ власть интернаціональныхъ бандитовъ.

И если случалось, что ген. Кутепову самому приходилось давать послѣднія наставленія передъ походомъ, онъ говорилъ коротко, отчеканивая каждое слово, послѣ чего энергично пожималъ руку. Не было ни дрожанія въ голосѣ, ни лобызаній, ни многозначительныхъ взглядовъ.

Людей, у которыхъ А. П. замѣчалъ сомнѣніе или упадокъ настроенія, онъ всегда отставлялъ отъ похода.

И, быть можетъ, такіе «проводы» у нѣкоторыхъ, идущихъ въ путь, оставляли осадокъ сухости отъ ген. Кутепова.

Иногда эта «сухость» была и при встрѣчѣ съ вернувшимися, когда послѣдніе дѣлали ошибки. Ген. Кутеповъ никогда не прощалъ болтливости, хотя бы и невольной и вынужденной.

— Надо внушить, — говорилъ А. П., — что это не мое личное дѣло, а наше общее, нашъ долгъ. Я никого не посылаю и, если идутъ, то идутъ добровольно, зная куда и зачѣмъ. Но если ты пошелъ, иди, какъ подобаетъ солдату.

Такъ было внѣшне, и ген. Кутеповъ старался у всѣхъ на виду не отступать отъ этой «внѣшности». Но за то, отправивъ человѣка или группу, онъ всѣми своими мыслями переносился къ нимъ. Онъ по днямъ исчислялъ ихъ движеніе, справлялся объ извѣстіяхъ, выражалъ предположенія, оцѣнивалъ каждаго участника и всю операцію.

Надо было близко знать ген. Кутепова и настолько близко, чтобы онъ не только довѣрялъ, но и любилъ и цѣнилъ «своего» человѣка, чтобы при немъ можно было, не въ ущербъ дѣлу, смѣнить внѣшность старшаго на внѣшность просто большого русскаго патріота, взявшаго въ свои руки тяжелый, опасный и неблагодарный трудъ.

Ген. Кутеповъ, кого онъ хорошо зналъ, относился заботливо и бережно — да это и было естественно, такъ какъ всѣ «его» были, въ сущности, уже смертниками, какъ и онъ самъ.

— Иногда кругомъ, — говорилъ А. П. походникамъ, — ничего кромѣ человѣческой подлости и не видишь, и тяжело становится на душѣ. Въ такую минуту я всегда вспоминаю «своихъ» — и я горжусь вами...

Вспоминаю нѣсколько случаевъ.

Пріѣзжаетъ къ ген. Кутепову его офицеръ — инженеръ, получившій хорошее мѣсто и проситъ, пока онъ свободенъ, дать ему «командировку».

— Это самое цѣнное у «моихъ», — говорилъ А. П., — что ни высшее образованіе ни матеріальныя выгоды послѣ всѣхъ лишеній, которыя мы всѣ испытали, не сломили жертвенности. Идутъ не отъ голода, не отъ разочарованія, а идутъ по нутру... Настоящіе добровольцы!

Пріѣхалъ штабсъ-капитанъ Б., — разсказывалъ А. П., — просится въ отправку. Работалъ три года, скопилъ деньги, на нихъ и хочетъ ѣхать.

Ген. Кутеповъ радостно улыбается и, подумавъ, добавляетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, мы можемъ еще дѣло сдѣлать...

Представляется какъ-то ген. Кутепову офицеръ его корпуса послѣ окончанія университета.

— Ну что, окончили? Трудно было—знаю, но за то и время не пропало. Поздравляю... Теперь, — улыбаясь говоритъ А. П.,— надо браться за второй университетъ... за мой.

Ген. Кутеповъ, смѣясь, приводилъ примѣръ ротмистра К., который послѣ похода замѣтно политически созрѣлъ.

— Развѣ это не университетъ? — разсказывалъ А. П., — научился многому. Говоритъ толково, спокойно, взвѣшиваетъ каждое свое слово, молчитъ, когда надо, и знаетъ, что ему дѣлать.

Послѣ потери, послѣ неудачи энергія ген. Кутепова только увеличивалась. Онъ рѣдко и то очень коротко вспоминалъ, даже при близкихъ, о погибшихъ, но, думаю, что А. П. переживалъ тяжело: уходили и гибли все лучшіе, нужные, незамѣнимые...

Не было средствъ, чтобы начать дѣло. Но и не было денегъ, чтобы продолжать борьбу съ большевиками. И ген. Кутеповъ рѣшалъ, если ждать средства, то и дѣла никогда не будетъ. Онъ изыскивалъ и доставалъ какую-нибудь очередную тысячу франковъ, прося ее, какъ подаяніе у богатыхъ, такъ называемыхъ «русскихъ патріотовъ».

— Ну что жъ, пусть говорятъ, что Кутеповъ попрошайничаетъ, — усмѣхался А. П. и отсылалъ выпрошенные франки въ нужное мѣсто.

Деньги собирались грошами. Давали, обычно, тѣ, которые сами ничего не имѣли. Къ этимъ деньгамъ А. П. относился до болѣзненной щепетильности.

Помню случай, когда пришлось разъ обратиться къ А. П. за деньгами для больного походника.

— Спеціальныхъ денегъ немного есть, но дать ихъ не могу, онѣ должны быть израсходованы по прямому назначенію, а вотъ у меня есть армейскія деньги (т. е. пожертвованныя на армію, на РОВС), изъ нихъ могу кое-что дать.

И онъ даетъ 500 франковъ.

— Мнѣ принесите расписку, — потомъ задумывается и добавляетъ. — Надо намъ какъ-то организовать *поступленіе на* работу, чтобы не расходовать лишняго. Я поговорю кое съ кѣмъ, нельзя ли куда-нибудь его устроить до «слѣдующаго раза».

Но часто было, что ни личные переговоры ни рекомендательныя письма отъ А. П. не помогали устройству его людей въ русскія предпріятія. Рѣдко, кто отзывался.

А. П. сразу преображался, если ему добровольно какой-нибудь эмигрантскій тузъ давалъ деньги «въ личное его, ген. Кутепова, распоряженіе», а не по «особому назначенію». Тогда А. П. при встрѣчѣ говорилъ:

— А денегъ вамъ не надо? Возьмите, возьмите... Потомъ отдадите, когда будете работать, — и разсказывалъ про «тузовъ», бьющихъ себя въ «патріотическую грудь» и водившихъ его по ресторанамъ «поговорить».

— Хожу, обѣдаю, ужинаю, а у самого за ѣдой сверлитъ мысль: далъ бы лучше деньги, чѣмъ угощать.

У А. П. часто не было средствъ не только поддержать вернувшихся съ похода, но и отправить одного человѣка на необходимое и спѣшное дѣло.

Ни одна борьба не велась съ такими скудными средствами, и только одинъ ген. Кутеповъ и только онъ зналъ, что стоило ему «находить деньги».

Передъ самымъ своимъ похищеніемъ А. П. радостно говорилъ:

— Подождите, скоро дѣла наши поправятся...

Недостатокъ средствъ ощущался во всемъ. Возникали стихiйно, далеко отъ мѣстопребыванiя ген. Кутепова, группы опредѣленно настроенной молодежи, которыя просили А. П. ихъ поддержать. Надо было дать немного денегъ, а ихъ не было. Надо было снять заблаговременно съ работъ, обучить людей, а часто выходило такъ, что хватало средствъ только на походъ, да и то все было въ обрѣзъ.

Все это наводило ген. Кутепова на мысль организовать дѣло по другому, но проходило время, а средства не только не увеличивались, но порой и уменьшались, и приходилось опять рѣшать: дѣлать-ли съ имѣющимися возможностями или все бросить. Конечно, ген. Кутеповъ и кутеповцы *принимали первое рѣшенiе: бороться, бороться* во чтобы то ни стало, не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

Отъ недостатка средствъ были, конечно, недочеты въ организацiи, особенно на мѣстахъ. Нельзя было проѣхать, посмотрѣть, провѣрить группы и одиночекъ. Надо было посылать своихъ людей къ нимъ, а приходилось *довольствоваться тѣмъ, кого выдвинула та или иная группа*. И часто было, что группы были хорошiя, но руководители не отвѣчали своему назначенiю. Часто это были люди болѣе опытные въ жизни, но никуда негодные руководители, которые хотѣли только «посылать», но не итти (у генерала же было принципомъ — руководить можетъ тотъ, кто прошелъ уже «школу»), были и трусы, вмѣстѣ съ тѣмъ желающiе играть роль.

Но на фонѣ всего этого и изъ отдаленныхъ группъ выкристализовывались люди — настоящiе бойцы, которымъ и поручалось все дальнѣйшее руководство.

Въ невѣроятной тяготѣ, которую взялъ на себя, ведя борьбу съ большевиками, ген. Кутеповъ и только на одного себя, его поддерживало *сознанiе долга*, правоты и вѣрности избраннаго имъ пути.

Всѣ свѣдѣнiя, которыя шли къ ген. Кутепову отъ его же людей, указывали, что дѣло его нужно и необходимо Россiи. Помимо точной информацiи, которой такъ боятся коммунисты, волны активной борьбы, проносившiяся ежегодно въ разныхъ концахъ Россiи, пробуждали у замученнаго и затравленнаго совѣтскаго жителя волю къ освобожденiю. Не разъ было отмѣчено, что самоотверженная работа кутеповцевъ была только сигналомъ къ той борьбѣ, которая уже исходила отъ самого населе-

нія... Положеніе въ Совѣтской Россіи — это положеніе въ «пороховомъ погребѣ».

Въ поискахъ за двумя бѣлогвардейцами (Г. Н. Радковичъ и Мономаховъ) большевики мобилизуютъ все ОГПУ, всѣ свои отряды — и ихъ не находятъ, Г. Н. Радковичъ самъ является въ ихъ осиное гнѣздо, идя на вѣрную смерть. Какъ погибъ Г. Н., неизвѣстно, но извѣстно, что населеніе Москвы не допускалось въ раіонъ Лубянской площади цѣлую недѣлю.

Въ погонѣ за уходящими кутеповцами, какъ это было съ М. В. Захарченко-Шульцъ, Политбюро посылаетъ не только ГПУ, но и воинскія части... Это для того, чтобы изловить только одну слабую русскую женщину. Дѣйствительно, эта женщина была М. В. Захарченко-Шульцъ, передъ которой трепетало «всесильное око» совѣтскаго государства, и послѣ смерти которой Ягода признавался въ возможности «передохнуть»...

Коммунисты сразу и вѣрно оцѣнили ген. Кутепова и кутеповцевъ.

Тѣ, кто шли въ Россію, были сильными, храбрыми и убѣжденными людьми. Ихъ всегда ожидала смерть, и все-таки они ходили по три, по пять и десять разъ. И большевики не могли не знать, что человѣкъ, прошедшій ихъ кордоны, ихъ безчисленныя рогатки, осмотры, обыски, являлся для нихъ человѣкомъ страшнымъ. Большевики, сами изъ подполья, знаютъ, что тѣ условія, въ которыхъ они когда-то работали, по сравненію съ современными, ими созданными, являются веселой опереткой. Знали большевики и то, что имъ предстояло при встрѣчѣ съ кутеповцами. Подавляющее большинство кутеповцевъ дорого продавало свою жизнь.

Самое страшное для кутеповцевъ — это была возможность попасть живыми въ руки палачей. Этой участи не избѣжали нѣкоторые изъ русскихъ патріотовъ. Ихъ всегда ожидала медленная смерть съ мучительными страданіями...

У пойманныхъ «бѣлогвардейцевъ» ГПУ добывало нужныя ему «свѣдѣнія». Обреченныхъ «заставляли» разсказывать все, что они знали объ

организація ген. Кутепова. Но знали они всегда мало, знали только о тѣхъ, которые общались съ ними, и могли разсказать только о своей группѣ, объ ея предварительной подготовкѣ передъ походомъ и о самомъ походѣ. Ни одинъ кутеповецъ не могъ разсказать больше, никто изъ кутеповцевъ не зналъ о другихъ группахъ, а тѣмъ болѣе о численности и намѣреніяхъ организаціи. Это зналъ только одинъ ген. Кутеповъ.

Ген. Кутеповъ ни съ кѣмъ и никогда не дѣлился планами о своей работѣ, и ни одинъ изъ сотрудниковъ А. П. не можетъ сказать, что ген. Кутеповъ былъ съ нимъ въ полной мѣрѣ откровененъ. У. А. П. было основнымъ принципомъ молчаніе. Онъ не прощалъ болтливости и болѣе всего цѣнилъ у своихъ сотрудниковъ способность молчать, при чемъ ген. Кутеповъ говорилъ, что и молчать то надо умѣючи. У многихъ, особенно на периферіи, бывалъ настолько «конспиративный видъ», что ихъ за версту можно было отличить.

— Мы всѣ люди, — говорилъ А. П., — а дѣло наше тяжелое и отвѣтственное, и чѣмъ меньше будетъ знать каждый изъ насъ, тѣмъ лучше для дѣла.

Въ силу такой постановки работы А. П. у захваченныхъ «бѣлогвардейцевъ» ГПУ добывало немного. Конечно, ни самъ ген. Кутеповъ ни сподвижники погибшихъ никогда не осуждали тѣхъ, у которыхъ въ застѣнкахъ ГПУ была вырвана небольшая правда объ организаціи Кутепова. Можно было только преклонить головы передъ новой жертвой въ борьбѣ за освобожденіе Россіи.

Всѣ безчисленные походы со всѣми ихъ трудностями при современной жизни въ Россіи и всѣ дѣла, проведенныя тамъ, убѣдили ген. Кутепова и кутеповцевъ въ одномъ непреложномъ фактѣ: въ существованіи на родинѣ двухъ враждебныхъ лагерей — одного изъ организованнаго коммунистами и другого изъ неорганизованнаго всего русскаго населенія. Какъ бы послѣднее ни было загнано и скручено коммунистами, оно все-таки оказываетъ сопротивленіе своимъ угнетателямъ, оказываетъ и поддержку тѣмъ, кто борется съ ними.

Прежніе революціонеры обычно опирались на интеллигентскіе слои населеніе, которые почитали своей честью и долгомъ оказывать всякое содѣйствіе разрушителямъ національной Россіи. Теперь картина иная. У большинства кутеповцевъ было правиломъ избѣгать не только сношеній, но даже и разговоровъ съ бывшими интеллигентами, такъ какъ многіе

изъ нихъ находятся въ услуженіи ОГПУ. Кутеповцамъ помогали крестьянинъ и рабочій. Это знають не только Политбюро и ГПУ, но и рядовые коммунисты. Такая помощь и поддержка не могли не придавать моральной силы ген. Кутепову и кутеповцамъ въ ихъ дѣлѣ борьбы съ большевиками.

ГПУ прекрасно знало, что только при поддержкѣ населенія кутеповцы могли въ любой моментъ появиться въ Москвѣ и другихъ городахъ, несмотря на охрану границъ, на всю паспортную систему, повѣрки и обыски.

Населеніе Россіи поддерживаетъ всѣми способами борьбу за освобожденіе Родины, изъ какихъ бы источниковъ эта борьба не исходитъ.

Поразительнымъ фактомъ является то, что крестьяне и рабочіе, въ силу слагавшихся изо дня въ день условій существованія въ коммунистическомъ государствѣ, проявляли безо всякаго наставленія и обученія умѣніе быстро понимать нужду момента конспиративной работы. Тѣ, кто помогалъ кутеповцамъ, не проявлялъ ни малѣйшаго любопытства, помощь приходила быстро и умѣло. Помощь эта, въ большинствѣ случаевъ, была единоличной...

Заграницей распространено мнѣніе о всесильности ОГПУ. Въ оцѣнкѣ дѣятельности этого совѣтскаго органа эмиграціи надо проявлять нѣкоторую трезвость. ОГПУ, конечно, сильная организація, въ ея распоряженіи имѣются неограниченныя матеріальныя возможности, но это совѣтское зданіе все-таки стоитъ на зыбкомъ фундаментѣ, — раскачиваемомъ ненавистью совѣтскихъ гражданъ.

Въ дѣлѣ, которое велъ ген. Кутеповъ были, конечно, неизбѣжныя опасныя стороны. Одной изъ нихъ было провокаторство.

Среди кутеповцевъ, т. е. людей близко стоявшихъ къ ген. Кутепову, провокаторовъ никогда не было. Но это не мѣшало многимъ обвинять ген. Кутепова въ «неблагонадежномъ окруженіи». Эта была неизбѣжная ложь вокругъ ген. Кутепова, которую плели, вольно и невольно, эмигранты, и которую безъ сомнѣнія всячески поддерживали московскіе агенты. Для послѣднихъ важно было заронить въ пугливыя головы искру недовѣрія.

Но попытки «втиснуть» своихъ людей въ одну изъ организацій ген. Кутепова, конечно, были. Былъ напр. такой случай:

Въ Россію была отправлена группа изъ трехъ человѣкъ. На мѣстѣ, въ Москвѣ, выяснилось, что необходимо будетъ задержаться на долгое время, и старшій группы рѣшаетъ остаться съ однимъ помощникомъ, а второго, нѣкоего X., отсылаетъ съ донесеніемъ обратно. X. двигается къ границѣ и по пути проѣзжаетъ родныя мѣста. Соблазнившись желаніемъ повидать своихъ близкихъ, онъ ихъ навѣщаетъ. Его принимаютъ настолько хорошо, что онъ рѣшается пожить, «чтобы лучше уяснить себѣ совѣтскую обстановку», и живетъ двѣ недѣли, оберегаемый и опекаемый своей семьей. За это время онъ близко сходится, какъ это было въ дѣтствѣ, со своимъ братомъ, тоже бывшимъ офицеромъ. X. рѣшаетъ открыть своему брату всю правду. Братъ изумленъ и восхищенъ, долго думаетъ надъ «открытіемъ» и въ одинъ день говоритъ о своемъ рѣшеніи перемѣнить свою жизнь въ корнѣ и тоже начать борьбу съ большевиками. — X. очень обрадованъ, и оба брата выходятъ за-границу. Прибывъ въ назначенное мѣсто, оба брата встрѣчаютъ теплый пріемъ у мѣстной группы, при чемъ старшій группы доноситъ ген. Кутепову о прибытіи *совѣтскаго брата X-а. По повѣркѣ совѣтскій X. въ прошломъ оказывается* вполнѣ достойнымъ человѣкомъ. Онъ выражаетъ желаніе увидѣть ген. Кутепова, которому хотѣлъ бы изложить свой планъ борьбы съ большевиками. На это А. П. отвѣчаетъ, что проситъ этотъ планъ изложить письменно и переслать его съ оказіей, начальнику же группы А. П. предлагаетъ послать двухъ братьевъ X. и еще одного человѣка въ Россію съ опредѣленнымъ заданіемъ. Група вышла и не вернулась. Совѣтскій X. предалъ брата и спутника. Это выяснилось впослѣдствіи съ полной очевидностью.

Бывали и другія попытки «внѣдренія» въ организацію ген. Кутепова. Самымъ излюбленнымъ методомъ у ГПУ была слѣдующая схема, котораяразыгрывалась, какъ по нотамъ, но которая была совершенно знакома ген. Кутепову.

Заграницу посылались «бывшіе люди», которые въ прошломъ занимали какое-нибудь общественное положеніе, были политическими дѣятелями, спеціалистами, офицерами. Обычно эти люди имѣли нѣкоторую связь съ эмиграціей. Они пріѣзжали по нѣсколько разъ въ командировку по своей спеціальности отъ разныхъ совѣтскихъ учрежденій, встрѣчались, иногда какъ-бы случайно, съ нужными имъ эмигрантами, которые, какъ извѣстно, очень охотно идутъ на такія встрѣчи, довольно правдиво разсказывали имъ о жизни въ Совѣтской Россіи, не выказывая

ни малѣйшихъ симпатій къ коммунистамъ. Въ третій, четвертый разъ они начинали заводить разговоры о возможности работы въ Россіи, говоря сначала, что «надо что-то дѣлать», а потомъ намекали, что «они уже кое-что и дѣлаютъ». Дальнѣйшее зависѣло отъ талантливости агента и глупости или осторожности эмигранта...

У агентовъ ГПУ обычно все сводилось къ образованію такъ называемыхъ «трестовъ». Большевицкіе агенты говорили, что у нихъ въ Россіи имѣются противобольшевицкія организаціи, и что для дѣла необходимо поддержать ее стойкимъ элементомъ изъ эмиграціи, что мотивировалось по разному: то недостаткомъ людей, то трудными совѣтскими условіями, то необходимостью расширить дѣло и т. п.

За всѣ годы работы А. П. можно насчитать очень много «трестовъ». Были «національный», «большой», «нѣмецкихъ колонистовъ», «пріисковый», «комсомольскій», «учительскій», «лѣсной», «рабочій», «рыбный», «военный» и т. д. Названіе, обычно, отвѣчало характеристикѣ «треста». Такъ, при «пріисковомъ», говорилось, что на пріискахъ (указывалось мѣсто), куда стекается вольница, есть уже организація, и что при посылкѣ людей можно «раздуть кадило». При «рыбномъ», на рыбныхъ промыслахъ, рѣки просторъ и т. д.; при «лѣсномъ», въ лѣсныхъ заготовкахъ, много недовольныхъ... Обычно ГПУ приноравливало «трестъ» къ соотвѣтствующему моменту, такъ напр., послѣ гоненія на нѣмецкихъ колонистовъ появились немедленно посланцы отъ нихъ...

Ген. Кутеповъ велъ дѣло борьбы въ Россіи по двумъ направленіямъ: по слѣдамъ ГПУ («трестамъ») и по своимъ путямъ, извѣстнымъ только ему самому.

Ген. Кутеповъ, прибѣгая къ дорожкамъ чекистовъ, считалъ, что и эти дорожки иногда могутъ быть полезны.

Все зависитъ отъ походника, — говорилъ А. П., — наши средства настолько малы, что у насъ нѣтъ надежды расширить дѣло до нужныхъ размѣровъ. Намъ не всегда слѣдуетъ отказываться даже отъ путей ГПУ, которые, конечно, очень опасны, но эту опасность мы знаемъ. Каждая же побывка въ Россіи даетъ намъ новаго опытнаго человѣка. Это своего рода школа, жестокая школа, но она намъ необходима.

Ген. Кутеповъ всегда предупреждалъ «своихъ» о тѣхъ путяхъ, которые имъ предстоятъ. Дѣлалъ соотвѣтствующій подборъ людей, давалъ

точныя инструкціи и, если пути были сомнительные, то не возлагалъ на походниковъ никакихъ заданій кромѣ одного — «хорошо присмотрѣться». *Если же пути были «свои», то ген. Кутеповъ предоставлялъ походникамъ* полную инниціативу, давая лишь общія директивы.

Опытъ указалъ, что первый разъ по «тресту» можно было итти безъ особаго риска... Въ дальнѣйшемъ все зависѣло отъ способностей посылаемыхъ.

Близкіе люди неоднократно убѣждали А. П. быть осторожнымъ, взять охрану и переѣхать въ лучшую квартиру — всѣ такіе разговоры подымались задолго до 26 января 1930 года. А ген. Кутеповъ, смѣясь, отвѣчалъ:

— Я уже давно хожу подъ охраной чекистовъ, — и разсказывалъ отдѣльные эпизоды этого «охраненія».

На болѣе настойчивыя просьбы ген. Кутеповъ уже отвѣчалъ строго и упорно отрицательно, и переубѣдить его не было никакой возможности.

Отказъ его, по существу, вызывался такими причинами:

Первая изъ нихъ лежала въ самой личности ген. Кутепова. Онъ, *взявшись за дѣло борьбы съ большевиками, въ сущности былъ обреченнымъ* человѣкомъ и смѣло шелъ навстрѣчу смерти. Отъ этого его нельзя было охранить такъ же, какъ нельзя было заставить ген. Корнилова уйти съ фермы, а ген. Маркова и ген. Дроздовскаго изъ стрѣлковыхъ цѣпей.

Вторая причина та, что ген. Кутеповъ велъ все дѣло единолично. Всю отвѣтственность бралъ только на самого себя. Встрѣчался съ разными людьми съ глазу на глазъ и считалъ, что его охрана во многихъ случаяхъ, быть можетъ, какъ разъ въ самыхъ опасныхъ, будетъ только мѣшать.

Третья причина — отсутствіе средствъ даже на борьбу...

Ген. Кутеповъ погибъ... Боль большая, нестерпимая, давящая и которая никакъ не проходитъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ...

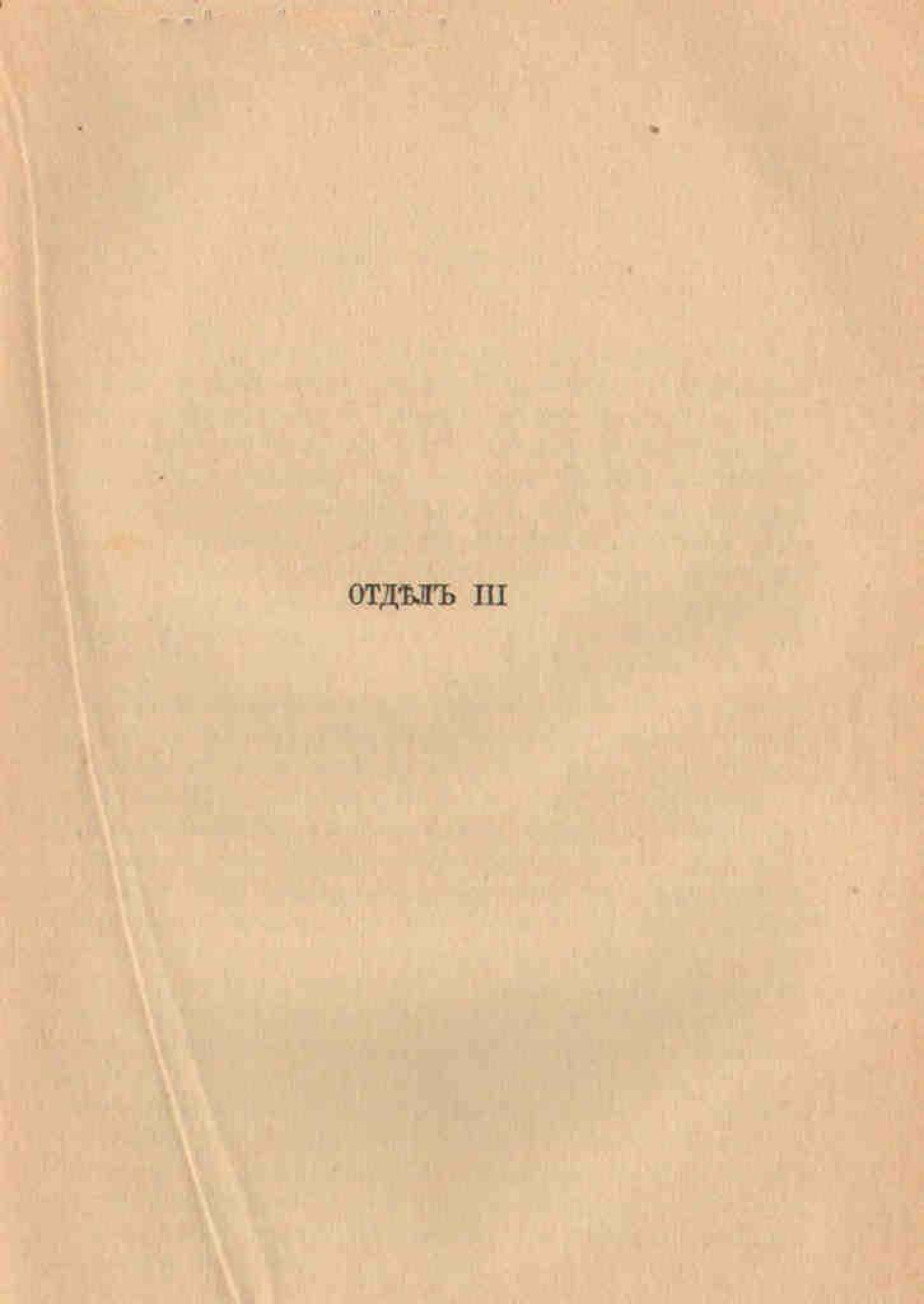
Ген. Кутеповъ погибъ, но онъ погибъ, какъ всѣ наши герои, — на посту.

Такъ и должно было быть. Ген. Кутеповъ могъ погибнуть только при исполненіи своего долга передъ Россіей, которую онъ любилъ превыше всего...

Генерала Кутепова нѣтъ, но еще остались кутеповцы. Борьба А. П. будетъ продолжаться...

Николай Виноградовъ.

ОТДѢЛЪ III

Обликъ Кутепова

Я впервые встрѣтился съ А. П. Кутеповымъ въ его кабинетѣ въ Новороссійскѣ, въ бытность его военнымъ губернаторомъ Черноморской области. Онъ принялъ меня со свойственнымъ ему серьезнымъ и скромнымъ достоинствомъ. Я пріѣхалъ изъ Ростова для полученія матеріаловъ въ связи съ предполагавшимся тогда введеніемъ на территоріи, занятой бѣлыми арміями, земства, и этимъ заданіемъ моимъ опредѣлялась тема нашей тогдашней бесѣды — не длинной и достаточно формальной. Тѣмъ не менѣе уже тогда этотъ, ни одного лишняго слова не сказавшій мнѣ, молодой, ни разу не улыбнувшійся и все время въ упоръ смотрѣвшій на меня умными пытливыми глазами генералъ запомнился мнѣ на всю жизнь.

Еще болѣе ясно помню я его въ другой обстановкѣ — на Ростовскомъ вокзалѣ, въ послѣдніе дни эвакуаціи Ростова, въ жуткіе дни, когда, какъ бываетъ всегда при эвакуаціи, сразу надламывался хребетъ власти, съ трепетомъ пряталось по домамъ или даже уходило въ подполье все остающееся обывательски-солидное, а наружу выплывала отстоявшаяся было на днѣ и тамъ притихшая общественная муть. И самое жуткое было то, что трудно было иногда провести грань между этими мародерами и нѣкоторыми отбросами аппарата гражданской войны, которые въ эвакуаціонной сумятицѣ пользовались почти полной безконтрольностью власти для того, чтобы отдаться какому-то садизму безсмысленнаго и не всегда безкорыстнаго произвола. Подобный индивидъ появился и въ той теплушкѣ, въ которой устроился я. Онъ грубо «провѣрялъ» документы, чего-то требовалъ и шумѣлъ, грозясь высадить и безчинствуя. Пришлось искать управы. И тутъ мнѣ довелось вторично увидѣть А. П. Кутепова. Мнѣ не пришлось съ нимъ говорить — достаточно было вмѣшательства его адъютанта. Но остался у меня въ памяти образъ Кутепова въ черномъ плащѣ, въ фуражкѣ съ малиновымъ околышемъ, со спокойнымъ и сосредоточеннымъ лицомъ отдающаго короткія приказанія торопливо слѣдующей за нимъ свитѣ.

Все это были однако эпизодическія встрѣчи, случайныя впечатлѣнія, лишь иллюстрирующія и подкрѣпляющія сложившуюся общественную репутацію А. П. Кутепова. Не только не возникло у меня никакой личной, хотя бы мимолетной и мгновенной связи съ А. П., которая индивидуально окрасила бы эти впечатлѣнія и помогла бы мнѣ хоть нѣсколько проникнуть во внутренній міръ этого незауряднаго человѣка, но и самый образъ его, отпечатавшійся въ моемъ сознаніи, будучи яркимъ и четкимъ, не носилъ характера какой-либо значительности или оригинальности: крѣпкій волевой генералъ, на уровнѣ тѣхъ задачъ, которыя ставила передъ бѣлыми генералами гражданская война — не больше, не меньше...

Почувствовалъ я А. П. Кутепова, какъ личность исключительную, уже за-рубежомъ и прежде всего не въ порядкѣ личнаго общенія съ нимъ, а, такъ сказать, сквозь среду людей, проникнутыхъ его вліяніемъ. Это новое мое «знакомство» съ А. П. Кутеповымъ началось въ Софіи и продолжалось въ Прагѣ. Оно происходило въ процессѣ общенія, какъ съ отдѣльными офицерами, такъ и съ той очень значительной группой ихъ, которая, въ обликѣ студенческой «молодежи», наполнила аудиторіи возникшаго въ чудесной Золотой Прагѣ Русскаго юридическаго факультета и ряда другихъ высшихъ учебныхъ заведеній этого древняго славянскаго города, ставшаго столицей молодой Чехословацкой республики. Тутъ я впервые съ полной ясностью ощутилъ, какую огромную духовную величину являлъ собой тотъ молчаливый, скромный, серьезный генералъ, съ которымъ мнѣ довелось познакомиться въ свое время въ Новороссійскѣ...

Страшна была великая война. Но ея ужасы были по-истинѣ ничто по сравненію съ ужасами войны гражданской. И когда гражданская война оборвалась, передъ ея растерявшимися и униженными участниками сталъ вопросъ: какъ жить дальше? Одни готовы были бѣжать отъ себя, отъ своего прошлаго. Они готовы были проклясть это свое прошлое — лишь бы можно было, хоть этой цѣной, уйти отъ него, стряхнуть его съ себя, стать «обывателями» и погрузиться въ новую, спокойную жизнь. Это была своего рода капитуляція, духовное самоуничиженіе и самоуничтоженіе. Всѣмъ памятенъ отходъ части русской общественности отъ арміи, связанный съ именемъ П. Н. Милюкова. Этотъ отходъ былъ однако лишь обнаруженіемъ очень глубокаго и широкаго процесса, и роль П. Н. Милюкова главнымъ образомъ свелась къ умѣлому политическому его использованію. Нервы не выдерживали наслѣдства гражданской войны. Тутъ приходилъ П. Н. Милюковъ и освобождалъ отъ этого наслѣдства. И, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, малодушные загорались ненавистью къ тѣмъ мужественнымъ, кто, не желая слѣдовать ихъ при-

мѣру, находили въ себѣ силу не порывать съ гражданской войной. Если съ именемъ П. Н. Милюкова связана судьба слабыхъ — то съ именемъ А. П. Кутепова связана судьба мужественныхъ.

Эти мужественные нашли въ себѣ достаточно выдержки и твердости духа для того, чтобы не перейти, въ процессѣ анархическаго дезертирства, на новое гражданское состояніе и не превратиться въ аморфную массу обывателей. Они съумѣли духовно демобилизоваться и, такъ сказать, отступить на новыя позиціи, не отрекаясь отъ своего воинскаго званія и не налагая клейма проклятія на свое прошлое.

Трудный искусъ стоялъ передъ этими мужественными. Нужно было пройти путь своего рода духовнаго преодолѣнія мукъ, грѣховъ и преступленій гражданской войны во имя ея же правды. Многими этотъ немалый подвигъ былъ осуществленъ въ горячкѣ и суетѣ жизни и въ тиши тѣхъ убогихъ комнатъ, которыя стали пріютомъ русскихъ бѣженцевъ въ разныхъ концахъ міра, — каждымъ по своему, какъ личное интимное его дѣло. Но существуетъ въ исторіи русскаго зарубежья явленіе, которое, надо думать, навѣки вѣковъ останется памятнымъ для Россіи — нѣкій массовый подвигъ духовнаго преодолѣнія мукъ, грѣховъ и преступленій гражданской войны во имя ея же правды. Этотъ массовый, соборный подвигъ былъ осуществленъ въ Галлиполи.

Въ толщѣ людей, которая оказалась выброшенной на этотъ пустынный берегъ изъ предѣловъ Россіи, быстро обозначились какъ бы два мірка, которые стояли другъ противъ друга, утрачивая общій языкъ, проникаясь взаимной враждебностью, почти что ненавистью, — тѣ, кто, ослабѣвъ, измѣняли себѣ и своимъ соратникамъ и тѣ, кто, почувствовавъ надъ собой твердую руку Кутепова, захотѣли и съумѣли остаться вѣрными себѣ и другъ другу. Чтобы измѣрить пропасть, которая легла тогда между этими двумя мірками, достаточно было поговорить съ тѣми, кто остался въ Галлиполи и съ тѣми, кто его покинулъ. Вторые какъ бы мстили себѣ, укоризненно понося оставшихся, тогда какъ первые говорили о своемъ Галлиполи съ чувствомъ уваженія, которое безъ преувеличенія можно было назвать благочестивымъ. И, дѣйствительно, Галлиполи было не только духовной санаторіей, а какъ бы монастыремъ, въ которомъ совершалось трудное послушаніе передъ тѣмъ, чтобы войти въ міръ уже будучи связанными между собой узами принадлежностями къ одному «ордену».

И что самое замѣчательное! Поскольку рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ роли и дѣятельности А. П. Кутепова въ этомъ дѣлѣ, нельзя сказать, чтобы онъ по какому-либо опредѣленному плану осуществлялъ нѣкій продуманный

замыселъ. Нельзя даже быть увѣреннымъ, что онъ отдавалъ себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ. Создавалось галлиполійское дѣтище Кутепова въ органическомъ процессѣ какъ бы самопроизвольнаго роста, при чемъ творческая энергія Кутепова проявлялась въ такихъ естественныхъ, простыхъ, будничныхъ, повседневныхъ дѣйствіяхъ, что даже слово «жесты» къ нимъ едва ли подходитъ. Въ простотѣ, естественности и дѣловитости, съ какими Кутеповъ совершалъ поступки, казавшіеся ординарными и будничными и оказавшіеся уже въ самой близкой перспективѣ историческими, — сказался весь Кутеповъ...

Въ новомъ качествѣ видимъ мы Кутепова въ Парижѣ. И тутъ онъ дѣлалъ большое дѣло. Задача сбереженія арміи путемъ превращенія ея основныхъ кадровъ въ организованныя «запасныя» части, куда члены бывшей арміи входятъ своимъ какъ бы «вторымъ» лицомъ, остающимся однако ихъ подлиннымъ лицомъ, не стираемымъ будничными «штатскими» занятіями, — эта задача была, правда, тоже въ значительной мѣрѣ подготовлена галлиполійскимъ сидѣніемъ, но осуществлена она была ген. Врангелемъ. На плечи ген. Кутепова легла другая задача — создать въ новыхъ условіяхъ зарубежнаго существованія для членовъ бѣлыхъ армій нѣкую дѣйствительную службу. Это было ни больше ни меньше, какъ задача созданія аппарата организованной, но по самому своему существу индивидуальной, революціонной борьбы за возстановленіе Россіи...

И тутъ съ необыкновенной яркостью дала себя знать исключительная сила личной связи, которая соединяла генерала Кутепова съ составомъ арміи.

Кутеповъ и Врангель! Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ генералъ Врангель, конечно, затмевалъ скромнаго и дѣловитаго Кутепова. У ген. Врангеля былъ подлинный талантъ властвованія. Отъ него исходила нѣкая по-истинѣ магическая сила, воздѣйствіе которой испыталъ всякій, кто хоть разъ находился въ его присутствіи. Декоративно великолѣпный, онъ естественно повелѣвалъ, и окружающіе его также естественно ему подчинялись. Власть его надъ массами была чудодѣйственной.

Кутеповъ не обладалъ подобными данными прирожденнаго правителя. Но поставимъ вопросъ иначе. Кто могъ, перебирая въ своей памяти десятки и сотни знакомыхъ ему именъ изъ состава арміи, остановить свой выборъ на любомъ изъ нихъ и, призвавъ въ свой кабинетъ капитана или полковника, имя рекъ, изъ ихъ числа, сказать ему: «полковникъ или капитанъ такой-то, у меня есть къ вамъ дѣло; это очень отвѣтственное порученіе, и есть много основаній предполагать, что вы не вернетесь,

если обстоятельства обернутся для васъ неблагопріятно, — согласны ли вы взяться за него?» Кто могъ задать такой вопросъ сотнямъ доблестныхъ офицеровъ и быть увѣреннымъ, что не будетъ отказа, и что порученіе будетъ свято выполнено и окажется въ рукахъ человѣка безпредѣльно преданнаго и абсолютно вѣрнаго? — Я полагаю, что другого такого человѣка нѣтъ въ нашемъ зарубежьи и не было его даже тогда, когда былъ въ живыхъ ген. Врангель.

Со смертью генерала Врангеля и В. К. Николая Николаевича генералъ Кутеповъ выдвинулся на болѣе видныя роли: онъ, силою вещей, очутился на широкой политической аренѣ. Быть преемникомъ генерала Врангеля и В. Кн. Николая Николаевича! Достаточно назвать эти два имени, чтобы измѣрить громадность требованій, которыя предъявлены были А. П. Кутепову, и чтобы создать себѣ представленіе о томъ времени политической отвѣтственности, которое легло на его плечи.

И что же мы видимъ? Скромный, никогда самъ *себя не выдвигавшій* Кутеповъ, многимъ казавшійся какъ бы самой судьбой предназначеннымъ на вторыя роли, неожиданно оказался фигурой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ политически болѣе многозначительной, чѣмъ оба предшественника! Въ составѣ элементовъ, опредѣлявшихъ политическій удѣльный вѣсъ и ген. Врангеля и В. Кн. Николая Николаевича были такіе, которые, въ извѣстныхъ отношеніяхъ усиливая ихъ вліяніе и укрѣпляя его, *въ общемъ съуживали сферу этого вліянія.* Кутеповъ былъ внѣ этихъ «условностей». Онъ былъ Русская армія за рубежомъ, tout court, внѣ всего, что было привходящимъ и могло быть или казаться осложняющимъ. Онъ былъ воплощеніемъ и символомъ арміи.

Въ этомъ своемъ качествѣ онъ становился фигурой политически центральной въ русскомъ зарубежьи, значеніе которой непрерывно и сравнительно очень быстро возрастало.

Какъ-то естественно и незамѣтно, какъ впрочемъ все, что являлось результатомъ дѣятельности Кутепова, Обще-Воинскій Союзъ становился точкой приложенія объединительныхъ тенденцій, все усилившихся въ русскомъ зарубежьи, нѣкимъ стержнемъ, вокругъ котораго уже обозначались процессы кристаллизаціи анти-большевицки активнаго и способнаго отказаться отъ партійно-политическаго доктринерства зарубежья.

Кутеповъ былъ, конечно, монархистомъ и при томъ монархистомъ не по головному убѣжденію, а по внутреннему чувству, монархистомъ до мозга костей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ въ такой мѣрѣ — я не скажу одержимъ Россіей, слишкомъ онъ былъ для этого слова спокойно дѣловитъ — а поглощенъ Россіей, насыщенъ ею, что монархизмъ его, при

всей его почвенности и укорененности, не мѣшалъ широтѣ его политическаго кругозора и размаху его политической работы. Россія была для него выше монархіи, а самъ онъ былъ слишкомъ скроменъ въ своемъ чувствѣ служенія Россіи, чтобы навязчиво диктовать ей свои вкусы, чтобы посмѣть предъявлять ей какіе бы то ни было ультиматумы.

Съ огромнымъ тактомъ, который тоже оказался въ значительной мѣрѣ неожиданностью для многихъ, даже хорошо знавшихъ А. П. Кутепова и склонныхъ думать по опыту прежняго общенія съ нимъ, что онъ по разнымъ свойствамъ своего характера мало приспособленъ для большой, «государственнаго» масштаба, политической работы, этотъ «фронтовикъ», этотъ «галлиполійскій дядька», воспитывавшій своихъ подопечныхъ чуть ли не собственноручнымъ сажаніемъ на знаменитую «губу», — проявилъ способность свободно и быстро оріентироваться въ исключительно сложной и отъ момента къ моменту мѣняющейся политической обстановкѣ! Въ эту эпоху я уже близко познакомился съ А. П. Кутеповымъ и могъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о его личности. И я себя порою спрашивалъ, наблюдая за дѣятельностью его: въ чемъ коренится этотъ замѣчательный тактъ, побуждающій А. П. Кутепова остерегаться шаговъ поспѣшныхъ и непродуманныхъ, но неизмѣнно подсказывающій ему вѣрныя рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя не принять какого-либо опредѣленнаго рѣшенія? И я самъ себѣ давалъ на этотъ вопросъ отвѣтъ, который для многихъ, кто привыкъ воспринимать А. П. Кутепова, какъ суроваго и даже жестокаго военачальника, покажется, можетъ быть, удивительнымъ.

Существуютъ разные типы человѣческаго интеллекта. Что значитъ вообще «умный человѣкъ»? Умъ А. П. Кутепова былъ очень своеобразенъ. И на основаніи размышленія надъ поведеніемъ А. П. Кутепова, и на основаніи прямого и непосредственнаго воспріятія его личности, я пришелъ къ убѣжденію, что умъ А. П. Кутепова находился въ его сердцѣ: Кутеповъ какъ-то чувствовалъ вѣрныя рѣшенія. Онъ находилъ ихъ въ процессѣ нѣкой интуиціи, слѣдуя какому-то инстинкту, который, какъ кажется, его никогда не обманывалъ и ему ни при какихъ условіяхъ не измѣнялъ.

Эта интуиція, этотъ инстинктъ оріентированы были на «предметъ», который владѣлъ имъ безраздѣльно, и которому онъ служилъ всѣмъ существомъ своимъ, всѣми помыслами и чувствами. «Предметомъ» этимъ была Россія, Россія не отвлеченная, а въ томъ ея конкретномъ воплощеніи, которое воспринималъ А. П. Кутеповъ, какъ борецъ, какъ дѣятель, какъ человѣкъ практики и жизни. Въ немъ не было ни предвзятости ни

самоувѣренности профессіональнаго политическаго дѣятеля. Онъ былъ и остался и на новомъ своемъ посту прежде всего солдатомъ, который видѣлъ факты и, въ простотѣ своего чисто реалистическаго воспріятія ихъ, *добросовѣстно регистрировалъ, трезво учитывалъ и скрупулезно расцѣнивалъ* ихъ лишь подъ однимъ угломъ зрѣнія «простецки-утилитарнымъ»: что, эти факты годны для конкретнаго дѣлового использованія въ дѣлѣ борьбы за Россію или, напротивъ, они могутъ только быть использованы для борьбы противъ Россіи. Факты безразличные не интересовали Кутепова. Если онъ проникался убѣжденіемъ, что передъ нимъ факты, отмѣченные знакомъ непосредственной и несомнительной «борьбы противъ Россіи», — онъ съ рѣшимостью и спокойствіемъ солдата поднималъ на нихъ руку. Но съ такой же увѣренностью и рѣшительностью онъ способенъ былъ протянуть руку всякому, кто могъ быть союзникомъ въ «борьбѣ за Россію», — независимо отъ какихъ-либо «привходящихъ» и «осложняющихъ» обстоятельствъ, которыя, можетъ быть, оказались бы камнемъ преткновенія для любого «профессіональнаго» политика. Эта солдатская простота, которая согрѣвалась именно сердечнымъ устремленіемъ къ Россіи и одухотворялась вѣрой въ нее, и давала Кутепову ключъ къ рѣшенію тѣхъ, иногда сложнѣйшихъ, проблемъ, чтобы не сказать ребусовъ, которыя ставила передъ нимъ дѣйствительность.

Кутеповъ отличался однимъ свойствомъ, которое питало эти его инстинктъ и его интуицію и контролировало ихъ, придавая имъ какъ бы объективную значимость. Дѣло въ томъ, что въ своемъ солдатскомъ глазомѣрѣ Кутеповъ опирался не просто на свои субъективныя ощущенія и мысли. Онъ опирался на живое ощущеніе нѣкой среды. И тутъ мы возвращаемся снова къ тому, о чемъ мы уже одинъ разъ говорили: Кутеповъ былъ воплощеніемъ русской арміи.

Говорятъ, что Наполеонъ, подписывая какой-либо указъ, касающійся внутренняго управленія, неизмѣнно воображалъ себѣ прежде всего французскаго крестьянина и рисовалъ себѣ выраженіе лица, которое должно появиться у него по прочтеніи указа. Я не знаю, отдавалъ ли себѣ отчетъ Кутеповъ въ своей «репрезантивности», какъ представителя русской арміи, но я знаю, что когда Кутеповъ что-либо рѣшалъ, то это было рѣшеніе, которое неизмѣнно отвѣчало явнымъ или затаеннымъ стремленіямъ и мыслямъ лучшихъ представителей русской арміи. Кутеповъ въ составѣ русской арміи былъ подлинно первымъ и лучшимъ среди равныхъ: именно это родство его съ управляемой имъ средой, эта его созвучность ей, постоянно питаемая личнымъ общеніемъ съ ней, обусловливала исключительную внушительность всякаго мнѣнія, высказывае-

маго Кутеповымъ, и всякаго рѣшенія, имъ принимаемаго. Его устами говорила армія. Представьте себѣ человѣка, по отношенію къ которому каждый рядовой членъ арміи могъ сказать: онъ думаетъ такъ, какъ *я*, только лучше меня; онъ чувствуетъ такъ же, какъ и *я*, только лучше меня; онъ поступаетъ точно такъ же, какъ поступилъ бы и *я*, только лучше меня. Такимъ именно человѣкомъ былъ въ представленіи арміи Кутеповъ — надо ли удивляться тому авторитету и той популярности, которые его сопровождали?

Однако, здѣсь таился большой соблазнъ и большая опасность, и въ томъ, что Кутепову удалось преодолѣть этотъ соблазнъ и избѣжать этой опасности, сказался весь государственный размахъ этого человѣка. Какъ легко было Кутепову стать голосомъ русской арміи лишь въ ея качествѣ зарубежнаго остатка бѣлыхъ армій, какъ легко было ему законсервироваться въ ея узости, стать жертвой тѣхъ предразсудковъ и условностей, которые неизмѣнно и неустранимо зарождаются и укореняются въ каждой замкнутой средѣ. Этого, однако, не произошло, и Кутеповъ не только не сталъ въ этомъ отношеніи жертвой своей популярности въ арміи, но, напротивъ, свою популярность использовалъ для того, чтобы бороться съ тягой къ узости и предвзятости, которая, конечно, имѣла мѣсто и въ арміи. Что же спасало Кутепова? Что давало ему нужную силу сопротивленія? Что питало его авторитетъ, даже поскольку Кутеповъ возвышался надъ сознаніемъ средняго представителя возглавляемой имъ арміи? — Прежде всего Кутепова спасало то его интуитивное чувство Россіи, о которомъ я уже говорилъ выше. Но замѣчательно, что и въ данномъ случаѣ это чувство, этотъ инстинктъ, эта интуиція сопровождались и питались какимъ-то живымъ, конкретнымъ ощущеніемъ среды, ему родственной. Въ своемъ ощущеніи среды Кутеповъ не ограничивалъ себя границами зарубежья. Связанный съ элементами, находящимися внутри Россіи, онъ чувствовалъ и ихъ, онъ чувствовалъ внутреннюю Россію и, въ частности, и тѣ элементы арміи внутри Россіи, которые не служили законопослушнымъ орудіемъ въ рукахъ коммунистической партіи, а, напротивъ, являлись силой, въ тайникахъ своей души остающейся силой русской, жаждущей освобожденія Россіи отъ ига коммунизма, а потому силой, созвучной его, Кутепова, душѣ. Послѣдніе мѣсяцы и годы передъ исчезновеніемъ А. П. Кутепова мнѣ приходилось достаточно часто и достаточно подробно бесѣдовать съ А. П. Кутеповымъ о положеніи въ Россіи. И долженъ по совѣсти сказать, что никогда и ни съ кѣмъ я не чувствовалъ такой близости къ Россіи, какъ въ этихъ памятныхъ для меня бесѣдахъ. Сквозь своего собесѣдника я непосредственно ощущалъ эту Россію, слышалъ ея живой голосъ.

М. А. Критскій на одномъ собраніи, посвященномъ памяти А. П. Кутепова, разсказалъ, какъ во время Великой войны солдаты сосѣднихъ частей, въ тяжелый разгаръ боя, забѣгали въ роту капитана Кутепова узнать: тутъ ли черный капитанъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, успокоенные они возвращались въ свои окопы. Не скрою, что у меня по отношенію къ генералу Кутепову, въ бытность его въ Парижѣ, было чувство примѣрно такое же, какъ у этихъ солдатъ.. Сознаніе того, что Кутеповъ находится на своемъ посту, мнѣ помогало жить и укрѣпляло мои силы. И это я говорю не только заднимъ числомъ: мнѣ довелось это высказать, конечно, въ другихъ выраженіяхъ самому А. П. Кутепову.

«Россія и Славянство» удѣлила въ свое время много мѣста Александру Павловичу по поводу двадцатипятилѣтія служенія его въ офицерскихъ чинахъ. Мы напечатали извѣстный очеркъ Н. А. Цурикова, посвятили А. П. Кутепову передовицу. И вотъ, когда номеръ былъ конченъ, я, подчиняясь какому-то внутреннему влеченію, сѣлъ и написалъ еще небольшое личное письмо А. П. Кутепову. Я говорилъ въ немъ, что мнѣ даетъ глубокое удовлетвореніе и моральную поддержку самый фактъ его существованія на своемъ посту... Я въ совершенно другихъ условіяхъ и въ другой обстановкѣ сошелся въ своихъ чувствахъ къ Кутепову съ упомянутыми только что солдатами сосѣднихъ съ капитаномъ Кутеповымъ частей. И я увѣренъ, что въ этомъ своемъ чувствѣ я былъ далеко не одинокъ...

К. Зайцевъ.

Кто онъ?

А. П. Кутепова въ первый разъ я увидѣлъ въ Галлиполи, въ зенитѣ его военно-педагогическаго творчества. Онъ цвѣлъ тамъ и блисталъ талантами военнаго диктатора. Съ тѣхъ поръ я не могъ не стать его горячимъ поклонникомъ.

Избранный послѣ іюньскаго съѣзда Русскаго Національнаго Объединенія въ Парижѣ 1921 г. предсѣдателемъ Русскаго Національнаго Комитета, я долженъ былъ поѣхать «въ Армію», какъ говорилось тогда. Наша политическая организація декларировала свою идейную поддержку бѣлому движенію и остаткамъ Русской арміи, заброшеннымъ въ предѣлы Константинополя. Нужно было съ ихъ вождями и руководящими органами сговориться.

По прибытіи въ Константинополь въ августѣ, между Преображеньемъ и Успеньемъ, я былъ почетно помѣщенъ генераломъ Врангелемъ, какъ гость, въ большой комнатѣ въ зданіи нашего посольства, конечно, забитаго людьми и учрежденіями, какъ на фронтѣ. Самъ ген. Врангель качался на зеленыхъ водахъ Босфора на бѣдной яхточкѣ «Лукуллъ». Онъ прислалъ мнѣ сказать: «Намъ не стоитъ сейчасъ вести разговоровъ, прежде чѣмъ Вы не съѣздите въ Армію и не увидите ея своими глазами. Пароходъ въ Галлиполи отправляется завтра послѣ полудня». Сказано — сдѣлано. Ночь на палубѣ турецкой черепахи, и подъ пригрѣвомъ утренняго августовскаго солнышка мы тихо подтянулись къ Галлиполи. Съ волненіемъ глядѣлъ я на полуразвалины и раньше виданнаго мной, но еще беззаботнымъ окомъ туриста, печальнаго городка, ставшаго теперь такъ фантастически-нежданно бивуакомъ дорогой скиталицы — Россіи. По сходнямъ парохода я изъ чужбины прибываю на родину. Бѣлые кители и гимнастерки съ неоскверненными погонами по-русски дружески и вмѣстѣ сухо-военно ведутъ къ себѣ умыться, затѣмъ помѣщаютъ у турка въ деревянной гостинницѣ. Это по здѣшнему—отель «Крійонъ», «Клериджъ» и «Ритцъ». Въ восемь съ половиной часовъ утра меня ведутъ въ штабъ предстать предъ свѣтлыя очи самого Кутепъ-паши. Наивно, со штатскимъ безстрашіемъ, вхожу въ низенькую, чистую комнату-кабинетъ, гдѣ за большимъ простымъ столомъ сидитъ въ чистой черной гимнастеркѣ, съ малиновыми выпушками, чернобородый, съ колоритными темно-лучистыми глазами, бодрый, свѣжій какъ утренняя роса, молодой Александръ Павловичъ. Натура простая, прямая. Глаза не могутъ скрыть сдержанной настороженности по отношенію къ штатскому «политику». Но послѣ нѣсколькихъ словъ холодокъ отлетаетъ, и я ясно вижу, какъ глаза этого праведника посылаютъ уже другіе лучи — довѣрія и пріязни. Сговариваемся завтра поѣхать въ лагерь. Я на недѣлю дѣлаюсь привилегированнымъ гостемъ Галлиполійской Руси, волнующей, покоряющей, незабываемой. Вижу палатки, училища, аудиторіи, театры, гимнастическіе и военные парады, религіозную, общественную культурную жизнь, — въ развалинахъ, безъ крышъ, въ пустынѣ... Вижу сказочную Галлиполійскую быль. Морально, духовно любуясь ея созидателемъ, и

предо мной самъ собой разрѣшается удивленный вопросъ, нѣкогда озадачившій старо-невскаго рыбака при видѣ царя-плотника: «Кто онъ?»

А. П. Кутеповъ — *вождь* «Божіею милостью». Это особый даръ, *особая соціальная, политическая, національная, культурная и духовная цѣнность*. Человѣческое строительство *движется вождями*, опирается на нихъ. И массы есть мощный факторъ историческаго движенія, но факторъ подчиненнаго, низшаго порядка. Въ лучшемъ случаѣ — это мертвая груда кирпичей, не преображенная мыслью архитектора въ прекрасное сооруженіе. Чаще — это бурныя, разрушительныя воды потока, темный хаосъ самоубійства самой жизни. Только водительство просвѣщенныхъ меньшинствъ и большей частью прямо благородныхъ *лицъ* изъ этой во-истину страшной стихіи человѣческихъ массъ творитъ доступное человѣчеству благообразіе его общественнаго уклада. Отвратительный русскій опытъ показываетъ, какую низость способна узаконить и поддерживать неблагородная воля массъ, какое паденіе человѣческой культурѣ грозитъ отъ низовъ. Даже и это организованное зло коммунистической безчеловѣчности крѣпится и водительствуется своими «вождями тьмы». Тѣмъ болѣе *безъ вождей не подняться намъ изъ глубины распада*. Мы тоскуемъ о вождяхъ, мы ждемъ ихъ. Poetae nascuntur, oratores fiunt — ораторами становятся, поэтами рождаются. Дѣльныхъ людей не мало, а вождемъ надо родиться. *Вождей надо цѣнить и беречь*. Это подрывная и лицемѣрная теорія отрицанія вождей. Лицемѣрная потому, что сама она проповѣдуется признанными вождями.

Вожди бываютъ разной природы. Генералъ Кутеповъ есть — *вождь христолюбиваго русскаго воинства*. Въ этомъ его иконная реальность, превосходящая реальность портрета A realibus ad realiora. Это образъ Божій въ человѣкѣ и въ мірѣ, ихъ высшая, «умная» красота — истинное мѣрило ихъ цѣнности. Иконографически въ обликѣ А. П. Кутепова свѣтятся и переливаются двѣ грани великой русской красоты: *красота Святой Руси и красота Петровой Великой Россіи — Имперіи*. Синтезъ ихъ, быть можетъ, нигдѣ въ другихъ служеніяхъ россійскихъ не воплотился такъ полно, какъ въ церкви и въ арміи. Въ образѣ христолюбиваго русскаго воина нераздѣльно свѣтятся лики и св. Александра Невскаго, и Димитрія Донского, и Петра, и Суворова, вплоть до Скобелева нашихъ дней. Отъ того же духа, отъ той же красоты, дорогой русскому сердцу и нашъ стратилатъ — генералъ Александръ, весь пламенѣющій жертвенной любовью къ Россіи; черезъ любовь къ ней такой, какой намъ далъ ее Богъ, мать-природа и исторія, нами любимый и къ этой любви насъ зовущій.

По образу этой великой красоты и въ духѣ этой великой любви къ Россіи Кутеповъ создалъ свое почти невѣроятное Галлиполи. Онъ есть въ полномъ смыслѣ его творецъ. Такое Галлиполи могло бы, пожалуй, сложиться и подъ чьей-то другой командой. Но это было бы другое Галлиполи, безъ того духовнаго, нравственно-прекраснаго и священно-національнаго содержанія, какое вдохнулъ въ него изъ своего великаго патріотическаго сердца христолюбивый русскій *воинъ-генералъ* Кутеповъ. Историческое, эпическое, потрясающее *Галлиполи есть зеркало его души*, прекраснѣйшій плодъ его безкорыстной любви къ Матери-Родинѣ. Россія не хочетъ умереть подъ пятою мерзкихъ ея осквернителей. Она засвидѣтельствовала это своей вооруженной борьбой съ ними и, можетъ быть, больше всего своеобразнымъ, символическимъ Галлиполи ярко, образно выразила то, въ чемъ *весь смыслъ Зарубежной Россіи*. Мы всѣ здѣсь съ нашимъ разнообразнымъ самоутвержденіемъ нашей русскости имѣемъ миссію доказать, что Россія безсмертна, что она воскреснетъ, что мы донесемъ ее въ нашемъ духовномъ напряженіи до дня освобожденія. При всемъ кажущемся утилитаризмѣ и расчетливости нашей профессіональной національной работы въ Зарубежьи, — въ сущности мы романтики упорной вѣры въ Россію. Въ *святомъ, патріотическомъ романтизмѣ* непреходящая высота и *Галлиполи*. Пусть кому-то, и даже самому его творцу, казалось, что это на что-то пригодится въ прямомъ и въ прикладномъ смыслѣ, но надъ всѣмъ этимъ преобладало «святое безуміе», безкорыстная мечта и благочестивый подвигъ, умиленная литургія любви къ отечеству, какъ выразился идейный сподвижникъ Кутепова, профессоръ В. Х. Даватцъ. Да, изъ остатковъ и обломковъ государственной Россіи тутъ былъ созданъ ея живой сколокъ, какъ тѣ трогательно-прекрасные иконостасы и подсвѣчники изъ консервныхъ коробокъ въ церквахъ галлиполійскихъ полковъ. Наперекоръ предавшему Россію міру, надъ Галлиполи поднялось ея иконное отображеніе, ея безсмертное инобытіе, ея *Китежъ-Градъ*. Тотъ не русскій и не патріотъ, кто не лилъ слезъ умиленія въ священной пустынѣ Галлиполи, въ этой чудесно воскрешенной Россіи за гранью позитивной исторіи. Только одержимый священнымъ безуміемъ любви къ Россіи *вождь* могъ такъ высоко поднять все свѣтлое въ душахъ несчастной русской массы и возвысить ее до героевъ національнаго благолѣпія. Авель Россіи противосталъ брату Каину. Въ этомъ чудѣ *преображенія массъ познаются вожди*. Какъ Петръ Амьенскій въ первыхъ крестоносцахъ, Янъ Жижка въ таборитахъ, Жанъ Кальвинъ въ женевцахъ, такъ Кутеповъ отразился въ своихъ Галлиполійцахъ.

И чѣмъ дальше будетъ отъ насъ отодвигаться Галлиполи въ глубь

исторіи, тѣмъ болѣе оно будетъ выростать въ *чудо исторіи*, въ невѣроятное видѣніе, въ красоту, покоряющую мысль историковъ, соціологовъ, художниковъ. Что предъ *этой легендарной реальностью фальшивая* бутафорія множества оперъ и киносъемокъ! Вотъ частица русской славы, достойная плоти красокъ, звуковъ и словъ эпическихъ пѣвцовъ!

А ея творецъ — по меньшей мѣрѣ — большой русскій человѣкъ.

А. Карташевъ.

Мои воспоминанія объ А. П. Кутеповѣ

Еще до моего знакомства съ А. П. Кутеповымъ я слышалъ о немъ такіе восторженные отзывы отъ Галлиполійцевъ, что было бы не удивительно, если бы я разочаровался въ немъ. Но когда я, наконецъ, съ нимъ познакомился въ Прагѣ, разочарованія не послѣдовало, даже наоборотъ: рѣдко кто сталъ мнѣ сразу столь близкимъ и дорогимъ, какъ А. П., и я понялъ, почему онъ умѣлъ внушить довѣріе и надежду всѣмъ, кто былъ подавленъ страданіемъ и отчаяніемъ за судьбу несчастной любимой Россіи... И какъ охраняли Галлиполійцы своего вождя за время пребыванія его въ Прагѣ! Какъ часто я думалъ объ этомъ послѣ его исчезновенія.

Въ Парижѣ мы видѣлись съ А. П. два раза, и я не понималъ, какъ онъ можетъ оставаться безъ охраны, но, несмотря на нашу близость, я не считалъ себя въ правѣ давать совѣты, ибо полагалъ, что онъ самъ лучше всего можетъ судить о совѣтскихъ замыслахъ на его жизнь. Кромѣ того А. П. производилъ на меня впечатлѣніе такой силы и неустрашимости, что я даже не рѣшался проявить свои опасенія, которыя могли бы вызвать хоть тѣнь сомнѣнія въ его безусловномъ безстрашіи передъ опасностью. Какъ горько я сожалѣлъ объ этомъ позже! Только одинъ разъ я издалека намекнулъ А. П. на возможность совѣтскихъ злыхъ умысловъ, но онъ меня совершенно обезкуражилъ своей милой незабываемой улыбкой...

Естественно, что мы говорили о будущемъ. А. П. не скрывалъ, что онъ монархистъ, и я понималъ, что послѣ опыта съ «Временнымъ Прави-

тельствомъ» А. П. инымъ быть не могъ, ибо онъ былъ солдатъ тѣломъ и душой. Однако, онъ былъ согласенъ со всѣми тѣми, кто думалъ, что не дѣло русской эмиграціи рѣшать вопросы о русской будущности, и Великому Князю Николаю Николаевичу А. П. былъ беззавѣтно преданъ, въ чемъ я былъ вполнѣ согласенъ съ А. П.

Съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ мы были сосѣдями по дачѣ въ Крыму, но я никогда не стремился быть ему представленнымъ изъ опасенія показаться навязчивымъ. Теперь положеніе измѣнилось, и я съ радостью исполнилъ желаніе А. П. вмѣстѣ поѣхать къ Великому Князю.

Я ѣхалъ съ тяжелымъ чувствомъ. Естественно, что я сравнивалъ прошлое, когда я каждый годъ бывалъ въ Крыму, съ тѣмъ, что было теперь, когда я подъѣзжалъ къ очень простому барскому дому подъ Парижемъ. Я вспоминалъ, какъ Великій Князь пожертвовалъ русскими людьми, чтобы помочь французамъ и сдѣлать возможной Марну, а съ ней и побѣду, и сравнивалъ это съ тѣми условіями, въ какихъ теперь жилъ Великій Князь... Не умѣю выразить, какое впечатлѣніе величія произвелъ онъ на меня, несмотря на свой починенный сюртукъ, знаю только — въ теперешней своей внѣшней обстановкѣ онъ остался тѣмъ же, какимъ былъ раньше.

Мы говорили только объ одномъ — о спасеніи Россіи, и изо всего, что Великій Князь говорилъ, я чувствовалъ, какъ онъ цѣнитъ А. П. и какъ на него полагается.

Возвращались мы въ Парижъ съ тяжелыми впечатлѣніями, но я былъ благодаренъ А. П., что онъ устроилъ мнѣ знакомство съ Великимъ Княземъ, на котораго, именно въ народѣ, возлагалось столько надеждъ...

Вскорѣ потомъ я былъ въ Каннахъ и поклонился въ русской церкви праху Великаго Князя. Увы, я пріѣхалъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ тамъ былъ А. П. — Я радовался, что на возвратномъ пути мы увидимся съ нимъ, а между тѣмъ...

Я остро раздѣлялъ тревогу всѣхъ добрыхъ русскихъ людей. Я возлагалъ на А. П. столько надеждъ, вѣрилъ въ его моральную силу, съ которой онъ съумѣлъ овладѣть и наполнить вѣрой въ побѣду справедливаго дѣла сердца тысячъ людей, терявшихъ въ жестокихъ испытаніяхъ надежду на лучшую будущность. Я видѣлъ въ немъ вождя при освобожденіи несчастной Россіи изъ послѣбольшевицкаго хаоса... Моя душевная тревога стала еще сильнѣе, когда я почувствовалъ, какъ вліяніе сверху препятствовало, чтобы тайна исчезновенія А. П. была раскрыта. Побѣдилъ послѣвоенный моральный упадокъ, который давалъ возмож-

ность большевизму удержаться и уничтожать русскій народъ, который съ такимъ идеальнымъ и прекраснымъ энтузіазмомъ шелъ въ бой за свободу славянскихъ народовъ.

Въ А. П. Кутеповѣ мы всѣ потеряли вѣрнаго преданнаго друга. Онъ былъ некомпромиссный русскій націоналистъ, но вѣрилъ въ историческую миссію русскаго народа въ Славянствѣ. Мы всѣ потеряли въ А. П. больше, чѣмъ многіе думаютъ, и его имя и память о немъ заслуживаютъ остаться вѣрными не только у всѣхъ русскихъ людей, но остаться дорогими и у всего Славянства.

К. П. Крамаржъ.

Рѣчь, сказанная г-жей Е. Ковернинской

отъ имени Національнаго Союза Русскихъ Женщинъ 26-го января 1933 г. въ Бѣлградѣ на Собраніи памяти генерала Кутепова.

Въ сегодняшнюю скорбную годовщину я уполномочена высказать отъ лица Національнаго Союза Русскихъ Женщинъ, кѣмъ былъ для насъ, русскихъ женщинъ Зарубежья, Александръ Павловичъ Кутеповъ.

Генералъ Кутеповъ, подобно своему славному предшественнику генералу Врангелю,былъ не только военачальникомъ, не только главой Обще-Воинскаго Союза, но и идейнымъ вождемъ всей національно мыслящей эмиграціи.

И для насъ, русскихъ женщинъ Зарубежья, онъ былъ не только тѣмъ, за кѣмъ шли наши мужья и сыновья, кому можно было безоговорочно довѣрить ихъ жизни, онъ былъ также и нашимъ идейнымъ вождемъ.

Неосвѣдомленные и легкомысленные, преступные и продажные люди теперь много кричатъ о раскрѣпощеніи русской женщины въ Совѣтской Россіи, о томъ, что СССР рай для женщинъ.

Спаси насъ, Боже, отъ такого рая!

По личному опыту, по рѣдкимъ письмамъ изъ Россіи, наконецъ, по совѣтской литературѣ и газетнымъ сообщеніямъ мы достаточно хорошо знаемъ, что представляетъ собою этотъ рай!

Несчастная русская женщина во-истину рабыня совѣтскихъ палачей. Лишенная родины, семьи, домашняго очага, ежеминутно дрожащая за жизнь своихъ близкихъ и за свою собственную жизнь, она даже лишена права искать утѣшенія въ церкви, этомъ исконномъ прибѣжищѣ страдающей женской души.

Она лишена также права на простую человѣческую любовь.

Взамѣнъ всего, что извѣчно составляетъ святыню женской души, совѣтская женщина получила жалкое право быть обезьяной мужчины.

Глядя на женщинъ командировъ Красной арміи, женщинъ милиціонеровъ и машинистовъ, мужчина съ полнымъ правомъ можетъ сказать совѣтской женщинѣ словами Ставрогина — «Обезьянѣ моей смѣюся».

Хотя, конечно, не смѣяться, а плакать надо надъ этими одураченными, обобранными и сбитыми съ пути несчастными.

Мы, русскія женщины Зарубежья, несоизмѣримо счастливѣе нашихъ злополучныхъ сестеръ. Лишенныя физически нашей родины, мы сохраняемъ ее духовно, тогда какъ живущія въ географическихъ предѣлахъ Россіи, потеряли ее именно духовно. Мы можемъ открыто исповѣдывать нашу вѣру, мы сохранили семью, сохранили, пусть бѣдный, но свой домашній очагъ, наконецъ, мы остались женщинами, и у насъ есть та черемуха, о которой такъ тоскуютъ опустошенныя сердца совѣтскихъ женщинъ.

Наши идеалы скромны — мы не стремимся ни догонятъ ни перегонять мужчинъ. Мы могли бы избрать себѣ такой девизъ:

— Если другъ твой рвется на праведный бой, не держи его цѣпью любви у порога.

Мы должны не удерживать, а поддерживать нашихъ мужей, сыновей, братьевъ на ихъ страдномъ пути, раздѣлять съ ними ихъ ношу и воспитывать нашихъ дѣтей такъ, чтобы изъ нихъ вышли настоящіе русскіе люди.

Эта послѣдняя задача самая трудная и отвѣтственная. И если она трудна даже въ условіяхъ нормальной жизни на родинѣ, то здѣсь, на чужбинѣ, трудность ея удесетеряется!

И на этомъ трудномъ пути русской женщинѣ нужны какія-то вѣхи, какіе-то маяки, по которымъ можно было бы оріентироваться.

Однимъ изъ главныхъ такихъ маяковъ былъ и будетъ для насъ Александръ Павловичъ Кутеповъ.

Истинно русскій человѣкъ, глубоко вѣрующій, рыцарски благородный, доблестный вождь, прямой и честный человѣкъ, прекрасный семьянинъ, онъ прежде всего былъ русскій патріотъ. И каждая русская женщина, воспитавшая своего ребенка въ его завѣтахъ и на его примѣрѣ, съ гордостью можетъ сказать себѣ, что она выполнила долгъ свой передъ родиной.

***

Воспитанный въ духѣ монархическихъ традицій, сохраняя вѣрность имъ всю жизнь и работая послѣ революціи въ монархическихъ организаціяхъ, я невольно расцѣниваю политическихъ и общественныхъ дѣятелей съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ вопросу наиболѣе мнѣ дорогому — т. е. къ монархіи, внѣ коей я не допускаю и возможности самого бытія Россіи.

Вотъ почему личность Александра Павловича Кутепова, тогда полковника Л.-Гв. Преображенскаго полка, привлекла меня съ первыхъ же дней революціи. На страшномъ фонѣ того времени, когда предательство, измѣна и забвеніе долга заволакивали въ своей мерзости все кругомъ, особенно дорогъ былъ образъ настоящаго русскаго, доблестнаго и вѣрнаго присягѣ офицера, дающаго на улицахъ столицы послѣдній бой мятежникамъ.

Славный слѣдъ А. П. Кутепова обрѣтенъ былъ мною затѣмъ въ Добровольческой Арміи, куда естественно онъ прибылъ однимъ изъ первыхъ. Намъ, монархистамъ, было извѣстно, что среди разнородныхъ теченій, существовавшихъ въ Арміи, А. П. Кутеповъ, все болѣе выдвигавшійся своей доблестью, не скрывалъ своихъ монархическихъ убѣжденій. Узнали мы также и о томъ, какъ онъ рѣшительно покаралъ одного изъ главныхъ дѣятелей военнаго бунта въ Петроградѣ въ февралѣ 1917 года.

Ближе съ дѣятельностью А. П. Кутепова пришлось мнѣ познакомиться въ бытность его въ Галлиполи, гдѣ желѣзная воля генерала сдѣлала чудо, сохранивъ и сплотивъ кадры русскаго воинства. Въ это время наше монархическое движеніе оформилось Рейхенгальскимъ Съѣздомъ, избравшимъ Высшій Монархическій Совѣтъ, который установилъ

связь съ А. П. Кутеповымъ. Высшій Совѣтъ издавалъ книги, брошюры и фотографіи Государя Императора и Царской Семьи. Все это посылалось А. П. Кутепову и имъ вливалось въ военную среду, воспринимавшую все сильнѣе тѣ идеи, которыя составляли сущность старой Императорской Арміи.

По переѣздѣ въ Югославію, А. П. Кутеповъ установилъ дружескія отношенія съ нашимъ представителемъ на Балканахъ П. В. Скаржинскимъ, стремясь установить болѣе тѣсную связь между Военнымъ Командованіемъ и нами — монархистами.

А. П. Кутеповъ всецѣло сочувствовалъ плану, зародившемуся на Рейхенгальскомъ Съѣздѣ — стремиться къ возглавленію Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ русскаго національнаго движенія.

Въ первый же пріѣздъ А. П. Кутепова въ Парижъ, я познакомился съ нимъ лично и увидѣлъ, что онъ былъ именно тѣмъ офицеромъ Императорской Русской Арміи, каковымъ я его всегда себѣ представлялъ. Для него святъ былъ завѣтъ — «За Вѣру, Царя и Отечество». Чувство долга у него было на первомъ мѣстѣ.

Съ окончательнымъ его переѣздомъ въ Парижъ, у насъ установились съ нимъ самыя добрыя и искреннія отношенія. Бывали вопросы, въ которыхъ мы не соглашались; А. П. Кутеповъ не охотно отступалъ отъ установившихся у него мнѣній и рѣшеній, но эти отдѣльныя разномыслія нисколько не отражались на нашихъ отношеніяхъ. Мы другъ другу довѣряли и были увѣрены во взаимной поддержкѣ.

1-го іюля 1928 года, на многолюдномъ обѣдѣ монархистовъ въ Парижѣ, я имѣлъ возможность выразить А. П. Кутепову тѣ сердечныя чувства, которыя всѣ мы къ нему питали. Восторженно привѣтствуемый А. П. Кутеповъ въ отвѣтномъ словѣ говорилъ объ историческихъ традиціяхъ Русской Арміи, объ обязательствахъ, налагаемыхъ ея славными знаменами, о вѣрѣ ея въ возстановленіе настоящей Россіи. Онъ говорилъ, что Армія, хотя и не участвуетъ въ политическихъ спорахъ Зарубежья, но понимаетъ и цѣнитъ тѣхъ русскихъ людей, которые опредѣленны въ исповѣдуемыхъ ими патріотическихъ вѣрованіяхъ и честно и безоговорочно слѣдуютъ за Верховнымъ Вождемъ.

А. П. Кутеповъ зналъ, что въ лицѣ ближайшихъ единомышленниковъ и моемъ онъ имѣетъ вѣрныхъ друзей, на поддержку и помощь которыхъ онъ можетъ вполнѣ положиться.

Въ памяти моей запечатлѣлся одинъ вечеръ. Собравшись по просьбѣ А. П. Кутепова у Св. Кн. М. К. Горчакова, мы двое и Н. Д. Тальбергъ

выслушали подробное сообщеніе Александра Павловича о его прежнихъ сношеніяхъ съ такъ наз. «Трестомъ», тогда уже разоблаченномъ.

А. П. Кутеповъ подвергся въ то время травлѣ со стороны нѣкоторыхъ группъ Зарубежья и счелъ желательнымъ ознакомить насъ съ подробностями этого дѣла.

Вскорѣ послѣ этого, 10 іюня 1929 г., воинскія организаціи чествовали любимаго ими А. П. Кутепова. Мы, члены Высшаго Монархическаго Совѣта, были на этомъ обѣдѣ, произведшемъ на насъ глубокое и отрадное впечатлѣніе по сплоченности и идейности его участниковъ. Та восторженность и единодушіе, съ которыми встрѣчена была моя здравица за Императорскую Россійскую Армію, показали мнѣ, какая большая внутренняя работа была сдѣлана А. П. Кутеповымъ за десять лѣтъ, и насколько сильны были нити, связывавшія русское зарубежное воинство съ его возглавителемъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ А. П. Кутепова у себя за два дня до его похищенія. Въ тотъ день я предупреждалъ его о томъ, что нѣкоторыя его поѣздки, которыя онъ видимо желалъ скрыть, становились извѣстными въ городѣ, а также уговаривалъ его обращать больше вниманія на охрану своей личности. А. П. Кутеповъ разсказалъ мнѣ о своихъ поѣздкахъ и откровенно подѣлился со мною по нѣсколькимъ вопросамъ. Онъ былъ все тѣмъ же пламеннымъ патріотомъ, воиномъ до мозга костей, яркимъ представителемъ той доблестной Императорской Арміи, которая съумѣла возвеличить Россію и которой Россія гордилась.

Воспоминанія о ген. А. П. Кутеповѣ навсегда останутся для меня дорогими и святыми.

А. Н. Крупенскій.

Революціонное дѣло А. П. Кутепова

Въ прошлое уходятъ факты, событія исторіи, какъ и подавляющее число людей. Исторія устная иногда превращается въ легенду, исторія письменная запечатлѣваетъ событія и память о людяхъ, расцвѣчивая ихъ фантастикой, куда уводитъ послѣдующія поколѣнія, какъ въ міръ сказки, гдѣ добрыя феи или страшныя вѣдьмы творятъ добрыя или худыя дѣла. Такъ и о нашемъ времени будутъ созданы легенды, въ кото-

рыхъ растворяется факты, многое и многіе исчезнутъ. Историки будутъ много и долго спорить о причинахъ крушенія великаго Русскаго Государства. И въ томъ ужасѣ, который являетъ собою современный СССР, они, быть можетъ, узрятъ неосуществившійся «золотой сонъ» невѣжественныхъ и злыхъ людей. И тѣ же историки не смогутъ не удѣлить вниманія русской эмиграціи, которая предстанетъ въ освѣщеніи сотенъ видимыхъ и тысячъ невидимыхъ фактовъ. Каковы бы эти послѣдніе ни были, — въ одномъ можно быть увѣреннымъ: будетъ установлена несомнѣнность тѣхъ порывовъ любви къ родинѣ, которыми жило первое поколѣніе эмиграціи. Пусть исчезнутъ въ общей картинѣ отдѣльные люди и множество фактовъ, но во-вѣки неумирающимъ останется фактъ духовнаго патріотическаго напряженія эмиграціи.

И останутся въ исторіи люди, которые являлись выразителями нашихъ мечтаній, либо выявителями воли своихъ современниковъ. Такіе люди дѣломъ жизни своей сплошь да рядомъ ярче выявляютъ настроенія эпохи, чѣмъ сухіе теоретики и вдохновенные мечтатели. Однимъ изъ выявителей воли эмиграціи и былъ трагически исчезнувшій А. П. Кутеповъ.

О немъ я слышалъ много. Въ представленіи моемъ это былъ холодный, жестокій человѣкъ, превыше всего ставящій бездушную дисциплину. Впрочемъ, у большинства людей штатскихъ таково представленіе о военныхъ... Съ А. П. Кутеповымъ мнѣ предстояло работать въ дѣлѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ СССР. Мы встрѣтились въ частномъ домѣ. Электрическій свѣтъ, падавшій сверху, придавалъ желтоватую окраску цвѣту лица человѣка съ черной бородой и ярко-красными губами. Скуластое лицо, широкій лобъ и могучій затылокъ, нѣсколько узкіе глаза — типичная славянско-монгольская помѣсь средней и восточной Россіи. Говорилъ Александръ Павловичъ мало, но слушалъ съ большимъ вниманіемъ и очень умѣло. Просилъ иногда кое-что пояснить, и опять слушалъ, внимательно вглядываясь въ собесѣдника. Иногда прищуривалъ глаза, и тогда на лбу появлялась рѣзкая складка, какъ-бы опредѣляющая напряженность вниманія.

Мы встрѣчались затѣмъ часто, въ разныхъ мѣстахъ. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ мы видѣлись регулярно, сидѣли мы рядомъ, и часто, слушая кого-либо изъ говорившихъ, А. П. наклонялся ко мнѣ и спрашивалъ:

— А когда о дѣлѣ будетъ рѣчь?

Въ этой фразѣ былъ весь Кутеповъ. Онъ былъ человѣкъ дѣла. Его родили война и революція. Обычный офицеръ, которыхъ тысячи были

до войны, онъ выдвинулся изъ рядовъ этихъ тысячъ своимъ ощущеніемъ подлинной жизни, уразумѣніемъ необходимости дѣла, порабощеннаго легкой и хлесткой фразой. Человѣкъ средняго круга, среднихъ знаній, онъ презиралъ слово, за которымъ нѣтъ дѣла. Но если вѣра безъ дѣла мертва есть, какъ презрѣнно слово, за которымъ нѣтъ дѣла!.. Революція, породившая столько хорошихъ словъ, не умѣла подкрѣпить ихъ дѣломъ. Въ этомъ и была гибель ея, ибо она ничего не могла сотворить.

Вотъ почему соціологически А. П. Кутеповъ и былъ настоящимъ революціонеромъ. Онъ не былъ зараженъ предразсудками отжившихъ поколѣній. По происхожденію онъ былъ человѣкъ простой и для него прерогативы высшихъ классовъ являлись запоздалымъ отзвукомъ изъ чуждаго ему міра. Потому А. П. и былъ настоящимъ, въ хорошемъ смыслѣ, — демократомъ. Это сказывалось не только въ его внѣшности, въ его манерѣ быть со всѣми одинаково простымъ, но — что гораздо важнѣе — въ мысляхъ, которыми онъ жилъ. Я врядъ-ли ошибусь, сказавъ, что кругъ идей А. П. расширялся все болѣе, по мѣрѣ хода событій, съ ними въ соотвѣтствіи. Онъ слушалъ, разспрашивалъ, учился. Неизмѣнно, при всякомъ свиданіи послѣ конца дѣловой бесѣды, А. П. Кутеповъ начиналъ разговоръ на общія темы. Его интересовали политическія группировки Франціи, природа фашизма, устойчивость германскаго соціальнаго порядка, экономическая сопротивляемость Англіи, достоинства и недостатки мажоритарной системы, бельгійская конституція, національный вопросъ.

Все это было нужно А. П. не только для пріобрѣтеній знаній. Да, онъ все время учился, усваивалъ съ честностью духовно-дисциплинированнаго человѣка, считая себя ученикомъ въ школѣ безконечно-разнообразной и сложной жизни. Именно, какъ человѣкъ умный, онъ сознавалъ, что знать надо много, но что въ концѣ концовъ и наиболѣе образованный человѣкъ знаетъ очень мало... Но все, что съ такой добросовѣстностью усваивалъ А. П., онъ хотѣлъ пріобрѣсти не для знанія, какъ таковаго, а для возможности употребить эти познанія для нуждъ Россіи.

Только о ней думалъ, только ею и жилъ А. П. Кутеповъ. Не Россіей, какой онъ хотѣлъ бы ее видѣть, а Россіей, независимо отъ строя, который будетъ тамъ послѣ большевиковъ.

Говорили мы какъ-то о монархіи и республикѣ. Кутеповъ положилъ руку на мое плечо:

— Быть можетъ, я и монархистъ. Но я поклянусь на крестѣ, что до послѣдней капли крови буду защищать республику, которая освобо-

дить Россію отъ большевиковъ и дастъ народу свободу. Противъ посягательства на такую республику я буду бороться съ оружіемъ въ рукахъ.

— Даже если ее будутъ свергать монархисты?

— Да, если бы противъ воли народа они захотѣли низвергнуть свободную республику.

Въ другой разъ, покончивъ дѣловую бесѣду, мы долго сидѣли за дружеской бесѣдой. Съ горечью А. П. говорилъ, что такъ называемая демократическая часть эмиграціи мыслитъ его въ образѣ чудища, а между тѣмъ — общность задачи (т. е. освобожденіе Россіи отъ большевиковъ) требуетъ и общности дѣйствій.

— Съ какой радостью, — говорилъ Кутеповъ, — видѣлъ бы я такой комитетъ дѣйствій, членами котораго состояли бы и соціалисты и радикалы всѣхъ оттѣнковъ.

— Но васъ не считаютъ демократомъ. Для демократовъ — вы черносотенецъ.

А. П. Кутеповъ съ горькой улыбкой спросилъ:

— Почему я — настоящій сынъ народа — не демократъ, а какой нибудь князь или бывшій предводитель дворянства — демократъ? Для меня демократія — не теорія, а ощущеніе жизни. Неужели это непонятно?

Съ этимъ вопросомъ и теперь можно обратиться къ «демократамъ» словеснымъ...

Въ 1929 году всталъ вопросъ о сближеніи Кутепова съ евреями. Съ нѣкоторыми общественными дѣятелями-евреями А. П. видѣлся, и тѣ, которые съ нимъ бесѣдовали, послѣ первой же встрѣчи поддавались обоянію той правдивости и честности, что были въ Кутеповѣ основой его природы. Помню, онъ хотѣлъ, чтобы я познакомилъ его съ однимъ виднымъ евреемъ.

— Александръ Павловичъ, евреи, васъ не знающіе, убѣждены, что вы не только антисемитъ, но могли бы устроить и погромъ.

Онъ сидѣлъ подавленный. Потомъ улыбнулся.

— Да, конечно, въ цѣляхъ политической борьбы можно Богъ знаетъ что выдумать о противникѣ. Что вамъ сказать? Когда мы покидали Ростовъ, и начались попытки устроить погромъ, я приказалъ повѣсить зачинщиковъ. Вотъ и все собственно... Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я стоялъ со своими частями, погромовъ не было. На то у меня двѣ причины: армія или населеніе, которыя начинаютъ громить евреевъ, перестаютъ быть арміей и мирнымъ населеніемъ. А государство не можетъ жить безъ

элементарной дисциплины. И я разстрѣляю всякаго, кто вздумалъ бы учинить еврейскій, армянскій или другой какой погромъ. Второе — евреи такіе же граждане Россіи, какъ и другіе. У нихъ иная вѣра, какое мнѣ до того дѣло?

И потомъ, улыбнувшись:

— Да, я не хотѣлъ бы, можетъ быть, чтобы сынъ мой женился на еврейкѣ. Но вѣдь и господину Рабиновичу тоже нежелательно, чтобы его дочь вышла замужъ за Иванова. Это уже — личное дѣло Кутепова и Рабиновича.

Въ этихъ далекихъ отъ теорій замѣчаніяхъ и заявленіяхъ А. П. по разнымъ вопросамъ и былъ весь Кутеповъ съ его здравымъ смысломъ, природнымъ демократизмомъ и суровой честностью. Въ этихъ его трехъ качествахъ и была сила его воздѣйствія на людей, въ этомъ былъ секретъ его успѣха.

А. П. не искалъ популярности, она сама пришла къ нему. По какимъ причинамъ? Почему въ Кутепова и Кутепову вѣрили, какъ вѣрятъ въ могучую крѣпость? Да потому, что онъ самъ по себѣ являлся как-бы крѣпостью, въ которой могъ укрыться всякій честный человѣкъ. Простой служитель Россіи, — Кутеповъ привлекалъ къ себѣ чистой преданностью дѣлу, которому служилъ, честностью своихъ мыслей и поступковъ. И еще потому, что — какъ я говорилъ тоже — лучше тысячъ другихъ людей онъ ощущалъ творящуюся революцію.

Свержeніе большевиковъ есть одна изъ послѣдовательныхъ и послѣднихъ дѣлъ русской революціи. Лѣвыя политическія группировки, до 1918 года считавшія революцію своей монополіей, отказались отъ революціонной борьбы противъ большевиковъ. Не будемъ объяснять, въ виду какихъ причинъ это произошло, — ограничимся установленіемъ факта. И потому борьба противъ поработителей Россіи естественно переводилась къ другимъ политическимъ группировкамъ, къ инымъ соціальнымъ и культурнымъ группамъ. Здѣсь—въ эмиграціи — это группы правыя, въ большинствѣ — реакціонныя. А. П. Кутеповъ, будучи человѣкомъ умѣренно-правыхъ политическихъ убѣжденій, въ соціальномъ вопросѣ былъ лѣвымъ. Чужой и враждебной была ему идея имущественной реставраціи. Да и свои политическія возрѣнія онъ подчинялъ волѣ народа, твердо заявляя, что только русскому народу принадлежитъ право опредѣленія формы правленія. Вотъ почему, не принадлежа къ бывшему привиллегированному классу, Кутеповъ и могъ удовлетворить политическія и соціальныя пожеланія того революціоннаго большинства молодежи (военной — въ массѣ своей), что сильно въ эмиграціи.

Приведу любопытный фактъ. Для полученія свѣдѣній о русскихъ настроеніяхъ и одновременно для установленія связи А. П. посылалъ въ Россію курьеровъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ. Это были люди новой формаціи. Съ одной стороны, — типичные военные изъ молодежи, прошедшіе школу великой и гражданской войны, сильные духомъ, внутренно-дисциплинированные, прямо смотрящіе въ глаза смерти и готовые претерпѣть любую муку. Съ другой, — жизнь заставила ихъ пройти политическую школу, много обдумать, перечувствовать, и искренняя любовь къ Россіи привела къ тому, что люди эти добровольно отказались отъ мысли о возвратѣ къ былымъ прерогативамъ отцовъ и дѣдовъ. Въ нихъ не было поэтому никакой партійности. А. П. Кутеповъ тщательно избиралъ посланцевъ и требовалъ отъ нихъ многихъ качествъ. Этимъ избраннымъ людямъ онъ вѣрилъ и не только вѣрилъ, но любилъ ихъ съ суровой отцовской нѣжностью. Онъ безпокоился и страдалъ за каждаго курьера, задержавшагося въ Россіи. И многое можно было бы разсказать объ этой сторонѣ жизни А. П... но еще не наступило время.

Получилъ я какъ-то записку отъ А. П. Кутепова, что придетъ ко мнѣ X. — «основательно поговорите, поразспросите». Явился человѣкъ лѣтъ 35, свѣтлоглазый, спокойный. Часа полтора разсказывалъ о Россіи, о встрѣчахъ съ людьми, о впечатлѣніяхъ. Поѣхалъ онъ туда ярымъ монархистомъ. Пробывъ долгое время въ СССР — возвратился съ иными настроеніями. Въ тотъ же день вечеромъ, при свиданіи съ А. П., я спросилъ его, какъ относится онъ къ впечатлѣніямъ X.

— Очень радъ правдѣ. Такъ я и мыслилъ тамошнія настроенія. Имущественная реставрація — опасный бредъ! Что же до «легитимистскаго» движенія въ Зарубежьи — не стоитъ о томъ и говорить: это не серьезно.

Я привелъ этотъ случай, чтобы было понятно, почему нѣкоторые крайніе монархисты относились враждебно къ Кутепову. Они подкидывали ему чужія ошибки, обвиняли его въ нелѣпыхъ «преступленіяхъ». Даже исторія пресловутаго «треста», въ которой Кутеповъ былъ не при чемъ, была ему подкинута. А между тѣмъ, именно А. П. энергично принялся за ликвидацію отношеній съ «трестомъ», лишь только къ нему перешло дѣло сношеній съ СССР. Но онъ не опровергалъ клеветниковъ, не хотѣлъ выносить на улицу дѣла, правда о которомъ будетъ сказана въ свое время.

Въ этомъ-то простомъ, умномъ, твердомъ и благородномъ человѣкѣ большевики справедливо видѣли страшнаго для себя врага. На отдаленіи они чувствовали въ немъ опасность для себя. Они не могли не

знать, что вокругъ А. П. Кутепова все больше группируются дѣйственныя общественныя силы. Не могли они не знать, что съ СССР у А. П. установились прочныя, постепенно расширяющіяся связи, со дня на день крѣпнущія. Тамъ — въ Россіи, гдѣ всѣ одинаково мечтаютъ объ избавленіи отъ большевиковъ, — имя Кутепова дѣлалось знаменемъ борьбы за свободу и освобожденіе отъ тираніи. Этого человѣка и необходимо было большевикамъ устранить...

Онъ поѣхалъ въ Берлинъ, куда его настойчиво звали люди, пріѣхавшіе изъ СССР. Въ день отъѣзда Кутепова изъ Берлина—какъ было условлено — я выѣхалъ въ Берлинъ для свиданія съ тѣми же людьми. Я до сихъ поръ не знаю, какова была истинная роль людей, съ которыми мы имѣли сношенія въ теченіе двухъ лѣтъ. Нѣтъ у меня данныхъ говорить о нихъ худо, нѣтъ матеріаловъ и для защиты ихъ. Но, какъ ко всѣмъ, пріѣзжавшимъ изъ СССР и завязывавшимъ съ нами сношенія, и къ этимъ людямъ мы относились съ большой осторожностью. Кутеповъ неизмѣнно говорилъ: «Будемъ держать ихъ на мушкѣ».

Бесѣда А. П. въ Берлинѣ съ посланцами изъ Россіи осталась тайной для насъ. Мои бесѣды съ этими людьми пока еще разглашенію не подлежатъ. Вѣроятно, и у А. П. Кутепова и у меня разговоры съ посланцами касались однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Изъ этихъ бесѣдъ я твердо усвоилъ лишь одно: имя Кутепова — дѣйствительно — было въ СССР популярно. Въ немъ видѣли человѣка желѣзной воли, огромной честности, правдиво-усвоившаго уроки исторіи, не страдающаго предразсудками. Ему — быть можетъ — и предстояло сыграть крупную роль въ освобожденіи Россіи отъ большевиковъ. И потому исчезновеніе А. П. Кутепова явилось такимъ тяжелымъ ударомъ всего прежде — для Россіи.

И теперь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ со времени исчезновенія А. П. Кутепова, когда Россія вымираетъ и гибнетъ отъ насилія, съ мучительной остротой стоитъ предъ нами вопросъ о необходимости продолжать дѣло Кутепова. Само это дѣло выдвинетъ, конечно, и достойнаго замѣстителя А. П. Кутепову, преемственно творящаго большое и единственно важное дѣло. Въ этомъ выразилась бы благодарственная память А. П. за имъ сдѣланное, въ этомъ выразилась бы подлинная любовь къ несчастной нашей землѣ.

Петръ Рысcъ.

⁂

Я, какъ и всѣ русскіе бѣженцы, знакомъ былъ заочно съ личностью Александра Павловича Кутепова еще въ Галлипольскіе дни. Фигура Кутепова намъ всѣмъ представлялась легендарной. Его огромный организаторскій талантъ, его абсолютное умѣніе влiять на массы арміи, всеобщее къ нему уваженіе офицерскаго состава, дисциплина, въ которой онъ держалъ въ тяжелыя Галлипольскія минуты много десятковъ тысячъ человѣкъ, — все это окружало имя Кутепова особымъ обояніемъ, и въ умахъ у насъ, бѣженцевъ, дѣлало его русскимъ національнымъ героемъ, и много изъ нашихъ надеждъ было связано съ упованіями на дѣятельность и бдительность генерала Кутепова. Легко себѣ поэтому представить, съ какимъ удовольствіемъ я принялъ сообщеніе о томъ, что А. П. Кутеповъ желалъ бы побесѣдовать со мной. Я понялъ, что ген. Кутеповъ хотѣлъ въ бесѣдѣ со мною выяснить нѣкоторыя отношенія, входящія въ понятіе такъ называемаго еврейскаго вопроса. Свиданіе наше состоялось. Ген. Кутеповъ сдѣлалъ мнѣ честь принять мое предложеніе позавтракать вмѣстѣ съ нимъ. Я въ первый разъ тогда увидѣлъ Кутепова. Меня поразила, если можно такъ выразиться, простота его фигуры, — его движенія, манера говорить, свойственная ему легкая жестикуляція — все обнаруживало чисто русскую мощную фигуру, а глаза его свидѣтельствовали о той внутренней энергіи, которой онъ былъ преисполненъ. Я уже изъ свѣдѣній, доходившихъ до меня раньше, зналъ, что Кутеповъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ военачальниковъ, которые имѣли и желаніе и силу удерживать войсковыя части отъ проявленія разгула въ видѣ еврейскихъ погромовъ и насилій надъ отдѣльными личностями, характеризовавшихъ время начавшагося развала Добровольческой Арміи, и что въ частяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ властнымъ вліяніемъ Александра Павловича, не творилось того безобразія, которымъ, къ несчастью, ознаменовывалось нахожденіе частей Добровольческой Арміи въ городахъ съ еврейскимъ населеніемъ. Съ самаго начала нашей бесѣды я почувствовалъ, что имѣю передъ собою начальника арміи, которому дорого спасеніе Россіи, но который не желалъ бы, чтобы это спасеніе сопровождалось несчастьями для другихъ, въ частности, для евреевъ. Наша бесѣда касалась прежней политики русскаго правительства по отношенію къ еврейскому населенію въ Россіи и возможной роли его въ государственномъ строительствѣ обновленной родины постольку, поскольку на нашу политику будетъ влiять начальникъ арміи, признанный, по нашему представленію участвовать, если не въ уничтоженіи ордъ большевиковъ, то, по крайней мѣрѣ, въ установленіи порядка въ томъ хаосѣ, который, къ сожалѣнію, неминуемо бу-

детъ сопровождать переходъ отъ большевицкаго режима до сильной правильной и демократической государственной власти въ Россіи. Невольно приходилось касаться и общихъ взглядовъ на будущее Россіи. На меня особенно произвело впечатлѣніе пониманія «абсолюта» Россіи у генерала Кутепова. Россія, независимо отъ режима, независимо отъ соціальнаго строя, была для Кутепова — понятіе самодовлѣющее, но не совмѣстимое съ господствомъ большевиковъ, уничтожающимъ самую сущность Россіи, да и вообще всякаго нормальнаго, построеннаго на разумныхъ моральныхъ основаніяхъ человѣческаго общежитія. Россія и большевики, человѣчество и коммунистическая банда были, какъ мнѣ понималось, въ умѣ Кутепова понятіями несовмѣстимыми. Но онъ отлично понималъ Россію монархическую, Россію демократическую, республиканскую, со строемъ капиталистическимъ или въ видѣ исправленнаго капитализма на началахъ этики. Это все совмѣщалось въ міросозерцаніи Кутепова, ибо во всѣхъ этихъ видахъ имѣлась «Россія», имѣлся русскій народъ, который долженъ творить свою исторію свободно, разумно и справедливо. Такое пониманіе Россіи не мирилось — и это было ясное впечатлѣніе, полученное мною изъ бесѣды съ Кутеповымъ, повторенной еще пару разъ, — съ установленіемъ политическаго и соціальнаго неравенства между частями населенія Россіи. Въ его представленіи, мнѣ казалось, всѣ элементы этого населенія въ совокупности представляли русскій народъ, который издавна умѣлъ совмѣщать и индивидуальности національныя съ общимъ россійскимъ гражданскимъ состояніемъ, творимымъ общей любовью къ Россіи, какъ таковой, и преданностью идеѣ великодержавія Россіи и создавшейся при немъ русской культурѣ, не уничтожавшей и не стремившейся уничтожить отдѣльныя національныя культуры въ ихъ проявленіяхъ, не противорѣчащихъ общерусской культурѣ. По моему убѣжденію, А. П. Кутеповъ оцѣнивалъ ту роль, которую евреи могутъ играть въ обновленной Россіи и въ строительствѣ ея экономической жизни. Само собою разумѣется, что въ представленіи Кутепва не могло быть мѣста идеѣ мести, идеѣ насилій, идеѣ еврейскихъ погромовъ и т. п. печальныхъ проявленій народной тьмы, сгущенной вслѣдствіе губительнаго, высасывающаго духъ большевицкаго режима.

У меня до сихъ поръ осталась вѣра, что если бы Кутепову удалось осуществить свои намѣренія, и Россія была бы очищена отъ наноснаго зла большевизма, что имѣя во главѣ такого начальника, какъ Кутеповъ, армія послужила бы вѣрнымъ оплотомъ для возстановленія порядка и укрѣпленія новаго режима, согласнаго съ народной волей, обезпеченіемъ съ ея стороны права и справедливости.

Легко понять то горестное чувство, которое охватило меня и моихъ единовѣрцевъ-единомышленниковъ при извѣстіи о несчастьѣ, постигшемъ Кутепова, память о которомъ лично я буду всегда сохранять.

Г. Слiозбергъ.

⁂

Если прослѣдить, хотя бы и поверхностнымъ образомъ, за карьерой генерала А. П. Кутепова, сразу станетъ ясно, что слово «карьера» ему никакъ не подходитъ.

Это было удивительное служеніе Родинѣ, и онъ несъ это служеніе съ удивительной скромностью и жертвенностью.

Это не была какая либо нарочито подчеркнутая скромность, про которую можно сказать, что она «паче гордости», а именно проникнутое чувствомъ долга служеніе.

Кутеповъ былъ не только доблестнымъ военнымъ и дисциплинированнымъ исполнителемъ, онъ въ Парижѣ сталъ глубоко интересоваться серьезной политикой. Политиканство и игра въ политику нашей эмигрантской среды оставляли его совершенно холоднымъ даже до презрѣнія, но крупные міровые вопросы стали захватывать его все сильнѣе.

Никогда не забуду одного нашего разговора съ нимъ на улицѣ Руссле, печальной памяти, послѣ большой угольной забастовки въ Англіи въ 1925 или въ 1926 году.

Онъ очень четко охарактеризовалъ все это забастовочное движеніе не только какъ движеніе, являвшееся изъ нѣдръ коммунистическихъ и III Интернаціонала, но и какъ плодъ работы другого интернаціонала капиталистическаго, которому, по нѣкоторымъ соображеніямъ, нужно было ослабить Англію.

И 1926 и до моего отъѣзда въ 1928 году, я часто бывалъ у ген. Кутепова и каждый разъ мнѣ казалось, что я вижу новаго преображеннаго Кутепова, не только воина, но и человѣка, прекрасно разбирающагося въ политикѣ и въ политическихъ теченіяхъ.

Нѣсколько банкетовъ, устроенныхъ въ честь него въ Парижѣ, въ Прагѣ, въ Бѣлградѣ сразу выдвинули его въ самый первый рядъ эмиграціи, несмотря на то, что онъ самъ абсолютно ничего не сдѣлалъ для этого.

Очевидно такое стремительное восхожденіе въ глазахъ эмиграціи «новаго» Кутепова не могло не заставить большевиковъ все свое вниманіе направить противъ него.

Объ этой опасности его друзья, къ которымъ я себя смѣю причислить, не разъ ему говорили, но онъ отбрасывалъ эти разсужденія, какъ ничего не стоющія.

Однажды я встрѣтилъ внизу на его лѣстницѣ какого то неизвѣстнаго русскаго, который заявилъ мнѣ, что ген. Кутепова дома нѣтъ. Было 8 1/2 часовъ утра, и генералъ мнѣ назначилъ этотъ часъ.

Не обращая вниманія на этого человѣка, я поднялся къ ген. Кутепову, засталъ его и немедленно доложилъ ему объ этой странной встрѣчѣ. Генералъ послалъ своего вѣстового Федора, но онъ на лѣстницѣ уже никого не засталъ.

Въ другой разъ я доложилъ А. П., что я замѣтилъ, что, когда, уходя отъ него, я захожу въ «бистро» на углу, за мной часто до самаго моего дома слѣдитъ какой то человѣкъ.

Я думалъ, что это сыщикъ, но А. П. заявилъ, что это не сыщики, т. к. онъ отказался отъ ихъ услугъ, а очевидно агентъ большевиковъ.

Онъ даже предложилъ мнѣ пройти въ кафэ на углу улицы Севръ изъ его дома и сѣсть тамъ.

Вы увидите, сказалъ онъ, что немедленно противъ васъ появится типъ, который будетъ слѣдить за вами до самаго вашего дома.

Вышло все такъ, какъ говорилъ мнѣ А. П.

На мои слова, что онъ не долженъ такъ рисковать собою, и что онъ долженъ былъ бы имѣть какую нибудь охрану, А. П. отвѣтилъ мнѣ, что для этого у Союза денегъ вовсе нѣтъ.

Если я заведу себѣ охрану, говорилъ онъ, то этотъ человѣкъ будетъ рисковать, значитъ нужно обезпечить его и его семью, если она у него есть, а на это у насъ денегъ не хватитъ.

Дѣйствительно, ген. Кутеповъ все бралъ на себя — и работу и опасность, связанную съ ней.

Онъ иногда ѣздилъ въ далекія путешествія совершенно одинъ и при этомъ старался, чтобы эти путешествія стоили какъ можно меньше О. В. С.

Скромнѣе жить, чѣмъ жилъ А. П. было невозможно, но когда онъ могъ помочь, никогда съ его стороны отказа не было, въ чемъ я самъ не разъ могъ убѣдиться.

Онъ прекрасно понималъ, что ему грозитъ опасность, онъ вовсе не бравировалъ ею; но такъ нужно было, а разъ онъ долженъ былъ, то всѣ соображенія объ опасности отходили на далекій задній планъ.

Такъ жилъ и работалъ подъ постоянной угрозой этотъ удивительный человѣкъ.

⁂

Мнѣ еще разъ хочется вернуться къ тому Кутепову, который такъ живъ въ моихъ воспоминаніяхъ, и котораго, къ сожалѣнію, такъ мало знали.

Кутеповъ не начальникъ и исполнитель, а Кутеповъ тонкій организаторъ и провидецъ.

Всѣмъ извѣстно, на какіе гроши приходилось ему работать въ дѣлѣ борьбы съ СССР и его агентами, снабженными колоссальными, по сравненію, средствами, а между тѣмъ никогда его энергія не падала, несмотря на то, что положеніе Р. О. В. С. было очень тяжелымъ. Весной 1928 года умеръ ген. Врангель, и вся тягость работы легла на ген. Кутепова. Въ самомъ концѣ того же года скончался и Великій Князь.

Вся отвѣтственность оказалась на плечахъ этого чудо-богатыря и на его помощникахъ.

За этой частью дѣятельности ген. Кутепова я могъ слѣдить только издалека, изъ Шанхая, но мы, знавшіе его и гордившіеся его дружескимъ отношеніемъ къ намъ, знали, что у него было вліяніе, которое распространялось на далекое разстояніе, какъ и теперь, послѣ гибели его, оно чувствуется въ каждомъ изъ насъ.

Ни на одно мгновеніе онъ не растерялся и, навѣрное, вся работа его и внутренняя, а главнымъ образомъ внѣшняя, продолжалась все въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ, но тѣмъ же ходомъ.

Тутъ я позволю себѣ напомнить одинъ фактъ, характерный для Кутепова, который можетъ быть мало извѣстенъ.

Въ 1927 или 26 году онъ лѣтомъ жилъ въ Фонтенебло. Передъ отъѣздомъ своей семьи на зимнія квартиры въ Парижъ, Кутеповъ рѣшилъ себя провѣрить физически.

Безъ всякой подготовки онъ въ одно прекрасное утро вышелъ изъ Фонтэнебло, отстоящее въ пятидесяти километрахъ отъ Парижа, и идя установленнымъ ходомъ, съ обязательными остановками для передышекъ и отдыха, такъ и пришелъ пѣшкомъ въ Парижъ, что то между 3 и 4 часами дня.

Объ этомъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, когда мы съ нимъ возвращались изъ Шуаньи, гдѣ была резиденція Великаго Князя, въ которую имѣлъ честь быть я приглашенъ по настоянію ген. Кутепова, т. к. Великій Князь не долюбливалъ журналистовъ.

Во время показательнаго похода нѣсколько автомобилистовъ предлагали А. П. Кутепову подвезти его. Онъ не походилъ на спортсмена или на прогуливающагося человѣка и этимъ привлекалъ къ себѣ вниманіе.

Это небольшой образчикъ отношенія къ самому себѣ Александра Павловича.

***

Въ 1927 г. я ѣздилъ по порученію газ. «Возрожденіе» въ Прибалтику, откуда далъ рядъ корреспонденцій.

Передъ отъѣздомъ я спросилъ ген. Кутепова, который всегда былъ въ курсѣ всѣхъ моихъ начинаній со временъ Добровольчества, не могу ли я быть ему полезнымъ. Онъ ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ, но въ Ригѣ у меня произошла неожиданная встрѣча съ двумя молодыми людьми, которые передали мнѣ кое-какія очень невинныя книги для передачи А. П.

По возвращеніи въ Парижъ я немедленно явился къ нему и былъ немало удивленъ, узнавъ, что его нѣтъ въ Парижѣ. Ген. Кутеповъ въ это время былъ недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, откуда я только что пріѣхалъ, и былъ онъ тамъ, какъ всегда одинъ и безо всякаго шума.

Набрасывая эти обрывки воспоминаній, я хочу подчеркнуть широту мысли и работы А. П. Кутепова, котораго люди въ шорахъ хотятъ изобразить какъ какого-то обскуранта безъ всякаго размаха и инціативы.

Нѣтъ, именно въ томъ, что въ Кутеповѣ чуть ли не съ каждымъ днемъ выростали новыя возможности, большевики своимъ звѣринымъ чутьемъ и учуяли для себя страшную опасность.

Его безстрашіе и удивительная разносторонность позволяли ему быть много ближе къ большевикамъ и къ Красной арміи, чѣмъ объ этомъ

думали самые тонкіе спеціалисты изъ ихъ контръ-развѣдки. Кутеповъ просто начиналъ доминировать надъ большевицкими *возможностями* и съ большимъ успѣхомъ собиралъ вокругъ себя русскую эмиграцію.

Бороться съ нимъ его оружіемъ большевики не могли и рѣшились на страшный шагъ, очевидно съ большой неохотой.

Сорвись это преступное дѣло, и отношеніе Франціи къ большевикамъ было-бы совершенно другимъ, чѣмъ теперь. Только тяжкія совпаденія обстоятельствъ и недостаточно энергичное веденіе слѣдствія спасли большевиковъ.

Месть, по мудрому французскому выраженію, такое блюдо, которое нужно всегда подавать холоднымъ, и это блюдо, конечно, не забыто и будетъ подано въ нужное время, такъ какъ мы не забудемъ нашего Чудо-Богатыря Александра Павловича Кутепова.

Бор. Суворинъ.

Слуга Россіи

(Слово, произнесенное 28 января 1934 г. въ Парижѣ на торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти генерала Кутепова).

Кажется, чуть ли не черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я попалъ въ Добровольческую армію, еще до зачисленія въ одинъ изъ полковъ 1-го корпуса, я услышалъ имя ген. Кутепова. Но увидалъ я его въ первый разъ только въ іюнѣ 1920 года, въ одномъ изъ нѣмецкихъ поселковъ въ Тавріи, въ которомъ въ этотъ день находился штабъ корпуса.

Было воскресеніе. И въ саду того дома, гдѣ остановился ген. Кутеповъ, шла церковная служба. Небольшой столъ, покрытый бѣлой скатертью, съ образомъ, Евангеліемъ и крестомъ стоялъ среди деревьевъ. Легкій кадильный дымъ, тонкими струйками клубясь, поднимался къ небу. Позднее утро было уже жаркое, но тихое и ясное, и лишь изрѣдка набѣгалъ легкій теплый вѣтерокъ, чуть колебля листья деревьевъ и простые садовые деревенскіе цвѣты. И, какъ всегда это бываетъ, когда церковная служба происходитъ на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, она произво-

дила какое-то особенное и волнующее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное впечатлѣніе.

Немного впереди небольшой группы офицеровъ и солдатъ штаба стоялъ коренастый, средняго роста брюнетъ. Онъ стоялъ все время почти совсѣмъ неподвижно, *не переступая съ ноги на ногу и не мѣняя позы*, какъ будто вросъ въ землю, и со стороны могло показаться, что это стоитъ солдатъ передъ своимъ начальникомъ... Я не могъ съ того мѣста, гдѣ стоялъ, разглядѣть погоны этого офицера и не зналъ тогда, какой изъ себя ген. Кутеповъ, но какъ-то сразу догадался, *кто это, и понялъ*, что это именно онъ. Между его внѣшнимъ обликомъ и тѣмъ, что разсказывали, и что я слышалъ о немъ, объ этомъ становомъ хребтѣ Добровольческой арміи, человѣкѣ непреклонно суровомъ и требовательномъ и къ себѣ и къ другимъ, не знавшемъ ни колебаній ни страха — *явно было* нѣчто общее.

Не только у «нихъ», но и у насъ много осталось отъ предшествующей, предреволюціонной эпохи, когда ядовитые, сладко-влекущіе и душные ароматы, исходившіе *отъ своеобразной и уродливой смѣси* Блока, Соллогуба и Кузьмина съ Вертинскимъ («По вечерамъ, надъ ресторанами»—«Ваши пальцы пахнутъ ладаномъ »), разслабляли, отравляли и разлагали русскую молодежь. Но въ этомъ человѣкѣ — это я увидалъ съ перваго взгляда — *не было* ни грана отъ этой *современной* ему удушливой смѣси — отравы. Его не коснулись никакія «Навьи чары». (Никто не осудитъ тѣхъ, чьи нервы не выдерживали гражданской войны, но онъ — думалось мнѣ — ужъ навѣрно и ведетъ и идетъ въ бой... безъ кокаина. Всепоглащающая стихія этого человѣка — долгъ). Но кто же онъ? Обломокъ стараго? «Древнихъ ратей воинъ отсталый»? Нѣтъ, это представитель той служилой Россіи, которая дожила до самаго конца, и сейчасъ вновь, какъ уже много разъ, опять борется, борется изъ послѣднихъ силъ съ залившей Россію распутной стихіей смуты... Вотъ съ такими мыслями шелъ я къ себѣ на «квартиру» въ іюнѣ 1920 года.

Послѣ этой первой встрѣчи прошло много лѣтъ. За эти прошедшіе годы я сблизился со многими хорошо знавшими Александра Павловича и близкими ему людьми, внимательно слѣдилъ за его *«зарубежнымъ путемъ»* (Галлиполи — Болгарія — Югославія — Франція), съ радостью узналъ о томъ, что онъ приступилъ къ работѣ у В. Кн. Николая Николаевича, но познакомиться пришлось только въ январѣ 1927 года. А въ августѣ того же года, пріѣхавъ въ Парижъ, я зашелъ къ А. П., чтобы передать ему дѣловое письмо, а онъ, — имѣя представленіе не только о моихъ взглядахъ, которые къ тому времени я успѣлъ уже много разъ высказать, но и обо мнѣ, какъ о другѣ его друзей, попросилъ меня зайти

къ нему на другой день, и нашъ разговоръ затянулся на много часовъ. Припоминаю, что я началъ его съ того, что еще въ январѣ 1921 года я говорилъ одному видному общественному дѣятелю (и нынѣ здравствующему) о необходимости быстраго и рѣшительнаго перестроенія съ армейской борьбы на революціонную, перестроенія и психологическаго и техническаго... И въ отвѣтъ на это Кутеповъ разсказалъ мнѣ о своихъ новыхъ для него и для всего его прошлаго мысляхъ и настроеніяхъ въ періодъ между Галлиполи и Парижемъ и о томъ, что привело его къ неотвратимому убѣжденію въ необходимости его работы, иллюстрируя свои мысли разсказомъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто уже въ 1925, 1926 и 1927 годахъ... Этотъ чрезвычайно откровенный и значительный для меня разговоръ произвелъ на меня огромное впечатлѣніе и имѣлъ для меня очень большія (политически) послѣдствія, окончательно и безповоротно укрѣпивъ меня въ моихъ взглядахъ. И, кажется, въ тотъ же день, придя отъ А. П. домой, весь еще подъ впечатлѣніемъ того, что и какъ онъ мнѣ разсказалъ, я написалъ короткую статью для № 1 газеты «Россія», которую только что сталъ тогда издавать П. Б. Струве. И въ ней я въ сущности мысленно обращался и къ самому Кутепову и къ людямъ, безгранично ему вѣрившимъ и безконечно ему дорогимъ. Въ полной мѣрѣ соотвѣтствуя взглядамъ редактора «Россіи», статья эта была мной и соотвѣтственно озаглавлена.

Вотъ эта статья цѣликомъ:

«Наше первое слово.

Задача все та же, неизбывная, вдохновляющая, безмѣрно трудная и упоительная: вернуть Родинѣ свободу, а себѣ — Родину! Пусть господа «эволюціонисты», всѣ эти «успокоители» снисходительно и поносительно зовутъ насъ «берсеркерами» и «маніаками». Мы принимаемъ эти «прозвища», мы не уклоняемся отъ нихъ и ихъ не стыдимся.

Да, мы «маніаки». Ибо трепещетъ душа и сердце наполняется острой радостью, когда человѣка охватываетъ «манія» освобожденія Родины.

И попрежнему, неустанно, мы будемъ твердить, что для каждаго русскаго, не потерявшаго совѣсти и разума, только это, въ мѣру его силъ и возможностей, — есть подлинная и достойная задача.

Только это, и — ничего больше.

Не отвлекая вниманія зарубежными пустяками и политическими второстепенностями, прямо глядя впередъ, не озираясь по сторонамъ, мы попрежнему взываемъ и зовемъ къ дѣлу борьбы и объединенія въ цѣляхъ борьбы.

И вотъ, поэтому то наше первое слово — ко всѣмъ тѣмъ, кто здѣсь и тамъ эту борьбу ведетъ, къ тѣмъ, кто сурово и крѣпко сжимаетъ рукоятку своего меча, кто зорко и пристально, не отрывающимся взоромъ смотритъ на смертельнаго врага, нанося и готовясь еще нанести ему удары, освобождая и спасая Россію.

Къ нимъ наше первое слово! Пусть они знаютъ, что всѣ русскіе патріоты трепетно чувствуютъ ихъ рядомъ и вмѣстѣ съ собой, что они не одни, не одиноки, что никогда они не будутъ забыты, что вся страдающая, но живая

громада живой и дышащей, разорванной, но единой Россіи: внутренней и зарубежной, любовно смотритъ на нихъ, какъ на своихъ лучшихъ и родныхъ дѣтей и сыновъ, что имена всѣхъ тѣхъ уже прославленныхъ и еще безвѣстныхъ, кто погибъ въ этой борьбѣ за Россію, будутъ нѣкогда записаны воскресшей Россіей въ свои національные святцы.

Къ вамъ — подлинные и безстрашные, борцы и бойцы за Россію — нашъ первый братскій привѣтъ, наши слезы умиленія, восторга и любви, къ вамъ — наше первое слово!»

Этимъ нашимъ основнымъ разговоромъ опредѣлились въ сущности и всѣ послѣдующія отношенія, и имъ, между прочимъ, было вызвано и составленіе мною ряда біографій нашихъ зарубежныхъ героевъ: Захарченко-Шульцъ, Радковича, Болмасова, Петерса, Сольскаго, Соловьева и, наконецъ... біографіи самого Александра Павловича, напечатанной въ № 55 «Россія и Славянство», за полтора мѣсяца до захвата ген. Кутепова его врагами и врагами его Россіи.

Уходя тогда отъ Кутепова, я невольно сравнивалъ свое первое впечатлѣніе, тамъ — въ Тавріи въ 1920 году, съ этимъ — въ Парижѣ въ 1927 г. Былъ ли это другой человѣкъ? Измѣнился ли онъ за эти годы?.. Живые люди не могутъ не мѣняться.

«Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я...»

Я не зналъ его тогда и не могъ поэтому по настоящему сравнивать. Вѣроятно онъ много узналъ для себя новаго, расширилъ свой кругозоръ (онъ, впрочемъ, никогда не былъ у него узокъ!), но врядъ ли по существу измѣнился. Я говорилъ съ человѣкомъ не только яснаго и живого ума и широкихъ, творческихъ патріотическихъ горизонтовъ съ очень опредѣленными вкусами, съ любовью къ нашему историческому прошлому, но безо всякихъ окостенѣлыхъ предвзятостей, но и съ человѣкомъ, за каждымъ словомъ котораго чувствовалось, что у него имѣется не только противобольшевицкое прошлое, но и настоящее. Здѣсь есть дѣло, здѣсь есть дѣйствіе. Кутеповъ это политическая реальность — вотъ что я тогда увидалъ и почувствовалъ, какъ вѣроятно и подавляющее большинство тѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ общеніе. Именно это было главнымъ и основнымъ въ немъ самомъ, и таково же было и впечатлѣніе, которое онъ производилъ. И именно это и показывало, что онъ остался въ существѣ все тѣмъ же, чѣмъ былъ и тогда, ибо и здѣсь за рубежомъ нашелъ дѣйственный выходъ для служенія Россіи, т. е. для продолженія всей своей жизненной линіи. Окопы или баррикады, землянки или

подполье — это только формы, только способы. Цѣль же прежняя и одна. И онъ упорно, твердо и успѣшно служилъ этой цѣли. А они —

Твоя, Господи, враги
И враги Россіи —

отомстили ему, отомстили потому, что ненавидѣли его Россію, ненавидѣли и боялись ея вѣрнаго слугу.

***

Генералъ Кутеповъ былъ человѣкомъ глубоко и до конца традиціоннымъ, онъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ служилой Россіи, но молодость его прошла, какъ разъ въ тѣ страшные годы, которые были наполнены стихіей разрушенія и ожиданіемъ и жаждой катастрофы. Какъ разъ между двумя революціями (1905 и 1917 года) однимъ изъ русскихъ поэтовъ было произнесено страшное и неслыханно-кощунственное заклинаніе, призывавшее гибель:

Исчезни въ пространство, исчезни
Россія, Россія моя...

А уже здѣсь за рубежомъ, совсѣмъ недавно, какъ нѣкое эхо того перваго заклинанія — превкушенія гибели, какъ нѣкое «свершилось» мы услыхали слова, исполненныя какой-то мучительной и терпкой горечи — радости:

Хорошо, что нѣтъ Россіи.

Было бы просто и не трудно отбросить эти неправедныя слова и спокойно и молча пройти мимо, если бы они были произнесены иностранцами *или русскими, Россію разлюбившими. Но горе въ томъ,* что все это гораздо глубже, сложнѣе и хуже: передъ нами тоже «традиція», традиція одержимости и самосжигательства. Изъ личнаго дѣйствія исступленныхъ, во имя спасенія души, она здѣсь перекинулась и расплеснулась въ нѣкую до предѣла расширенную уже обще-національную (по существу антинаціональную) формулу... всего вѣрнѣе ради услады смертнымъ тлѣніемъ. И потому то это умонастроеніе, состояніе и эта стихія гибели и смерти не могутъ быть побѣждены простымъ презрительнымъ отрицаніемъ и отверженіемъ. Нѣтъ. Они требуютъ сознатель-

наго и глубокаго преодолѣнія. Они требуютъ властнаго и соразмѣрно сильнаго противопоставленія и противостоянія. Традиціонной боязни мы должны противопоставить традицію здоровья, сладострастію паденія въ бездну — радость подъема и восхожденія, поэзіи умиранія, смерти и тлѣнія — вѣру въ возрожденіе и воскресеніе, заклинаніямъ одержимыхъ — молитву вѣрующихъ. Бѣсноватый — не бѣсъ, онъ жертва бѣса, одержимый это тотъ, кого «кто-то» держитъ. И если въ Евангеліи сказано «сей же родъ изгоняется только молитвою и постомъ» (Матѳ. 17.21), то и въ отношеніи этой антинаціональной одержимости можно сказать, что «сей родъ» изгоняется тоже только подлиннымъ постомъ, настоящей аскезой служенія, единоустремленностью къ дѣйствію во имя освобожденія и горячей молитвой съ вѣрой, «овеществляющей уповаемое» въ воскресеніе Россіи. И, вотъ, если говорить о нашей поэтической формулѣ, въ противоположность тѣмъ, которыя я привелъ выше, говорить о національной молитвѣ въ противоположность антинаціональнымъ волхованіямъ и заклинаніямъ, то она — эта молитва — была произнесена еще въ первые юношескіе годы Россійской Имперіи тѣмъ отрокомъ, пришедшимъ съ брега студенаго моря, гдѣ мрежи онъ разстилалъ, который выросъ потомъ въ помощника Царей, могучимъ архангельскимъ мужикомъ Ломоносовымъ:

Возстани и ходи,
Возстани и ходи, Россія!

И этой же самой вѣрой, этой же самой бодрой и здоровой стихіей творчества и силы, былъ объятъ всю свою жизнь, до самаго конца, послѣдній командиръ старѣйшаго Петровскаго Преображенскаго полка, своимъ возглавленіемъ его обязанный не роду, а службѣ, и тѣмъ какъ бы замкнувшій кругъ и кончившій тѣмъ, съ чего началась исторія его полка, крѣпкій, какъ будто вырубленный топоромъ изъ стараго дуба, новгородскій дворянинъ — воинъ Кутеповъ.

Это они — мужикъ и воинъ — то сливаясь и переплетаясь въ былинномъ образѣ Ильи Муромца, то какъ бы расходясь и дѣля свою работу, строили и блюли нашу Великую Россію! Это онъ — русскій мужикъ — распахалъ весь безбрежный океанъ русскаго чернозема. А когда приходили враги, когда его поля вновь становились Дикимъ Полемъ, когда приходилось «бросать свою сошку за калиновъ кустъ», вставалъ во весь ростъ съ мечомъ въ рукахъ русскій воинъ крѣпко и непоколебимо на защитѣ Ея рубежей!

Именно этой стихіей, этой старой русской традиціей былъ объятъ всю свою жизнь русскій витязь, русскій воинъ, солдатъ Великой Россіи ген. Кутеповъ. Ей онъ остался до конца вѣренъ — этотъ однолюбъ Россіи — ей онъ принесъ въ жертву и свою жизнь. И думая о его трагической гибели, мы не можемъ не вспомнить тѣхъ замѣчательныхъ словъ Пушкина, которыя онъ вложилъ въ уста жены капитана Миронова, когда она увидала мужа, убитаго Пугачевымъ:

«Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка, не тронули тебя ни штыки прусскіе ни пули турецкія, а сгинулъ ты отъ бѣглаго каторжника».

За тебя, о Россія, принялъ онъ свое мученичество!

⁂

Мы никогда не увидимъ больше Александра Павловича. И на путяхъ ожиданія, ожиданія въ обще-политическомъ смыслѣ и ожиданія его возвращенія къ намъ — мы никогда ни національно ни лично (кто любилъ его) не утѣшимся... Мы можемъ найти это утѣшеніе лишь въ ощущеніи своей внутренней оправданности передъ нимъ, лишь при сознаніи выполненія завѣщанія всей его жизни. А для этого надо воспринять образъ ген. Кутепова, какъ образъ вдохновителя, воскресивъ его въ нашихъ дѣлахъ.

Въ лицѣ незабвеннаго ген. Кутепова мы имѣемъ двойное поученіе и двойное вдохновеніе. Онъ доказалъ намъ, прежде всего, не только всей своей работой, но и своей трагической гибелью, что нѣтъ тѣхъ обстоятельствъ, нѣтъ тѣхъ силъ и нѣтъ тѣхъ преградъ, которыя могли бы помѣшать русскому патріоту, гдѣ бы онъ ни находился, дѣйственно служить Родинѣ. Онъ опровергъ этимъ ту лживую мысль и то пагубное чувствованіе, которыя учатъ и говорятъ, что, уйдя изъ Россіи, мы неизбѣжно вышли изъ борьбы. Онъ доказалъ, что временно оторваться отъ противника, еще не значитъ капитулировать и сдаться на милость побѣдителя! А вмѣстѣ съ тѣмъ, именно благодаря тому, что идейно онъ не былъ ни въ какой мѣрѣ профессіональнымъ революціонеромъ и всю жизнь боролся съ разрушителями Россіи и за историческую Россію, онъ какъ разъ неразрывно связалъ ту традицію служенія, представителемъ которой онъ былъ, съ дѣйственной борьбой, ведущейся изъ за рубежа съ врагами Россіи за ея освобожденіе. Командиръ Гвардейскаго полка, одинъ изъ Вождей Бѣлаго Движенія, офицеръ, военный прежде всего — сталъ на путь революціонный по тактикѣ... Размѣры его личности, его вліяніе, его связи съ соратниками, его личное обояніе дѣлали этотъ фактъ не лич-

нымъ эпизодомъ, а нѣкоторымъ символическимъ актомъ. Подъ новыя для бѣлыхъ формы подводился старый патріотически-служилый фундаментъ.

Таково это двойное поученіе и двойной вдохновляющій примѣръ (1— борьба возможна, борьба продолжается, 2 — новыя формы — старыя цѣли) этого вѣрнѣйшаго сына Россіи, 26 лѣтъ своей трагически короткой жизни отдавшаго Ей на служеніе, незабвеннаго и перваго героя Русскаго Зарубежья — генерала Александра Павловича Кутепова.

Н. Цуриковъ.

Александръ Павловичъ Кутеповъ

Всѣ мои воспоминанія объ Александрѣ Павловичѣ Кутеповѣ всегда выдвигаютъ передо мною цѣльный образъ русскаго солдата въ лучшемъ смыслѣ этого слова — вѣрнаго своему долгу, беззавѣтно храбраго и любящаго родину, за которую онъ всегда готовъ положить животъ. Такимъ я его зналъ въ славные дни Добровольческой эпопеи на югѣ Россіи, такимъ рисуютъ его всѣ *разсказы о галлиполійскомъ возрожденіи выброшенныхъ* на этотъ почти пустынный полуостровъ частей эвакуированной изъ Крыма Добровольческой арміи, которымъ грозило разложеніе, такимъ мы знали его всѣ за рубежомъ. Твердый въ словѣ и дѣлѣ, хорошій организаторъ, всецѣло отдавшійся благородной идеѣ борьбы съ поработителями родины, Александръ Павловичъ безпрерывно ведетъ работу по связи съ Россіей, шлетъ туда своихъ эмиссаровъ, входитъ въ сношеніе съ прибывающими изъ Россіи и достигаетъ результатовъ, которые испугали совѣтскую власть и заставили ее искать путей къ устраненію становящагося все болѣе опаснымъ противника. Честному, прямолинейному русскому воину приходится дѣйствовать въ тяжкой и непривычной для него обстановкѣ подполья, провокаціи и разложенія, вносимаго большевизмомъ и въ эмигрантскую среду. Съ той чрезмѣрною довѣрчивостью, какая вытекала изъ лучшихъ черть характера генерала-солдата, борьба съ совершенно безпринципнымъ, безсовѣстнымъ и наглымъ врагомъ была крайне затруднена, не говоря уже объ отсутствіи достаточныхъ для веденія ея матеріальныхъ средствъ. Приходилось съ нич-

тожными средствами бороться съ врагомъ, который завладѣлъ всѣмъ достояніемъ Россіи, и которому по безумію своему весь міръ помогаетъ и матеріально и морально. Врагъ одолѣлъ, и одинъ изъ выдающихся русскихъ людей былъ снятъ со своего славнаго поста. Но эта подлая побѣда борьбы не остановила. Она продолжается и въ самой Россіи и за рубежомъ и закончится однимъ — свержeніемъ коммунистическаго ига, а имя Александра Павловича Кутепова впишется въ русскую исторію, какъ имя одного изъ лучшихъ и вѣрныхъ сыновъ Россіи.

Михаилъ Өедоровъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Добровольческая армія.

Эвакуація.

Галлиполи.

Зарубежье.

ОТДѢЛЪ III.

Оцѣнки и характеристики.
